

М Е М У А Р Ы
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА

- I. МАРАТ—ПИСЬМА
II. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПРОВИНЦИИ
И НА ФРОНТЕ

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
В ПРОВИНЦИИ И НА ФРОНТЕ

ДОНЕСЕНИЯ КОМИССАРОВ КОНВЕНТА)

ПЕРЕВОД М. В. БЕРДОНОВОЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИ-
СЛОВИЕМ А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Собрание донесений, предлагаемое вниманию читателя, представляет выборку из восьми первых томов известного издания Олара "Recueil des actes du Comite de Saint Public avec la correspondance officielle des representants en mission et le registre du Conseil Executif Provisoire, publie par F.A.Aulard". Первый том вышел в 1889 г. В настоящее время ожидается выход XXX-го.

Назначение книги, как представляет себе это ее редактор, двоякое. Прежде всего для просеминария в высших учебных заведениях. Студентов, не знающих французского языка, — их довольно много, — необходимо так или иначе знакомить с источниками истории французской революции. Этой цели служило собрание писем Марата, выпущенное ранее издательством "Всемирная Литература". Этой же цели служит и настоящая книга. А затем и широкий читатель, интересующийся вопросами истории, должен с удовольствием прочесть книгу: в ней он услышит подлинное биение пульса революции.

Свести восемь томов, в 500—600 страниц большого формата каждый к двадцати, примерно, печатным листам — задача, как легко поймет всякий сведущий человек, трудная. Приходится выбирать, выбирать и выбирать. Потом просеивать выбранное не раз и не два. Хотелось дать возможно более разностороннее и полное представление о том, что представлял собою институт "депутатов в командировке", representants en mission, чем объяснялось такое его широкое развитие, каковы были его функции, каковы были результаты его работы.

Редактор отлично сознает, что всякий выбор субъективен. Эта неизбежно. Знакомые с собранием Олара скажут, насколько выбор был хорош. Если удалось дать более или менее верное отражение целого в этом коротеньком извлечении, задача, поставленная книге, выполнена.

А.Дживелегов

Ноябрь 1923, Москва

Номер документа в сборнике	Представительство	Дата сообщения	Персоналии
			с приведением к современной транслитерации, с комментариями ред. Vive Liberta, со ссылками на подборки материалов или информацию в сети - в тех случаях, когда эти ссылки нашлись, разумеется.
			Письма №№ 3, 4, 7, 8, 47, 52, 105 и 107 прокомментированы Оксаной и Алексеем здесь: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/HS/HS_montblanc_aelsace.htm
1	Комиссары в деп. Мёрт, Мозель и Ниж.Рейн	2 янв. 1793 г.	<p>Кутюрье Жан Пьер (17.11.1741-5.10.1818), деп. от Мозеля («равнина») http://www.assemblee-nationale.fr/sycomore/fiche.asp?num_dept=14590</p> <p>Рюль Филипп-Жак (3.05.1737-29.05.1795), деп. от Ниж.Рейна (монтаньяр), член Комитета общей безопасности http://fr.wikipedia.org/wiki/Philippe_Rühl с портретом</p> <p>Депуель - не идентифицирован. Возможно, ошибка транслитерации или типографского набора, и имеется в виду Дюпюи Шарль Франсуа (26.10.1742 - 29.09.1809), деп. от Сены-и-Уазы http://en.wikipedia.org/wiki/Charles-Fran%3C%A7ois_Dupuis с портретом</p>
2	Комиссары при Рейнской армии	6 янв. 1793 г.	<p>Оссиан - не идентифицирован. Возможно, ошибка транслитерации или типографского набора, и имеется в виду Осселен Шарль Никола (22.11.1752 - 26.06.1794), деп. от Сены http://fr.wikipedia.org/wiki/Charles-Nicolas_Osselin</p> <p>либо Оссман (см. ниже)</p> <p>Ребель (Ревбель) Жан-Франсуа (6 или 8.10.1747 – 24.11.1807), деп. от Верх.Рейна («равнина») http://fr.wikipedia.org/wiki/Jean-Fran%3C%A7ois_Reubell с портретом</p> <p>Мерлен (из Тионвиля) Антуан Кристоф (13.09.1762 – 14.09.1833), деп. от Мозеля (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mrl_tn</p>
3	Комиссары в деп. Мон-Блан	15 янв. 1793 г.	<p>Не подписано, но установлено:</p> <p>Эро Сешель Мари Жан (20.10.1759 – 5.04.1794), деп. от Парижа (монтаньяр), член Комитета общественного спасения http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#HS</p> <p>Симон Филибер (7.09.1755 – 14.04.1794), деп. от Ниж.Рейна (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Philibert_Simond</p>
4	Комиссары в деп. Мон-Блан	18 янв. 1793 г.	<p>Не подписано, но установлено:</p> <p>Эро Сешель</p> <p>Симон</p>
5	Комиссары в Бельгии	19 янв. 1793 г.	<p>Госсюэн Эжен Констан Жозеф Сезар (12.03.1758 - 9.04.1827), депутат от деп.Нор («равнина») http://fr.wikipedia.org/wiki/Eug%3C%A8ne_Constant_Joseph_C%3C%A9sar_Gossuin</p> <p>Камю Арман Гастон (1740-1804), деп. от Верх.Луары («равнина»)</p>
6	Комиссары в Бельгии	19 янв. 1793 г.	<p>Госсюэн</p> <p>Камю</p>
7	Комиссары в деп. Мон-Блан	31 янв. 1793 г.	<p>Не подписано, но установлено:</p> <p>Эро Сешель</p> <p>Симон</p>

8	Комиссары в Бельгии	17 фев. 1793 г.	Госсюэн Делакруа Жан-Франсуа (3.04.1753-5.04.1794), деп. От Эр-и-Луары (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Jean-Fran%С3%A7ois_Delacroix с портретом (не путать с Шарлем Делакруа (1741-1805), деп. от Марны) Мерлен (из Дуэ) Франсуа Антуан (30.10.1754 – 26.12.1838), деп. от деп.Нор («равнина») http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#merlin_d
9	Комиссары в Бельгии	25 фев. 1793 г.	Делакруа Камю Госсюэн Мерлен (из Дуэ)
10	Комиссары в Бельгии	8 марта 1793 г.	Трейлар Жан-Батист (1742-1.10.1810), деп. от Сены-и-Уазы («равнина») http://fr.wikipedia.org/wiki/Jean-Baptiste_Treillard Камю
11	Комиссары в Бельгии	18 марта 1793 г.	Трейлар Госсюэн Камю Мерлен (из Дуэ)
12	Комиссары в деп. Сарта и Мэн-и-Луара	10 марта 1793 г.	Не подписано
13	Комиссары в деп. Ду-Севр и Вандея	19 марта 1793 г.	Карра Жан-Луи (9.03.1742 – 31.10.1793), деп. от Санны-и-Луары (жирондист) http://fr.wikipedia.org/wiki/Jean-Louis_Carra с портретом Огюи Пьер-Жан-Батист (19.10.1747-17.02.1810), деп. от Ду-Севр («равнина») http://www.assemblee-nationale.fr/sycomore/fiche.asp?num_dept=14079
14	Комиссары в деп. Об и Ионна	21 марта 1793 г.	Тюрро (де Линьер) Луи (1761-1797), деп. от Ионны (монтаньяр)
15	Комиссары в деп. Эндр-и-Луара и Луара-и-Шер	21 марта 1793 г.	Гупийо (де Монтагю) Филипп Шарль Эм (19.11.1749-1.07.1823), деп. от Вандеи (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Philippe_Charles_Aimй_Goupilleau_de_Montaйgu Тальен Жан-Ламбер (23.01.1767 – 16.11.1820), деп. от Сены-и-Уазы (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#tl
16	Один из комиссаров в деп. Ниж.Луара и Майен	21 марта 1793 г.	Фуше Жозеф (31 (21).05.1759 – 26.12.1820), деп. от Луары (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#fcht
17	Комиссары в деп. Ду-Севр и Вандея	21 марта 1793 г.	Карра Огюи
18	Устный доклад одного из комиссаров в Бельгии, в заседании Национального Конвента	22 марта 1793 года	Камю
19	Комиссары в деп. Ниевр и Луара	22 марта 1793 г.	Колло д'Эрбуа Жан Мари (19.06.1749 – 8.06.1796), деп. от Парижа (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#CHrb Лапланш (Гойе-Лапланш) Жак Леонар (8.05.1755-3.11.1817), деп. от Невера (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Jacques_Lйonard_Laplanche

20	Комиссары в деп. Морбиган и Финистер	22 марта 1793 г.	Лемальо (Ле Мальо де Керарно) Жозеф Франсуа (14.11.1753-6.01.1830), деп. Морбигана («равнина») http://www.assemblee-nationale.fr/sycomore/fiche.asp?num_dept=14797 Гермер Жак-Таньи-Мари (21.04.1750-15.09.1798), деп. от Финистера («равнина») http://fr.wikipedia.org/wiki/Jacques_Tanguy_Marie_Guermeur с портретом
21	Комиссары в деп. Морбиган, Финистер, Кот-дю-Нор, Иль-и-Вилен, Майен и Ниж.Луара	23 марта 1793 г.	Гермер Севестр Жозеф-Мари-Франсуа (18.01.1753-1846), деп. от Иль-и-Вилен (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Joseph_Marie_Franzois_Sevestre Лемальо Фуше Бийо-Варенн Жан Никола (23.04.1756 – 3.06.1819), деп. от Парижа (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#BV
22	Комиссары в деп. Жиронда и Ло-и-Гаронна	23 марта 1793 г.	Паганель Пьер (1745-1826), деп. от Ло-и-Гарона («равнина») http://fr.wikipedia.org/wiki/Pierre_Paganel Гарро Пьер-Ансельм (1762-1819), деп. от Жиронды (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Pierre-Anselme_Garrau
23	Комиссары в деп. Ло-и-Дордонь	25 марта 1793 г.	Жанбон Сент-Андре Андре (25.02.1749 – 10.12.1813), деп. от Ло (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#gb-s-an Лакост Эли (18.09.1745- 26.11.1806), деп. от Дордони (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Йlie_Lacoste
24	Один из комиссаров в деп. Об и Ионна	25 марта 1793 г.	Тюрро
25	Комиссары в деп. Верх.Луара и Канталь	25 марта 1793 г.	Лакост Жан-Батист (30.08.1753-13.08.1821), деп. от Канталь (монтаньяр) http://www.assemblee-nationale.fr/sycomore/fiche.asp?num_dept=13105 Фор Бальтазар (14.06.1746-15.04.1805), деп. от Верх.Луары (монтаньяр) http://www.assemblee-nationale.fr/sycomore/fiche.asp?num_dept=13024 (не путать с Фором Жильбером Амалем (1755-1819))
26	Комиссары к деп. Соммы и Ниж.Сены	26 марта 1793 г.	Пошоль Пьер-Помпон-Амеди (30.09.1764-5.06.1831), деп. от Сены (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Pierre-Pomponne-Амйдые_Pocholle Саладен Жан-Батист-Мишель (10.10.1752-1.07.1812), деп. от Соммы (жирондист) http://fr.wikipedia.org/wiki/Jean-Baptiste_Michel_Saladin
27	Комиссары в деп. Тар-и-Дордонь	26 марта 1793 г.	Жанбон Сент-Андре Эли Лакост
28	Комиссары в деп. Кот-дю-Нор и Иль-и-Вилен	29 марта 1793 г.	Севестр Бийо-Варенн
29	Устный доклад одного из комиссаров при Рейнской армии в заседании Национального Конвента	30 марта 1793 г.	Осман Никола (8.09.1760-21.01.1846), деп. от Сены-и-Уазы (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Nicolas_Hausmann
30	Комиссары в деп. Сарта и Мэн-и-Луара	1 апр. 1793 г.	Гупийо (де Монтагю) Ришар Жозеф-Этьен (28.09.1761-17.08.1834), деп. от Сарты (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Joseph_Etienne_Richard

31	Комиссары в главных крепостях Северного фронта	2 апр. 1793 г.	Лекинио Мари-Жозеф (15.03.1755-19.11.1814), деп. от Морбигана (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Joseph_Lequinio с портретом Дюбуа де Бельгард Жан Антуан (1.03.1738-10.03.1824), деп. от Шаранты (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Antoine_Dubois_de_Bellegarde Кошон (де Лапорент) Шарль (24.01.1750 - 17.07.1825) http://fr.wikipedia.org/wiki/Charles_Cochon_de_Lapparent с портретом
32	Комиссары в деп. Финистер и Морбиган	2 апр. 1793 г.	Гермер Лемальо
33	Устный доклад одного из комиссаров в Бельгии Национальному Конвенту	3 апр. 1793 г.	Делакруа
34	Комиссары в крепостях Северного фронта	4 апр. 1793 г.	Лекинио
35	Комиссары в главных крепостях Северного фронта	3 апр. 1793 г.	Кошон Дюбуа де Бельгард Лекинио
36	Комиссары в деп. Ниж.Луара и Майен	без даты (вероятно 4 апр. 1793 г.)	
37	Комиссары в крепостях Северного фронта	6 апр. 1793 г.	Лекинио Кошон Дюбуа де Бельгард
38	Комиссары в крепостях Северного фронта	6 апр. 1793 г.	Лекинио Дюбуа де Бельгард Кошон
39	Комиссары Национального Конвента на Северном фронте		Кошон Дюбуа де Бельгард Лекинио
40	Комиссары в деп. Эн и Изер	5 апр. 1793 г.	Мерлино Жан-Мари Франсуа (8.12.1737 - 16.10.1805), деп. от Эна (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Jean-Marie_Fran%С3%A7ois_Merlino Амар Жан Пьер (или Батист) Андре (11.05.1755 – 21.12.1816), деп. от Изера (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#amar
41	Комиссары в крепости Северного фронта	7 апр. 1793 г.	Лекинио Дюбуа де Бельгард Кошон
42	Комиссары в крепостях Северного фронта	9 апр. 1793 г.	Кошон Дюбуа де Бельгард Лекинио
43	Представители народа в деп. Ниж.Сена и Сомма	14 апр. 1793 г.	
44	Народные представители в Ннжне		
45	Народные представители в Мон		
46	Народные представители в Рейнской армии	15 апр. 1793 г.	
47	Народные представители в деп. Мон-Блан	21 апр. 1793 г.	Эро Симон

48	Народные представители в деп. Ниж. и Верх. Пиренеев (прикомандированные к народному представителю Мазаду)	22 апр. 1793 г.	Изабо Клод Александр (14.07.1754-31.03.1831), деп. от Эндр-и-Луары (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref5.htm# http://fr.wikipedia.org/wiki/Claude-Alexandre_Ysabeau Неве Этьен (20.03.1755-18.10.1830), деп. от Верх.Пиренеев («равнина») http://www.assemblee-nationale.fr/sycomore/fiche.asp?num_dept=15203 Мазад (Мазад-Персен) Жюльен Бернар Дороте (28.03.1756-23.05.1823), деп. от Верх.Гароны («равнина») http://www.assemblee-nationale.fr/sycomore/fiche.asp?num_dept=14169
49	Народные представители в деп. Луара и Ниевр	22 апр. 1793 г.	Колло д'Эрбуа Лапланш
50	Представители народа в деп. Мэн-и-Луара и Сарта	24 апр. 1793 г.	Шудье Пьер Рене (20.09.1761-9.12.1838), деп. от Мэн-и-Луары (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Renй-Pierre_Choudieu с портретом Ришар
51	Народные представители в деп. Луара и Ниевр	24 апр. 1793 г.	Колло д'Эрбуа Лапланш
52	Народные представители в деп. Мон-Блан	27 апр. 1793 г.	Эро Симон
53	Народные представители в Рейнской, Вогезской и Мозельской армиях	6 мая 1793 г.	Рюан Пьер-Шарль (29.12.1750-15.04.1808), деп. от Шаранты (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Pierre-Charles_Ruamps Субрани Пьер-Амабль (17.09.1752 – 17.06.1795), деп. от Пюи-де-Дом (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Pierre-Amable_de_Soubrany Марибон-Монто Луи-Мари-Бон (22.10.1754-27.05.1842), деп. от Жера (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Louis_Bon_de_Montaut
54	Наблюдения двух народных представителей в Северной армии	11 мая 1793 г.	Дюбуа-дю-Бе Луи Тибо (13.04.1743-1.11.1834), деп. от Кальвадоса («равнина») http://fr.wikipedia.org/wiki/Louis_Dubois_du_Bais Бриез Филипп Констан Жозеф (11.06.1759-23.06.1795), деп. от деп.Нор («равнина») http://fr.wikipedia.org/wiki/Philippe_Constant_Joseph_Briez
55	Народный представитель в Ниж.Луара	11 мая 1793 г.	Кустар (де Масси) Анн-Пьер (4.02.1734-6.11.1793), деп. от Луары (жирондист) http://fr.wikipedia.org/wiki/Pierre_Coustard
56	Один из народных представителей в Пиренейской армии	11 мая 1793 г.	Феро Жан-Бертран (3.08.1759 – 20.05.1795), деп. от Верх.Пиренеев («равнина») http://fr.wikipedia.org/wiki/Jean_Bertrand_Feraud с портретом
57	Один из народных представителей в деп. Эндр-и-Луара и Луара-и-Шер	13 мая 1793 г.	Тальен
58	Народные представители в деп. Жиронда и Ло-Гарона	16 мая 1793 г.	Гарро
59	Представители народа при Мозельской армии	26 мая 1793 г.	Левассёр Антуан-Луи (25.06.1746-9.06.1826), деп. от Мерта (монтаньяр) http://www.assemblee-nationale.fr/sycomore/fiche.asp?num_dept=12354 (не путать с Левассером из Сарты) Шенье - очевидно, что Мари-Жозеф, но он в списках представителей в миссии на фигурирует Марибон-Монто Субрани

60	Народные представители в Альпийской армии	28 мая 1793 г.	Готье Антуан-Франсуа (28.11.1752-7.12.1838), деп. от Эн (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Antoine-Francois_Gauthier_des_Orcieres Ниош Пьер-Клод (26.01.1751-13.05.1828), деп. от Эндр-и-Луары (монтаньяр) http://www.assemblee-nationale.fr/sycomore/fiche.asp?num_dept=13151
61	Народные представители в армии Ларошельского побережья	31 мая 1793 г.	Брезе - не идентифицирован. Возможно, ошибка транслитерации или типографского набора, и имеется в виду Бриез (см. выше) Тибодо Антуан-Клер (23.03.1765 – 9.03.1854), деп. от Вьенны (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Antoine_Claire_Thibaudeau с портретом
62	Народные представители в Альпийской армии	2 июня 1793 г.	Дюбуа-Крансе Эдмон Луи Алексис (14.10.1747 – 28.06.1814), деп. от Арденн (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#db-cran Альбит Антуан-Луи (30.12.1761-23.12.1812), деп. от Сены (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Antoine_Louis_Albitte
63	Народные представители в Альпийской армии	2 июня 1793 г.	Дюбуа-Крансе Альбит
64	Народные представителя в армии Брестского побережья	8 июня 1793 г.	Мерлен (из Тионвиля) Жиле Пьер-Матюрен (28.06.1766-4.11.1795), деп. от Морбигана («равнина») http://fr.wikipedia.org/wiki/Pierre-Mathurin_Gillet
65	Народные представители в Альпийской армии	3 июня 1793 г.	Ниош Готье
66	Народные представители в Альпийской армии	5 июня 1793 г.	Дюбуа-Крансе Альбитт
67	Народные представители в армии Ларошельского побережья	9 июня 1793 г.	Тибодо Крёзе (Крезе-Дюфрене) Мишель Паскаль (2.04.1736-16.05.1804), деп. от Вьенны («равнина») http://fr.wikipedia.org/wiki/Michel-Pascal_Creuzet-Dufresne
68	Народный представитель в Лионе	(без даты)	Ленде (Линде) Жан Батист Робер (2.05.1746 – 16.02.1825), деп. от Эвре (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#rb_lnd
69	Народные представители в армии Шербургского побережья	10 июня 1793 г.	Ромм Жильбер (26.03.1750 – 17.06.1795), деп. от Пюи-де-Дом (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#romm Приер (Приер-Дювернуа, Приер из Кот-д'Ор) Клод Антуан (22.12.1763 – 11.08.1832), деп. от Кот-д'Ор (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#prieur-duv
70	Народные представители в армии Брестского побережья	12 июня 1793 г.	Жиле Мерлен (из Тионвиля)
71	Народные представители в армии Ларошельского побережья	12 июня 1793 г.	Мазад Гарнье (из Сента) Жак (30.03.1755-1817 или 1818), деп. от Шаранты (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Jacques_Garnier_dit_Garnier_de_Saintes (не путать с Гарнье Ангуаном Мари Шарлем (1742-1805), деп. От деп. 06)
72	Народный представитель в Лионе	14 июня 1793 г.	Ленде
73	Народный представитель в Лионе	15 июня 1793 г.	Ленде

74	Народные представители в армии Ларошельского побережья	18 июня 1793 г.	Гупийо де Фонтене Жан-Франсуа-Мари (25.07.1753-11.10.1823), деп. от Вандеи (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Jean_Fran%3C%A7ois_Marie_Goupilleau_de_Fontenay Жар-Панвилье Луи Александр (7.11.1757-12.04.1822), деп. от Ду-Севра («равнина») http://fr.wikipedia.org/wiki/Louis-Alexandre_Jard-Panvillier
75	Народные представители в Мозельской армии	19 июня 1793 г.	Левассер (из Мерта) Субрани Менье Этьен-Кристоф (9.07.1758-22.10.1834), деп. от Пюи-де-Дом (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/%3C%89tienne_Christophe_Maignet
76	Народные представители в армии Брестского побережья	21 июня 1793 г.	Мерлен (из Тионвиля) Жиле Кавеньяк Жан-Бастит (23.02.1762-24.03.1829), деп. от Ло (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Jean-Baptiste_de_Cavaignac
77	Народные представители в деп. Шаранты и Ниж. Шаранты	25 июня 1793 г.	Гимберто Жан (2.09.1744-8.05.1812), деп. от Шаранты (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Jean_Guimberteau Бернар (из Сента) Андре-Антуан (21.06.1751-19.10.1818), деп. от Шаранты (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Andr%3C%A9-Antoine_Bernard с портретом
78	Один из народных представителей в деп. Центра и Запада	30 июня 1793 г.	Фуше
79	Один из народных представителей в армии Ларошельского побережья	3 июля 1793 г.	Гаспарен Тома Огюстен (27.02.1754 - 7.11.1793), деп. от Буш-дю-Рон (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Thomas-Augustin_de_Gasparin с портретом
80	Один из народных представителей в деп. Центра и Запада	4 июля 1793 г.	Филиппо Пьер-Никола (5.03.1756 – 5.04.1794), деп. от Сарты (монтаньяр) http://www.assemblee-nationale.fr/sycomore/fiche.asp?num_dept=13167
81	Один из народных представителей в деп. Центра и Запада	17 июля 1793 г.	Филиппо
82	Один из народных представителей в Рейнской армии	20 июля 1793 г.	Дентцель Жорж-Фредерик (16.07.1755-7.05.1828), деп. от Ниж. Рейна («равнина») http://fr.wikipedia.org/wiki/Georges_Fr%3C%A9d%3C%A9ric_Dentzel
83	Народные представители в Мозельской армии	23 июля 1793 г.	Жантиль Франсуа (26.05.1755-9.05.1830), деп. от Монблана (монтаньяр) http://www.assemblee-nationale.fr/sycomore/fiche.asp?num_dept=14752 Менье
84	Народные представители в Альпийской армии	26 июля 1793 г.	Баррас Поль Жан Франсуа Никола (30.06.1755 – 29.01.1829), деп. от деп. Вар (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#brs Фрерон Луи Мари Станислас (17.08.1745 – 15.07.1802), деп. от Парижа (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#frer
85	Народные представители в деп. Эн и Уаза	7 авг. 1793 г.	Колло д'Эрбуа Изоре Жак (16.01.1758-11.06.1839), деп. от Уазы (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Jacques_Isor%3C%A9

86	Народные представители в Итальянской армии	16 авг. 1793 г.	Рикор Жан-Франсуа (1759-1818), деп. от Вара (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#ricord Робеспьер (Робеспьер-младший) Огюстен Бон Жозеф (21.01.1763 – 28.07.1794), деп. от Парижа (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#aug-rob
87	Народные представители и деп. Сомма	19 авг. 1793 г.	
88	Один из народных представителей в деп. Ниж.Сена	21 авг. 1793 г.	Фор
89	Народные представители в Альпийской армии	23 авг. 1793 г.	
90	Народные представители в деп. Ло и в армии Западных Пиренеев	26 авг. 1793 г.	Изабо Бодо Марк-Антуан (18.03.1765-23.03.1837), деп. от Сонны-и-Луары (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Marc_Antoine_Baudot
91	Народные представители в Альпийской армии	28 авг. 1793 г.	Дюбуа-Крансе Готье
92	Народные представители в армии Шербургского побережья	29 авг. 1793 г.	Ленде Бонне (де Мотри) Пьер-Луи (8.07.1743-5.04.1807), деп. от Кальвадоса («равнина») http://les.guillotines.free.fr/bonnet%20de%20mautry%20pierre.htm (не путать с Бонне Пьером-Франсуа Домеником (1754-1809), деп. от деп. Од)
93	Народный представитель в деп. Сомма	6 сент. 1793 г.	Дюмон Андре (1765-1836), деп. от Соммы (монтаньяр)
94	Народный командированный для проведения всеобщей мобилизации в деп. Эр-и-Луара и Сарта	6 сент. 1793 г.	Тирион Дидье (17.02.1763-28.12.1815), деп. от Мозеля (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Didier_Thirion
95	Народные представители в деп. Ниж.Сена	12 сент. 1793 г.	Делакруа Лежандр Луи (22.05.1752 – 13.12.1797), деп. от Парижа (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#legen-l Луше Луи (1755-1813), деп. от Авейрона (монтаньяр) LOUCHET Louis
96	Народный представитель в деп. Иль-и-Вилен и соседних с ним	16 сент. 1793 г.	Каррье Жан Батист (16.03.1756 – 16.12.1794), деп. от Канталя (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#carr
97	Народный командированный для массового набора в деп. Луаретском и Шерском	23 сент. 1793 г.	Лапланш
98	Один из народных представителей в деп. Сена-и-Марна и Ионна	24 сент. 1793 г.	Мор Никола Сильвестр (31.12.1743-3.06.1795), деп. от Ионны (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Nicolas_Maure
99	Один из народных представителей в деп.Иль-и-Вилен и соседних с ним	27 сент. 1793 г.	
100	Народный представитель, командированный для производства массового набора в Эндрском и Крёзском деп.	28-го сент. 1793 г.	Ангран Франсуа Пьер (9.11.1756-21.07.1831), деп. от Вьенны (монтаньяр) http://www.assemblee-nationale.fr/sycomore/fiche.asp?num_dept=13058
101	Народный командированный для проведения массового набора в деп. Авейрон и Ло	29 сент. 1793 г.	Тайфер Жан-Гийом (20.01.1763-13.04.1835), деп. от Дордони (монтаньяр) http://les.guillotines.free.fr/taillefer%20jean%20guillaume.htm

102	Народные представители в Рейнской армии	29 сент. 1793 г.	<p>Гюйарден Луи (20.01.1758-4.04.1816), деп. от Верх.Марны (монтаньяр) http://les.guillotines.free.fr/guyardin%20louis.htm</p> <p>Ниу Жозеф (1749-1823), деп. от Шаранты (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Joseph_Niou</p> <p>Малларме Франсуа Рене Огюст (25.02.1755-25.07.1831), деп. от Мерта (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Fran%С3%A7ois_Ren%С3%A9_Mallarm%С3%A9</p> <p>Лакост Ж.-Б.</p> <p>Борие Жан (1756-1828), деп. от Коррезы (монтаньяр)</p> <p>Мило Эдмон-Жан-Батист (10.07.1766-8.01.1833), деп. от Кантала (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Jean-Baptiste_Milhaud с портретами</p> <p>Рюан</p>
103	Один из народных представителей в деп. Иль-и-Вилен и других Рейн.	4 окт. 1793 г.	Каррье
104	Народный командированный для проведения массового набора в деп. Шер и Луара	4 окт. 1793 г.	Лапланш
105	Народные представители в Альпийской армии	16 окт. 1793 г.	<p>Кутон Жорж Огюст (22.12.1755 – 28.07.1794), деп. от Пюи-де-Дом (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#ctn</p> <p>Шатонеф-Рандон (граф де Шатонеф-Рандон) Александр Поль (1757-1827), деп. от Лозера (монтаньяр) http://www.royet.org/nea1789-1794/notes/acteurs/chateaneuf-randon.htm</p> <p>Лапорт (Делапорт) Франсуа Себастьян Кристоф (1760-1823), деп. от Верх.Рейна (монтаньяр)</p> <p>Менье</p>
106	Народные представители в деп. Ниж.Шаранта	18 окт. 1793 г.	<p>Леньело Жозеф Франсуа (12.06.1752-23.07.1829), деп. от Парижа (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Joseph_Fran%С3%A7ois_Laignelot</p> <p>Лекинио</p>
107	Один из народных представителей в Альпийской армии	20 окт. 1793 г.	Кутон
108	Народные представители в Западной армии	21 окт. 1793 г.	<p>Бурбот Пьер (5.06.1763-17.06.1795), деп. от Йонны (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Pierre_Bourbotte</p> <p>Тюрро</p> <p>Шудье</p> <p>Франкастель Мари Пьер Адриен (1761-1831), деп. от Эвре (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Marie_Pierre_Adrien_Francastel</p>
109			<p>Шодрон-Руссо Гийом (12.02.1752, Бурбоне, - 6.05.1816), деп. от Верх.Марны (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Guillaume_Chaudron-Rousseau</p> <p>Изабо</p> <p>Тальен</p> <p>Бодо</p>
110	Народный представитель в Тулоне	26 окт. 1793 г.	Альбит
111	Народный представитель в Тулоне	26 окт. 1793 г.	Альбит

112	Народные представители в Западной армии	7 ноября 1793 г.	Бурбот Тюрро Франкастель Ру-Фазийяк (Ру де Фазийяк) Пьер (17.07.1746 - 21.02.1833), деп. от Дордони (монтаньяр) http://fr.wikipedia.org/wiki/Pierre_Roux-Fazillac
114	Народный представитель в деп. Соммы-и-Уазы.-	14 ноября 1793 г.	Дюмон
115	Один из народных представителей в Западной армии	17 ноября 1793 г.	Каррье
116	Народные представители в Рейнской армии	21 ноября 1793 г.	Сен-Жюст Луи Антуан (25.08.1767 – 28.07.1794), деп. от Эны (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/fantasm/SJ/sj_ind.htm Леба Филипп Франсуа Жозеф (4.11.1764 – 28.07.1794), деп. от деп.Нор (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#flb
117	Народный командированный для производства конской мобилизации в Ангулеме	23 ноября 1793 г.	Арман Жан-Батист (10.11.1751-26.02.1816), деп. от Меца («равнина») http://fr.wikipedia.org/wiki/Jean-Baptiste_Harmand
В примеч. к 105		октябрь 1793 г.	Эро Сешель Робеспьер Максимилиан-Мари-Изидор (6.05.1758 – 28.07.1794), деп. от Парижа (монтаньяр) http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#MR
В примеч. к 109			Бийо-Варен Колло д'Эрбуа М.Робеспьер

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 2012

Подборки документов
по истории

Великой французской революции

- в нашей библиотеке:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#doc

1. Конвенту *)

Комиссары в Мёртском,
Мозельском и Нижне-Рейн-
ском департаментах. Паризь,
2 января 1793 г. (II год Фран-
цузской Республики).

Гражданин президент!

Депутаты-комиссары, командированные в Мёртский, Мозельский и Нижне-Рейнский департаменты, уполномочены декретом Национального Конвента от 22 и 23 минувшего декабря принять все временные меры, которые они признают настоятельно необходимыми для спасения государства.

Они сочли своим долгом предварительно, до прибытия своего в пределы названных департаментов, столкнуться между собой относительно вопросов, имеющих быть предложенными различным административным учреждениям, которые они посетят, чтобы на основании ответов этих последних принять соответственные меры для восстановления порядка, для исполнения законов, для укрепления общественного духа и привязанности к новому порядку вещей. Вследствие чего они по прибытии своем в Шалон-на-Марне установили перечень вопросов, приложенный к настоящему донесению ¹⁾.

*) Примечания к донесениям, за исключением кратких пояснений в тексте, приложены в конце книги; нумерация примечаний для каждого донесения отдельная.

Прибыв в Туль, окружный центр Мёртского департамента, они распорядились созвать через прокурора-синдика окружную директорию, муниципалитет и общий совет данного города, познакомили созданных со своей миссией, предъявили свои полномочия и передали перечень вопросов, относящихся специально к этой именно части Мёртского департамента.

Согласно уверениям, засвидетельствованным соединенным собранием обоих органов местной администрации, граждане Туля лояльны, признают авторитет установленных властей и не отказываются признавать выгоды, вытекающие из упразднения королевской власти. Но вместе с тем в стенах их города уже около года продолжает существовать основанное еще в прежние времена патриотическое общество, а вернувшиеся под разными предлогами и пока не изгнанные эмигранты под шумок замышляют смертоносные для свободы планы; неприсягнувшие священники, которых еще терпят на этой территории, вместо того чтобы их выпшвырнуть, разжигают пламень фанатизма, а женщины, посвятившие себя служению теперь уже не существующим различным церковным учреждениям и многим монашеским обителям, проявляют резко антигражданский дух не будучи в состоянии обречь себя на те духовные и материальные лишения, которые явились последствием полного уничтожения и искоренения всей этой духовной касты.

По другим заявлениям этих местных административных органов, гражданам города Туля грозит отсутствие всяких средств к существованию, как это явствует из бумаги, переданной комиссарам и приложенной к сему донесению ²⁾. К этому присоединяется недовольство граждан Туля чрезмерными потерями на ассигнациях, даже самых мелких, в 10 су. вследствие гнусного ажиотажа, не пресекаемого окружным трибуналом. Этот ажиотаж практикуется по преимуществу гражданами Нижне-Рейнского департамента, которые открыто проделывают здесь эти преступные операции. Сверх того накапливается сугубое недовольство при виде того, как компанией вачпиров приобретаются оптом национальные имущества, а затем перепродаются в розницу с колоссальным барышом; наконец действует и страх оказаться без защиты в случае нападения: артиллерийские орудия все врыты в землю городских укреплений, без всяких лафетов.

Легко понять, что все эти открытия, сделанные комиссарами

Национального Конвента при самом вступлении их в департамент района их командировки, оказались малоутешительными; существенно отметить и еще более прискорбные явления, когда комиссарам при проезде их по большой дороге, к несчастью, пришлось увидеть, как вся она усеяна национальными волонтерами, идущими из армии Бернонвиля к себе домой, при чем часть этих национальных гвардейцев, не обделенная, как многие другие, всякого рода обмундированием, нашла способ заставить военных комиссаров выдать им в путь две, а то и три пары башмаков, под предлогом, что они босы; комиссары узнали еще, что многие из получивших отставку военных медлили дать предписанную законом присягу в надежде на успех неприятельских армий, но когда эти армии отступили, они поспешили принести присягу для обеспечения себе права на государственную пенсию и сумели получить от муниципальных властей удостоверение о принесенной ими присяге, но без точного обозначения дня, когда эта присяга была дана.

Находясь под тяжким гнетом печальных размышлений о таком положении вещей, требующем немедленных мер для его исправления, комиссары прибыли в Навси. Они заставили там признать и зарегистрировать их полномочия и вслед за патриотической речью, обращенной к собранным через посредство председателя и генерального прокурора-синдика департамента административным учреждениям данного города, выслушали торжественный панегирик спокойствию, царящему в этой части Республики от изобилия имеющихся там жизненных припасов, от искоренения фанатизма, способного смущать здешний покой и тишину, от исчезновения эмигрантов; все это сопровождалось замечаниями о долге Национального Конвента дать Франции без промедления конституцию, вокруг которой мог бы сплотиться французский народ, о необходимости подавить волнуящие Париж заговоры: выражалось также опасение, что мы, судя по письмам, полученным генеральным прокурором-синдиком, накануне полной анархии, если положение вещей скоро не изменится.

Один из комиссаров отвечал на упреки, обращенные к гражданам Парижа, якобы поддерживающим заговоры и смуты, и заметил, что злонамеренные люди пользовались этим предложением, чтобы оторвать департаменты, удаленные от центра единения, обретающегося в Париже и Национальном Конвенте. Непосредственно

вслед за этим было приступлено к чтению имеющих быть предложенными вопросов и как раз в присутствии огромной массы народа, которая, повидимому, схватывала смысл их сознательно и с удовольствием.

Затем было объявлено, что комиссары все время своего пребывания будут принимать всех граждан без различия с 11 часов утра до 3 пополудни, но с предупреждением, что все те, кто имеет представить какие-либо петиции, дать какие-либо сведения, сделать какие-либо разоблачения, должны снабжать подписью свои петиции, заявления и разоблачения; при отсутствии подписи дело будет оставляться без последствий.

Объявленный таким образом публичный прием был начат на другой день, и комиссары были немало удивлены, узнавая, что спокойствие в Мёртском департаменте не столь глубоко, как их хотели уверить, что он кишит аристократами и что в особенности аристократы Нанси, находящиеся там в большом количестве, не отказались еще от своих губительных намерений, что заграничные враги в особенности рассчитывали на этот город и на состоявших на их содержании тамошних шпионов, и что прусский отряд обнаружен был в одной миле от ворот этого центра департамента. Жалобы, шедшие к комиссарам со всех сторон, разъяснили им к тому же, что съестные припасы имеются далеко не в изобилии, особенно в Нанси, что тамошнему населению зачастую недостает хлеба, а хлеб, преподносимый местным жителям как бы из милости 24 булочниками этого города, все еще представляющими монопольную корпорацию, плохого качества, дурно выпечен, вреден для здоровья, сыр и мало пригоден для того разнообразного применения, которое обычно делается из этого предмета насущного питания человека. Комиссары узнали далее, что религиозный фанатизм преспокойно властвует в Нанси, что тут ежедневно служатся непокорными священниками более 700 тайных обеден, а приход св. Юлиана и часовня военного госпиталя обслуживаются такими же деприсягнувшими священниками, что убежище Марвилль находится под управлением братьев христианского милосердия, которые все без исключения контр-революционеры. Комиссары обнаружили также развращение духа больных солдат в военном госпитале гражданином Жакменом, очень мало расположенным к новому порядку вещей; не лучше настроен и гражданин Дюма, военными

комиссар. Все это явствует из составленного комиссарами протокола и из распоряжений их, адресованных генеральному прокурору-синдику департамента, окружному прокурору-синдику, прокурору коммуны Нанси, гражданину военному комиссару Дюма и представителю муниципалитета, гражданину Альберу, копия с которых приложена к настоящему донесению.

Комиссары предполагают представить Национальному Конвенту протокол, составленный ими уже в Шалоне-на-Марне, с продолжением в Туле и Нанси и с будущим его продолжением в разных городах, вплоть до отбытия их из Мёртского департамента, и приложить к нему все оправдательные документы вместе с точным перечислением дальнейших мер, которые ими будут приняты для исполнения возложенной на них задачи во всей ее полноте. Поэтому им приходится пока что ограничиться настоящим докладом. В заключение они считают долгом указать, что нам никогда не справиться с недостатком съестных припасов, от которого, как и от крайней дороговизны их, страдают главным образом города Нанси и Туль, если только Конвент не заставит вспомнить про декрет Учредительного Собрания, разрешающий плательщикам следуемых Нации оброков и арендных платежей рассчитываться за них деньгами, тогда как они, согласно своим арендным договорам и правам, должны были бы выплачивать их в натуре; если далее административные учреждения не принудят земледельцев обмолотить зерно и свезти его на рынок, чтобы уплатить точно в срок следующие с них повинности, а в особенности платежи по приобретенным ими национальным имуществам; и, наконец, если Конвент не установит принудительного курса ассигнаций всеми имеющимися в его распоряжении средствами.

Кутюрье, Филипп Рюль, Денуель.

P.S. Прилагаемый нами здесь ответ прокурора-синдика Нансйского округа разъясняет, что донос гражданина Леляна о том, будто ежедневно в этом городе служится более 700 тайных обеден, является преувеличенным; все-таки он доказывает, что об этом было много разговоров в Нанси, и что там еще встречаются приюты и часовни, обслуживаемые неприсягнувшими священниками.

Кутюрье, Филипп Рюль, Денуель.

2. Конвенту

Комиссары при Рейнской
армии, Майнц, 6 января 1793 г.

Граждане депутаты!

Мы предполагали мало писать, но энергично действовать, однако обстоятельства вынудили нас написать из Страсбурга письмо Комитету финансов, к которому мы присоединили требование, вызванное настоятельной необходимостью наполнить военные магазины и ослабить влияние рыночной конкуренции на рост хлебных цен. Мы прилагаем копию этого требования с легкими редакционными изменениями в нем по сравнению с экземпляром, посланным Комитету финансов. Мы писали также из Страсбурга гражданину военному министру о некоторых предметах, заслуживающих, на наш взгляд, внимания. С посылаемым курьером идут наши письма к соединенным комитетам: дипломатии, войны и финансов, Исполнительному Совету и военному министру. По этой корреспонденции и по приложенным к ней докладным запискам можно будет составить себе подлинное представление о нашем политическом, военном и финансовом положении в Майнце.

В Майнце и в соседних с ним местах хороший народ, склонный к усвоению наших принципов; но мы не можем скрыть от вас, граждане депутаты, что случай с Франкфуртом ¹⁾ это—беда, тяжелая во всех отношениях: присутствие прусских и гессенских войск немножко охладило пыл даже самых горячих патриотов. Мы в состоянии вызвать в них снова этот пыл, но нам нужна помощь для завершения дела Революции в этой прекрасной части империи. Не следует терять из виду прусскую и гессенскую армию на том основании, что они не сосредоточивают напрасно всех своих усилий на одном важном пункте. Наша свобода никогда не будет обеспечена, раз будут находиться в целости наши самые ярые враги.

А между тем нужно их опрокинуть наземь. Пусть тот, кто присоединится к нам, встретит мощную поддержку. Нет на свете более храброй, более воодушевленной и крепкой духом армии, чем та, ряды которой мы объезжали и которая нас окружает.

Мы не слышали других жалоб, кроме той, что нечего делать. С того времени, как из-за льда пришлось разобрать мост у Кастеля, целый ряд батальонов расположился бивуаком на правом берегу Рейна; другие батальоны завидуют их доле; в тот самый момент, как мы пишем это донесение, у Гушара идет бой с неприятелем, которого должно сбить с высот. За ночь выпало снегу более, чем на фут; наблюдаемое нами сражение длится с часу ночи (а теперь уже 8 часов).

Заметим, однако, что у наших братьев по оружию нет одежды. Правда только что пришла к нам верхняя одежда, но ее, во-первых, не хватает на всех, а во-вторых,—под ней у многих ничего нет.

Мы выяснили размеры наших нужд в наших письмах к Комитетам и министрам. Пособите нашим стараниям, граждане депутаты. Пусть Исполнительный Совет исполнит свой долг. Нет такого великого и славного дела, которого мы не могли бы обещать выполнить, и мы посмеемся над бесплодными усилиями тех новых неприятелей, которых поднимает против нас вероломство кабинетов.

Кругом нас убитые и раненные. Во имя Людовика Капета тираны убивают наших братьев, а Людовик Капет, как мы узнаем, все еще жив.

Подписали: *Оссиан, Ребель, Мерлен.*

3. Конвенту

Комиссары в департаменте
Мон-Блан, Шамбери, 15 янв.
1793 г.

Часть легиона аллоброгов ¹⁾ произвела сейчас беспорядки в городе Аннеси. Солдаты позволили себе сделать покушение на склад оружия и пороха, находившийся под охраной муниципалитета. Недисциплинированность ли это, или провокация из заграничьи? Нам это еще не ясно. Военные власти заняты вопросом о наказании виновных. Если прислушаться к народному голосу, то можно утверждать, что этот легион в общем не пользуется солидной репутацией.

Как бы то ни было, легион аллоброгов не должен, без сомне-

ния, сохранять дольше свое наименование. С присоединением прежней Савойи к Франции кончается его определенное предназначение; но так как этот легион был сформирован по декрету Законодательного Собрания, нужен другой декрет для перемены его названия или же для его коренной реорганизации.

Если смотреть на дело более широко, эта перемена представляется особенно необходимой. Легион аллоброгов, не принося пользы, тем не менее тормозит в настоящий момент организацию батальонов национальных волонтеров, которые как раз должны встречать особенное поощрение, а между тем иные молодые люди предпочитают записываться в этот легион. Что же касается военных, уже входящих в его состав, то они послужили бы с большей пользой для обучения других батальонов.

Если Национальный Конвент все-таки решит реформировать этот легион, то, по нашему мнению, одну его часть следует включить в альпийский легион, а другая может явиться базой для батальона в 1.000 стрелков с вооружением их нарезными карабинами и с подразделением на 8 рот, чтобы разместить их по отдельным альпийским проходам. Для защиты департамента Мон-Блан нет ничего более подходящего, чем этот новый отряд, составленный из горцев, превосходно знающих местные дороги и ущелья.

4. Конвенту

Комиссары в департаменте
Мон-Блан. Шамбери. 18 янв
1793 г.

Граждане коллеги!

Национальный Конвент постановил 29 декабря 1792 года, что комиссары, посланные им в Бельгийскую и другие армии Республики, снабжены полномочиями производить всякого рода реквизиции и вообще все, что они сочтут необходимым для восстановления общественного порядка, лишь с обязанностью решать это коллегиально и немедленно доводить до сведения Конвента о принятых ими решениях.

Согласно этому закону и в силу возлагаемой на нас еще более ранним декретом обязанности быть в курсе всех военных дел Альпийской армии, мы только что приняли меру, продиктованную нам интересами общей безопасности департамента Мон-Блан и Французской Республики. Мы потребовали от генерала Келлермана, командующего Альпийской армией, объявления городов Мутье, Монмельян, Сен-Жан-де-Мориен и Шамбери на военном положении. Наше требование, о котором мы спешим довести до вашего сведения, содержит мотивы настоятельной необходимости этой меры.

Мы тем более обязаны подвергнуть ее вашему суждению, что необходим утверждающий ее декрет. Пункт 8-й закона, изданного в мае, июне и июле 1791 года, о полицейской охране мест военных действий и сторожевых постов гласит, что военное положение впредь объявляется по декрету Законодательного Собрания. Пограничные города Французской Республики как раз находятся в таком положении, и, в частности, те четыре пограничных города, в отношении которых мы предъявили наше требование, сталкиваются лицом к лицу с Пьемонтом и военными приготовлениями сардинского короля. Их положение таково, что мы не выполнили бы всех своих обязанностей, если бы пренебрегли принятием этой меры предосторожности.

Требование комиссаров Национального Конвента генералу Келлерману, командующему Альпийской армией, 17 января 1793 г.

Мы, комиссары Национального Конвента, командированные для организации департамента Мон-Блан,

имея в виду, что сардинский король, с которым Французская Республика находится в состоянии войны, готовится к борьбе с чрезвычайной энергией и в самую глухую зимнюю пору не снимает сторожевых постов, выставленных на альпийских высотах и на главных путях сообщения департамента Мон-Блан с Пьемонтом;

и принимая во внимание крайнюю необходимость объявления на военном положении городов и сторожевых постов названного департамента, расположенных в пограничных с Пьемонтом пунктах, и распространения этого положения на город Шамбери, вмещающий в себе всевозможные военные и продовольственные склады

и наводненный большим числом врагов свободы, вследствие чего он и должен быть подчинен строгому и бдительному полицейскому надзору;

на основании закона 29 декабря и сообразуясь с предписанными в нем условиями, требуем от гражданина генерала Келлермана, командующего Альпийской армией, объявления на военном положении городов: Мутье, Монмельян, Сен-Жан-де-Мориен и Памбери.

5. Конвенту

Комиссары в Бельгии.
Антверпен, 19 янв. (1793).
II года Республики.

Граждане коллеги!

Выполнив в городе Льеже ту часть порученного нам дела, которая состояла в точном ознакомлении с состоянием армии, и быв свидетелями местных распоряжений, делавшихся в целях выполнения декретов от 15 декабря ¹⁾, и тех, которые касаются эмигрантов, мы отправились выполнять далее нашу двойную миссию в Бельгии и посетили до настоящего момента города: Лувен, Мехельн и Антверпен. В настоящем письме мы познакомим вас с состоянием армейских частей, расположенных в только что названных трех городах. Мы отправляем вам с той же почтой другое письмо относительно выполнения декрета 15 декабря и декретов об эмигрантах. Мы присоединим к этому несколько замечаний о том, что можно назвать состоянием общественного духа в только что посещенных нами городах.

Состояние отдельных частей французской армии в общем везде одно и то же: они полны храбрости, мужества, так и горят жаждой боя и победы, не без труда подчиняются строгой дисциплине вне боевой обстановки, и почти у всех ощущается недостаток в самой необходимой одежде. Мы уже много раз живописали их нужды; здесь нам приходится добавить новую черту к представленной нами вам общей картине: в 3-м батальоне Кальвадоса мы видели многих граждан, призванных на службу отечеству в минувшем августе и покинувших тогда свой дом в одних холщевых

блузах. до сей поры у них нет другой одежды кроме этой или, вернее, оставшихся от нее лохмотьев.

Случаи дезертирства бывали как в 3-м батальоне Кальвадоса, так и во многих других. Мы высказали волонтерам, как трудно примирить дезертирство с идеей республиканской доблести и французского патриотизма. Но невозможно было бы скрывать от себя, что недостаток обмундирования был причиной многих случаев дезертирства. Что отвечать солдатам, когда они говорят. «Или оденьте нас, если нас держите на бивуаках, или терпите, когда мы идем для экипировки к себе домой».

Другой причиной недовольства среди волонтеров является медленность, которую они испытывают со стороны бюро военного министра, ведающего выдачей отпускных билетов, при чем эти билеты должны быть им даны к определенному сроку, согласно декрету от 13 декабря. Припомните, что согласно этому декрету нужно муниципальное удостоверение с места жительства волонтера, виза генерала, решение министра. Оба первые условия влекут за собою некоторую проволочку, но наконец удается их выполнить; в отношении третьего испытываемая волокита положительно вызывает отчаяние, волонтер сталкивается с невозможностью приняться во-время за нетерпящие отлагательства дела; но так как он вдобавок опасается вообще за возможность вернуться из отпуска к началу кампании, он решает уйти без отпуска. Пример опасный, требующий предупредительных мер в виде немедленного удовлетворения справедливых требований солдата.

Снабжение продовольствием все время хромает. Хлеб, выдаваемый солдатам в Мехельне и Антверпене, не соответствует предписаниям наших декретов. Он совсем не очищен от отрубей. Доставка его шла из Брюсселя, где мы будем послезавтра, и там на месте выясним причины этого нарушения закона.

Госсюэн, Камю

6. Конвенту

Комиссары в Бельгии Антверпен 19 янв 1793 г. II год
Французской Республики

Граждане коллеги!

Мы должны представить вам отчет об исполнении вашего декрета от 15 декабря в тех местностях и городах, которые мы объехали, а также об исполнении декретов касательно эмигрантов; мы присоединим сюда несколько замечаний о настроениях, повидимому, господствующих в обществе этих разнообразных мест.

1. Льежский край. Состоялись собрания для организации временного управления, отвечающего видам Конвента. Во многих местах уже раньше было высказано пожелание полного слияния с Францией. Временные исполнители муниципальных должностей в Льеже определенно решили и постановили уничтожить все то, что наводило на мысль о старом режиме и о феодальных отношениях.

Главный комиссар по военным делам Ронсен и отдельные комиссары, на которых он возложил работу по проведению в жизнь декрета 15 декабря, проявили большую энергию, чтобы в Льеже, в Эк-ля-Шапелль и в соседних местах добиться исполнения предписаний 4-ой статьи декрета 15 декабря о взятии под охрану наши указанных там имуществ. Главный комиссар обратил такое же внимание и на декреты касательно эмигрантов. Он завел на этот предмет ряд бюро, поставил комиссаров и распределил между ними операции по выполнению вышеназванных декретов, в которых каждый из них дает отчет специально назначенным для этой цели каждым округом лицам. В целях ознакомления с местными условиями, пришлось присоединить к французским агентам местных людей. Некоторые из этих последних хотели воспользоваться случаем для удовлетворения своих страстей и для сведения личных счетов. Как только это было замечено, их лишили незаслуживаемого ими доверия и исправили те ошибки, в которые они ввели французских комиссаров.

Ведомость об опечатаниях, произведенных в Льеже и соседних с ним городах с их окрестностями, будет без промедления пред-

ставлена Конвенту с суммарной описью обнаруженных при этом вещей.

Та же самая ведомость представит перечень опечатаний имущества отсутствующих или же эмигрантов.

Нельзя ничего другого пожелать по этому поводу, кроме как увидеть продолжение этих операций в том же самом духе и с той же энергией, с какой они начаты.

2. Лувен и Мехельн. Мы говорим одновременно об этих двух городах, потому что они оказались в одном и том же положении относительно выполнения декретов от 15 декабря. Как в одном, так и в другом из этих городов народ собрался по корпорациям еще до того, как стало известно о декрете, и назначил представителей, которые сами уже провели временное назначение по-нашему муниципальных должностных лиц, а по-местному городского магистрата.

Когда стал известен декрет от 15 декабря, здесь не проявлялось ни малейшего желанья с ним сообразоваться; наоборот, против его исполнения раздались определенные протесты, обращенные к Национальному Конвенту и публично прочитанные в зале заседаний.

Таким образом, в этих городах отнюдь не занялись созывом первичных собраний для образования временного управления по декрету, а тем более не озаботились выполнением 4-ой статьи декрета. Не только ничего не было сделано для отдачи под охрану Республики обозначенных в этом пункте имуществ, а в Мехельне с трудом признали даже подлинность декрета, попавшего туда неофициальным путем.

При проезде нашим через эти города мы потребовали от генералов и комендантов немедленного выполнения 4-ой статьи декрета 15 декабря и представления нам отчета о результате принятых ими мер. Мы передали генерал-коменданту в Мехельне для распубликования экземпляр декрета, отпечатанного на трех языках: французском, фламандском и немецком.

Комендант Лувена писал 17-го, что операции (по выполнению 4-ой статьи декрета 15 дек.) уже начались и выразил надежду, что они будут закончены вполне благополучно.

В Мехельне возникли затруднения. Когда комендант потребовал от временных представителей, чтобы они показали ему обще-

ственные кассы и дали ему другие сведения, относящиеся к выполнению 4-го пункта декрета, временные представители категорически отказались это сделать, мотивируя это ссылкой на свой вышеуказанный протест. Несмотря на этот отказ, работы по описи церковных имуществ начались 17 числа.

3. Антверпен. Положение в этом городе не совсем такое, как в двух предыдущих. Как в Мехельне и в Лувене, так и тут были назначены временные представители еще до опубликования декрета 15 декабря, и эти представители организовали муниципалитет. Но этот город выказал себя сторонником Республики, судя по некоторым его действиям, которых не было в других городах. Сперва он доставил хлеб, фураж, другие предметы как продовольствия, так и необходимого снаряжения для отрядов Республики на сумму 71.747 брабантских флоринов, что равняется 132.000 французских ливров *). Затем он согласился, по просьбе генерала Миранда, на заем в 300.000 французских ливров, из которых уже отпустил значительную часть.

4-й пункт декрета от 15 декабря так же был далек от выполнения в Антверпене в момент нашего прибытия туда, как и в Мехельне и в Лувене. Вчера, 18-го, мы предъявили генералу Марассе требование, сходное с тем, какое мы предъявили к другим генералам. В виду дошедших до генерала сведений, что в городе опасались выполнять 4-й пункт декрета, предполагая, что Республика захочет овладеть всеми имуществами, обозначенными в этом пункте, и велит закрыть церкви, он составил проект прокламации для опубликования ее в момент исполнения декрета, чтобы прекратить клеветы, распространяемые против действий Конвента. Нас уверили, что эта прокламация должна произвести очень хорошее впечатление.

Эти факты показывают, каково может быть состояние общественного духа в Льеже и в той части Бельгии, по которой мы только что проехали. Большинство населения Льежа и его округа, повидимому, желает соединения с Францией. Их первая революция 1791 года принесла им идеи свободы, так оберегаемые и страстно любимые ими. Эти идеи стерли с них всякие следы фаватизма, а месть их деспотов, проявленная в отношении их в 1792 году,

*) Ливр в эту эпоху был равен франку. *Прим. пер.*

сделала их непримиримыми врагами тирании. Их решимость стеснена кое-какими специальными их интересами. Принудительное обращение ассигнаций внушает им опасения, которых у них не было бы, если бы с момента вступления французских отрядов в их город от них не требовали введения у себя нашей денежной единицы.

В Лувене и Мехельне, где очень много священников и монахов, и где они пользуются большим авторитетом, французов не любят.

В Антверпене, где крупная торговля и большое стечение иностранцев уменьшают силу предрассудков, но где, вместе с тем, наличность скопленных крупных состояний заставляет бояться гражданских смут, французов страшатся. Здесь чувствуют цену избавления от ига австрийского дома, однако хотели бы сохранить старинные обычаи, старинные привычки, и теперешние городские заправилы, повидимому, страшатся, как бы народ, крайне проникательный в отношении своих прав, не уменьшил их власть, которой они пользуются столь ревниво.

Во всех этих городах имеются общества свободы и равенства, работающие над просвещением народа. Но в Лувене, Мехельне и Антверпене немногие из местных граждан решаются их посещать. Лувенское общество не упускает ни одного из средств, способных подогреть патриотизм. Последний вторник оно устроило с большой торжественностью печальную церемонию в память французов, павших во Франкфурте *). Мы присутствовали на этой церемонии. Стечение народа было большое, и церемония сопровождалась щедрой раздачей хлеба бедным от имени и за счет общества.

Но в то время, как эти общества стараются распространить свет просвещения среди народа, злонамеренные люди клеветуют насчет действий и видов Конвента. Народу внушают всякого рода ужасы и, таким образом, расхолаживают его естественное желание организовать в первичные собрания для осуществления первых актов своей верховной власти. А между тем временные члены магистрата злоупотребляют именем народа в публикуемых ими протестах и представлениях против декретов Конвента. Не упускаются также случаи для заметок в газетах, что эти протесты были выслушаны Конвентом и пересланы Комитетом. Отсюда появляется

*) См. выше донесение № 2 и пр. к нему. *Прим. перев.*

надежда на некоторые перемены, затрудняющие приведение в исполнение декретов. А из всего этого по меньшей мере следует вывод, что эти временные представители, хотя и не избраны в порядке декрета 15 декабря, однако имеют право говорить и действовать от имени народа, так как принимаются протесты, скрепленные их подписью. А между тем Конвент, объявивший в своем декрете от 15 декабря о признании им впредь за голос народа лишь того, что было бы принято в общих собраниях, доступных для всех граждан, где все присягнули бы свободе и равенству, он мог бы, кажется, принимать и протесты и петиции только от такого рода собраний.

Таковы, граждане коллеги, те, сделанные нами наблюдения, которые мы считаем своим долгом немедленно вам сообщить, потому что они могут быть приняты в соображение для имеющих состояться ваших решений. Мы не преминем сообщить вам с такой же пунктуальностью и о состоянии других городов, в которых, по нашему маршруту нам придется побывать.

Госсюэн, Камю.

7. Конвенту

Комиссары в деп. Мон-Блан.
Шамбери, 31 янв. 1793 г.

Граждане коллеги!

Мы воздержались от представления Национальному Конвенту, занятому делами большой важности, отчетов о нашей деятельности по мере ее развития. Но теперь мы закончим наши труды по подготовке организации Монбланского департамента, остается лишь выждать некоторое время, пока нам не станут известны результаты, а потому настал момент для представления вам краткого обзора наших действий и для того, чтобы отметить, каков общественный дух вокруг нас.

Муниципалитеты организованы. Разделение на округа и проведение границ кантонов представляет большие трудности в стране, покрытой почти непроходимыми горами, и где пробелы карты заставляют все время прибегать к расспросам местных людей.

655 коммун составили 83 кантона и 7 округов с центрами в Шамбери, Аннеси, Куруж, Тонон, Клюз, Мутье и Сен-Жан-де-Мориен. Настоящие обстоятельства заставили нас отдать предпочтение политическим соображениям при определении местонахождения центра департамента в городе Шамбери. Количество населения, около 424.000 лиц, даст 707 избирателей.

При опубликовании законов, относящихся к коммунальным собраниям как первичным, так и избирательным, нам пришлось выполнять щекотливое дело согласования противоречивых законов, и в отмеченных или видоизмененных законах уловить то, что составляет самую их суть, свойственную им, и только им, конструкцию.

О созыве первичных собраний будет объявлено 3 февраля, и они будут созваны на 10-е. Избирательное собрание департамента откроется 17-го, и мы заранее обещаем это, для того, чтобы зависящая от этого срока процедура не испытала какой-либо задержки.

Мы воспользуемся этим промежутком для путешествия по различным кантонам департамента в целях борьбы с соединенными усилиями аристократии и фанатизма, каковые усилия обнаруживаются на тысячу ладов и подлежат немедленному искоренению.

Нашим письмом от 4-го сего месяца мы затребовали у вас оружия и образцов пик, чтобы ускорить формирование гвардейцев и волонтерских батальонов Мон-Блана.

Мы настойчиво повторяем эту нашу к вам просьбу, удовлетворение которой с каждым днем делается все более необходимым в виду передвижения неприятеля по соседству и опасения внутренних смут.

Мы равным образом обратили внимание Национального Конвента на необходимость принять меры к усилению и обеспечению довольствием армии под командой генерала Келлермана. Желательно, чтобы ваш комитет общей обороны распорядился представить возможно скорее требования, упомянутые в письмах этого генерала, военному министру, для согласования их с адресованной нами вам запиской, продолжение которой с важными замечками незамедлительно к вам поступит.

Начинается применение на практике французских законов, сборники которых мы распределили по департаменту. Мы ввели

в обращении ассигнации, но мы все еще боремся с происками алчности, которая, добиваясь введения французской монеты, выработала себе систему: наружно желать бумажных денег, а вместе с тем умножать поводы для затруднения их хождения.

Эти проделки, на ряду со многими другими, где личный интерес сталкивался с патриотизмом, открыли нам существование известного числа лиц, которые обрабатывают изо всех сил город Шамбери и которые из хорошего, но слишком доверчивого народа делают орудие своих интриг. Одни хотят себе мест, другие—возрождения Конвента аллоброгов, третьи—восстановления сардинского короля. Орудуют они в том направлении, чтобы лишить уважения и свести на нет, поскольку они в силах, представителей французского народа. Нам достаточно будет привести несколько фактов. Выразалось желание, чтобы комиссары Национального Конвента не могли принимать совместных решений иначе как в публичном заседании. Воспользовались нашим беспристрастием в отношении выбора административного центра департамента, чтобы оклеветать даже наше молчание. Еще до того, как мы высказали наше мнение или сформулировали какую-либо просьбу к вам, народ подстрекнули идти на чрезвычайные собрания и там составили адрес на имя Национального Конвента, где нас обрисовали как пристрастных и подкупленных людей. Собирались налету, на отдельных листках, подписи глазающей публики, чтобы удостоверить подлинность протокола, который даже и не оглашался. В другом месте, в недрах администрации, имели смелость ставить под знак вопроса наши полномочия, под тем смешным предлогом, что комиссары Национального Конвента не могли де вводить французских законов, не аннулируя этим законодательной и исполнительной власти, несовместимых в одних и тех же руках при свободном правлении; не хотели больше принимать ни одного закона иначе как через посредство Исполнительного Совета, а это отодвигало на более далекий срок поступление в обращение ассигнаций. Еще одна, последняя черта для завершения характеристики общественного духа в Шамбери. Появилась одна чрезвычайно невинная афиша, и муниципалитет затеял против этой шутки нечто в роде судебной процедуры и передал дело, в качестве уголовного, в Сенат. Мы вынуждены были объявить, как новшество здесь, свободу прав человека и свободу печати.

Всем этим противодействиям мы противопоставляем неустанно энергию, возбуждаемую одновременно и чувством свободы, хранительницы национальной чести, которую мы никогда не позволим компрометировать, и утешительной надеждой обрести в громадном большинстве кантонов Мон-Блана ярко выраженный патриотизм¹⁾.

8. Конвенту

Комиссары в Бельгии.
Брюссель, 17 февраля 1793 г.

Граждане коллеги!

Чем больше успехи патриотизма в Бельгии, тем активнее становится здешняя аристократия. Нам сообщено комиссаром исполнительной власти, прибывшим из Остенде, что там публично кричали несколько дней тому назад: «Да здравствует император», а у частных лиц нашли большое количество ружейного и артиллерийского пороха. Генерал Дефлер доводит до нашего сведения, что в Брюгге среди бела дня стреляли по патрулю и убили часового. В самом Брюсселе, на наших глазах, существуют во многих частных домах тайные склады ружей и пороха, но, что еще более замечательно, в складах этих имеются заряды, совершенно не соответствующие калибру австрийского оружия, а только калибру французских ружей. Настроение в городе Намюре не более утешительное. Прибывший оттуда экстренный курьер сообщил нам о происходящей там секретной вербовке волонтеров для поддержки аристократии.

Если бельгийские аристократы позволяют себе все это в то время, когда их окружает и сдерживает большая военная сила, так чего же приходится опасаться с их стороны, когда наступательное движение наших отрядов к Голландии и Рейну оставит почти совершенно без гарнизонов города Бельгии? И чего только не смогут они предпринять с этого момента, даже в Брюсселе и Антверпене; откуда только что отправились легион и в 6.000 человек и дивизион жандармерии, присутствие которых, конечно, производило на них впечатление. Мы приглашаем вас, граждане коллеги, серьезно об этом подумать. Если военный министр не

придет к нам немедленно больших подкреплений, нам нужно ожидать крупных революционных волнений. А что было бы, если бы, по несчастью, наши продвигающиеся вперед отряды понесли поражение, которое принудило бы их сделать хоть один пятый шаг? Тогда наверняка стали бы звонить к «сицилийской вечерне»¹⁾, давая этим сигнал к избению французов, без всякой возможности со стороны бельгийских патриотов прийти к ним на помощь, когда им самим пришлось бы трепетать за свою целостность.

И это не всё. Невозможно сомневаться в том, чтобы Англия не замыслила какой-либо атаки и не направила бы ее предпочтительнее всего на Бельгию, между Дюнкирхеном и Остенде. Уверенная в том, что там она найдет массу друзей, она не преминет туда устремиться. Поэтому весьма существенно снабдить все это побережье воинской силой внушительных размеров. Таково же мнение и генерала Дюмурье, с которым мы совещались по этому поводу.

Спасение Французской Республики, вы знаете это, в Бельгии. Лишь путем присоединения этой богатой страны к нашей территории мы в состоянии восстановить наши финансы и продолжать войну. Но, чтобы достигнуть этой великой цели, необходимо предоставить робким патриотам Бельгии могучие средства обеспечения ее безопасности. Им следует доказать путем усиленного развития наших военных ресурсов, что им нечего бояться возврата австрийского владычества. Рассеяв их страхи, мы увидим их голосующими в огромном большинстве за соединение с Францией, как это уже имело место в 2-х наиболее расположенных к нам городах: в Монсе и Шарль-сюр-Самбр.

Предположим однако, что соединение будет отвергнуто и аристократия окажется торжествующей. При таком предположении мы должны трактовать Бельгию как неприятельскую страну; но, чтобы трактовать ее так, нужно быть особенно сильными.

Точно так же, при всех обстоятельствах, мы вам это повторяем, является безотлагательной необходимостью послать в эту страну от 20 до 25 батальонов и по меньшей мере 2 эскадрона легкой кавалерии, взяв их согласно указанию генерала Сантерр из рядов драгун Республики, расквартированных в Военной Школе.

Мы не скроем от вас и того обстоятельства, что не решаемся

до прибытия указанных военных сил распорядиться созывом первичных собраний. Все наши наблюдения убеждают нас в том, что в этих собраниях произойдет кровопролитие, если не будет налицо солидной военной силы, чтобы сдерживать злонамеренных лиц; и так как эти собрания должны быть без промедления созваны, то мы и сообщаем вам эти наши наблюдения с экстренным курьером.

Без сомнения, мы не получим упрека за постановление, которым мы только что потребовали явки по первому нашему зову национальных гвардейцев в департаментах Северном, Па-де-Кале, Соммы, Эна и Арденском; ведь было бы весьма странным заблуждением ожидать больших успехов от этой меры. В ней нет ничего хорошего, и мы приваля ее лишь для того, чтобы произвести впечатление на контр-революционеров, в ожидании прибытия требуемой нами от вас помощи.

Госсюэн, Делакруа, Мерлен (из Дуэ).

P.S. В тот момент, как мы кончаем наше письмо, прибыл гражданский комиссар по наблюдению за продажей вещей эмигрантов, сообщивший нам о новых движениях, происшедших в Остенде и Брюгге.

Так как нельзя терять ни минуты, мы поручаем нашему курьеру подождать и вернуться к нам с вашим ответом.

9. Президенту Конвента

Комиссары в Бельгии.
Брюссель, 25 февраля. II год
Французской Республики.

Мы посылаем тебе, коллега и президент *), письмо, только что нами полученное из Льежа от национального комиссара¹⁾ Шосара. Наш коллега Делакруа, отправившись в Льеж, повидался с несколькими членами организованной там временной администрации и представил нам доклад о кознях и уловках, употребляемых сторонниками прусской партии, чтобы добиться от обманутого

*) Дюбуа-Крансе. *Прим. пер.*

ими народа, условного согласия на соединение с Францией. Наш коллега указал членам временной администрации на неуместность подобных условий со стороны народа, желающего присоединиться к великой Республике. Он раскрыл им глаза на то, что эти условия, благоприятные для богатых, обременительны для неимущего класса народа, ради блага которого и совершена Революция. Наконец, он им объявил, что Национальный Конвент не согласится на соединение, раз оно было бы ему предложено на условиях абсолютно противоположных принятым им основам управления, а именно: *равенству и свободе*.

Во временной администрации Льежа есть две партии. Одна, состоящая из превосходных патриотов, желает безусловного и полного соединения. Но она в меньшинстве. Другая, более многочисленная, следует системе первой революции в Льеже, совершенной по указке берлинского двора, и не хочет соединения; она-то и настаивает на соединении на известных условиях. Эта партия, хотя и не все еще общины высказали свое мнение, предполагает представить Национальному Конвенту протоколы собраний секций, констатирующие, что соединение было принято большинством, но с формальными условиями.

Ты понимаешь, коллега президент, насколько существенно не допустить чтения этих протоколов перед Национальным Конвентом, а если бы они были представлены временными администраторами, не дать последним слова. Ведь если бы эти резолюции об условном присоединении стали известны в местностях, которые нам предстоит еще присоединить, как Намюр, Остенде, Автверпен, и эти последние не преминули бы высказаться за условное присоединение. Необходимо, чтобы ты отослал обратно к нам сюда эти протоколы с открытым письмом, а мы беремся внушить льежскому народу, который сам по себе превосходен, чтобы он исправил ту ошибку, в которую вовлекли его враги.

Ты понимаешь всю важность предлагаемой нами тебе меры; ожидаем твоего ответа с курьером, который передаст тебе наше письмо. Твои коллеги и друзья:

Д. Лакруа, Камю, Госсюзн, Мерлен (из Дуэ).

10. Конвенту

Комиссары в Бельгии. Тирлемон, 8 марта 1793 г. II год Французской Республики.

Граждане коллеги!

Желание сообщить вам без промедления новости о действительном состоянии армии в связи с приглашениями генералов побудило нас избрать с нынешнего дня местом своего пребывания главную квартиру, которая оказалась расположенной в Тирлемоне. Часть войск все еще находится за Тирлемоном на линии Льеж—Сен-Троп, часть же расположена перед Тирлемоном на линии Брюссель—Лувен. Мы встретили в главной квартире командующего армией генерала Валанса, генералов Миранду, Рюо, Лану, Эгалитэ, Туveno и др. Выработанный ими совместно план таков: расположиться лагерем за Лувеном, вынести аванпосты к Тирлемону, стянуть туда все части армии и продержаться там некоторое время, чтобы они могли здесь переформироваться. Лагерь будет разбит послезавтра, 10-го; сюда будет стянута вся полевая артиллерия; ее начинают уже направлять из Брюсселя, куда она была переведена, на Лувен.

Эти операции производятся с согласия генерала Дюмурье. Они встречают большое сочувствие среди всех генералов. Последние сообщили нам некоторые детали, о которых мы вам делаем доклад в особом письме на имя Комитета общей обороны.

Линейные войска и волонтерские батальоны, вынужденные отступить по сю сторону Мааса, имеют в своем составе две категории людей. Громадное большинство—это brave солдаты, совершившие отступление в полном порядке, переносившие усталость с мужеством, достойным удивления, и обнаруживавшие чувства выше всякой похвалы. Им было жаль покидать жителей Льежа, которых они называют своими братьями, и особенно тяжело было им видеть, что они вынуждены откатываться назад. Их утешили уверениями, что завтрашний отход будет последним, и вместе с тем объяснили причины, требующие сосредоточения всей армии за Лувеном. У этих храбрых республиканцев пережитое ими отступление лишь воспламенило их мужество, заставило их почувство-

вать необходимость дисциплины и бдительности. Они пойдут в бой еще более грозными, чем раньше.

Но есть в армии и другие люди, о наличии которых существенно важно довести до вашего сведения, и против опасных речей которых должны быть предупреждены все добрые граждане. Это трусы, недостойные имени француза, только и ищущие во время боя предлога покинуть поле битвы и, чтобы скрасить свое бегство, кричащие в этом случае об измене, обвиняя в ней всех без различия генералов, ведущих их в бой. Большая часть этих солдат держали путь на Брюссель, куда они явились сеять волнение и смуту. Из них мы встретили нескольких, которые даже теперь, когда они не могут более ссылаться на охватившую их в первый момент панику, бегут от своих знамен.

Сверх того, раздаются жалобы на нескольких командовавших авангардом офицеров по меньшей мере за недостаток бдительности с их стороны, и мы должны вас об этом предупредить; но эти жалобы пока еще достаточно не установлены и точно не выяснены, чтобы их выкладывать перед вами.

Мы глубже вникнем в мотивы этих жалоб и тогда доведем их до вашего сведения. Мы вернемся в лагерь, когда он будет устроен; в настоящий же момент (10 часов вечера) мы возвращаемся в Брюссель, где продолжается тишина и спокойствие, но лишь благодаря пристальному и весьма активному надзору.

Трейяр, Камю.

Первичные собрания продолжают свою деятельность, и во многих общинах голосованием принято соединение с Францией. Мы препровождаем вам протоколы этих собраний.

11. Конвенту

Комиссары в Бельгии.
Брюссель, 18 марта (1793).
II год Французской Республики.

Граждане коллеги!

Мы только что выполнили в Монсе предписанную вашим декретом от 2-го сего месяца работу по организации и разбивке депар-

тамента Жемаппа на округа и кантоны. Он может быть разделен на 3 округа, а если вы признаете подходящим, и Турнези будет сюда присоединен в качестве четвертого округа. Мы не присоединяем к настоящему донесению росписей этих делений департамента, так как она не могла еще быть изготовлена, но мы ее вам пришлем в самом скором времени. Первичные собрания нового департамента будут созваны на следующей неделе.

В течение короткого срока пребывания нашего в Монсе, в минувшую субботу, мы узнали новость о некоторых передвижениях неприятеля вперед от разных занимаемых им пунктов. Мы тотчас же приняли все меры, чтобы быть в точности осведомленными о его передвижениях и чтобы генералы, находящиеся на разных участках фронта, не могли ничего упустить из того, что происходит во всех частях армии. Сегодня вечером мы вручили нашему обычному курьеру копию постановлений, принятых нами по этому предмету и по некоторым другим, но в данный момент мы не должны пренебречь случаем использовать курьера, которого Дюмурье посылает в Париж для извещения вас о новых успехах отрядов Республики. В субботу неприятель продвинулся вперед за Тирлемон; в тот же самый день он был сильно отброшен назад от Тирлемона с весьма значительными потерями людьми и лошадьми. Французских солдат жажда победы сделала неузнаваемыми. Ночь прервала их подвиги. Дюмурье заставил их вчера отдыхать, но нам сообщают, что сегодня все готово для крупного дела.

Мы поставлены, граждане коллеги, в печальную необходимость всегда сообщать вам, как среди наших триумфов, так и при перемене военного счастья, о случаях нарушения дисциплины, грабежа и эксцессов со стороны некоторых солдат. Необходимы репрессивные меры, притом способные достаточно быстро показать пример нелицеприятной строгости, если вы хотите, чтобы наши отряды не возбудили к себе ненависти народов, к которым они несут нашу вооруженную силу. Нужно, чтобы благословляли имя французов повсюду, где приспешники тиранов принуждены уступить французам землю, долженствующую стать вполне счастливой благодаря свободе и республиканским добродетелям.

Раньше мы предлагали вам обратить внимание на другой предмет, а именно на дезертирство волонтеров, которые все возвра-

щаются к своим домашним очагам, и ими, как мы наблюдали, густо усеяны дороги. Но теперь зачем мы будем возиться с этими трусливыми беглецами, когда мы видим, что те же самые опозоренные их бегством дороги заполнены огромной массой национальных гвардейцев из соседних департаментов, явившихся по первому сигналу об опасном положении отечества, и когда ничего более не остается, как только одерживать победы? Но лавры созданы не для этих презренных существ, которых ужасает грохот многочисленной артиллерии и даже вид нескольких улан. Пусть возвращаются они в свои неизвестные жилища, пусть стараются укрыть в них свой позор, и, если они не погибнут от раскаяния и скорби, пусть презрение сограждан навеки отомстит им за Республику, приказ которой пойти на защиту свободы они отказались выполнить.

Трейлар, Госсюэн, Камю, Мерлен (из Дуэ)

12 Конвенту

Комиссары в Сартском и Мэн-Луарском департаментах.
Анжер, 19 марта 1793 г. II год Республики.

Граждане законодатели!

Как только нам стало известно о том, сколь тревожно прогрессируют волнения, вспыхнувшие в департаменте Мэн и Луары, мы сейчас же отправились туда. Собраны и непрерывно заседают все административные учреждения: мы вам пишем в самый разгар их работы.

Вы знаете уже, что сообщение между Анжером и Нантом окончательно прервано. Мы были вынуждены приостановить судоходство в той части реки Луары, берега которой заняты бандитами. Мы восстановим его, как только обстоятельства сделают это возможным. Мы потребовали, чтобы из соседних департаментов двинулись на помощь данному департаменту имеющие оружие граждане. Большое число их уже собралось, но у нас мало оружия, а наш противник велик числом и, повидимому, имеет солидных вождей.

Не смешивайте этого движения с теми, проявления которых вы наблюдали в различных частях Республики. Пожар охватывает огромное пространство и представляет характерные особенности. Здесь идет настоящая война. Идет захват городов и военных стоянок, при чем забираются и пленники. Одним словом, налицо целая королевская и папистская армия, т. е. колонны численностью в 7—8 тысяч человек, водружающие все знаки контр-революции и заявляющие, что они сражаются за короля и попов.

Мы употребили все зависящие от нас средства, чтобы остановить этот преступный бунт. Но мы думаем, что Съезд *) не в состоянии принять слишком крупных мер для быстрого подавления этого бунта.

Административные учреждения ведут себя с достохвальным рвением и энергией, патриотизм и неослабное мужество всех вооруженных граждан оказывают нам превосходную помощь. А кроме того можете рассчитывать на все имеющиеся в нашем распоряжении силы и средства. Мы сознаем наш долг и выполним его.

Наконец мы обратим ваше внимание и на то, что было бы чрезвычайно важно предоставить уголовному трибуналу Анжера быстро творить суд и расправу, примеры чего могли бы устрашить бандитов. Существующая судебная процедура, даже та, которую вы установили для революционного трибунала, чересчур длинна. Мы предложим вам меры, способные, по нашему мнению, ускорить отправление судебных дел без умаления гарантий правосудия для обвиняемых.

13. Национальному Конвенту

Комиссары в департаментах Двух-Северском и Вандейском. Фонтенеле-Пеньль.
19 марта 1793 г.

Граждане коллеги!

Мы прибыли 17-го сего месяца в Ниор, главный город Двух-Северского департамента, и получили здесь все текущие справки

*) Местных административных учреждений. *Прим. пер.*

о фанатических восстаниях, разразившихся в разных местах Двух-Северского, Вандейского и Майенн-Луарского департаментов. Из Ниора мы переехали, 18-го, в Фонтенэ-ле-Пёбль, где, по нашему мнению, страх перед бандитами посеял ложную тревогу, причинившую больше зла, чем сами бандиты. Тут мы узнали, что 17-го, близ Шантоннэ, генерал Марсе разбил бандитов, потерявших убитыми более 100 человек, и отбросил их дальше, на две или три мили. В то же самое время мы, с великим удовлетворением, убедились воочию, что к нам со всех сторон стали прибывать подкрепления, и что власти Двух-Северского и Вандейского департаментов, в полном согласии друг с другом, обнаруживают величайшее рвение, величайшую энергию и большую сообразительность в столь критических обстоятельствах.

Граждане коллеги, прежде чем перечислять вам причины этих фанатических восстаний, мы должны вам сказать, что здешние события раздуваются страхом, а на ряду с этим и системой фальшивых тревог и преувеличений, которые в ходу в этих департаментах, как и в Париже. Размеры этих событий, мы утверждаем это, чудодейственным образом уменьшались на наших глазах по мере того, как мы приближались к центру фанатических восстаний. В Пуатье говорили, что число бандитов доходит до 20.000; в Ниоре их насчитывали уже только 10.000; а в Фонтенэ-ле-Пёбль для нас оказывается несомненным, что число бунтовщиков во всех 3 или 4 различных группах, в направлениях: Нижне-Луарском, Майенн-Луарском, Двух-Северском и Фонтенэ-ле-Пёбльском, не превосходит и 6.000. Эти бандиты никогда не совершают передвижений ночью; они рассыпаются по различным деревням вплоть до утра, когда они только и принимаются за свой разбой и резню. Вместе с многочисленными, прибывающими к нам со всех сторон, подкреплениями мы должны принять меры к тому, чтобы устраивать облавы на этих бандитов, как на волков, обступая их со всех сторон и сбрасывая их в море.

Для этой цели было бы чрезвычайно важно, чтобы военный министр поспешил прислать к нам очень энергичного, хорошего патриота и весьма искусного в своем деле генерала со штабом, а также военных комиссаров, дабы ввести порядок в операции такого рода гражданской войны. Мы собираем сведения о деревнях, откуда вышли бандиты, чтобы на этот раз народное право-

судие сурово обрушилось на зачинщиков и пособников этих фанатических восстаний. Ведь, главным образом, безнаказанность явилась причиной этого второго движения, гораздо лучше подготовленного, чем бывшие в минувшем августе в том же самом Вандейском департаменте. По имеющимся у нас сведениям, как кажется, главными вождями бандитов являются эмигранты, их слуги и фанатики-попы. На побережья замечали несколько раз высадки 8, 10, 15 лиц, на которых есть подозрение, что это прибывшие из Англи эмигранты. Слуги и арендаторы у эмигрантов вместе с фанатичными попами, вот кто подготовил эти восстания или своими речами, или же при помощи печатных циркуляров; есть вероятие, что это давно уже задуманный проект, который осуществили во всей полноте с целью помешать воинскому набору.

Сегодня мы перебираемся в главную квартиру ради согласования наших мероприятий с нашим коллегой Ниу и генералом Марсе. Мы не будем говорить вам об ужасном убийстве этими бандитами нескольких патриотов. Мы лишь думаем о мщении за них и будем действовать с уверенностью, подсказанной нам нашим мужеством и мудростью Национального Конвента.

Шоле не был предан огню, хотя он и очутился во власти бандитов. В сражении 17-го при Шантоннэ у бандитов убили, кроме 100 из их числа, и их вождя, в котором был опознан эмигрант. У них взяли 3 артиллерийских орудия, 1.200 порций хлеба и 1.200 зарядов. Это вполне точные детали. Во второй нашей депеше мы сообщим вам еще большие подробности; а сегодня мы стеснены и подавлены массой разнообразных дел, и у нас нет времени подумать ни о гладком стиле, ни о систематичном изложении нашей депеши.

Ваши коллеги

Карра, Огюи.

P.S. Набор прошел надиво в тех округах, как Двух-Северского, так и Вандейского департаментов, которые не попали под удары бандитов, и в частности в Ниоре и Ниелль.

14. Конвенту

Комиссары в департаментах Об и Ионны. Тура, 21-го марта 1793 г. II год Республики.

Мы препровождаем вам, законодатели, постановление, изданное нами в силу угрожающего положения с рыночными ценами в городе Ножан-на-Сене. Мы питали уважение к принципу свободного обращения хлебных злаков, но не могли допустить, чтобы эта свобода достигла предела, за которым начинают терпеть голод места, где как раз был собран этот хлеб. Вследствие этого мы уполномочили местные власти потребовать от тех из трудящихся на земле, у кого они найдут полные закромы, чтобы каждый из них доставил на городской рынок известное количество хлеба, достаточное для удовлетворения нужд местного населения, с продажей затем этого хлеба по справочной цене. Мы сочли эту меру необходимой для общего блага и не сомневаемся в том, что вы ее одобрите.

Комиссары Национального Конвента в департаментах Об и Ионны

Л. Тюрро

15. Конвенту

Комиссары в департаментах Эндр-Луарском и Луар-Шерском. Тур, 21 марта 1793 г., II год Французской Республики.

Граждане коллеги!

Разнообразные смуты волнуют многие из департаментов Республики, и мы в разгар их спешим довести до вашего сведения новости, пришедшие к нам в эту ночь из Майенн-Луарского департамента. Сегодня они до некоторой степени утешительны. Армия бандитов состоит из 3-х колонн; армия патриотов имеет такое же подразделение. Рвение граждан обнаруживается повсюду

с той энергией, которая свойственна лишь народу, сражающемуся за свою свободу; и вполне уместно надеяться, что через несколько дней победа будет обеспечена за патриотами.

Эндр-Луарский департамент, в котором мы сейчас находимся, развил величайшую энергию. К нам прибывают со всех сторон многочисленные батальоны. В настоящий момент берега Луары полны вооруженных людей, боевых припасов, обозов с продовольствием. Равным образом и соседние департаменты требуют от нас значительных подкреплений. Мы направляем все наши силы на Сомюр, чтобы оттуда идти на помощь к Анжеру и на Шинон, а оттуда на помощь к Туару, где в данный момент находится в сборе значительная часть армии патриотов. Одного лишь нам недостает, как мы об этом уже писали, это высших офицеров; в них мы ощущаем особенно настоятельную нужду.

Рота канониров 2-го артиллерийского батальона пришла вчера сюда для дальнейшего следования в Брест. Мы сочли своим долгом потребовать от нее немедленного отправления походом на Сомюр, где она будет крайне необходима в виду перерыва его сообщений по другим направлениям. Мы сочли за благо направлять храбрых воинов, как того они громогласно требовали от нас, туда, где опасность была особенно гнетущей, и сейчас же об этом известили военного министра.

В департаментах Луар-Шерском и Эндр-Луарском набор благополучно заканчивается, несмотря на тайные проiski врагов Революции, чьи преступные надежды нашли себе опору в первых успехах бандитов. Многие общины доставили новобранцев свыше положенной нормы; нигде не было ропота; всюду величайшие жертвы приносились с живейшей поспешностью.

Предмет нашей командировки сильно осложнен смутами внутри страны; но нас не страшат размеры наших обязанностей и нашего долга. Мы встречаем себе поддержку со стороны местных властей, которые в первые же моменты опасности приняли весьма мудрые меры, чтобы не только отбросить неприятеля, но и обуздать злонамеренных лиц. Город Тур объявлен на военном положении, и мы готовимся выдержать осаду, если придется. В случае появления неприятеля он встретит мужественное сопротивление. Департамент распорядился подвергнуть заключению всех смутьянов попов, а также людей известных за плохих граждан, и заста-

вил родственников эмигрантов ежедневно являться в административный центр своего округа. Мы одобрили все эти меры, вынужденные теми трудными обстоятельствами, в которых мы находимся.

В данный момент прибывают из всех соседних городов и общин люди, боевые припасы и продовольствие. Мы даже вынуждены умерять пыл граждан; ибо все они хотят отправки на фронт. Вот одна из черт гражданской доблести, о которой мы считаем своим долгом довести до вашего сведения: община Блере из Амбуазского округа, население которой не доходит до 1.000 душ, выставила в августе месяце 108 волонтеров; она только что выставила еще 23, а сверх того послала отряд в 300 человек для спешной помощи Сомюру. Один из этих 300 бежал и вернулся к своему домашнему очагу. Тотчас же муниципалитет распорядился его арестовать и препроводить под вооруженной охраной в Тур, чтобы он был наказан за свою трусость. То же самое рвение продолжается повсеместно. Бедные матери семейств приходят с предложением имеющегося у них хлеба. Одни лишь богачи не разделяют этих теплых чувств. Они прячутся, подобно заговорщикам, и не принимают на себя никаких жертв. Поспешите организовать способ раскладки, в принципе вами уже декретированного военного налога. Все добрые граждане ожидают с нетерпением этого закона, и можете быть уверены в том, что найдете в администрации тех двух департаментов, по которым пришлось нам проехать, величайшее рвение в работе по сбору этого чрезвычайного налога. Вы можете судить об этом по такому факту: Эндр-Луарский департамент постановил, что он не даст ходу какой бы то ни было петиции, пока тот или те, кто ее подают, не покончат с уплатой всех своих налогов.

Комиссары Национального Конвента в департаментах Луар-Шерском и Эндр-Луарском

Гупильо. Тальен.

16. Конвенту

Один из комиссаров в департаментах Нижней Луары и Майенн. Ренн, 21 марта 1793 г.

Граждане коллеги!

Объехав благополучно большую часть департамента Майенн, я отправился в департамент Нижней Луары, когда сбитые с толку и пришедшие в ярость люди вынудили меня податься назад. Я решил испробовать все пути. Если мои попытки окажутся безуспешными, я вернусь в департамент Майенн и закончу там мою миссию, которая, как я надеюсь, будет весьма удачна. Не найдется ни одной общины, которая не представила бы полностью новобранцев, а окажется много и таких, где мы найдем излишек. Вы не сможете достаточно нахвалиться всеми местными властями, всеми национальными гвардейцами; их мужественной стойкости, их революционным мероприятиям обязаны мы царящими в департаменте тишиной, порядком и горячим патриотизмом.

Когда был опубликован закон о наборе, национальные гвардейцы были мобилизованы для надзора за злонамеренными лицами. Все вожди аристократии, все приспешники эмигрантов, все священники были выгнаны из своих углов и помещены в дома заключения; есть округ, по имени Крон, и маленькая община, именуемая Реназе, где подозрительные лица (это — так называемые умеренные) были отданы под надзор и по малейшему поводу арестовывались. Если бы повсюду обнаружили ту же самую бдительность, набор не испытал бы никаких затруднений, но нужно сказать, что все погубила мягкость администрации. Каждый хотел избавиться от призыва своего друга, родственника друга и т. д., и благодаря ложной системе спиходительности и терпимости они предали свое отечество, поставив его на край пропасти.

От имени граждан департамента Майенн я настаиваю на сделанных уже мною вам предложениях: 1) ускорить отправку военных агентов и ружей, 2) немедленно учредить в каждом департаменте разъездной революционный трибунал; уполномочьте ваших

комиссаров назначать судей революционного трибунала из числа окружных судей, и в несколько дней трибунал будет организован.

Тюрьмы битком набиты людьми, взятыми с оружием в руках: добрые граждане опасаются увидеть их опять ускользнувшими от меча правосудия. Есть такой преступный поп, которого арестуют четвертый раз. Народ был вчера в величайшем возбуждении по этому поводу, когда я проезжал в Витре. Он собрался толпой вокруг моего экипажа и настаивал, чтобы я отправился в тюрьмы для выполнения там обязанностей судьи. Многие из этих великодушных граждан оплакивали своих перебитых братьев и друзей и ограничивались жалобами на безнаказанность их убийц.

Фуше, депутат, комиссар.

P.S. Мой коллега *) все еще болен; надеюсь, что через несколько дней он сможет мне сопутствовать.

17. Национальному Конвенту

Комиссары в Двух-Северском и Вандейском департаментах. Ларошель, 21 марта 1793 г.

Граждане коллеги!

Надежды, возбужденные в нас победой 17 числа этого месяца над вандейскими фанатиками-бандитами, были жестоко обмануты благодаря трусливейшей неспособности или же трусливейшему предательству. Главнокомандующий Марсе, тот самый, что 17-го разбил наголову бандитов на равнине близ Шантоннэ, 19-го числа захотел во что бы то ни стало ввести находившийся под его командой отряд из 3.000 человек в окаймленную лесом теснину, где и был наголову разбит; это непременно должно было случиться, так как все его войсковые части, ничем не прикрытые, находились на большой дороге, между тем как отряды бандитов находились в лесу, под прикрытием артиллерийского и ружейного огня. Такое положение, конечно, как только побежали первые трупы, посеяло такую панику, что при первых ружейных выстре-

*) Виллер. *Прим. пер.*

лах, выпущенных нашими же, около 800 национальных гвардейцев и вооруженных крестьян покинули наши ряды и обратились в бегство. Большинство конных граждан подали пример трусости и первыми прибыли в главную квартиру в Сен-Эрман. Мы сами прибыли туда из Фонтенэ-ле-Пёплэ три часа тому назад с намерением направиться к отряду под начальством Марсе и сместить этого генерала, бывшего для нас весьма подозрительным и не вызывавшего нигде доверия патриотов. Бывший с ним наш коллега Ниу напрасно уговаривал его ретироваться вместо того, чтобы начинать этот бой.

Граждане коллеги, мы не будем говорить вам о той скорби и негодовании, которыми мы были проникнуты при виде поспешного отступления частей национальной гвардии, вооруженных, помимо всего прочего, прекрасными артиллерийскими орудиями, а между тем эти части не смогли продержаться и часу против бандитов, не имевших ни одной пушки *) и вооруженных в большинстве своем вилами и дубинками. Что нас особенно поразило, так это стремительное отступление многих офицеров и солдат конной гражданской милиции, из которых ни один не получил ни малейшей царапины: все прибывавшие к нам раненные были из пехотных частей. Национальная жандармерия, наоборот, совсем не покидала своего поста и отступила лишь последней.

Сражение началось в 5¹/₂ часов вечера, что представляло собой вторую непредусмотрительность или же вторую изменническую комбинацию; ведь не при наступлении же ночи следует атаковать бандитов, притаившихся за деревьями, чтобы оттуда подстреливать наших людей. Этому обстоятельству также можно отчасти приписать панику и поспешное бегство наших воинских частей.

Занятые всю ночь с 19-го на 20-е ободрением солдат, отдачей приказов о распределении им продовольствия, мы надеялись на возможность удержать остатки этого отряда наших войск на позиции в Сен-Эрман, отстоящей на 7 миль от поля битвы; как раз на этой позиции находился резерв, численностью около 1.700 человек. Чтобы достигнуть цели с полной уверенностью, мы объявили

*) Только что говорилось, однако, что пушки у инсургентов были. *Прим. пер.*

войсковым частям о смещении генерала Марсе и о назначении на его место полковника Бульяра, весьма ценного истыми патриотами бравого солдата. Но никакие наши уговоры, усилия и речи ничего не могли поделать среди царившего неимоверного смятения при отсутствии штаба, командования, списков. Одни возвращались к себе домой, не говоря ни слова, другие направлялись по Фонтенейской дороге; громадное же большинство с артиллерией, в которой только одно орудие было потеряно, держало путь к Ларошели. Лишь тогда ваши комиссары, подавленные скорбью и усталостью и видя себя покинутыми почти всеми, к 5-ти часам утра приняли решение последовать за отступавшей к Ларошели артиллерией.

В этот город мы прибыли вчера вечером с нашими коллегами Нпу и Трюльаром и начали свою деятельность с ареста и отвода в тюрьму бывшего генерала Марсе. Вслед за этим мы возьмемся за удаление с должности коменданта Ларошели генерал-лейтенанта Вертейля, по следующим основаниям: 1) сын этого коменданта, давнишний эмигрант, стоит, как положительно утверждают, во главе вандейских бандитов, 2) как раз Вертейль избрал Марсе командиром только что уничтоженного отряда войск, и 3) мы сильно подозреваем его в сношениях с нашими врагами, и не подобает, чтобы Ларошель находилась в руках такого подозрительного человека!

Мы немедленно разошлем по всем соседним департаментам прокламацию и потребуем от всех установленных властей набора, в короткое время, вооруженной силы в 30.000 человек по меньшей мере, чтобы начать преследование бандитов сразу в нескольких пунктах.

Представляется делом весьма большой важности остановить повсюду не только их грабежи и убийства, но и увеличение их скопищ при распространении их из одной местности в другую; эти скопища они увеличивают путем насилия, захватывая жителей сел и городов и принуждая идти вместе с ними.

Итак, мы настаиваем перед Конвентом на том, что военный министр обязан послать в эти области одного или двух дивизионных генералов с офицерами генерального штаба, военных комиссаров и, если возможно, один или два линейных полка с стрелками и гусарами для формирования главного ядра действующей

в Вандее армии. Остальные части этой армии будут скоро собраны. Ведь Двух-Шарантский, Двух-Севрский, Вьенский и Верхне-Вьенский департаменты, а также Жиронда доставят нам изрядное количество патриотов; ведь, по счастью, во всех этих департаментах мы имеем директории с хорошим составом.

Самый сильный враг, с которым нам приходится бороться в этих краях, это паника. Вы не поверите, граждане коллеги, насколько эта болезнь заразительна, и насколько нам трудно лечить ее повсюду, где мы проезжали. А между тем истинное лекарство от этого зла будет обретоно в тех энергичных и решительных мерах, которые будут приняты Национальным Конвентом.

Равным образом мы распорядились арестовать старшего сына Марсе, который сегодня хотел выехать из Ларошели, чтобы сообщить, как он утверждал, новости своим родным. На его бумаги, так же, как и на бумаги его отца, наложены печати, и у нас есть серьезные основания верить тому, что поведение Марсе имеет тесную связь с недавно открытым Комитетом надзора заговором бывших обитателей Бретани и Пуату, незаметно рассеянных по этим провинциям. Конвент решит, должны ли Марсе и его сын быть преданы суду уголовного трибунала, учрежденного для изменников и заговорщиков. Наверняка единственным средством устроить этих изменников и заговорщиков было бы ускорение наказания тех, кто попадает в наши руки. Жалобы и упреки солдат и офицеров по отношению к Марсе кажутся нам весьма вескими свидетельствами против него.

Ваши братья и коллеги

Карра, Огюи.

P.S. В самый момент отбытия нашего курьера, к Ларошели направляется колонна, состоящая из остатков небольшой армии бывшего генерала Марсе, чтобы самой учинить над ним суд и расправу. Мы надеемся, прибыв к этой колонне, успокоить ее обещанием, что Марсе скоро будет привлечен к суду нового трибунала.

18. Устный доклад Камю, одного из комиссаров в Бельгии, в заседании Национального Конвента 22 марта 1793 года.

Гражданин Камю, один из комиссаров Конвента, прибыв из Бельгии, сделал беглый обзор нашего положения в настоящий момент в этой стране:

«Дюмурье, вернувшись в Брюссель неделю тому назад,—сказал Камю,—расположился лагерем между Лувеном и Тирлемоном; его передовые посты подступили вплотную к этому последнему городу. В субботу утром неприятель атаковал и взял Тирлемон; в полдень армия выступила в поход, и вечером Тирлемон был взят обратно. Воскресенье ушло на приготовления к бою на следующий день. Завязалось горячее дело, продолжавшееся весь понедельник. С той и другой стороны сражались с величайшим мужеством; та и другая сторона взяли по многу пленных. Дюмурье командовал всей армией; командование центром он поручил Эгалита, правый фланг Валянсу, а левый—Миранде. До 4-х часов полудни перевес, казалось, был на нашей стороне; но как раз в это время неприятель получил в подкрепление свежие воинские части, и битва разгорелась снова. Левое крыло французской армии стало отступать; правое еще держалось. Валянс был впереди и выказывал чудеса храбрости; он обрушился на неприятеля во главе кавалерии, но его войска не последовали за ним с тем порывом, который воодушевлял его самого; он был окружен и отбит силами одних лишь своих адъютантов, многие из которых так и не вернулись с этого дела. Валянсу удалось выпутаться из этого положения и пробиться сквозь линию неприятеля; но потеря им шляпы обратила на него внимание и вызвала преследование со стороны врага. Он получил 3 удара саблею в голову и обезоружившую его контузию в правую руку: тогда он все-таки проложил себе дорогу, взяв пистолет в левую руку. В настоящее время он в Брюсселе; Мерлен и Госсюэн его там видели; он с ними разговаривал; его раны не считают смертельными.

Общее представление об этом деле заставляет прийти к тому, во 1-х, что в этом весьма жарком деле пролилось много крови с обеих сторон, и, во 2-х, что наша армия в своем громадном большинстве держалась великолепно.

Дюмурье прав в своих жалобах на недисциплинированность воинских частей; они допускают эксцессы такого рода, что крестьяне на колени вымаливают у них свое имущество и свою жизнь. Эти эксцессы спровоцированы трусами, которые, убегая, кричат об измене, поднимают шум о том, что неприятель убивает всех французских пленных; так что нередко, когда мы, при вступлении нашем в города, действительно встречались с фактом их избития, и солдаты наши в свою очередь стали простирать свое мщение на несчастных крестьян.

Военные суды не удовлетворяют своему назначению. Во вторник вечером комиссар-аудитор ¹⁾ сообщил нам, что число задержанных за воровство и за нарушение дисциплины превысило 160. Невозможно, когда армия в походе, созывать присяжных и заслушивать свидетелей, и все-таки приходилось доставлять их в лагерь для отправления ими судебных обязанностей. Дороги усеяны дезертирами. Дантон и Делакура, возвращаясь сюда, встретили массу их; они держали путь назад к себе домой.

В Монсе генерал Ферран уведомил меня о том, что неприятель кинулся на Намюр, одновременно сражаясь против Дюмурье. Командовавший там Гарвилль оказал сопротивление неприятелю, нанеся ему потери убитыми и захватив у него много пленных. Он два раза, в различные дни, был атакован, и все время верх был на его стороне.

Генерал Ферран только что прислал ему подкрепление. Накануне он примерно проучил 27 беглецов отряда стрелков, набранных в Монсе. Этот отряд, при его отправлении, был в великолепном состоянии духа, но стоило распространиться слуху о поражении, целая треть отряда моментально разбежалась. Ферран приказал арестовать виновных, из них велел обрить шестерых, которых отправил в армию, чтобы они демонстрировали свой позор, и которых он потом отправит в тюрьмы Монса с целью подвергнуть их наказанию.

Вам представили в чрезмерно преувеличенном виде то состояние духа, которое господствует в Бельгии. вас ввели в заблуждение словами, что эти провинции во власти жесточайших смут, и что жители их раздражены против нас. На самом деле были совершены ошибки, давшие место частичным движениям, но последние совсем не передалась крупным городам, за исключением Турне,

где все моментально было умирено. Виновниками этих волнений можно считать некоторых комиссаров исполнительной власти, которые, приводя в исполнение закон 15-го декабря прошедшего года, совершили ряд предосудительных поступков. Мы вызвали их и предписали им не принимать никаких мер без уведомления нас об этом. Мы предложили всем обывателям самим доносить нам о злоупотреблениях и распорядились вернуть церквям все предметы, необходимые для отправления религиозного культа. С тех пор все успокоилось. С бельгийским народом нужно обходиться осторожно; он хочет свободы, но он хочет также, чтобы по отношению к нему уважали права человека. При умной политике народ Бельгии превратится в преданных и верных французов; и в скором времени вы увидите их в качестве депутатов, заседающих среди вас.

В четверг, 15-го, мы предписали административным властям распорядиться задержанием и возвращением в армию дезертиров, не включая в их число солдат, имеющих удостоверения из госпиталя, отпускные билеты из их частей и проходные свидетельства, выданные военными комиссарами. Мы решили требовать эти свидетельства потому, что многие дезертиры, разграбив госпитали в Льеже и Э-ля-Шапельль завладели имевшимися там билетами и выдали их таким же дезертирам из волонтеров, как и они сами.

Мы постановили, что эти волонтеры обязаны сдать свои ружья, сабли и патронташи комендантам крепостей, и что города, которые будут укрывать беглецов, обязуются экипировать и снабдить довольствием столько же волонтеров, сколько они укрыли дезертиров»

19. Конвенту

Комиссары в департаментах Ниверском и Луаретском. Орман, 22 марта 1793 г. II год Республики.

Граждане коллеги!

По прибытии в Орлеан мы ознакомились с декретом Конвента об ужасном посягательстве на жизнь представителя народа, которое случилось в этом городе ¹⁾. Нашей первой заботой было распорядиться исполнением этого декрета, так как назначен-

ные этим самым декретом 3 комиссара еще не прибыли. Однако муниципалет продолжал со своей стороны направлять это важное расследование, к которому он был притянут. Хотя и взятый под подозрение, он продолжал свою деятельность, так как департамент считал, что он не уполномочен его заместить. А мы сделали это. и должностные лица, заслужившие самое суровое порицание с вашей стороны, были отстранены согласно требованию опубликованного декрета. Мы посылаем вам копию требований и приказов, данных нами по этому поводу. На основании точных сведений мы рассудили, что начатое расследование будет весьма неполным. Агентов министра юстиции еще нет налицо; по нашему званию нам не подобало заменить, но мы рассуждали, что нам принадлежит право предписывать все меры, содействующие правосудию и истине. Вследствие чего мы назначили 10 граждан, чтобы они, разбившись на различные секции, собирали показания лиц, знакомых с фактами и обстоятельствами, сопровождавшими это покушение, преследуемое национальным правосудием. Агенты министра юстиции воспользуются этими распоряжениями так, как они найдут подходящим, и препроводят вам копию их. Если другие комиссары, наши коллеги, придут сегодня, мы стоворимся с ними насчет мер общей безопасности, до крайности необходимых; мы считаем, что они задержались только потому, что они хотят прибыть со внушительной вооруженной силой. Но, граждане коллеги, пусть даже мы были бы одни, но с вашими декретами в руках мы сочли бы себя достаточно сильными. Достаточно мановения нашей руки, чтобы объединить вокруг нас бесстрашных санкюлотов, всегда готовых поддержать исполнение ваших декретов. При их поддержке, если наши коллеги и не придут, мы сочли бы возможным разрешить выступить отсюда задержанному здесь батальону Финистера, без которого не могут дальше обходиться разоряемые контр-революционерами департаменты, где опасности растут с каждым днем. Под сенью нескольких пик свободы мы заставим дрожать мрачную и свирепую аристократию. Мы приступим к разоружению подозрительных лиц и отдадим распоряжение об аресте, во исполнение вашего декрета, той части национальной гвардии, которая несла службу в коммунальном доме 16 сего месяца. Было бы нужно также лишить свободы неприсягнувших священников, которых здесь необычайно

многие и которые здесь, как и везде, представляют весьма зло-
вредный элемент. Быстрота, с которой мы осуществили в Мелене
подобные мероприятия, предупредила прискорбные инциденты.
Предписанные нами обыски на дому решительно обессилили зло-
намеренных и открыли много существенно важного. Тут обнару-
жились странные вещи: например, нашли церковные мантии и
эпитрахили, спрятанные между тюфяками у нескольких женщин,
известных своим ханжеством; нашли это в домах, где подозревали
спрятанное оружие, а между тем тут натолкнулись на оружие ре-
лигиозного фанатизма, которое является по меньшей мере столь же
опасным, как и всякое другое. Оказавшие нам полное содействие
администраторы Ниеврского департамента сообщили нам, что с
принятием этих мер спокойствие было прочно установлено.

Набор, затрудненный аристократией, будет закончен, как мы
на это надеемся, в понедельник. Мы отправляемся подогнать его
и в Орлеане, где он был приостановлен вследствие имевших там
место кровавых событий. Состояние здоровья Леонара Бурдона
удовлетворительно в такой степени, в какой только можно этого
желать, и он сам не замедлит вернуться на тот пост, на который
вы его назначили.

Комиссары Национального Конвента в департаментах Ниевр-
ском и Дуаретском

Колло д'Эрбуа, Лаплани.

20. Конвенту

Комиссары в Морбиган-
ском и Финистерском депар-
таментах. Ренн, 22 марта 1793 г.
II год Республики.

Граждане коллеги!

Мы не могли еще проникнуть во вверенные нам департаменты.
Прибыв в минувший понедельник в Ренн, к 10 часам вечера, мы
узнали, что в ряде приходов, соседних с этим городом, а именно
по дороге отсюда на Ванн образовались крупные вооруженные
скопища. На следующий день мы повидали администраторов Иль-
Виленского департамента, подтвердивших нам то, что мы узнали

накануне. Торопясь приняться за вверенное нам дело и разделить
опасности с двумя комиссарами Морбигана, которые, как нам
сказали, находились в Малетруа с вооруженной силой, мы попро-
сили показать нам дорогу, по которой мы могли бы туда про-
браться без препятствий; они заверили нас, что мы могли бы
пробраться через Редон, и прибавили, что утром туда выступили
отряды, которые мы, быть может, могли бы догнать. Так как почта
в настоящий момент не имеет лошадей и по этой дороге нет пе-
рекладных, департамент распорядился снабдить нас артиллерий-
скими лошадьми. Мы отправились, взяв с собою гражданина
Корню, судью трибунала Делярош-Бернар, которому удалось спа-
стись при пожаре его дома и при резне патриотов в этом не-
счастном городе. Во всю дорогу мы только и слышали разговоры,
что о бандитских скопищах. В двух милях мы встретили группу
в 60—80 человек крестьян; все с ружьями, они остановили еха-
вшего перед нами курьера, это были отряды национальной гвардии
из Лайе и Бур-де-Комт, спешившие на помощь Ренну, которому,
как им сказали, грозила опасность. Нас они встретили как истые
патриоты. Мы их ободрили и обещали им довести до сведения
Национального Конвента об их храбрости и об их рвении. Прибыв
в маленький городок Гишен, в четырех милях от Ренна, мы нашли
там непрерывно заседающий муниципалитет, занятый распреде-
лением жилищных ордеров бесконечному количеству бравых кре-
стьян собравшихся сюда, чтобы рассеять и прогнать бунтовщиков.
Мы отправились к месту заседаний; он нам заявил, что не
хочет допустить, чтобы мы продолжали свой путь, что он только
что узнал через своих разведчиков, что звон набата раздастся во
многих приходах, что повсюду образуются скопища, и муниципалитет
был бы в страшном отчаянии, если бы жизнь представителей
народа была предоставлена ярости аристократов, добавляя, что
он послал 2 отряда, один в 50, а другой в 30 человек, к 2 раз-
личным пунктам, где скоплялись мятежники. Нам было невоз-
можно сопротивляться настояниям этих отважных людей. Мы за-
метили к тому же, что наше присутствие и наши советы ободряли
их и удваивали их мужество. Мы решили поэтому провести ночь
с ними. Было уже 5 часов вечера. Они отрядили троих из своей
среды в департамент для истребования отряда линейных войск.
Мы присоединили наши настояния к их просьбам, прося департа-

мент уведомить нас, могли ли бы мы продолжать беспрепятственно наш путь. Около 11 часов вечера муниципалитет поспешил нам сообщить, что один из его отрядов, в составе 50 человек, атаковал у местечка Говен, в полуторе мили от Гишена, от 400 до 500 мятежников, из которых они 4 убили, 10 увели, и ни один патриот не был ранен. Вскоре мы были свидетелями прибытия этого отважного отряда, под командой граждан Бидара и Дайо, с 10 пленниками. Большинство из них имели ружья, а у остальных были вилы, серпы и проч. Все кричали: «Да здравствует нация, да здравствует Национальный Конвент!» Мы предложили муниципалитету допросить их через мирового судью и распорядиться наивозможно скорейшим отводом их в тюрьмы Ренна. Немного времени спустя явился гражданин из Понтреана с просьбой о помощи этой деревне, к которой, повидимому, подступали мятежники. Сейчас же послали туда 60 человек, выступивших с неоднократными дорогами возгласами: «Да здравствует нация, за здравствует Национальный Конвент». Остальная ночь была довольно спокойна, за исключением нескольких случаев тревоги.

Мы изумлены, законодателями, патриотизмом и мужеством муниципалитета и граждан Гишена; мы внушили им надежду, что Национальный Конвент засвидетельствует им свое удовлетворение, и просим за них, чтобы он нашел желательным декретировать, что этот муниципалитет и все граждане, ему содействовавшие, по его требованию, в борьбе и рассеянии мятежников, вполне заслужили признательность отечества, что это будет внесено в «Бюллетень», и что будет напечатана, расклеена и послана муниципалитету копия протокола с этим декретом.

Не получая ответа от департамента и горя нетерпением приняться за вверенное нам дело, мы решили попытаться снова счастья и продолжать наш путь к Редону. Мы покинули наших великодушных гишенских братьев на другой день, около 6-и часов утра. По всей дороге городки и деревни были в тревоге и каждую минуту опасались атаки мятежников. Мы приводили им в пример мужество Гишена, приглашая их к подражанию ему. В полуторе миле от Редона мы повстречали военный обоз, ожидавший нас, по словам курьера.

Мы вступили в город в сопровождении большей части гарнизона. Нам показали на господствующих над городом высотах

караульные посты повстанцев, занимающих там очень выгодную и защищенную естественными прикрытиями позицию. После ряда различных сообщений нам сказали, что невозможно выйти за пределы города, так как повстанцы завладели всеми паромами и переправами и прервали все пути сообщения по суше и по воде. Вследствие этого мы решили вернуться в Ренн, где мы могли надеяться на получение более легким путем новостей из Ванна. Около полуночи комендант крепости был предупрежден о том, что мятежники сели на суда и повидимому направляются к городу. Комендант и другие бывшие налицо офицеры сейчас же сами отправились на разведку, но заметили лишь 2 судна, с которых повстанцы ловили рыбу и охотились; а вся остальная их масса занимала обычные позиции со множеством огней кругом.

Редонский гарнизон мог бы отлично их выбить оттуда и прогнать за милю от города, но так как он не обладал достаточной численностью, чтобы удержать позицию, занятую сейчас мятежниками, и защищать в то же время внутреннюю территорию города, эта позиция в скором времени была бы взята обратно. Притом дело идет не только о том, чтобы их оттеснить, их нужно окончательно рассеять и разбить таким манером, чтобы они не могли уже снова собраться. Число их в точности неизвестно. Насчитывают их от 1.200 до 1.500 на высотах, господствующих над городом, и уверяют, что они занимают в очень большом числе все побережье, начиная от Ларош-Бернар.

Итак является крайне необходимым, чтобы военный министр распорядился отправить достаточные силы для быстрого уничтожения этого отряда мятежников, который, вследствие дерзости, а также, очевидно, способностям его вождей, кажется на этом побережье главной опорой заговора. В этом отряде видели эмигрантов, в нем много попов; вожди его держатся с чрезвычайной самоуверенностью; весь этот отряд носит белые кокарды; видно, как там развевается белое знамя; его возгласами являются: «Да здравствуют король Людовик XVII, дворяне и наши добрые священники!» Те же возгласы повторяются во всех прочих скопищах. Мы полагаем, что после этого не будут более делать догадки, что это лишь сбитые с толку *патриоты*. Повсюду добрые граждане городов и деревень громогласно требуют, чтобы быстро и примерно проучили всех тех, кто будет захвачен в плен. Мы пола-

гаем, что они должны быть судимы военным судом; мы не должны скрывать и того, что если Конвент замедлит учредить военный или развездной превотальный¹⁾ трибунал, добрые граждане, борющиеся с этими злодеями, сами учинят над ними суд и расправу. Поэтому мы просим Конвент принять на этот счет самые энергичные меры и выслать свой декрет с экстренными курьерами. Мы должны воздать величайшую похвалу рвению и неутомимой деятельности отважного редонского гарнизона и его вождей, которые ежедневно тревожат мятежников и избивают их массами. Она находит себе энергичную поддержку в лице комиссаров Комитета надзора при Национальном Конвенте и в лице такового же департаментского. Мы питаем надежду, что Национальный Конвент охотно пожелает торжественно засвидетельствовать им свое удовлетворение. Что же касается администрации Илль-Виленского департамента и отважных реунских граждан, фактами, о которых вы уже осведомлены, а также тем, что мы наблюдаем каждодневно, они приобрели себе новые права на признательность нации. Если администрация повсюду, как мы на это уповаем, проявляет такие же заслуги перед отечеством, свобода еще раз спасена, и этот заговор послужит лишь к тому, чтобы выявить варварское злодейство наших врагов.

На обратном пути в Ренн мы получили в Гишене ответ департамента. Храбрые граждане этого городка были еще под ружьем, подкрепленные отрядом в 50 человек, посланных департаментом линейных войск.

Проезжая чрез Понтреан, мы также нашли там всех жителей деревни под ружьем. Они передали нам, что скопище в 1.200 человек предполагало сломать мост и разрушить два соседних шляза, что прервало бы всякое сообщение Ревна с Редоном. Мы, по их настояниям, сию же минуту написали гишенскому муниципалитету и предложили ему прислать понтреанцам отряд в 30 человек, в расчете на то, что департамент, которому мы дали знать о нашем возвращении, пришлет сюда более внушительную силу. Бумага с этим нашим предложением была немедленно отослана с нарочным. Нам хотелось бы иметь возможность дать Национальному Конвенту достоверные сведения о состоянии Морбиганского департамента. Все, что мы могли узнать верного, сводится к тому, что его положение по меньшей мере такое же критическое, как и

положение Илль-Виленского департамента. Ларош-Бернар и Рошфор, оба главные города округов, находятся во власти заговорщиков и их банд, натворивших ужасы в этих двух несчастных городах. Гражданин Корню, судья в Ларош-Бернаре, которому посчастливилось спастись, сообщил нам, что мятежники овладели денежными кассами и оружием, что они сожгли дом, занятый окружным управлением, трибунал, так же, как и дома патриотов, и что они перебили администраторов, судей и патриотов, кого только могли схватить. Другой гражданин, которого мы встретили на дороге из Редона, сопровождал этих злодеев, принудивших его идти вместе с ними на Рошфор, и он подтвердил нам все эти бедствия. Всюду, где проходят эти чудовища, они приносят с собой смерть и пожары; они не щадят ни женщин, ни детей. Обратите внимание на то, что только на патриотах, испытанных друзьях свободы, они изощряют свою ярость. У них имеется список этих последних; дома их отмечены. Злодей не ограничивается тем, что отнимают у них жизнь; они подвергают их смертельным мукам на тысячу ладов; выкалывают глаза у одних, вырывают язык у других. Наше перо отказывается описать все ужасы, творимые этими злодеями. Они сохраняют определенное число пленных патриотов, которых выставляют впереди, когда их атакуют; но все то, что принадлежит аристократам, пользуется неприкосновенностью.

Нас уверили, кроме того, что два морбиганских комиссара должны быть в Малетруа с вооруженной силой, но не могли нам сказать, из кого она состоит. Мы узнаем сию минуту, что только что прибывший курьер из Плоэрмеля мог пробраться лишь в сопровождении сильного конвоя, который ему давался от этапа до этапа, что несколько повстанческих партий бродят в окрестностях Ванна, но что самый город обладает средствами обороны; но мы еще не знаем, в чем состоят эти средства обороны. Мы узнали также, что город Понтиви выдержал с успехом страшный удар; уверяют, что погибло 400 мятежников. Все то, что мы вам подчеркиваем, граждане, эти скопища, которые образуются повсюду одновременно, не должны в вас оставить ни малейшего сомнения в существовании страшного и глубоко продуманного, и при этом согласованного с действиями наших внешних врагов, заговора против свободы нашей страны. Несомненно, Комитет

общей безопасности Конвента должен быть об этом осведомлен. Конечно, он не преминет поделиться с вами сведениями, которыми он располагает. Гражданин Лебрен, министр иностранных дел, равным образом, имеет касательно этого заговора самую точную и подробную информацию. Мы предлагаем Национальному Конвенту назначить немедленно из своей среды 4 комиссаров, на обязанности которых будет получить от министра Лебрена все те сведения, которые имеются в его распоряжении, и поделиться с Конвентом теми из них, которые могут быть без вреда для дела оглашены; ведь нам приходится обратить ваше внимание на то, что многие важные главы еще подлежат аресту.

Повторяем, Национальный Конвент не обнаружил бы излишней энергии отправкой весьма внушительных сил в Морбиганский, Иль-Виленский и Нижне-Луарский департаменты, которые являются настоящими очагами этого ужасного заговора. Необходимо в спешном порядке уничтожить эти растущие с каждым днем шайки мятежников. Мы настаиваем равным образом на спешном создании военного или революционного *разъездного* трибунала, освобожденного от медлительных формальностей, который особенно поражал бы верхушку заговорщиков и их низких льстецов. Время умеренности и снисходительности должно наконец пройти; быстрое и суровое правосудие должно ободрить друзей свободы и заставить дрожать ее врагов.

Мы останемся здесь до тех пор, пока не найдем способа проникнуть в Морбиган; мы только что повстречали здесь нашего коллегу Фуше, который точно также должен был вернуться по Нантской дороге.

Комиссары Национального Конвента, командированные в Морбиганский и Финистерский департаменты,

Лемальо. Гермер.

21. Конвенту

Комиссары в Морбиганском, Финистерском, Кот-дю-Норском, Иль-Виленском, Лямайенском и Нижне-Луарском департаментах. Ренн, 23 марта 1793 г., II год Французской Республики.

Граждане коллеги!

Чем страшнее настоящий кризис, тем более мы обязаны осведомить вас о тех неминуемых опасностях, которые угрожают этой части Республики. Эти последние преумножились и, так сказать, реализовались все оттого, что слишком долго пребывали усыпленными мнимой безопасностью. Как понять, что к моменту, когда вспыхнула гражданская война, зажженная происками заговора, про который знают уже 3 года, ни одна из установленных властей не приняла еще ни одной меры ни для предупреждения взрыва, ни для задержки его последствий. Ведь здесь не простые местные волнения, которые легко прекратить,—нет, тут выступают в боевом порядке почти сплошь все деревни, предводимые искусными вождями, с некоторым количеством огнестрельного оружия и с военным снаряжением, являющиеся для нападения на города и для вырезывания их жителей. Невежество и фанатизм, ставшие слепыми орудиями в руках аристократии, работают вместе с нею над уничтожением городов, которые вследствие большей просвещенности являются очагами патриотизма и которые по разрушении не оставляя на земле ничего более, кроме деспотизма и рабства.

Таким образом, свобода никогда не была в более тягостном положении. Необходимо мужество, нужны силы и притом с быстротой, которая возместила бы потерянное время. Считать теперь достаточной мерой карательные законы, сколь суровыми они ни могли бы явиться, это значило бы и вас обманывать, граждане коллеги, и обеспечить наверняка гибель Республики. В этом краю более 5 департаментов полны людьми, на самом деле мало привыкшими к войне, но которым следует поскорее противопоставить хорошие воинские отряды, чтобы заставить их вернуться к испол-

нению своего гражданского долга, прежде чем их коалиция станет еще более грозной. Белое знамя снова оскверняет территорию Франции, в ней водружена белая кокарда: повсюду перехвачены большие дороги и осаждены города; не проходит и дня без того, чтобы не лилась кровь в разных боях или же в неожиданных нападениях и избиениях. Ваши комиссары задержаны, и в данный момент мы собрались в Ренне в числе 5, и все мы подвергались величайшим опасностям.

Подумайте, граждане коллеги, о том, что эти движения скомбинированы с действиями наших неприятелей, и если бы не время весеннего равноденствия, англичане наверняка высадили бы десант; через две же недели этот десант станет легким делом. Итак нельзя терять ни минуты. Пришлите нам силы. Ведь необходимо совсем небольшое количество. Если присоединить к нашим храбрым национальным гвардейцам охваченных восстанием департаментов от 5.000 до 6.000 человек, это количество будет достаточно. Если в распоряжении военного министра нет свободных отрядов, пусть Национальный Конвент обратится к жителям Парижа, которые, без сомнения, с восторгом воспользуются возможностью поспешить на помощь к своим братьям. Что же касается до сил, извлеченных из Нижне-Шарантского и соседних с ним департаментов, они окажутся поневоле отрезанными, потому что уже 2 недели, как Нант очутился в блокаде, не будучи в состоянии отбросить повстанцев, цепь которых простирается от этого города и заходит за несколько миль выше Ренна.

Таково наше действительное положение. Но не бойтесь довести об нем до сведения народа. Его стойкость и его мужество растут здесь по мере того, как увеличивается опасность, и в минувший год как раз нашествие на Северные департаменты заставило подняться всю Францию и принесло нам завоевание Бельгии.

Завтра оба комиссара Иль-Виленского департамента отправляются с отрядом в 400 человек на выручку города Редона, важного по своему положению поста, перед которым около 2.000 повстанцев, при этом, как говорят, хорошо окопавшихся. Этой экспедицией командует генерал-адъютант Бейссе, кажется бравый воин, созданный для того, чтобы внушать доверие солдатам, который уже, три дня тому назад, с горстью людей спас от грабежа город Витре. Если ему так же повезет в Редоне, мы восстановим дви-

жение по Ваннской дороге, взяв замок Рошфор, а вслед затем Фернем и Нантскую дорогу.

Этот успех равно необходим и для того, чтобы помешать бунтовщикам завладеть Дуарой; предположим, такое несчастие случилось бы, и они, отрезав все пути сообщения, скоро добились бы того, что уморили бы с голоду Ренн с его окрестностями.

Впрочем, граждане коллеги, рассчитывайте на нашу самоотверженность; ваше же дело пособить ей. Подумайте же: мы во Франции переживаем не только разгар революции, весь этот край находится в настоящий момент в состоянии открытой контр-революции. Если бы Конвент не пожелал признать эту истину, мы не колеблемся сообщить ему другую: продолжающаяся и впредь иллюзия насчет этого вырвет в конце концов могилу Республике. У нас нет недостатка ни в чем для выхода из этого жестокого кризиса, кроме воли и решительных действий. Это-то как раз и давало всегда нашим врагам столько выгод. По этому предмету ваши комиссары предупреждают вас, что, выяснив себе отчетливо все детали монархического заговора через главного своего агента, которому было поручено дело его раскрытия, они с величайшей неожиданностью узнали, что Исполнительный Совет был об этом осведомлен уже более трех месяцев тому назад и не сделал ни одного самого пустякового распоряжения ни для того, чтобы обуздать мятежников, ни для подавления восстаний. Дело вашей мудрости углубиться в эту странную тайну. Но, чтобы справиться с печальными последствиями столь преступной небрежности, остерегитесь разделять ее, распорядитесь немедленно направить сюда 5.000 или 6.000 человек, которых мы у вас просим и которые, сражаясь и рассеивая мятежников, одни только и позволят нам привести в исполнение превосходные декреты, изданные вами, согласуясь с обстоятельствами.

Не одно лишь спасение этих департаментов, но и спасение Республики, всей целиком, предписывает вам увидеть наконец, каково то действительное положение, в котором вы очутились. Признайте, что на самом деле являются врагами отечества те люди, и только они одни, кто, постоянно противясь прогрессу Революции, один раз уже привели отечество на край бездны, как это было десятого августа. Признайте, что политическая умеренность гайт в себе большую измену, чем революционное неистовство, и

что заговорщик не тот, кто не дает пощады контр-революционерам.

Мы должны вам сказать, что большая часть главарей, командующих этими шайками разбойников, принадлежит к эмигрантам и неприягнувшим священникам, вследствие преступной снисходительности оставленным гулять на свободе, и что к этому числу принадлежат 22 эмигранта, которые были взяты в Меце. и из которых только два понесли наказание за свои преступления.

Мы должны сообщить вам, что в настоящий момент генерал Лабурдонне прибывает в Ренн, имея в своей дивизии 9 других высших и низших офицеров и ни одного полного батальона в строю.

Всем этим он так же изумлен, как и мы. Он просил военного министра совсем не о том и не такие давал сведения, которые оправдали бы эти распоряжения.

Вот, граждане коллеги, комбинации, поистине убийственные для свободы; это они нас нечувствительно привели к тому критическому состоянию, из которого нельзя вырваться иначе, как бдительностью, рвением и твердостью. Пусть же ваша энергия будет равна тем опасностям, которые нас окружают со всех сторон; ведь без определенной решимости спасти свободу, чего бы это ни стоило, вы обрекаете себя на то, чтобы быть поглощенными вместе с нею.

Мы пребываем в братском единении.
Гермер, комиссар в Морбиганском и Финистерском департаментах; *Севестр*, депутат, командированный в департаменты Котдью-Норский и Иль-Виленский; *Лемальо*, комиссар для Морбигана и Финистера; *Фуриэ*, депутат-комиссар для Майеннского и Нижне-Луарского департаментов; *Бильо-Варенн*.

22. Конвенту

Комиссары в департаментах Жиронды и Ло-Гароннском. Бордо, 23 марта 1793 г.
 II год Республики.

Граждане коллеги!

Вы с удовольствием узнаете, что набор прошел успешно по всему департаменту Жиронды, что изумит всех тех, кто знает, сколько

солдат он уже доставил отечеству. В немногих коммунах порыв ограничивается требуемым с них контингентом. Пылкую молодежь с трудом удастся сдерживать, а между тем сначала нам причиняли живое беспокойство интрига и фанатизм, но они, не будучи в состоянии отклонить молодежь от записи в добровольцы, работают теперь всеми способами над внушением ей чувств жалости. С одной стороны, военный министр не послал в этот департамент высшего военного агента для организации и отправки отрядов в соответствии с инструкцией министра; с другой стороны, все административные власти округа, из страха перед опасностью, которой подверглись бы наши волонтеры, беспрепятственно предоставленные соблазну и оболъщению злонамеренных лиц всех оттенков усиленно требуют их отправки. Итак, мы были вынуждены назначить временно высшего агента и агента для каждого округа. Вы будете судить, граждане коллеги, о целесообразности нашего решения, копию с которого мы вам посылаем, по тем мотивам, на которых оно было основано.

Мы должны вам сказать, граждане, что будет очень трудно вооружить всех волонтеров этого департамента, соседнего с театром восстания, имея задачей охранять чрезвычайно растянутую береговую линию, это с одной стороны, а с другой—предохранять себя от нападения испанцев со стороны Байонны. Местные жители не могут в этом отношении приносить слишком большие жертвы. Разве Бордо не должен продолжать быть тем, чем он всегда был, т. е. источником ресурсов для граничащих с ним департаментов в случае смуты или атаки? Наш коллега Мазад должен был вам сказать, что он отправился отсюда против мятежников Вандеи и Нижней Луары, с очень сильной артиллерией.

Администрация департамента, не пренебрегающая ни одним из способов служения общественному делу, заказала оружейным фабрикантам 2.000 ружей. По этому случаю мы узнали нечто столько же поразившее нас, сколь и огорчившее, а именно эти фабриканты свидетельствуют, что им военным министром не было дано ни одного заказа на оружие. и что очень часто их мастерские и рабочие оставались без всякой работы.

Мы с нетерпением ожидаем дальнейших подробностей о настоящем положении департаментов, где мятежники, фанатики и

эмигранты пытаются зажечь гражданскую войну. Те, с кем нам пришлось встретиться, доказывают, что заговор получил некоторый успех лишь благодаря сведениям, которые вожаки получают из недр этих департаментов. Осведомленные о наплыве в этот город иностранцев, неизвестных лиц, эмигрантов, бывших дворян, мы созвали власти и образовали, согласно их мнению, постоянный Совет общей безопасности, энергичная деятельность которого могла бы дать нам средство для ареста всех подозрительных людей. Мы уже воспользовались вверенной вами нам властью против одного гражданина, у которого очевидна связь с мятежными эмигрантами. Национальному Конвенту будет сообщено, когда придет для этого время, об успехе этой меры. Нам слишком хорошо помогают установленные на местах власти, и мы ожидаем от этой меры наилучших результатов.

Наше внимание, граждане коллеги, сосредоточено в настоящий момент на чрезвычайно важном предмете; настоятельно необходимо также, чтобы и Конвент им занялся: это — продовольственный вопрос. Тревоги насчет этого велики и обоснованы. Кроме мер, о которых мы сможем столкнуться с местной администрацией, чтобы рассеять эти тревоги, есть одна из этих мер, зависящая от Национального Конвента. Одна фирма в Бордо ходатайствует перед морским министром о конвое для сопровождения 20.000 буассо (ок. 1.000 четвертей) хлеба, закупленного и погруженного в Дюнкерхене; и она не получила ответа. Директория вновь принимается проталкивать просьбу негоциантов, братьев Форес, вместе со своим постановлением, которое она примет для поддержки этой просьбы. Для спокойствия многих департаментов важно, чтобы министр не пренебрегал этим предметом.

Мы обратим ваше внимание на то, что плачевное состояние дорог препятствует отчасти циркуляции зерновых хлебов из одного департамента в другой и из деревень в города. Невозможно допустить, чтобы Республика в целом не терпела длительных лишений от неизбежных последствий ухудшения дорог, если их быстро не чинить и не исправлять полностью. Ограничиться ассигнованными суммами значит ухлопать их безрезультатно в дороги, которые во многих местах нужно почти заново переделать.

Мы вам сказали, что эмигранты возвращаются в эту часть Республики. Мы устроим на них охоту со всем рвением, на

которое мы способны; но необходимо также поспешить с декретом относительно них; пусть он поскорее зафиксирует общее мнение граждан об участи этих выродков своего отечества. Наше положение доказывает, что те, кто хочет умерить этот суровый закон, служат плохую службу общественному делу, каковы бы ни были при этом их добрые намерения.

Пиганель, Гарро

P.S. Нами получено постановление секции Франклина, которое мы просим прочитать с трибуны Национального Конвента; оно даст Конвенту хотя слабое понятие о тех жертвах, которые несут жители Бордо для защитников отечества.

23. Конвенту

Комиссары в департаментгах Ло и Дордони. Монтобан, 25 марта 1793 г. II год Республики.

Граждане коллеги!

Мы узнали скорее с прискорбием, чем с изумлением, об орлеанском покушении на личность нашего коллеги, гражданина Бурдона. Мы заметили в этом городе, во время своего проезда, брожение, близкое ко взрыву; мы сами, при нашем проезде, подверглись оскорблениям, и, вероятно, наш удел был бы еще печальнее, если бы это ужасное предпочтение не было сбережено для комиссаров Гуаретского департамента. Копия письма, написанного нами из Ферте орлеанскому муниципалитету, ознакомит вас с фактами; оно было отправлено мэром этой деревни, которого мы определенно обязали доставить обратно расписку в получении этого письма. Несмотря на эти предосторожности, все склоняет нас к мысли, что оно не было передано нашим коллегам так, как мы этого желали бы со стороны муниципальных должностных лиц Орлеана; это является тем большим преступлением и возможно, послужит для доказательства того, что они в действительности подготовили то ужасное событие, которое разыгралось в их городе. Мы сочли своей обязанностью переслать вам копию

письма, чтобы его надлежащим образом использовать при предписанном вами расследовании.

С удовольствием сообщаем вам, что в департаменте Ло все совершенно спокойно. Все-таки и тут, как и в других департаментах, пытались поднять смуту с целью воспрепятствовать набору. Волнения эти приняли значительные размеры в городе Монтобани и могли бы стать опасными, если бы муниципалитет, подкрепляемый весьма горячим патриотизмом добрых граждан, не пресекло зло в самом начале. Было арестовано много злонамеренных лиц, и над нами нарядили следствие, краткое обозрение которого, приложенное к нашему письму, даст вам представление о существенных фактах. Мы видим, что Конвенту необходимо принять твердые и мужественные меры, ибо проект все ниспровергнуть обнаруживается во всех частях Республики; зло растет с быстротой; оно принимает ужасающий характер; число хороших граждан тает, как благодаря наборам, вынуждаемым внешней обороной, так и под действием злосчастного эгоизма, делающего свободу, а еще более равенство ненавистными людям, которые смеют претендовать на образование особого класса в Республике. Те, кого раньше называли умеренными, открыто делают общее дело с аристократами; они господствуют в первичных собраниях, и им удалось организовать почти сплошь антигражданские муниципалитеты. Перед нашим прибытием администрация департамента Ло принуждена была сместить Коссадский муниципалитет; мы сами только что сместили муниципалитет в Кэлюсе.

Может быть и другие окажутся заслуживающими той же самой суровой участи, а лучшие из тех, с которыми мы еще познакомились, заслуживают по меньшей мере упрека в большой слабости. Закон о паспортах не был введен в департаменте, когда мы туда прибыли, и мы были изумленными очевидцами того, что превосходными гражданами получались отказы в свидетельстве благонастроенности, а их получали люди заведомо антиграждански настроенные; мы принимаемся за искоренение этих злоупотреблений и надеемся, что нам удастся этого достигнуть, так как в департаменте есть масса истинных республиканцев, доблести которых равняются их мужеству. Военский набор закончен, и ваши комиссары заняты сейчас его мелочами, вызывающими некоторые затруднения; но они должны обратить ваше внимание на то, что

военный агент не появлялся в департаменте, и что дальнейшая задержка может повредить общественному делу, доставляя злонамеренным лицам новые поводы интриговать и отвращать от службы солдат Республики.

Мы сегодня отправляемся в Перигор и оттуда поспешим направиться в Бержерак, где, как нам сказали, также некоторое волнение.

Комиссары Национального Конвента в департаментах Ло и Дордони

Жанбон Сент-Андре, Эли Лакост.

24. Конвенту

Один из комиссаров в Обском и Ионнском департаментах. Труа. 25 марта 1793 г., III год Республики.

Мы с восторгом сообщаем вам, законодатели, о горячем желании граждан Обского департамента поспешить на защиту отечества. Через несколько дней округ Жоана-на-Сене доставит свой контингент, в полном боевом снаряжении, готовым выступить против неприятеля. Округ, и в особенности город Труа, сформировал из своих граждан многочисленные отряды вполне снаряженных волонтеров. Мы были свидетелями весьма трогательных сцен в Обществе Друзей свободы и равенства *), куда мы явились в самый вечер нашего прибытия. Там было много народу. В благословениях, которыми нас осыпали, перед нами открылось чувство глубокого уважения и доверия к Национальному Конвенту. Нас там сопровождали все административные власти; мы заметили с интересом, что они были членами «Общества» и что минуты их отдыха были посвящены обсуждению, по-братски, со своими согражданами вопросов о спасении отечества.

Как раз в этих столь облеветанных «обществах» мы повсюду сталкивались с гражданской сознательностью высшей пробы. В Жоане-на-Сене открыта бесконечная подписка в пользу нуждающихся семей защитников отечества. В Труа «Общество» постановило

*) Якобинцы. *Прим. пер.*

бесплатно снарядить всех волонтеров, которые явились бы сверх контингента. Сейчас же граждане и гражданки, на наших глазах, завалили бюро своими приношениями, и пошла запись волонтеров. Все оказывали свое содействие этому гражданскому делу: «Я не могу устремиться на защиту отечества,—говорил один отец семейства.—но на свой счет я дам полное снаряжение тому, кто пойдет» — «Мы им сошьем рубахи»,—воскликнули гражданки. Нас поразила одна достойная всяких похвал черта: «Мой сын слишком молод еще и не может защищать свою страну, но я прошу, как великой милости, чтобы он был принят в национальную гвардию, чтобы он там проходил боевую подготовку, а я поспешу на фронт, пока он не сможет меня сменить». При наличии этих черт героизма, нам стоит усилить, граждане законодатели, обращать ваше внимание на низкие маневры врагов общественного дела. Шайки неприсягнувших священников наводняют этот город; сообщая со слугами и родственниками эмигрантов, они приложили старания поднять народ в самый момент набора.

Нужна была вся энергия и бдительность административных властей для подавления опасных брожений, которые они хотели вызвать и старались, чтобы они совпали со смутами в соседних департаментах. Собранные административные власти констатировали перед нами величайшую тревогу насчет их планов; они просили нас, во имя общественного спасения, принять против этих гемвых провокаторов гражданской войны самые сильные меры, говоря, что без этих мер они не могут отвечать за спокойствие города и в особенности деревни, где фанатичные попы инсинуируют против набора, распространяя опаснейшую ругательную литературу; власти знают, что родственники эмигрантов, определенно известные своим антигражданским духом, поддерживают весьма деятельную корреспонденцию с эмигрантами; весть о наших последних неудачах была разнесена по городу раньше, чем административные власти об этом были осведомлены, и, раздувая их, эти родственники эмигрантов сеют тревогу, весьма грозную для общественного спокойствия. Мы должны были вследствие этого, законодатели, принять немедленное постановление, способное обуздать злонамеренных лиц и в особенности кровожадную поповщину; мы препровождаем его вам ¹⁾; исполнение его доставило нам весьма драгоценные сведения о заговорах злонамеренных лиц.

Рукописные пасквили были захвачены у их авторов. Мы преправляем вам в числе других один, еще не оконченный, пасквиль, который стремился направить на ваших комиссаров кинжалы убийц, а на их действия все зло недоброжелательства ²⁾.

Подобным же образом была захвачена весьма оживленная корреспонденция с эмигрантами. Главные виновники, все попы, в настоящий момент находятся в заключении. Народ хотел расправиться с ними на месте. Именем закона, именем Конвента мы остановили его мстящую руку. При этих священных словах он их сейчас же взял под свою охрану и сам отвел их в дом заключения. Мы предписали административным властям, не теряя ни минуты, объявить об отправке этой общественной заразы в спасительную ссылку или же о передаче их революционному трибуналу.

Мы надеемся, что вы одобрите меры, которые только что повелели нам принять общая безопасность и высший закон общественного блага.

Комиссар Национального Конвента в Ионском и Обском департаментах

Л. Тюрро.

25. Конвенту

Комиссары в Верхне-Луарском и Кантальском департаментах. Ле-Пюи, 25 марта 1793 г. II год Республики.

Граждане законодатели!

Ваши комиссары в департаменте Верхней Луары спешат уведомить вас о том, что в окрестностях Сен-Жюльена, общины, находящейся на расстоянии приблизительно 2-х миль от города Пюи, местные жители, сбитые с толку укrywшимися там бывшими дворянами и несколькими неприсягнувшими священниками, не только взбунтовались против закона о наборе, но вдобавок, вооружившись и сгруппировавшись в числе более 2.000, произвели набеги на всех патриотов округа и обосновались на бывших Велейских горах, откуда они рассчитывали зажечь главные города департамента и

водрузить знамя гражданской войны. Чтобы пресечь в зародыше печальные последствия столь ужасного заговора против безопасности Республики, мы, облеченные властью Национального Конвента, сочли столь же благоразумным, сколь и настоятельным принять серьезные меры. Вследствие этого по донесениям, сделанным нам муниципалитетом, мы подвергли аресту поименованных: Жиро, Ляшо, Пранла (все бывшие дворяне), Рейту, Каде, Бо и Бертранаде-Брю, бывшего мэра (все жители данного города) и распорядились наложить печати на их бумаги, обвиняя их в том, что они выпустили письмо к Народному Обществу, способное вооружить одних граждан против других, и в том, что они в общественных местах выискивали способы помешать ходу набора.

Мы добились выступления вооруженной силы в числе более 3.000 граждан с 6 комиссарами во главе их, взятыми из среды установленных властей, с 2 пушками, для того, чтобы атаковать мятежников, рассеять их и захватить главных вожаков. Мы приняли и распорядились опубликовать и расклеить по всему департаменту постановление, экземпляр которого вам посылается ¹⁾.

Мы узнали сию минуту, что, несмотря на снег, падающий большими хлопьями, и на самую ужасную погоду, наш отряд заметил на вершине горы Сен-Фрон повстанцев, которые послали ему вызов, надевая свои шляпы на дула ружей и концы пик; он решился пойти на них в атаку, взобрался с невероятным мужеством и пылом на гору, нанес им поражение и обратил в бегство.

Но к этой победе примешивается одно печальное обстоятельство. Деревня Сен-Фрон, в которой насчитывается около дюжины домов, была сожжена вся целиком. Нам придется обратить ваше внимание на то, что с начала Революции это место постоянно было притоном контр-революционеров, против которых город был вынужден 3 раза высылать вооруженную силу. Контр-революционеры никогда не появлялись в церкви своей общины. У них была часовня, где фанатики собирались толпой каждое воскресенье и притом всегда вооруженные. Наконец, общественное негодование достигло своего предела. Мы узнали точно так же о взятии в плен 4-х главных вожаков повстанцев. Пятый из бывших дворян, отец 2-х эмигрантов, который равным образом был захвачен, успел выскользнуть, выбросившись в окно. Все общины, восставшие против закона, уже испытывают трепет. Три явились с повинной.

С первым же курьером мы сообщим Конвенту большие подробности и перешлем различные протоколы, которые должны быть или которые будут составлены, но которые мы не могли еще достать.

Комиссары, депутаты Национального Конвента для Верхне-Луарского и Кантальского департаментов

Ж. Б. Лакост, Фор.

P.S. При атаке горы Сен-Фрон двое повстанцев бросились на гражданина Луд, командира национальной гвардии в Пюи: оба они были с ружьями, причем у одного была двухстволка, и на расстоянии 6 шагов прицелились и выстрелили прямо в него. Дурная погода, смочившая ружейные замки, сделала то, что все три выстрела дали осечку. Храбрый командир, не теряя мужества, хоть и был один, бросился на них с саблею в руке, разоружил их и взял в плен. Он сделал больше; он помешал разорвать их в клочки подошедшему отряду; в настоящий момент они находятся в тюрьмах этого города.

26. Конвенту

Комиссары в департаментах Соммы и Нижней Сены.
Амьен, 26 марта 1793 г. II год
Французской Республики.

Граждане коллеги!

Когда мы покинули Руан, этот город уже превысил контингент, предписанный ему законом, и нам известно из нашей корреспонденции, что такая же активность царил во всех округах Нижне-Сенского департамента.

Перед вступлением в пределы департамента Соммы мы задержались в Невшателе и Омале. Первый из этих городов явил нам весьма трогательное зрелище: его население крайне малочисленно, но мы отметили среди большей части его жителей самый пылкий и самый бодрый гражданский дух. Они также превысили свой контингент. Наши речи снова наэлектризовали умы, и большинство записей в солдаты было произведено в нашем присутствии;

патриотические дары умножились с быстротой, достойной всяческих похвал с вашей стороны. Нам более всего умилило большое количество приношений натурой, состоявших из предметов обмундирования и снаряжения для наших храбрых защитников. Состояние тех, кто их жертвовал, делало их еще более ценными. Большая часть этих приношений была сделана наименее зажиточным классом народа, который во всякое время всего лучше служил свободе и который поистине один оказывается достойным ею пользоваться.

Омаль совсем не показался нам воодушевленным таким же рвением; этот город имел раньше сеньером бывшего герцога Пантьеврского, и влияние преданной ему аристократии несколько охладило энергию патриотизма; однако мы с удовольствием увидели там две волонтерские записи и несколько пожертвований.

Прибыв в Амьен, мы тут почувствовали, насколько наше присутствие было необходимо, чтобы ускорить выполнение реквизиции, объявленной комиссарами при армии и в Бельгии и чтобы нажать на набор, предписанный законом 24 февраля. Ни та, ни другая из этих операций не были закончены и казались противоречащими друг другу. Мы аннулировали все, что было сделано, потому что нам казалось, что препятствия рождаются главным образом вследствие неопределенности и несогласованности мер, принятых административными властями; мы применили способы действия, благодаря которым, как мы льстим себя надеждой, оба задания будут выполнены в течение 3 дней. Мы вам немедленно препроводим копию постановлений, которые мы сочли себя обязанными принять, чтобы достичь этой цели; они основаны на принципах, которыми направлялась деятельность наших коллег Карно и Лесажа в департаменте Па-де-Кале, с некоторыми незначительными отличиями, необходимыми в силу различия местных условий.

Общественный дух в городе Амьене вообще нехорош, и местная администрация, хотя и воодушевлена добрыми намерениями, имеет мало мужества. Мы работаем над усилением всех местных ресурсов и уверены, что наши усилия, благодаря рвению нескольких горячих и энергичных патриотов, не останутся бесплодными. Чтобы сбивать с толку народ, употребляются самые рискованные и самые коварные средства. Вы можете об этом судить по адресу, который вам недавно был прочитан от имени

Народного Общества, и большая часть подписей которого была добыта благодаря темноте подписавших. Один из нас просветил Народное Общество насчет тех печальных последствий, которые могло бы повлечь за собою исполнение пожеланий, выраженных в этом зажигательном пасквиле, и мы с удовольствием констатировали, что почти все те, кто принимал участие в этом деле, поспешили от него отречься. Однако наши враги не теряют окончательно надежды, и мы вынуждены непрерывно следить внимательным взором за их кознями. Мы сочли долгом распорядиться арестом нескольких лиц, вообще известных своим антигражданским духом; некоторые недавние речи их свидетельствуют об очень опасных их замыслах. На их бумаги были положены печати; продолжается прием доносов на них, и мы не пренебрегаем ничем, чтобы проследить все нити их убийственных для свободы козней. Эта мера произвела на общественный дух заметное действие. Аристократия спрятала свою отвратительную голову, которую она с давних пор поднимала с такой смелостью, и стонавшие от ее наглости патриоты вновь обрели в себе мужество. Мы полагаем, что благодаря этому операции по набору пройдут более гладко, по крайней мере им не будут чинить препятствий эти злые люди, только и искавшие, до нашего прибытия, как бы посеять малодушие и недоверие.

Мы осведомим вас подробнейшим образом о последствиях этого преступного дела, в котором трудно не видеть больших связей со всеми смутами, терзающими сейчас внутреннюю жизнь Республики.

Пошоль, Саладэн.

P.S. Мы полагаем, что город Невшатель сделал, более, чем должно, и у вас все основания для объявления во всеуслышание его больших заслуг перед отечеством; мы вас приглашаем дать ему, в вашем протоколе, эту почетную оценку его рвения.

27. Бареру 1)

Комиссары в департаментах Ло и Дордонн. Муассак, 26 марта 1793 г., II год Республики.

Пора наконец, гражданин коллега, измерить глубину пропасти, в которую мы быстро скатились. Общественное дело, мы говорим это определенно, готово погибнуть, и для нас почти несомненно, что одни лишь энергичнейшие и жесточайшие средства лечения могли бы спасти его.

Когда впервые в лоне Конвента провозгласили ту спасительную истину, что мы являемся революционным собранием, к сожалению, на нее неправильно взглянули или вероломно стали игнорировать. Люди, которых нам нет нужды обвинять, особенно пользуясь тайной конфиденциальной корреспонденции, спрашивали нас тогда: «куда хотите вы нас вести? что еще остается разрушить? революция закончена, и революционный аппарат должен пойти на слом». Опыт доказывает теперь, что Революция отнюдь не завершена, и теперь прямо и открыто следует говорить Национальному Конвенту: «Вы революционное собрание».

Но не достаточно, гражданин коллега, признать (может быть, увя! слишком поздно) эту полезную истину: нужно извлечь из нее практические последствия, требуемые общественным благом. Мы самым непосредственным способом связаны с судьбой Революции, мы, хотевшие ее завершить. Вы сами являетесь Революцией, вы, нанешие тот сильный удар, который должен был сделать нас свободными, если бы он был нанесен раньше, и если бы наши мероприятия были все подобны этому блистательному акту правосудия²⁾. Ни вам, ни нам не простят того, что и вы, и мы желали полной и беспримесной свободы, и мы должны вести к гавани государственной корабль или же погибнуть вместе с ним.

Мы не скрываем от себя опасностей нашего положения; оно таково, что, если наше мужество не вызовет появления какой-либо из тех экстраординарных случайностей, которые способны вызвать подъем общественного духа во Франции и дать ему новую силу, надежд ни на что более нет. Смуты в Вандее и соседних департаментах, без сомнения, вызывают тревогу, но они поистине опасны

лишь потому, что потух во всех сердцах священный энтузиазм свободы. Повсюду чувствуется утомление Революцией. Богачи ее ненавидят, у бедняков не хватает хлеба, и им внушают, что они должны приняться за нас для избавления от всех бед. Журналисты совершенно сбили с толку, развратили общественное мнение. Сами Народные Общества совершенно растеряли свою энергию.

Эти факты ужасны, но соответствуют действительности. И обратите внимание, гражданин коллега, что мы вам пишем из глубины департамента, на который можно смотреть как на один из лучших в Республике, и однако мы здесь приобретаем каждый день печальную уверенность в силе наших врагов и нашей слабости. Еще раз, большая вина на тех людях, которые разрушили клеветой доверие; они истинные виновники наших бед, и, если свобода погибнет, они будут единственной причиной этого.

Мы старательно прилагаем все наши усилия к тому, чтобы поднять в людях хоть немного энергию, но мы говорим мертвецам. Более того, все те, что назывались до сих пор умеренными, которые в некотором роде делали общее дело с патриотами и по меньшей мере хоть желали какой бы ни было Революции, теперь не хотят ее более. Они мечтают повернуть ее вспять; скажем прямо, они хотят контр-революцию, они связаны сердцем, намерениями, волей и скоро будут связаны и фактически своей деятельностью с аристократами. Считайте после этого их за коллег, чистосердечно ищущих истину, искренно любящих свое отечество. Мы в настоящий момент знаем только две партии во Франции, партию друзей и партию врагов свободы. Эта последняя усилена всеми приверженцами известной партии³⁾, которая, возможно, в своих ядовитых декларациях не имела намерения доводить дело до такой крайности, но которая нас тем не менее погубила; другая партия слабая, которая уменьшается с каждым днем, которую современные бедствия и продовольственная разруха скоро сведут к нулю. Что нам тогда останется делать? Завернуть головы в плащи и принять грозящий нам удар.

Посмотрите, с какой смелостью поднимается бунт против нового порядка вещей. Мы, ваши комиссары, подверглись оскорблениям, проходя по Орлеану, и при меньшей осторожности мы испытали бы ту же самую участь, что и наш коллега Бурдон. Вы хотите наказать этот мятежный город. А подчинится ли он вашим декре-

там? Есть ли у вас сила заставить их выполнять? А раз проводят про ваше бессилие, раз Национальный Конвент вызовет к себе презрение и будет отягчен тем позором и бесславием, которым постарались его покрыть его внутренние враги, он не способен будет более ни на что хорошее.

Решатся ли обновить состав Конвента? Или французский народ совсем откажется его выбирать, или же выберет такой, который будет несогласен с принципами свободы. Доказательством этого последнего для нас является слабость или подкунность непосредственно выбранных народом муниципалитетов: по крайней мере мы встречались с такими во всех местах, через которые мы проезжали. Ведь масса заражена гангреной, и, если хотят ее спасти, нужно начать ее возрождать.

Какие же для этого принять меры? Нужны меры серьезные и суровые. Нас погубили половинчатые партии; возможно, что и более смелые партии не излечат зла, но, по крайней мере, если придется погибать, мы погибнем со славой. Барер, вы пользуетесь доверием огромного большинства Собрания; это, без сомнения, почет, но он лишь налагает на вас тем большие обязанности; поверьте в этом искренности и прямоте двух коллег, смеющих льстить себя тем, что они имеют права на ваше уважение. Потоки слез о судьбе отечества зовут вас работать из всех ваших сил, чтобы засыпать вырытую под нашими стопами бездну. Другие стали служить делу народа для того, чтобы затем вернее погубить его под маской патриотизма; вы же смотрите лишь на общее благо и считайте, что нет более прочной славы, чем та, которую дает гражданская доблесть.

Мы выполнили нашу обязанность; высказывая вам это, наше сердце разгрузилось от части того бремени, которое его гнетет. Мы ждем вашего ответа с нетерпением; адресуйте его в двух экземплярах в Перигё и в Монтобан. Как бы он ни был краток, — ведь вы должны быть завалены работой, — но пусть сердцем Барера будет оно продиктовано. Прощайте.

P.S. У бедняка нет хлеба, и, хотя и в хлебном зерне нет недостатка, но оно припрятано, и кого мы ни видели из администраторов, все они подтвердили нам этот факт. Крайне настоятельная нужда дать средства к жизни бедняку; если вы хотите, чтобы он вам помог завершить Революцию. В чрезвычайных

обстоятельствах следует иметь в виду лишь великий закон общественного спасения. Мы думаем, что был бы очень полезен декрет, предписывающий повсеместный сбор всего хлебного зерна, в особенности, если пополнить его распоряжением об учреждении общественных складов для помещения в них изъятых у частных лиц излишков с уплатой по справедливой оценке собственнику стоимости взятого у него продовольствия. Эта забота должна быть возложена на округа, предпочтительно перед муниципалитетами, так как у округов больше силы, чем у муниципалитетов. Они могли бы быть уполномочены назначить комиссаров для производства этого сбора. Мы предлагаем вашему вниманию эту идею, которая, по нашему мнению, хороша тем, что она соответствует обстоятельствам.

Комиссары Национального Конвента в департаментах Ло и Дордони

Жанбон Сент-Андрэ, Эли Лакост.

28. Конвенту

Комиссары в Кот-дю-Норском и Иль-Виленском департаментах. Редон, 29 марта 1793 г. II год Французской Республики.

Граждане коллеги!

Прибыв в Редон, один из центров мятежной коалиции, мы увидели, что нельзя терять ни минуты для атаки мятежников, хотя наши силы были и незначительны, а их, по правде сказать, и очень преувеличенные, все-таки являлись, на наш взгляд, весьма внушительными. По счастью, экспедиция имела полный успех. Все опорные пункты, занятые мятежниками на берегах Вилени, были у них отняты, и проезд снова стал свободным. Мы должны воздать величайшие похвалы неослабному рвению и мужеству ренских национальных гвардейцев, а также искусству и доблести генерал-адъютанта Бейссе, на которого Иль-Виленский департамент возложил руководство этой военной операцией. Накануне решительных действий он потребовал от

повстанцев, чтобы они в течение 3 часов положили оружие под угрозой сжечь и снести с лица земли деревню Сен-Перре. Офицер, посланный с этим приказом, был встречен угрозой огня, если он сейчас же не удалится. Мятежники, под прикрытием окопов возле церкви, сделали было несколько ружейных выстрелов по первым, производившим высадку нашим судам, но огонь двух артиллерийских орудий скоро выбил их с выгодной позиции, и, когда мы высадились, то нашли местность совершенно очищенной от неприятеля. В этом деле двое мятежников были убиты, и один был взят в плен. Солдаты первого транспорта, высаживаясь, подпалили два или три дома. Этот страшный пример произвел весьма полезное действие. Ибо мятежники, освещенные во время своего бегства заревом пожара своих логовищ, посеяли тревогу в других окопах, которые были очищены в ту же самую ночь, и все окрестные деревни, в равной мере охваченные ужасом, поспешили вспомнить про свой гражданский долг. Ежеминутно являются они с раскаянием и с просьбами о пощаде. Все повстанческие муниципалитеты выдали нам главарей и агентов этого ужасного заговора, и имеется уже весьма большое число арестованных, которых надлежит предать в карающие руки правосудия.

Итак, мы с удовольствием сообщаем вам, граждане коллеги, что теперь в Иль-Вилевском департаменте почти всецело восстановлен порядок и мир. Но после того, как мятежники рассеяны и раздавлены, начинается задача мудрой политики. Ее дело — обуздать их в достаточной степени для того, чтобы они не могли ни соединиться, ни подняться снова, предполагая, что англичане захотели бы сделать попытку высадки на наши берега. Вследствие этого начато распределение отрядов на стоянки в местах, известных тем, что туда пущена зараза фанатизмом и аристократией. Равным образом мы сочли существенной мерой для предупреждения всякого возмущения полное разоружение взбунтовавшихся общин, а в местах, оставшихся послушными Республике, тех лиц, на которых есть доносы, что они дурные граждане. Мы решили также воспользоваться гнетущими обстоятельствами этого злосчастного мятежа для нажима на выполнение повинностей и в особенности для ускорения набора, предписывая, чтобы он был закончен мятежными общинами в 24 часа. Эти распоряжения составляют содержание препровождаемого вам постановления вместе

с другим, относящимся к переменам, на наш взгляд необходимым в отношении состава округа Редона, города, где с трудом наберется 30 патриотов, и где мы встретили перед самыми глазами муниципалитета женские монастыри, обитательницы которых все еще ходят в своем монашеском одеянии.

Из письма Кот-дю-Норского департамента мы узнаем, что в настоящий момент на его территории имеется лишь одно значительное организованное скопище между Монконтуром и Ламбалем. Ламбальский округ послал туда отряд, рассеявший повстанцев, из которых им 40 было убито, и 25 взято в плен. Тот же самый департамент сообщил нам, что округа в его пределах доставляют свой рекрутский контингент без всяких затруднений.

Для окончательного восстановления общественного спокойствия нам, в добавление к репрессивным мерам, удалось подействовать языком убеждения и кротости. В этих видах, мы выпустили прокламацию, обращенную к жителям деревень, с целью разъяснить им их заблуждение, напомнить им об их гражданском долге и предложить им, согласно декрету 19 марта, вернуться в 24 часа к своим домашним очагам, гарантируя им, что они могут вернуться без всяких опасений, если впредь будут вести себя мирно и подчиняться законам.

Мы пребываем, граждане коллеги, с братским приветом
Севестр. Бильо-Варенн.

29. Устный доклад Оссмана, одного из комиссаров при Рейнской армии, в заседании Национального Конвента 30 марта 1793 г.

Я отправился из Майнца 25 вечером, чтобы представить вам депутатов свободных народов Германии и чтобы стовориться с вашими комитетами о принятии различных мер для успеха нашего оружия и принципов свободы.

После поражения на бельгийском фронте для вас будет большим удовлетворением узнать, что армия под командой Кюстина находится в самом выгодном положении. Неприятель пытался проникнуть между Крейцнахом и Бингеном. Отважный Ушар задер-

жал его. Кюстин послепшил с частями, находящимися под его командой, и с успехом отбросил неприятеля. Наши отряды овладели замком Штромберг, взяв при этом 37 пленных. Они занимают в настоящее время превосходные позиции и все проходы, ведущие к Бахаракху и Кобленцу. Между Крейцнахом и Бингеном разбит лагерь. Ничто не может сравниться с пылом и мужеством наших храбрых солдат. Их радость достигла крайней степени, когда мы наблюдали их отправление в поход, чтобы поместиться силами с неприятелем.

Все пространство реки Рейна и находящиеся на нем острова весьма тщательно охраняются; у нас имеются редуты и батареи, орудия которых держат под выстрелом все занятые неприятелем пункты и в особенности те, где они могли бы сделать попытку форсировать переправу через реку. Армия снабжена всеми средствами военного и боевого снаряжения, продовольствия и обмундирования. Укрепления Майнца и Касселя являются первоклассными, и, по словам всех осведомленных людей, потребовалась бы по крайней мере стотысячная армия для осады этих крепостей. Да и тогда они выдержали бы осаду в продолжение полугодия слишком.

Наши войска прекрасно вооружены, одеты и обуты. Их поведение заслуживает величайшей похвалы. Они соблюдают строгую дисциплину. Ни одна жалоба не раздалась против этих отважных солдат своего отечества, и, далекие от того, чтобы быть в тягость жителям деревень, где они расквартированы, они нередко даже делятся своим продовольствием с наиболее нуждающимися в деревне. Этот факт нам засвидетельствован многими депутатами общин.

Майнцкая область отличается величайшей красотой и чрезвычайным плодородием. Она не только является источником всего продовольственного снабжения армии и всех имеющихся в магазинах неисчислимых запасов, но вдобавок отсюда же могли сделать значительные отчисления зерном для Ландау, Виссембурга и Гагенау.

И поверите ли, граждане, все выгоды, связанные с обладанием столь благоприятной, столь драгоценной для спасения Республики позицией, совершенно игнорировались; проектировалось оставление этой богатой области и отступление армии, и с этой целью были предприняты настоячивые шаги в Страсбурге и в Париже, и это

плачевное отступление было бы проведено без горячих и еще более настоятельных протестов со стороны ваших комиссаров. Этот преступный проект был связан с теми помехами, которые не переставали чинить всякий раз, как Кюстин требовал помощи для Мозельской армии, помощи, с которой ему легко было взять Кобленц с его укреплениями. Возможно, наступит день, когда узнают, что несчастные события на бельгийском фронте лишь следствие заговора, созданного против армии, предводимой Кюстином. Но что бы там ни было, граждане, полагайтесь на патриотизм армии и на твердость ваших комиссаров. Майнцкая область становится в настоящий момент важнейшим театром военных действий. Кюстин является предметом ужаса для германской аристократии; он пользуется доверием армии и местных жителей, и я нахожу возможным сказать, что он заслуживает и вашего доверия, что вы можете рассчитывать на его мужество, на его таланты и на его патриотизм. Я надеюсь, что он будет всегда вести себя как настоящий республиканец. Если ему как следует помочь и если переправить к нему новые силы, он сможет исправить неудачи на бельгийском фронте.

Что же касается второй части возложенной на нас миссии, то скажу вам, граждане, что ваш декрет от 15 декабря ¹⁾ был выполнен в Майнцской области. Сторонники наших врагов, пособники и приспешники деспотизма также и тут старались сорвать наши операции, старались возбудить народ и даже повторить франкфуртский инцидент ²⁾; но их махинации были сведены к нулю нашей твердостью и суровыми, но необходимыми мерами. Мы распорядились частью выслать, частью арестовать главарей заговоров. Ими оказались почти исключительно священники, баллы ³⁾ и заведомые агенты Курфюрста ⁴⁾.

Имущества высланных, а также имущества священников, монахов всех видов, князей, их пособников или приспешников были взяты в распоряжение нации.

Издавайте неуклонно полезные и строгие законы и вы найдете твердых людей, которые возьмутся приводить их в исполнение, и народ, который будет их уважать. Конвент свободных народов Германии сконструировался 17 марта; на следующий день он объявил свою независимость и декретировал лишение престола бывшего Курфюрста и других князей, капитулов и сеньеров, прави-

вших область. Он запретил им возвращаться в нее под страхом смерти. 21-го он декретировал свое присоединение к Франции; его депутаты здесь важили; я прошу ввести их сюда.

Четырнадцать крестов св. Людовика были переданы нам на покрытие военных издержек; я вручаю их президиуму *) вместе с списком жертвователей

Случаи дезертирства совершенно отсутствуют. Ни один отпуск не был разрешен. Приходившие к нам просить его изменяли свое намерение, как только мы им показывали на неприятелей, позиции которых были как раз против наших окон. «Как бы вы сожалели,—говорили мы им.—если бы в ваше отсутствие случилось дело чести». А об их личных делах мы написали в их муниципалитеты и в их департаменты.

30. Конвенту

Комиссары в Сартском и
Мэн-Луарском департаментах.
Анжер, 1 апреля 1793 г.,
II год Республики.

Граждане коллеги!

Ваши комиссары в Мэн-Луарском департаменте не упускают ни малейшей возможности для очищения Республики от угрожающих ей контр-революционных бандитов. Генерал Беррюйе, прибывший сюда два дня тому назад, развивает всю необходимую энергию, чтобы поскорее покончить с этим странным бунтом. Мы имеем основания верить, что скоро объявим вам о том, что у свободы и равенства нет более врагов в этих краях.

Мы не должны от вас однако скрывать, что сопротивление значительнее, чем можно было ожидать, и что напряженность борьбы не должна ослабевать. Те, кто старается внушить веру, что опасность миновала, или введены в заблуждение, или же это злонамеренные люди. Но все-таки с каждым днем наше положение становится все более выгодным, и при неослабной энергии мы добьемся полного успеха.

*) Конвента. Прим. пер.

Среди военной администрации здесь возникают бесчисленные трения. Многие из них пришлось немедленно сгладить, так как продолжение их могло бы повлечь полную дезорганизацию и гибель общественного дела.

Почти все департаменты согласились на выплату 40 су в день гражданам, посланным в этот департамент на помощь родине. Администрация Мэн-Луарского департамента, единственная, которой пришлось возиться со всеми деталями, в первые минуты сочла возможным понизить только на 10 су эту чрезвычайную плату, и все здешние, имеющиеся в нашем распоряжении, национальные гвардейцы оплачиваются в размере 30 су в день, с вычетом за продовольствие.

Эта мера имеет бесчисленные неудобства, но она оказалась вынужденной и большее понижение было невозможно.

К нам прибывают состоящие на жалованьи батальоны. Трудно не согласиться на такое вознаграждение их, которое уравнило бы их жалованье с оплатой идущих вместе с ними горожан. А это представляет собою увеличение на 4 су. Мы не видим способа отказаться от этого без опасности для успеха наших операций.

Не смог ли бы Конвент одобрить это кратковременное вознаграждение, которое, как кажется, диктуется родом ведомой нами войны, и предписать, чтобы оно выплачивалось из фондов, образуемых доходами с имущества повстанцев? Не покажется ли справедливым, чтобы часть добычи, взятой у бандитов, пошла на тех, кто очищает от них Республику? Впрочем, мы надеемся, что такое положение вещей продлится недолго, и кампания наша не будет продолжительной.

Весьма важно, чтобы Конвент поскорее ознакомил нас со своими распоряжениями. Мы много берем на себя, но мы предпочитаем действовать на свой страх, чем рисковать существованием Республики.

Шудье находится при армии, где он абсолютно необходим. а Гуилье прибыл ко мне на помощь.

Гуилье, Ришар.

31. Конвенту

Комиссары в главных крепостях Северного фронта.
Валансьен, 2 апреля 1793 г.

Отечество переживает величайшие опасности; вы усмотрите это из прилагаемой при сем прокламации ¹⁾ злодея Дюмурье. Мы в настоящий момент заняты наложением печати на набор этой прокламации и отсылкой его муниципалитету. Мы только что отдали приказ собрать гарнизон в местах его расположения; мы идем держать речь к нему; возможно, что вскоре нас не будет в живых. но мы умрем не иначе, как патриотами. Прощайте; привет Республике. Мы сейчас узнаем, возымела ли прокламация свое действие. Сегодня утром мы послали вам другую прокламацию, показавшуюся нам несколько подозрительной. Прилагаем еще один экземпляр ее.

Комиссары Национального Конвента на Северном фронте

Лекинио, Де-Бельгард, Шарль Кошон.

32. Конвенту

Комиссары в Финистерском и Морбиганском департаментах. Ванн, 2 апреля 1793 г.

Нашим письмом от 30 сего марта мы извещали вас об обратном взятии города и замка Рошфор и предсказывали вам, что за ним последует и обратное взятие Рош-Бернара отважным Бейссе, который завладел им, отсюда двинулся на Геранду и тоже овладел ею. Так как, несомненно, административные власти препроводят вам протокольные отчеты о всех военных действиях, мы сейчас не будем еще входить во все детали, не будем особо излагать что-либо в этом отношении. Мы ограничимся лишь выполнением нашего обязательства давать вам немедленный отчет о принятых нами мерах общей безопасности.

Крупнейшие выгоды, полученные мятежниками от их расположения в замке Рошфор, заставили опасаться, даже после их изгнания оттуда, вторичного захвата замка, и казалось желательным, чтобы мы предписали его разрушить. В нашем последнем письме мы дали вам ясный отчет о мотивах за и против этого разрушения и говорили вам, что примем решение лишь с осмотрительностью. Мы потребовали от здешнего командующего, бригадного генерала Пти-Буа, созыва его штаба и всех опытных офицеров гарнизона на предмет совещания о том, разрушить ли этот замок, а вместе с ним и замок Ла-Бретеш, расположенный по близости от Рош-Бернара. Совещание имело место 31; на нем единодушно высказались за необходимость разрушения замка Рошфор; совсем другого мнения были насчет замка Ла-Бретеш, который отнюдь не считали опасным. Об этом решении мы довели до сведения Генерального Совета Морбиганского департамента, который вчера вечером в заседании своем постановил, что следует разрушить как замок Рошфор, так и Ларошский лесной замок, по поводу которого мы также запросили его мнения. Что же касается до замка Ла-Бретеш, сочли нужным произвести его осмотр через инженеров, чтобы не попасть в неудобное положение приказанием разрушить простые жилища под тем предлогом, что они некогда были укреплены и что их еще называют замками. Вследствие этого весьма вероятно, граждане коллегии, что мы утвердим разрушение замковых балшен Рошфора и Ларошского леса.

В тот же самый день, 30 марта, мы предъявили второе требование генералу Пти-Буа относительно отрядов, которыми можно располагать для защиты Ванна и для охраны департамента; ибо нельзя скрывать от себя, что есть основания бояться, что видимое восстановление спокойствия только кажущееся, и что стоит внешнему врагу сделать попытку десанта, под угрозой которого мы и на самом деле находимся, жители деревень снова поднимутся. Вот, в целях выяснения и действительных ресурсов, и подлежащих удовлетворению потребностей, мы предъявили генералу Пти-Буа это второе требование, в силу которого собрание штаба постановило 31-го, что необходимо увеличить наличные силы Морбиганского департамента шестью тысячами пехоты и двумя полками драгун.

В тот же самый день, вечером, Народное Общество прислало

к нам депутацию, сделавшую нам представление о необходимости задержать в Ванне достаточное число артиллеристов из выступавших на другой день, для обслуживания 2 артиллерийских орудий и для обучения артиллеристов национальной гвардии; мы сейчас же написали генералу, приславшему нам на другой день прилагаемую при сем записку. Мы просим Конвент отослать эту записку, вместе со вторым нашим требованием генералу Пти-Буа и постановлением военного совета, своему военному комитету и комитету общей обороны и настоять на отправке отрядов для обороны наших берегов и внутренних областей.

А пока, мы только что написали генералу Ла-Бурдонне и попросили у него временно 100 человек кавалеристов и 1.600 пехотинцев, обращая его внимание, как и ваше, граждане коллеги, на то, что все время наблюдается брожение умов, что нет ни одного человека для обслуживания береговых батарей и что было бы неблагоприятно после только что миновавших событий доверить охрану берегов местным жителям.

30 марта, после обеда, мы получили письмо от властей Финистерского департамента, помеченное 27 числом, в котором они настоятельно рекомендуют нам приняться за оздоровление ужасающего состояния Брестского порта, в котором на 23 число провианту было не более, чем на 45 дней, и арсенал которого сверх того находится под угрозой пожара.

У нас не хватает времени, граждане коллеги, для перечисления здесь вновь тех настоятельных мотивов, которые заставили нас быстро прийти на помощь городу Бресту; к тому же, они зафиксированы в различных посылаемых нами вам при сем документах и изложены в нашем постановлении от 31-го марта, копия которого также при сем прилагается ¹⁾. Вы там увидите, что мы временно одобрили меру, принятую по указанию и с ведома установленных властей гражданином Редоном, насчет того, чтобы снабжаться продовольствием из хлебных амбаров Пон-л-Абба; вы увидите также и ограничительные рамки, в которые мы ввели эту возможность; равным образом, вы увидите и две другие добавочные меры, на которые мы сочли долгом уполномочить директорию Финистерского департамента с целью открыть и достать себе новые ресурсы. Мы просим вас распорядиться о немедленном прочтении вам всех документов по этому делу, чтобы вы могли

или одобрить сделанное нами, или заменить это другими, более действительными средствами, если они у вас имеются под рукою. Что касается до нас, мы вполне положились на живо ощущаемые нами побуждения страха за столь важную крепость, как Брест, и на нашу ревность к общественному спасению. Если бы мы и ошиблись, всегда следовало бы по крайней мере воздать должное чистоте наших намерений.

В том же самом духе, граждане коллеги, приняты нами и другие меры, которые мы равным образом представляем на ваше усмотрение. Первая мера — это постановление, помеченное сегодняшним числом, которым мы предписали скорое и строгое выполнение закона 19 марта ²⁾ относительно наказания тех, кто принял участие в контр-революционных мятежах и контр-революционных решениях.

Покончив с заботой о предупреждении того, как бы не остыл пыл к наказанию уже задержанных преступников, мы вчера поразмыслили еще о способах новых разоблачений касательно главарей и зачинщиков имевших место мятежных скопищ и движений; результатом этого явилось наше постановление о взятии под стражу и на допрос ризничьих звонарей, ключарей и прочих служителей в тех приходских церквях и часовнях, в которых по звону набатного колокола создавались скопища; а также и другое постановление о таком же аресте тех агентов и доверенных бывших дворян и помещиков, которые являются подозрительными в отношении антигражданского духа и своей клеветой и угрозами вызывают тревогу в деревенских жителях насчет прочности нового порядка вещей, который они изображают им, как подлежащий скорому ниспровержению.

Мы сочли еще своим долгом сообщить вам как о гражданских, так и антигражданских качествах всех гражданских и военных чиновников и вследствие этого мы затребовали от директории департамента список имен всех вызывающих подозрение, а также и тех, кто за свою небрежность или безразличие могут быть зачислены в тот же самый разряд; мы затем затребовали у них записку с именами всех известных своим антигражданским духом простых граждан, не состоящих на государственной службе, что составляет предмет второго нашего письма. Мы посылаем вам при сем то и другое.

Вот, граждане коллеги, перечень важнейших наших действий до сего дня. Наше горячее желание, чтобы вы признали их соответствующими обстоятельствам и способными достичь намеченной нами себе цели, а именно поддержать общественное спокойствие там, где оно было нерушимо, и восстановить его там, где оно, к несчастью, было нарушено, а вместе с тем продолжать укрощение злонамеренных лиц энергией наших дознаний и суровостью наших действий. Сегодня мы отдаем предписание о довершении прерванного набора и предполагаем постановить, что способ жеребьевки, послуживший предлогом для мятежной агитации, будет зависеть исключительно от тех, кто подлежит набору, а что касается до тех, кто не захочет добровольно выставить свой контингент, и, в частности, в приходах, где разразился бунт, окружные директории вносят в списки, как составленные, так и подлежащие составлению, тех лиц, которым придется пойти в солдаты.

Пробыв здесь несколько дней, мы переедем в Кэмпе, из чего вы видите, что мы включаем в состав департамента во всех наших постановлениях, касающихся мер общей безопасности.

Подписали: *Гермёр, Лемальо.*

P.S. Из-за отсутствия секретаря мы вынуждены были сами делать по 3 и даже по 4 копии с наших постановлений, требований и писем. Так как это значительно задерживает отправку нашей корреспонденции, мы уведомляем вас о том, что возьмем секретаря, если только сможем его найти.

33. Устный доклад Делакруа, одного из комиссаров в Бельгии, Национальному Конвенту в заседании 3 апреля 1793 года.

Гражданин Делакруа, один из комиссаров Конвента в Бельгии, поднявшись на трибуну, сообщил:

«Наши коллеги Камю, Банкаль, Кинетт и Ламарк передали нам бумагу, содержащую ваш декрет об отозвании нас в вашу среду. Мы сейчас же отправились, сожалея, что наша команд-

ровка продолжалась не более 24-х часов; не будь этого, перед вами был бы сегодня Дюмурье, живой или мертвый; и, наоборот, вы сейчас идете навстречу несчастьям. Съехавшись в Лилле, мы убедились в существовании заговора о сдаче врагу этой крепости путем непринятия мер к ее снабжению продовольствием и обеспечению ее достаточным гарнизоном; в ней было тогда всего 245 добровольцев, из которых половина не имела оружия, между тем как для ее обороны требуется, по крайней мере, 14 или 15 тысяч человек. Должны были воспользоваться и сумятицей, которую возбуждало бы в этом городе бегство 15.000 человек, намеченных заговорщиками для оставления рядов армии. Мы приняли меры к тому, чтобы обеспечить ее безопасность.

Мы занялись затем изучением характера Дюмурье. Я защищал его здесь, так как в тот момент считал его за порядочного человека, и был изумлен, что мне это вменили в преступление; ведь я был свидетелем такой же защиты и короля, и Лафайета. По прибытии в Лилль я увидел все, и мои коллеги отдадут мне справедливость в том, что это я первый дал им доказательства, если не убеждения, то подозрения против Дюмурье. Тогда я предложил им отрешить его от должности, отдать приказ об его аресте и препроводить его для дачи объяснений в Конвент; но он тогда проделывал опыт со своей отставкой, и потому сочли несвоевременным приводить в исполнение эти меры. Мы позволили нашим коллегам Карно и Лесаж-Сено; я снова внес мое предложение в присутствии их, но был вынужден уступить большинству. Сочли более благоразумным заставить его вернуться в Лилль, чем отправиться для его ареста в Турнэ, город, в котором мы не были уверены. Мы установили ряд имеющих ему быть предложенными вопросов в точном соответствии с приписываемыми ему преступлениями. Он нам ответил, что не может покинуть армии ни на одно мгновение; тогда мы решили перебраться в Турнэ и были готовы уже к отъезду, когда Дюмурье прислал нам протокольное донесение, констатирующее, что его армия находится в величайшей опасности, и заявил нам, что рассчитывает пробыть в Турнэ и следующий день, несмотря на то, что был уже окружен, так как у него обеспечен путь отступления на Сент-Аман, Брюйль и Мольд. Он заявил, что должен быть послезавтра на этой позиции, и что, если только благо Республики не зависит от того, что мы

имеем от него потребовать, он советовал нам обождать с приездом для его допроса, пока он не очутится в Сент-Амане.

Из страха затруднить отступление мы предпочли согласиться на последнее.

Тогда мы принялись за борьбу с опасностями, грозившими Лиллю, и потребовали от генерала Дюмуре отправки 14 или 15 тысяч человек для создания лагеря, который был бы в состоянии прикрыть этот город. Но так как мы были вполне уверены, что он нам откажет, мы потребовали от генерала Дюваля, чтобы он овладел Пон-Ружем и другими позициями, имеющими величайшую важность для обеспечения продовольствием города. Для занятия этих позиций требовалось 3.000 человек, которых у генерала Дюваля не было: мы предписали ему потребовать от коменданта Кассельского лагеря присылки ему их. Это и было исполнено.

А затем, убежденные в том, что Дюмуре был в Мольде, мы решили 31-го марта, арестовав нескольких из его сообщников, явиться на следующий день в Сент-Аман, чтобы задать ему сформулированные нами вопросы; выслушав его, мы удалились бы в отдельную комнату для совещания, а его бы стерегли, не упуская из виду; и если бы надлежало его арестовать, это решение было бы приведено в исполнение старейшим после него генералом армии; мы приняли бы меры к его замещению и оповестили бы армию обо всем этом посредством прокламации.

Мы не скрывали от себя опасностей, связанных с этим предприятием, но мы рассчитывали на доверие, которое мы внушили армии, и я сказал моим коллегам: «Так как мы направляемся в лагерь, необходимо, чтобы Дюмуре обнаружил повинование и признал авторитет Конвента, или же, если бы он произвел возмущение, я прошу у вас полномочия всадить ему пулю в лоб». Все мои коллеги решили пожертвовать своей жизнью; все были вооружены, но я добивался чести наказать злодея.

Мы были готовы к отъезду, чтобы привести в исполнение наше постановление, когда прибыли мои коллеги с вашим декретом, допускавшим, казалось, объявление опалы в отношении нас. Мы ознакомили их с тем, что нами было сделано, и один из нас предложил им сопровождать их. Это показалось им неподходящим, и мы более не настаивали.

Мы уехали обратно. Дорогою, между Перонной и следующей

станцией, мы встретили экстренного курьера властей Северного департамента, отправивших нам копию письма к ним от Дюмуре, в котором он им заявлял, что распорядился арестовать министра и комиссаров, что он их бережет в качестве заложников и что готов двинуться на Париж.

В ночь, предшествовавшую нашему отъезду, мы были осведомлены одним честным гражданином, сделавшим свое заявление в письменной форме, что накануне эвакуации Турнэ Клерфе *) прибыл на обед к Дюмуре. Мы узнали также, что во время эвакуации Брюсселя Дюмуре провел ночь на секретном заседании с так называемыми временными представителями брюссельского народа.

Мы тем более были огорчены несчастием, постигшим наших коллег, что могли догадаться из письма Дюмуре, что он велел их отправить в Брюссель или Турнэ; ибо в Северном департаменте ни один муниципалитет не потерпел бы, чтобы держали в плену четырех членов Конвента. Сверх того, нас уверяли, что раньше он думал отдать распоряжение о нашем аресте, Дантона и меня. и что он должен был предложить Конвенту выменять нас на бывшую королеву и ее сына».

34. Конвенту

Комиссары в крепостях Северного фронта. Валансьев.
4 апреля 1793, 3 часа пополудни.

Вчера и сегодня к нам прибыло много батальонов, готовых к бою под знаменами Республики и под стягом закона. Мы не успеваем принимать все необходимые меры, хотя и бодрствуем день и ночь. Изменник Дюмуре был упущен третьим ионнским батальоном из Сент-Амана; он спасся вплавь. Мы к вам уже отправили нескольких экстренных курьеров; мы не знаем, прибыли ли они к вам, так как нам известно, что повсюду были даны приказы о задержании пакетов и людей при малейшем подозрении

*) Австрийский генерал, правая рука главнокомандующего, принца Кобургского. *Прим. пер.*

в том, что они не настоящие республиканцы. Мы не знаем также, не являются ли многие из них притворщиками, продавшимися шайке Дюмурье, ибо не сомневаемся в наглости у него изменников, способных надеть на себя любую маску. В настоящую минуту, в тот самый момент, как мы вам пишем, к нам поступило уведомление о том, что, по приказу изменника, армия идет на Валансьен. Но мы убеждены, что ей все станет ясно, прежде чем она очутится под стенами города. Для избежания какой бы то ни было неожиданности мы посылаем к вам двух экстренных курьеров двумя различными дорогами. Мы хлопочем о создании лагеря в Фамаре. Нам необходимы инструменты для устройства лагеря и деньги для республиканской армии, которая, по счастью, растет с каждой четвертью часа, но приносит с собою очень мало инструментов, вследствие того, что батальоны откалываются возможно более незаметно: если бы они были посмелее, то армия мятежника была бы уже сведена почти к нулю. Что касается лично нас троих, нам также приходится истощать наши фонды, ибо мы не экономим и сочли бы изменой отечеству экономию при настоящих обстоятельствах. Вы должны понять, что мы не можем держать какой бы то ни было отчет в данный момент и к тому же нас истощает тысяча чрезвычайных расходов. Мы только что передали *временное* командование армией, начиная от Валансьена и включая Мозельскую армию, генералу Дампьеру, который, как кажется, во всех отношениях достоин командования. Мы посылаем вам копию прокламации, выпущенной в Лекеуа; мы распорядились ее отпечатать с целью распространения. Мы вкладываем в этот же пакет копии писем написанных нами, одно генералу Эгалитэ, другое генералу Валяису. Возможно, что делаемые нами шаги и не самые подходящие из возможных, но они продиктованы по крайней мере самыми искренними патриотическими соображениями. Подумайте о Валансьене: ваши коллеги в конце концов обратят свои взоры на Национальный Конвент. В наших шагах мы опираемся теперь не на наши полномочия, а на нашу ревность ко благу Республики и к свободе. Мы только что написали нашим коллегам в Дуэ, предлагая им передать командование над остальной частью фронта до Калэ генералу Дювалю. Мы сочли своей обязанностью оставить эту часть фронта в их распоряжении, так как генерал Дюваль находится вблизи них.

Когда вы будете что-нибудь отправлять нам, не забудьте о сопровождении посылаемого сильным конвоем и примите меры предосторожности, чтобы ваши распоряжения непременно дошли до нас.

В данное мгновение, в 5 часов, мы еще не замечаем дальнейшего продвижения армии изменника и имеем основания предполагать, что это фальшивая тревога.

Мы все время ведем беседы с батальонами, по мере их прибытия, и нередко видим, как граждане проливают слезы радости от счастья, что они выскользнули из когтей изменника.

Задержали двух солдат с антигражданскими кокардами. Разбирательство этого дела будет коротким. Только что арестовали и одного из секретарей Дюмурье; в данную минуту идет его допрос.

Сию же минуту, в 6 часов, нам сообщили, что Дюмурье эмигрировал; генерал Стеттенгофен показал себя с хорошей стороны, но он был—так думают—уведен Дюмурье; 3-й ионнский батальон, не успевший захватить Дюмурье сегодня утром, когда я окончил свою речь к нему несколькими словами братского приветия и поздравления, дал клятву умертвить всякого изменника, признанного за такового. Не было никакого толчка к этому самопроизвольному движению; это был просто патриотический порыв. Мы к вам переправим надежным путем допрашиваемого сейчас личного секретаря Дюмурье вместе с различными документами, захваченными ионнским батальоном, забравшим 6 лошадей у свиты Дюмурье, а сверх того еще и много других трофеев; у нас нет времени сейчас велеть переписать эти документы, чтобы иметь их копию.

Мы посылаем к вам надежного человека, знающего край; мы будем отправлять к вам только одного курьера.

Все крепости находятся в хорошем состоянии. Не изумляйтесь беспорядочности этого письма; приходится изготовлять всю нашу корреспонденцию одновременно.

Подписал: *Лекинью*.

35. Конвенту

Комиссары в главных крепостях Северного фронта. Валансьен, 3 апр., 8 ч. веч.

Граждане коллеги!

Нам сообщили сию минуту, что денежный ящик с 500.000 ливров*), шедший из Лилля, который мы рассчитывали оставить у себя для обслуживания армии, расположенной в данном городе и его окрестностях, оказался перехваченным отрядом армии Дюмуре. Мы просим Конвент распорядиться присылкой нам новых фондов и адресовать их непосредственно сюда, минуя Лилль; нет ничего более настоятельного, чем это, ибо кредиты армии на исходе.

Комиссары Национального Конвента в крепостях Северного фронта

Шарль Кошон, Де-Бельгард, Лекинью.

36. Конвенту

Комиссары в Нижне-Луарском и Ламайнском департаментах 1). Нант, без даты (вероятно 4 апреля 1793).

Мы можем наконец дать вам положительные сведения о действительном состоянии Нижне-Луарского департамента и вселить в вас надежду, что опустошающие его в данный момент бандиты скоро будут из него прогнаны. Дороги, ведущие в Нанси, еще не свободны, и мы оба добрались до него лишь с затруднениями и опасностями. Бандиты овладели почти всеми округами и, по взбешению всех находившихся там властей, сожгли все бумаги; их планом было, в особенности, проникнуть вплоть до самого города Нанта; но благодаря решительным мерам, принятым властями, и несослабному рвению национальной гвардии, они были с успехом отброшены, и все сулит нам впредь полнейшую безуспешность последних потуг врагов отечества. Эта надежда, главным обра-

*) Франков. *Прим. пер.*

зом, покоится на предназначенных для нас Исполнительным Советом внушительных силах и на талантах и храбрости тех генералов, которые ими будут командовать.

Мы не будем говорить о жестокостях, совершаемых бандитами в различных местах, через которые они проходят или в которых они обитают: вы легко составите себе об этом представление, если мыслю обратитесь ко всем тем жестокостям, которые способны внушить отчаяние униженной гордости и иступленное бешенство фанатизма; мы с большей охотой могли бы вам изобразить здесь все черты мужества и героизма, отличающие защитников свободы, голки о которых мы слышим каждую минуту.

Наши коллеги, находящиеся в Морбиганском департаменте, не преминут вам сообщить о героической смерти гражданина Совёра, президента Ларош-Бернарского округа: бандиты, истощив на этом молодом человеке все свое варварство, чтобы заставить его произнести имя короля, оказались свидетелями того, как он умирал, повторяя имя нации и Республики. Лояльный настоятель Савенейского прихода, в этом же самом департаменте, умер точно таким же образом, равно как и многие другие, имена которых остались нам неизвестны. Встретятся ли еще сомнения в торжестве свободы, когда она производит героев и мучеников.

При приближении отрядов, выступивших, по распоряжению генерала Ла Бурдонне, из разных пунктов бандиты очистили Геранду, Лё-Крузик и Ларош-Бернар. Мы льстим себя надеждой, что эти передвижения войск, согласованные с действиями других генералов, освободят вскоре эту часть Республики от разоряющих ее бандитов.

37. Конвенту

Комиссары в крепостях Северного фронта. Валансьен, 5 апреля 1793 г., II год Французской Республики. 3 часа пополудни.

Граждане коллеги!

И в сегодняшнем письме вы всё еще увидите тот беспорядок, который вы заметили в нашем вчерашнем письме. Мы сильно

беспокоимся за письма, которые мы вам экстренно отправили, так как от вас мы не получили ни малейшего намека на то, что они дошли до вас. Во имя общественного блага, если вы их получите, со всей аккуратностью поставьте нас об этом в известность и, сверх экстренных курьеров, когда окажется полезной их посылка от вас к нам, шлите нам корреспонденцию почтой, по которой мы, по крайней мере, узнаем о получении наших писем с их датами, и, сверх того, пошлите то же самое кружным путем; если одно отправление не сможет дойти до нас, дойдет другое, и, уверенные в получении наших пакетов, мы всецело будем полагаться на вас в отношении тех мер, которые подскажет ваша мудрость.

Дел у нас для сообщения вам—бездна, выше головы но нам нужно поспевать за всем и всюду, и мы можем осведомлять вас лишь о существенном и самом настоящем. Каждый из курьеров, которых мы будем отправлять, повезет с собою по крайней мере по одному экземпляру наиболее важных афиш, прокламаций или приказов, которые нам придется издать: мы предупреждаем вас об этой мере, чтобы вас не изумил требуемый ею способ повторения до мелочей; это предосторожность, вызываемая опасением, как бы наши пакеты не были задержаны. Раз навсегда, не будьте придирчивы насчет способа исполнения. Нами командуют обстоятельства: обращайтесь внимание на то, хотим ли мы и делаем ли мы дело.

Лагерь Дюмурье все время продолжает частично разбегаться; каждый час к нам прибывают или новые роты, или новые батальоны, но этот тиран, которого вы лучше узнаете впоследствии, проявляет столь суровый и столь наглый деспотизм и настолько прельстил сердца людей своей храбростью, своими речами и письмами, что одних удерживает страхом, а других тем родом восторженного идолопоклонства, которое, как кажется, является участью громадного большинства людей по отношению к тому, кто хоть раз заставил перед собой преклониться. В истории какого бы то ни было народа нет примера столь злодейского, так глубоко задуманного, столь смело проведенного заговора, как тот, который заботит нас в настоящее время. Дюмурье имеет при себе печатный станок, с помощью которого он каждый день печатает новые и поновому коварные, предательские и наглые в одно и то же время прокламации. Дюмурье простирает свою гнусность до того, что

сочиняет и распространяет подложные письма, как будто и вправду исходящие от Конвента и оправдующие в глазах его армии эти самые его преступления. Дюмурье не желает допустить в свой лагерь ни одну из наших прокламаций, ни один из наших приказов, ни одно из наших писем, но он испытывает в этом отношении участь всех тиранов: мы обманываем его бдительность и проникаем туда. Однако мы не можем скрывать от себя, что его строгие меры предосторожности до крайности нас стесняют, ибо, если бы мы могли разгласить истину во всеуслышание, через час его покинула бы вся его армия. К счастью, он только что совершил глупость, которая сослужит нам хорошую службу. Он только что допустил в качестве окружающей его охраны драгун Кобурга ^(*), и эта чрезмерная наглость уже привела в негодование многих волонтеров, которым удалось ускользнуть, и не преминет, думаем мы, раскрыть глаза огромному большинству. Ваши «Бюллетени». ваши декреты ни разу не были прочитаны армией, ни разу ее с ними не ознакомили или, лучше сказать, с ними знакомили только тогда, когда они содержали рассказ о некоторых из этих ужасных сцен — несчастном последствии недоверия или избытка усердия, и во всех подходящих случаях это сопровождалось разъяснением, способным перевернуть дело в целях унижения Национального Конвента. Дюмурье все делал, все говорил, все писал, чтобы унижить Конвент, сперва глухо и с притворной скромностью, столь поразительно похожей на настоящую и так легко обманывающей массу, а затем в тоне и выражениях самого оскорбительного презрения и самого откровенного мятежа. Он использовал самые незначительные ошибки. слишком острые прения, слишком долгие препирательства о мало-важных делах, подозрительность, к которой обстоятельства должны были неминуемо привести жаждущие добра души и, как следствие этого, взаимные упреки, чтобы все время рисовать нас войску как кучку крамольников и лицемерных узурпаторов верховной власти, только и думающих, что о своей собственной карьере и личном благосостоянии. Он употребил всевозможные способы, чтобы посеять раздор и ненависть между волонтерами и линейными войсками, чтобы вызвать отвращение к войне у первых; он употребил все способы, чтобы заставить их терпеть недостаток во всем для

^(*) Австрийский главнокомандующий. Прим. пер.

понуждения их к дезертирству и для того, чтобы сделать их затем ненавистными линейным солдатам, сам же унижая их посредством своих прокламаций. Нам известно, что он, не обинуясь, поощрял грабеж во многих случаях и, находясь как бы случайно на месте грабежа, говорил грабителям: «Друзья мои, я не могу вас порицать, Конвент допускает, чтобы вы терпели недостаток во всем», и тут же выпускал грозную прокламацию против грабителей и в особенности против национальных гвардейцев, за которых он сильно цепляется, чтобы сделать их ненавистными линейным войскам. Нам сообщают, что он только что распорядился окружить кавалерией национальных гвардейцев, которые еще имеются в его лагере, но в то же время мы утверждаем, что там создается брожение, и мы не сомневаемся, что спустя немного произойдет патриотическая вылазка, и к нам присоединится огромное большинство лагеря. К нам только что прибыл артиллерийский парк Сент-Амана в составе 80 орудий, он в безопасности. Казна также к нам ехала, но Дюмуре, получив об этом сведения, пустил в догонку полк кавалерии, конвой не обладал достаточной силой, и казна была отбита. По счастью, мы тотчас же были осведомлены об этом; вслед помчался кавалерийский полк, и нам сообщают, что 3 батальона пехоты возвращаются из лагеря на службу Республике, так что казна и кавалеристы Дюмуре окажутся между 2 огней, и мы надеемся овладеть ею через несколько часов.

Мы узнаем, что Дюмуре должен сдать во главе 30 тысяч австрийцев и тех французских войск, на которые он рассчитывает, и идти на Париж; одни говорят, что он должен начать с атаки Валансьена, но огромное большинство утверждает, что это грозит Лиллю; принятые нами здесь предосторожности и вся та энергия, которую мы развили в наших приготовлениях, позволяют нам верить, что он здесь не пойдет. А впрочем, если он и явится, то окажется у нас на виду.

Прежде всего другого позаботьтесь о присылке нам денежных фондов с хорошим конвоем и лагерных инструментов, но в первую голову денег, денег в первую голову.

Вы получили с нашим последним курьером копию письма, написанного нами генералу Валянсу, и копию письма, написанного нами генералу Эгалитэ; мы посылаем вам новые копии: они вас осведомят о том, что эти два генерала не могут впредь представить

никаких извинений, так как мы не допустили, чтобы они ничего не знали, и пакет для Эгалитэ не может не быть ему передан, ибо мы возложили эту обязанность ни на кого иного, как на одного из его личных слуг, оказавшегося здесь с тремя лошадьми с целью забрать провизию. Мы задержали повозку и двух лошадей, оставив третью лошадь слуге, чтобы он вернулся домой и отвез пакет. Эти два генерала обычные и неразлучные компаньоны Дюмуре.

Сию минуту, т. е. в 6 часов, нам сообщают, что огромное большинство Мольдского лагеря возвращается на службу под знаменами Республики; смеем надеяться, что отечество еще раз спасено.

Лекинью, Шарль Кошон. Де-Бельгард.

38. Конвенту

Комиссары в крепостях Северного фронта. Валансьен, 5 апреля 1793 г., II год Республики, 8 часов вечера.

Граждане!

Отечество спасено! Граждане коллеги, Мольдский лагерь разбегается весь без остатка, и почти все являются к нам. Надо надеяться, что Дюмуре завтра окажется командующим армией, состоящей из двух или трех дюжин французских офицеров, без солдат и пушек, ибо к нам возвращается вся остальная, еще не вернувшаяся артиллерия. Первая партия артиллерии состояла из 80 орудий, как мы об этом сообщили сию же минуту, 500 артиллерийских повозок, 700 канониров и 700 вспомогательного персонала: это как раз тяжелая артиллерия Сент-Амана. Гражданин Сонжи, артиллерийский подполковник, вице-директор парка, командовал этой важной частью наших оборонительных средств, и мы увидели, как жаждет излиятий душа этого истинного патриота, когда он пришел сообщить нам, что эта операция возврата пришла к концу. Дюмуре послал утром приказ переправить эту артиллерию в Мольд.

Восемь часов с половиной. Нам сообщают, что казна, о которой шел вопрос, отбита.

Вернулась легкая артиллерия, но нам неизвестны еще детали этого.

Что же касается артиллерии Мольдского лагеря, она еще в дороге, но через несколько часов и она прибудет.

Мы должны вам повторить и повторять тысячу раз, что нам нужны денежные фонды и лагерные приспособления; чем больше возвращается людей, тем более необходимы для нас лагерные приспособления, так как часть войск оставила свое лагерное имущество, чтобы ускользнуть налегке.

Теперь, когда опасности миновали, мы можем позволить себе довести до вашего сведения, что был отдан приказ арестовать нас здесь, и что, если бы генерал Ферран не был таким честным, мы теперь были бы во власти неприятеля. Это открытие было нам сделано им по нашем прибытии; у нас имеется написанный рукою Дюмурье приказ относительно Бельгарда, бывшего здесь за сутки перед этим. Письменный приказ насчет нас, Кошона и Лекинью, уехавших в Мобеж, вероятно, прибыл несколько часов спустя после нашего отъезда, и, так как дела направили наш путь через Авень, мы, сами того не зная, избегли западни, ожидавшей нас на прямой дороге из Мобежа в Валансьен. При захвате вчера одной из лошадей Дюмурье найдены были бумаги, среди которых имеется в письменной форме приказ об аресте всех нас троих. Комиссары департамента Дуэ, по выезде из Валансьена, действительно были арестованы вместо нас на небольшом расстоянии от Валансьена несколькими жандармами, отпустившими их, как только они увидели, что это были не мы.

Наши коллеги и Бернонвилль были переведены сперва в Турнэ, затем в Монс, а оттуда в Маастрихт. Бернонвилль, хотевший оказать некоторое сопротивление, получил несколько сабельных ударов. Мы соберем побольше деталей об этом гнусном аресте.

Комиссары Национального Конвента на Северном фронте

Лекинью, Де-Бельгард, Ш. Кошон.

39. Конвенту

Те же комиссары. Валансьен, 5 апреля 1793 г., 9 часов вечера.

Да здравствует Республика!

Дюмурье, Валинс и Эгалитэ, оба Тувено, много других офицеров, военный комиссар Солива и большая часть гусар Бершени перешли к неприятелю; вся же остальная армия Дюмурье на нашей стороне; нас заверяет в этом генерал Дитмац, входящий в наше бюро со многими офицерами и солдатами. Наконец-то дело сделано. Нам не остается ничего более, как отремонтировать все наше лагерное имущество и внести порядок во всю эту разбежавшуюся армию, прибывающую сюда один отряд за другим, но нас выручит искусство и энергия генерала Дампьера, которого мы назначили временным командующим дивизией, расположенной от Валансьена до Мозельской армии. Наш вчерашний курьер вручил вам прокламацию этого генерала к его войску. Положительно он не мог выразиться более энергично, и мы можем вам ручаться, что его действия соответствуют его энергичным выражениям.

Сию минуту прибыл отвозивший наш пакет слуга генерала Эгалитэ; он уверяет, что этот пакет был передан генералу; у нас есть и другие доказательства этого; о них мы завтра сообщим со всеми подробностями.

Полковник Шерен, арестованный 3 числа вечером по приказу Дюмурье, был довольно счастлив тем, что обманул бдительность своих стражей. а мы достаточно счастливы тем, что имеем его у себя, так как это энергичный и умный патриот.

Нам сообщают, что неприятельская армия движется на Конде двумя колоннами, но мы в этом не уверены. Это единственное остающееся у нас беспокойство. Эта неуверенность и вполне законная скорбь за наших коллег и Бернонвилля являются единственными огорчениями, могущими омрачить ту радость, которую мы испытываем при виде того, как вся наша армия откололась от изменников. Мы испытывали пять дней и четыре ночи постоянную

скорбь и усталость, но они в данный момент превращаются в подлинный экстаз.

Комиссары Национального Конвента на Северном фронте

Шарль Кошон, Де-Бельгард, Лекинью.

40. Конвенту

Комиссары в департаменте
Эн и Изерском. Пон-де-Во,
5 апреля 1793 г., II год
Республики.

Граждане коллеги!

Мы сообщаем вам с большим удовольствием о том, что в Энском департаменте набор закончен. Он даже превысил установленную законом предельную цифру. Обмундирование и снаряжение равным образом обеспечены, но с вооружением далеко не так благополучно. Его не хватает на две трети, и вот это составляет предмет сильной тревоги. Жители городов и деревень доставили все имевшиеся у них ружья. Волонтеры прежнего набора захватили большое количество оружия с собой; оттого и недостача в данный момент. Административные власти не знают, как этому помочь. Предписанный нами арест двух частных лиц из Фуассиатского муниципалитета, мутивших и противодействовавших набору, произвел такой эффект, что на другой день дискуссия о способе набора была прервана наплывом граждан, которые были занесены в волонтерские списки, и контингент был добровольно заполнен в один прием.

Община Ревонна, в округе Бурга, в которой набор был добровольно закончен без всякого промедления, единодушно постановила, что виноградники и поля граждан-волонтеров должны быть обработаны на ее счет. Этот труд распределится между всему остающимися. Все, что получится, будет отдано ушедшим волонтерам без какого бы то ни было удержания. Наконец, те, кто пренебрег бы обработкой или принятием мер к обработке порученного их попечению полевого участка, будут к этому принуждены силой.

Округ Бурга воспользовался этим случаем для издания постановления, приглашающего местных граждан сообразоваться

с решением общины Ревонна, и в результате этого толчка директория департамента распространила и велела опубликовать эти патриотические принципы во всей подведомственной ей области. Округ и муниципалитет Белле дали двойной контингент. Запись была добровольной. Гражданки этой общины с достохвальным рвением предоставили свой труд для шитья одежды волонтерам. Имеются солидные признаки, что в настоящий момент все готово. Но тем не менее этот округ был повергнут в смуту благодаря присутствию нескольких непокорных священников, благодаря присутствию епископских викариев, которые распорядились напечатать и раздать в большом количестве пастырское послание, рекомендуемое неповиновение закону о разводе ¹⁾, который они объявили факультативным, а отнюдь не обязательным для всех. Церковь, согласно им, не допускает расторжения брака и не позволяет разошедшимся супругам жениться вновь при жизни того или другого. Когда только попы перестанут вмешиваться в наши дела? В конце концов директория этого округа оказалась дезорганизованной и даже упраздненной. Составлявшие ее члены отстранились, не желая быть замешанными в тяжкие преступления, совершенные прокурором-синдиком ²⁾ Пио. Мы освобождаем себя от сообщения всех деталей по поводу его, посылая вам копию протоколов и нашего постановления ³⁾. Мы временно реорганизовали эту директорию.

Округ Жекс дал свой контингент путем добровольной записи, за исключением 8 или 10 муниципалитетов, пошедших путем жребия и баллотировки. Округ Нантуа находится в таком же положении.

Большая часть других округов и муниципалитетов приняли метод баллотировки, и это дало место множеству интриг и несправедливостей. Вы сейчас увидите, что это послужило большим пособием для гнусных маневров аристократии.

Мы неутомимо распутываем нить контр-революционного заговора, задуманного внутренними врагами. Перехваченные письма и доносы частных лиц не позволяют нам более сомневаться в том, что смуты, поднятые в департаментах Вандейском и Двух-Северском, были началом гражданской войны, затеянной таким образом, чтобы она вспыхнула в один и тот же момент в важнейших центрах Республики. Полное упразднение Народных Обществ было средством не из последних для обеспечения успеха предприятия. Точно так же приняли меры и для активных выступлений. Люди

богатые вступили в коалицию с контр-революционерами. А до того времени они поддерживали частные политические общества, из которых народ был исключен. Но так как нужно было иметь его на своей стороне и в особенности не получать от него беспокойства, позаботились о том, чтобы ему любезно устраивать время от времени чтение избранных журналов. Однако этим способом им не удалось добиться уважения и доверия народа. Последний с невыразимым удовольствием наблюдал за тем, как, благодаря принятым нами мерам, рассыпаются и исчезают эти общества.

Громкие слова: «Диктатура, аграрный закон, из Орлеана явится король, маратизм»⁴⁾, которыми аристократия сумела создать популярность, чтобы поколебать веру народа в Национальный Конвент, все эти средства смуты и раздора улетучивались благодаря тем сведениям, которые мы не переставали давать народу.

Принципы относительно подлинного республиканского правительства, единого и нераздельного, относительно необходимости уважать личность и собственность, те наконец принципы, на которых покоится истинная свобода и равенство прав, одни эти принципы, уверяем, нравятся народу и воспринимаются им. Как можете вы, граждане коллеги, не наслаждаться вместе с нами трогательным зрелищем энтузиазма и в особенности ясно выраженного стремления деревенских жителей к Республике единой и нераздельной? Повсюду они громко требуют от нас наказания контр-революционеров. Малейший акт правосудия, совершенный против контр-революционеров, окрыляет их надежды и веру в Конвент.

Вы получите довольно правильное представление об общественном духе по сравнению с тем недоверием, с которым к нему относились со всех сторон, когда вы узнаете, что народ, глядя на нас, держался сперва до крайности сдержанно. И только узнав о предмете нашей командировки, выслушав наши принципы и почувствовав по развитой нами энергии, насколько было абсурдно предположение о близком роспуске Конвента в виду царивших в нем, как говорили, разногласий, он с полным доверием обратился в ту сторону, где есть уверенность в спасении отечества. И с тех пор крики: «Да здравствует Конвент», «да здравствует Республика», «да здравствуют наши комиссары» стали слышны со всех сторон. Иллюминации. гражданские праздники. салюты, установленные

власти и национальная гвардия предшествовали, следовали и сопровождали нас повсюду, где мы проезжали. Они поклялись защищать свой пост до конца и умереть на нем.

Оказалось еще средство, которым враги воспользовались с достаточным успехом, чтобы составить армию из 300.000 аристократов, а именно предположенный набор по именному вызову отдельных лиц, в зависимости от их квалификации. Предлог был тот, чтобы заставить идти людей богатых, ради сохранения рабочих рук в сельском хозяйстве. Народные Общества примут еще меры к устранению этого проекта, и эти господа уже стараются найти себе заместителей. Мы знаем—сомнения на этот счет невозможны,— что слуги дворян и попов были душою этих интриг. Благодаря нашей непосредственной связи с народом в этих собраниях или в нашем местопребывании, мы оказались осведомленными о фактах высокой важности.

В данный момент мы заняты розыском корреспондента Артуа⁵⁾, который намерен атаковать Францию в 10 направлениях. Он обещает почетные награды тому, кто пожелает прислать ему денежную субсидию. Через несколько дней мы вам пришлем его корреспондентов. Мы распорядились подвергнуть задержанию, в согласии с местными властями, всех тех, кто определенно известен как ведущий борьбу против дальнейшего развития Революции, путем ли посылки денег эмигрантам, своими ли антигражданскими поступками или, наконец, незаметными, но, к несчастью, слишком действительными происками, употребляемыми ими для того, чтобы развратить и сбить с толку деревенский народ.

Равным образом мы распорядились задержать в качестве пленника экстренного курьера эмигрантов, который был к нам доставлен во время нашего проезда в Сейссель. Он сделал 200 миль в весьма короткое время, пользуясь для езды маленькими повозками, известными под именем «паташи». Он доставлял ответы на корреспонденцию, адресованную в Лион и Париж. Ваш Комитет охраны должен был получить эти документы. Мы послали ему их, и надеемся, что он велит подвергнуть задержанию корреспондентку из Парижа, которая сама является вернувшейся эмигранткой.

Кроме того, мы получили определенные сведения о том, что одна деревня из округа Нантуа, имя которой мы не можем припомнить в данную минуту, для того, чтобы подняться, ожидала

того, кто, с распятием в руке, должен был прийти и подать сигнал к мятежу. Прекрасно вооруженные эмигранты и непокорные священники, делающие ночью быстрые переходы, сопровождающиеся нападениями, прячущиеся днем, одни в горах, другие, действуя смело и безопасно по слабости некоторых из местных властей, заставили нас развить всю необходимую энергию, на которую мы способны, и которая требуется обстоятельствами, чтобы сдвинуть с места тех из указанных властей, в которых мы заметили малодушие.

Урочный час отправления курьера заставляет нас отложить до ближайшей почты присылку подробностей о некоторых волнениях в Швейцарии, весть о которых дошла до нас, а также принятых нами постановлений и мер общей безопасности. Мы пишем несколько в беспорядке, к чему, по необходимости, вынуждают нас наши многообразные занятия.

Остаемся с самым искренним братским приветом вашими коллегами и братьями

Мерлино, Амур.

41. Конвенту

Комиссары в крепости
Северного фронта. Валансьен,
7 апреля 1793, II год Рес-
публики.

Все идет и пойдет хорошо, граждане коллеги. Армия вся целиком бросила изменника и явилась в лагерь близ Валансьена, в Дуэ, Лилль и др. места, чтобы стать в ряды под республиканским стягом. У нас, по крайней мере, нет новых данных об эмиграции, кроме той офицерской, о которой мы вам говорили в нашем последнем письме, кроме большей части гусар Бершени и драгун 3-го полка. Выражается опасение, что у нас не хватает еще нескольких частей кавалерии, но ее разбросанность по разным направлениям, а именно на Лилль и на Дуэ, допускает уверенность, что те части, о существовании которых здесь неизвестно, бросятся без всякого предупреждения к одному из этих

городов. Впрочем, это имеет, конечно, небольшое значение, и мы можем смело сказать: отечество еще раз спасено.

Нет возможности обрисовать вам гнусность и бездну хитро-сплетений того заговора, который замыслил злодей Дюмурье, равно как и множество способов, постоянно употреблявшихся для того, чтобы развратить общественный дух, сбить с толку солдата, породить преклонение перед собой, как перед кумиром, и ослепление своей армией; но всегда чистое сердце солдата обнаружило верную привязанность к своему отечеству. Французы всецело хотят свободы; они ненавидят тиранов и хотят лишь Республики, и для нас нет ни малейшего сомнения, что злодей был бы наказан своей собственной армией, если бы не был вынужден ее покинуть в тот момент, когда стало заметно, что она начала открывать глаза, несмотря на силу и многочисленность способов прельщения, употреблявшихся для того, чтобы держать ее в ослеплении.

В дополнение к дерзкому и злодейскому поступку Дюмурье следовало бы огметить некоторые из тех черт отменной трусости, которые занимают видное место среди засвидетельствованных историей гнусностей. Генералу Нельи было поручено выполнить это дело, и он с ним справился до крайности гнусным способом: никогда военный не обнаруживал столь низкого лицемерия, никто никогда не вел себя столь унижительным образом; но детали этого слишком длинны, чтобы мы могли вам сообщить их сегодня; мы дадим их вам завтра. Нам достаточно сообщить вам о том, что он стал австрийцем. Казна, о которой мы говорили вам в нашем последнем письме, три раза подвергалась риску захвата; наконец, после неоднократных переходов ее из рук в руки, она прибыла к нам вчера в четвертом часу пополудни. Сию минуту мы получили от наших коллег в Дуэ письмо, осведомляющее нас о том, что и к ним также вчера прибыл фургон с частью армейской казны, а также к ним прибыло небольшое количество кавалерии и пехоты, но вполне достаточное для того, чтобы составить у них заметный по численности гарнизон; они нам сообщают также, что не получают из Парижа известий, кроме газетных. Мы абсолютно в том же положении; мы еще не получили ни одного письма от Конвента, ни одного от его Комитетов, и после этого мы не можем питать никаких сомнений насчет того, что путь курьерам прегра-

жден; ибо нам кажется недопустимым предположение, что Конвент предоставил нас самим себе в тех трудных обстоятельствах, в которые мы попали. Он всегда может рассчитывать на наш неизменный патриотизм и на всю ту энергию, которую допускают для нас наши физические силы; но вы понимаете, что этого недостаточно, и что с наилучшими намерениями в свете мы могли бы совершить ошибки, которых может избежать одна лишь твердая и могучая линия поведения Конвента. Может быть для Конвента не безразлично знать, что мы почти совершенно не переписываемся с Исполнительным Советом: нам абсолютно недостает времени. Мы только что узнали, что 3-й драгунский полк в своем громадном большинстве был увлечен в Турнэ той властью обаяния, которую проявлял Дюмурье, к тому же особенно усердно старавшийся прельстить и крепко привязать к себе кавалерию; но наконец у самого этого отряда открываются глаза, и он ускользает из-под влияния Дюмурье, и уже вернулось множество отдельных солдат, как бы дезертирами.

Гражданин Бушотт, которого вы только что назначили военным министром, прибыл сюда вчера вечером в 9 часов для совещания с нами и для самоличного ознакомления с действительным положением вещей в данный момент. Он хотел отправиться сегодня утром в Париж, но мы задержали его, чтобы он мог произвести осмотр во всех деталях, и мы скоро с ним отправляемся в лагерь для проверки там действительного состояния армии. Он рассчитывает вернуться оттуда сегодня вечером. Хотя он и не может еще изготовить приказы, все же необычайно полезно, что он пропешествовал сюда, чтобы самому лично видеть и знать, какие необходимо принять меры сейчас же, как он вернется к вам.

Мы знаем, что есть еще в армии много солдат, в которых обольщение, вызванное письмами, а также кажущимися доблестями и храбростью Дюмурье, оставляет неуверенность относительно истинной причины настоящих бед; они, не видя ничего другого, кроме прокламаций, посредством которых Дюмурье привлекал их к себе с целью унижить Национальный Конвент и заставить их жаждать нового короля, не совсем еще отделались от своих иллюзий и, хотя они вернулись под республиканский стяг определенно, все еще не зажглись вновь огнем их первого энтузиазма, но мы смеем надеяться, что от этих иллюзий не останется и следа через

несколько дней. Только нужно их просветить: у них доброе сердце, так как они французы, и мы готовы употребить все зависящие от нас средства, чтобы внести свет в их умы. Что же касается до изменников—сторонников короля, которого не стало,—мы не сомневаемся, что, возможно, остались еще такие, действительно готовые ему служить,—мы будем с ними обращаться по всей строгости закона.

Мы повторяем вам, и делаем это во всех наших письмах, что у нас нужда в денежных средствах и лагерьном оборудовании: в прибывшей вчера сюда казне всего один миллион; повидимому, казна, прибывшая в Дуэ, еще слабее, и вы понимаете, насколько это не достаточно для нужд большой армии. Дюмурье принял меры к тому, чтобы поместить большую кассу в неприятельской стране, прежде чем пытаться нанести свои тяжелые предательские удары. Впрочем, окиньте взглядом написанные нами вам первые письма, которые должны быть в Комитете общей обороны; вы увидите там различные подробности относительно наших нужд и будете знать, какие из них самые настоятельные. Многие офицеры потеряли всех своих лошадей и все свое имущество благодаря деспотизму Дюмурье, от которого они отделались лишь скрывшись тайком; они требуют авансов, без которых им крайне трудно приступить к исполнению своих служебных обязанностей. Сколь справедливыми ни кажутся нам эти требования, мы не сочли себя в праве взять на себя их удовлетворение и мы вас настоятельно просим немедленно урегулировать этот вопрос. Многие солдаты-швейцарцы, служащие теперь в артиллерии, только что подали нам новую петицию относительно сохранения за ними их чинов и пр., такая же петиция была нам уже подана в Дуэ другими швейцарцами, тоже артиллеристами; мы ее направили к министру Берновиллю; мы только что говорили о ней и теперешнему военному министру, но так как мы не вполне уверены, чтобы он мог распорядиться на этот счет без нового декрета, мы просим вас издать его, после того как военный министр изложит вам подробности этой просьбы.

Лекинью, Де-Бельгард, Шарль Кошон.

42. Конвенту

Комиссары в крепостях Северного фронта. Валансьен, 9 апреля 1793 г., II год Французской Республики

Граждане коллеги!

Дело приблизительно в том же самом положении, о котором вам известно из нашего вчерашнего письма¹⁾ и мы пишем вам настоящее письмо лишь для того, чтобы избавить вас от беспокойства, в котором, как мы полагаем, вы столь естественно обретаетесь еще. По ту сторону Кондэ виднеется группа неприятелей. Они даже начали бомбардировку крепости, но со столь дальней дистанции, что снаряды не долетают до крепостного гласиса; они падают на затопленное разливом пространство. Ряд мотивов заставляет верить, что это лишь фанфаронство, и что неприятель показывается здесь лишь для того, чтобы прикрыть свое движение к другому пункту. Впрочем, он не останется без ответа: у нас нет недостатка в войсках. Мы приняли меры к тому, чтобы умножить способы обеспечения себе численного перевеса над войсками неприятеля; если все его силы в окрестностях насчитывают всего 15,000 человек, как в этом уверяют, он долго здесь не продержится.

Сегодня утром у генерала Феррана заседал военный совет; в его состав входило по 2 члена от каждого административного учреждения и трое нас. Этот совет имел своим предметом мероприятия касательно валансьенской крепости; он нам вручит заверенную копию со своих постановлений, и мы их вам перешлем. В этом заседании генерал Ферран выложил перед нами несколько писем, запечатанных печатью Империи, которые были доставлены к нему на передовые аванпосты австрийским трубачем, письма были в одной пачке, в конверте, на котором имеется несколько строк, написанных по-немецки. Более, чем вероятно, что это письма наших коллег и министра Бернонвилля и что они были запечатаны лишь по их вскрытии и прочтении; почерк и названия адресов не оставляют в этом почти никакого сомнения. Впрочем, военный совет единогласно постановил, чтобы они были отосланы в Комитет общей

безопасности Конвента, который сможет вызвать к себе многих из адресатов; мы сейчас же соединили их в одну пачку, запечатали печатью генерала и препровождаем их вам вместе с настоящим донесением.

Все время здесь и в окрестностях, даже в местах расквартирования войск происходят антигражданские инциденты, провоцирующие возврат королевской власти; это результат шатания умов, вызванного прокламациями изменника Дюмурье, или даже дело некоторых из его агентов, вызванных опять сюда для злоумышленных целей. Мы принимаем все зависящие от нас меры для искоренения этого вероломного подстрекательства к возмущению, и муниципалитет прилагает энергию для расследования этого рода преступных деяний. Впрочем, так как зло зависит исключительно от отсутствия руководящих указаний, мы только что выпустили довольно обширную прокламацию на этот счет и распространим ее в огромном количестве экземпляров; мы не считали своим долгом непременно употреблять в ней высокопарный и цветистый стиль, а наоборот, вложить в нее большую простоту и ясность и указывать детали, которые, хотя и не так нужны для людей просвещенных, но могут принести существенную пользу тем, для кого мы пишем. Мы перешлем вам 2 экземпляра этой прокламации и, если она вам покажется составленной не в том благородном тоне, в котором добавает выражаться Конвенту, когда он говорит французской нации, то мы приведем в свое оправдание перед вами то обстоятельство, что то, что показалось нам наиболее полезным, показалось нам одинаково и наиболее достойным и, если присмотреться к вам, то очевидно, что вам, находящимся у самого источника света, невозможно понять, что язык, свойственный народу из этих краев, долго еще будет своей простотой сильно отличаться от той ораторской элегантности, которая кажется столь существенной на трибуне: чем больше мы наблюдаем, тем больше мы видим, насколько народ нуждается в обучении, и как мало доступных для него книг и слов.

Сейчас только что прибыли двое наших коллег—Бриэ и Дю-Буа-дю-Бэ; мы идем их обнять и вместе с ними пообедать; мы готовы дать им необходимые наставления, чтобы ввести их в курс действительного положения вещей и сейчас же после этого отправиться для завершения нашей миссии, от которой нас отклонила

измена Дюмуре; мы посетим Бушен и Камбрэ, оставленные нами позади, как крепости второй и третьей линии. А затем мы явимся перед Национальным Конвентом, чтобы представить ему материалы, являющиеся результатом нашей деятельности, и чтобы облегчить ему, путем наших детальных устных указаний, способ нажима на выполнение того, что, по-нашему, казалось необходимым для службы Республике. Как кажется, судя по тому, что нам говорили наши коллеги, мы ошиблись выражением, когда просили у вас пересылки сюда денежных фондов; мы понимали под этим денежные знаки, а не звонкую монету. Если мы употребили слово «серебро», это результат поспешности, с которой мы вынуждены были писать. Серебра здесь совсем не требуется; ассигнации обращаются здесь так же свободно, как и в остальных местах Республики, и мы считали бы чрезвычайно опасным допустить убеждение, что серебряная монета здесь необходима; конечно, приходится платить за все очень дорого, но стоит пойти и на большие жертвы для поддержки циркуляции бумажных денег.

Так как было несомненно, что мы были бы вынуждены пересечь некоторую часть Бельгии для сокращения нашего пути или же для того, чтобы повидаться с генералами, мы увезли с собою некоторые запасы денег, но мы их вернем почти целиком.

Мы с изумлением прочли в «Бюллетене» (Конвента), будто гражданин Берназе, адъютант Дюмуре, сказал Конвенту, что он держал речь в лагере многим батальонам и что он их даже заставил поклясться в верности Республике. Решительно вся полученная нами информация как нельзя более противоречит этому утверждению. Наши данные говорят совершенно противоположное, равно не соответствует действительности, что будто бы он распорядился закрыть ворота Валансьена; мы даже не скроем от вас, что этот человек был для нас подозрительен, и что некоторые открывшиеся с тех пор мелкие признаки не содействовали рассеянию наших подозрений; мы доверили ему лишь печатные документы, потеря которых была не опасна; сопровождавшее их письмо само по себе ничего не значило. Нашей обязанностью является довести до вашего сведения об этих фактах, чтобы вы были на страже против всех обманщиков.

Мы сию минуту получили новости из Мобежа, доводящие до нашего сведения о том, что в тамошнем гарнизоне есть несколько

агитаторов; завтра мы уговоримся с нашими коллегами, чтобы кто-нибудь из нас туда отправился.

Шарль Кошон. Де Вельгард, Лекинью.

43. Конвенту

Представители народа в Нижне-Сенском и Соммском департаментах. Аббевиль, 14 апреля 1793 г., II год Французской Республики.

Граждане коллеги!

В ожидании, пока последует от нас к вам общий отчет о наших операциях в департаменте Соммы, мы считаем своим долгом побеседовать с вами о поездке, совершенной нами в Сен-Валери столько же для того, чтобы выяснить царящий там общественный дух, как и для завершения различных дел, требующих нашего присутствия. Патриотизм всего департамента, повидимому, нашел себе пристанище в этом маленьком городе, как кровь, бегущая к оконечностям больного тела.

Изменники обречены здесь на все то отвращение, которое они должны внушать, и республиканизм выказывается здесь с энергией, которой мы нигде еще не заметили. Эта счастливая склонность создалась в особенности благодаря рвению Народного Общества, никогда не писавшего ничего против мятежников, но постоянно исповедывавшего истинные принципы во всей их чистоте и всегда предпочитавшего быть занятым делом, а не лицами.

Моряки образуют весьма крупную часть населения этого города; ему некого было выставить по набору в армию; но мобилизации во флот Республики там происходили неоднократно, и ни один матрос не ждал распоряжений, чтобы ему отправиться на службу; все пошло добровольно, воодушевленные самым искренним самоотвержением и самым твердым желанием доставить торжество свободе. Мы говорили перед собравшимся народом; делать это мы вменили себе в обязанность повсюду, куда мы направляем свои стопы, и она не кажется нам самой малоценной составной частью в нашей командировке. Правдивый и естественный язык живо

чувствовался свободными и искренними людьми, которые, привыкнув сражаться против бурь, страшатся деспотов не более, чем морских волн.

В церкви, где мы собрали граждан, оказалось изображение святого Людовика; один из нас предложил его убрать; моментально полотно было разорвано в клочки и остов сожжен у подножия дерева свободы. Это торжество над монархическим и религиозным суеверием не показалось нам недостойным вашего внимания. Вокруг этого нового рода ауто-да-фе ¹⁾ несколько раз протанцовали «Карманьолу» ²⁾ и пропели гимн марсельцев. За несколько дней до нашего прибытия был произведен патриотический сбор на покрытие военных издержек; он дал 900 ливров. Эта сумма, небольшая сама по себе, не будет таковой в глазах тех, кто ознакомится, хотя немного, с ресурсами этих отважных республиканцев и с потерями, которые они понесли с начала Революции. Никто не пожелал уклониться от взноса на этот предмет. Самые неимущие семьи приносили свои пожертвования и сочили бы себя оскорбленными, если бы их отклонили. После неприятностей, причиненных нам антигражданским поведением многих частей департамента Соммы, мы утешились и получили удовольствие от этих трогательных черт и надеемся, что, рассказывая вам об этом, мы легко склоним вас к тому, чтобы вы согласились особо упомянуть об этих патриотических заслугах. Не в первый раз имеем мы случай отметить, что патриотизм маленьких городов превосходит таковой же больших, все равно как чувства зачастую должны были бы заставить краснеть от стыда человека, пользующегося решительно всеми благами фортуны.

Пошоль, Саладэн.

44. Конвенту

Народные представители
в Нижне-Рейнском и Верхне-
Рейнском департаментах.
Страсбург. 14 апреля 1793 г.

Граждане законодатели!

Мудрый закон от 7 числа сего месяца ¹⁾ имеет в виду восстановить кредит ассигнаций, поколебленный махинациями злоумышленников и спекулянтов, но обстоятельства, при которых он был издан, заставили нас встревожиться за последствия его проведения в жизнь. Неудачи, вызванные изменой злодея Дюмурье и его гнусных приспешников, вызвали чувствительную потерю на курсе этих бумажных денег от 60 до 68%. Масса дурных граждан, врагов Республики или жадных спекулянтов, отказывалась даже принимать эти санкционированные Республикой и обеспеченные весьма солидными гарантиями деньги. При таком положении вещей нам приходилось опасаться увидеть вскоре отважных солдат нашего отечества доведенными до отчаянного положения. Без сомнения, ничто неспособно ослабить их рвение к службе Республике; но настоящая нужда заставила бы их прибегнуть на деле к таким путям, которые привели бы к нарушению порядка, а его поддерживать в настоящий момент необходимо более, чем когда-либо. Недавно изданный закон уничтожил различия, существовавшие между волонтерами и линейными войсками; вследствие этого распоряджения все имеют возможность получать хлеб натурой. Другим предметом первой необходимости, обратившим на себя наше внимание, было мясо. Получив на этот счет необходимые сведения от генералов, командиров различных отрядов, составляющих страсбургский гарнизон, от военных комиссаров и от агентов по продовольствию, мы убедились в необходимости распространить на находящиеся в гарнизонах или стоящие на квартирах войска с их командным составом то мясное довольствие, которым снабжает армию ведающая продовольствием администрация. Вследствие чего мы потребовали от этой последней взять на себя это добавочное снабжение, и, пока она могла бы принять необходимые меры, она позаимствуется из предназначенного на мясо для городов, в случае

их осады, живого скота, с обязанностью быстрого возмещения ею взятого. Эта мера повелительно продиктована обстоятельствами, и смеем вас уверить, граждане законодатели, что без нее общественное дело здесь подвергнется величайшим опасностям. Развернутые нами выше мотивы, без сомнения, поразят вас, и мы предлагаем вам одобрить и санкционировать эту меру. Ваша любовь к Республике, ваше желание воодушевить ее отважных защитников и их вождей и создавать все более и более крепкие связи их с Революцией вселяют в нас твердую уверенность относительно вашего поведения в столь любопытном деле ²).

Пфлигер, Луи.

45. Комитету общественного спасения

Народные представители в
Мон-Бланском департаменте.
Шамбери, 14 апреля 1793 г.
II год Французской Респуб-
лики.

Граждане коллеги!

Декрет предписывает, чтобы мы регулярно сносились с вами. Мы склоняемся перед этим декретом и ради интересов общественного дела, и в целях успешности нашей миссии. Мы поведем с вами речь о Келлермане.

После донесения находящихся в Лионе Базира, Лежандра и Ровера мы полагаем, что знаем Национальный Конвент настолько, чтобы предвидеть, что по отношению к Келлерману в данный момент декретировано обвинение, или, по меньшей мере, он вызван в Конвент для дачи объяснений.

Нам нужно восстановить перед вами истинное положение дел. Это мы распорядились задержать и проконтролировать через Базира, Лежандра и Ровера депеши Келлермана во время проезда его курьера в Лион.

Пораженные изменой гнусного Дюмуре, подозревая всех генералов и находя, что Келлерман не осудил с достаточной наглядностью поведение этого изменника, мы решили рассеять всеми

возможными способами то подозрение, с которым мы не могли более примириться. Мы просили наших коллег проконтролировать во время проезда генеральского курьера и о результатах сообщить вам. Они проявили большую энергию в своем расследовании; их патриотизм тотчас же забил живейшую тревогу; они поделились с нами своим открытием, но в то же время отправили свое донесение Национальному Конвенту, и возможно, что в этом они несколько перестарались, не подозревая, что найденные документы нуждались в объяснении.

На их месте мы несомненно думали бы так же, как они, но, находясь на местах, мы должны считаться с истиной и со справедливостью.

Благоволите сперва, граждане коллеги, бросить взгляд на прилагаемое при сем наше письмо к Национальному Конвенту. А вот теперь детали.

Документов, по видимости уличающих Келлермана, всего четыре: два его письма, из которых одно адресовано Национальному Конвенту, а другое — министру Гара; письмо молодого Кустара, сына депутата с тем же именем; и еще письмо Женнесона, секретаря генерала.

1. Письма Келлермана Конвенту и министру Гара, по правде говоря, и не политичны, и не соответствуют декретам. Он в них употребляет такие выражения: «моя армия», «мои солдаты». Но мы можем вам поручиться, что это делается без злого умысла. Мы предложили ему сделать исправления в этом немецком стиле. Он сам никогда не замечал неудобства таких выражений. Он предлагает Конвенту установить численное равенство между линейными войсками и национальными волонтерами. Мы сперва думали, что по примеру Дюмуре он хотел опорочить национальных волонтеров. Но на проверку оказалось, что это исключительно лишь военная точка зрения, основанная на желании иметь поскорее в своем распоряжении дисциплинированные войска. Мы совсем не одобряем этой системы, тем более, что он заявлял столь же неправильно как и делал это, а именно, что захват неприятелем крепости или города Республики менее печальное явление, чем недостаток мушкетер у солдат; но он повергал свою идею на благоусмотрение Конвента, министра; при этом не мешает вспомнить, что Келлерман вовсе не академик, как аристократ

Монтескью; и мы вам скажем наконец, что он сам был крайне поражен, когда мы ему дали понять, какой прием встретило бы его предложение.

2. Мы скажем о нем то же самое и в отношении его предложения, обращенного к Гара о сформировании швейцарских полков, предложения абсурдного и показывающего его невежество в политике. Но общим ответом на все эти упреки является то, что Келлерман ничего не понимает в делах сего света и очень мало в декретах. Он знает только свое ремесло; у него есть боевое чутье; он обладает тем драгоценным глазомером, который дается от природы и который в генерале стоит несколько больше, чем все административные или ученые качества. По всеобщему признанию, его нужно видеть на коне в день боя; с ним мы не имели бы плохих успехов. Таково по крайней мере наше мнение.

3. Письмо молодого Кустара. Это—дитя 16 лет. Вот тот простой способ, которым он объяснил эту столь двусмысленную на первый взгляд фразу: «Келлерман не глядит нашими глазами на Дюмурье». Они предполагали у Дюмурье более обширные планы и некоторые успехи, а Келлерман всегда говорил, что этот злодей—погибший человек, что он не выпутается из всей этой затеи.

4. Наконец, письмо секретаря генерала Женнесона является письмом аристократа, фельяна¹⁾ и т. д., и т. д., который хвастается, что он вскрывал все депеши, а между тем выяснилось, что он вскрыл их всего две; он высказывает свое мнение с важным видом, но поступок Женнесона не есть поступок Келлермана; мы распорядились заключить этого человека в тюрьму.

Мы просим вас, граждане коллеги, если представится к этому случай, дать оценку этих мотивов перед Национальным Конвентом. Мы беспристрастно наблюдали вещи так, как они есть.

Представители французского народа, командированные Национальным Конвентом в Мон-Бланский департамент и в Альпийскую армию,

Эро, Ф. Симон.

46. Комитету общественного спасения

Народные представители в Рейнской армии. Виссембург, 15 апреля 1793 г., II год Республики.

Граждане коллеги!

Мы писали вам вчера и позавчера. Напрасно ожидали мы столь желанного декрета, который должен воспретить сделки со звонкой монетой: он не прибыл. А между тем зло достигло своего апогея, наши ассигнации вот-вот упадут до 0 и совсем выйдут из обращения; их курс упал уже на 75%, т. е. за 100 ливров*) ассигнациями дают 25 звонкой монетой, а спекулянты и вовсе не хотят их принимать и объявляют еще более низкий курс. Армия повергнута в уныние. Для предупреждения опасного брожения мы только что издали прокламацию, сопровождаемую постановлением; мы отправляем ее Конвенту вместе с постановлением, о котором мы вам говорили вчера; сделайте распоряжение о том, чтобы они были изданы. Мы распорядимся так, чтобы 20-го армии было заплачено жалованье ассигнациями. Накануне этого срока, мы обратимся с прокламацией к нашим храбрым солдатам в целях их успокоения. Мы, может быть, вынуждены будем обложить предметы первой необходимости. Положитесь на весьма твердую решимость с нашей стороны; мы отдадим распоряжение об аресте всех тех, кто будет мешать исполнению наших мероприятий, и, если окажется нужным, мы потребуем национальных гвардейцев из соседних департаментов. При сем прилагаются копии писем наших коллег в Майнце и принца Гогенлоэ¹⁾, о которых мы доводим до сведения Конвента. А в остальном ничего нового, и в армиях не замечается ни малейшего волнения.

П. А. Субрани, Н. Осман, Рюан, Л. Марибон-Монто, Патюцкий (секретарь депутации).

*) Франков. Пр. пер.

47. Конвенту

Народные представители в
Мон-Бланском департаменте.
Шамбери, 21 апреля 1793 г.
II год Французской Рес-
публики.

Граждане коллеги!

Один из последних декретов Национального Конвента обязывает народных представителей, командированных в различные департаменты, заботливо следить за обращением ассигнаций и за всем тем, что касается общественного достояния.

Не следует скрывать, что ассигнации совершенно не имеют хождения в Мон-Бланском департаменте и в той части департамента Эн, которая граничит со Швейцарией и Женевою. Причины тому кроются в фальшивых ассигнациях, брошенных эмигрантами и контр-революционерами из Швейцарии в Мон-Бланский департамент, маневр, который вселяет недоверие в жителя деревень, затем в недостатке оружия, с чем так и оставили департамент, несмотря на наши неоднократные настояния и несмотря на наши первые сообщения об этом прежним военным министрам; далее, в преступной корреспонденции эмигрировавших священников с фанатиками внутри страны и наконец в том общем страхе, который сумели внушить все эти враги общественного дела, сея самые однозвучные новости об уходе французов и о возвращении пьемонтцев, об их жестокостях и об их мести. Но первая из всех этих причин, усиливающая все остальные, это гнусная спекуляция женевоцев. В то время как они под маской братства заявляют об общности интересов и сношений, но без взаимности, их безнравственная жизнь, которую они могут продолжать вести лишь благодаря своему гнусному промыслу, захватывающему все торговые пункты и промышленные производства Французской Республики, должна дать представление о той разрушительной энергии, с которой они разоряют Мон-Бланский департамент.

Из этого вытекают ужасные последствия, а именно повышение всех цен, уменьшение количества всех жизненных припасов, общая тревога касательно предметов жизненной необходимости,

солдатское недовольство и ропот как в городах, так и в деревнях, и те неисчислимые потери, которые ежедневно несет Республика в своих учреждениях и сделках. Декрет Национального Конвента определил жалование войскам в ассигнациях, начиная с 15 числа сего месяца. В соответствии с этим Национальное казначейство запретило казначею Альпийской армии, выдавать под каким бы то ни было предлогом звонкую монету. Мы вам заявляем, что в виду неприсылки официальным путем декрета могло бы произойти восстание в армии, если бы французские солдаты не оказались готовы идти на жертвы ради отечества раньше даже, чем для них оказалось возможным просто подчиниться закону.

Ряд мер содействовал избавлению от недоброжелательного отношения к ассигнациям.

Мы сперва уполномочили администрацию департамента временно создать контролеров ассигнаций, пока ваш Финансовый Комитет не порекомендует вам средства выполнения декрета от 27 минувшего ноября, который предоставил Мон-Бланскому департаменту создание контрольных бюро. Мы вам предлагаем во вторую очередь общую меру, применение которой обнаружит, может быть, на первый взгляд некоторые неудобства для того, чтобы спасти положение, но в результате ее, как кажется нам, должны получиться большие выгоды.

Эта мера состоит в том, чтобы искоренить поставщиков и заведующих всеми видами военного снабжения, управление которыми столь же разорительно само по себе, как и губительно для департаментов Республики. Мы говорим «разорительно само по себе», потому что при его подразделении на различные отрасли между всеми его агентами создается конкуренция, которая сталкивает между собой, затрудняет и удорожает все покупки и сделки. Мы говорим «губительно для департаментов», потому что оно борется в сущности против народа, заставляя его голодать, но, и не причиняя даже в этом отношении реального зла, оно всегда будет вызывать тревогу благодаря легкости укрывательства спекулянтов под видом вполне легальных агентов по снабжению армии продовольствием. Эти агенты, не имея определенного местожительства, без всякой ответственности по месту своих операций, переносясь с места на место, подобно хищным птицам, разом ускользают и от контроля общественного мнения, и от установленных властей. Наконец,

коренным пороком этой организации во всей ее деятельности является наличие у ней интересов, особых от интересов Республики. Вы, без сомнения, признаете, что самый надежный способ заменить их должен быть и самым естественным, и наиболее простым. Он состоял бы в том, чтобы все эти конкурирующие интересы и все эти очаги противообщественной деятельности слить воедино и подчинить администрации департаментов, так что граждане и армия освободились бы от существующего состояния недоверия и взаимной оппозиции, и гражданская администрация оставалась бы одна заведывать всем делом снабжения провиантом, а у военных агентов оставалось бы только распределение, под наблюдением военных комиссаров или таким другим способом, какой декретировал бы Национальный Конвент. Мы думаем, что эта мера заставила бы сделать шаг вперед по пути к общественной добродетели. Мы думаем, что она прибавила бы несколько корней к древу национального благосостояния и иссушила бы одну из самых толстых ветвей министерского расточения народного достояния.

Представители французского народа, командированные Национальным Конвентом в Мон-Бланский департамент,

Эро, Симон.

48 Комитету общественного спасения

Народные представители в департаментах Нижних и Верхних Пиренеев (прикомандированные к народному представителю Мазату). Сен-Жан-де-Люз, 22 апреля 1793 г., II год Республики.

Мы должны вам дать отчет, граждане коллеги, прежде всего о главном предмете нашей мысли, а именно о выполнении закона 24 февраля. В департаменте Верхних Пиренеев набор закончен, и большая часть солдат этого набора вооружена, одета, экипирована и даже влилась уже в предназначенные для них части. Мы не можем достаточно нахвалиться энергией, твердостью и гражданским духом администрации департамента. Гражданин

Жюльен, которого мы назначили высшим временным агентом Исполнительного Совета в виду неявки лица, назначенного на эту должность министром, развернул при исполнении своих обязанностей редкие таланты и энергию.

В общем этот департамент превосходен. Ни одна часть администрации не отстает в нем от другой. Округа, муниципалитеты, народные общества, все здесь в великолепном состоянии духа. Аристократы суровыми мерами приведены к молчанию, фанатизм здесь погашен. Одним словом, мы полагаем, что вы должны испросить у Национального Конвента декрет, который заявит, что департамент Верхних Пиренеев заслужил весьма большую признательность отечества. Нам остается посетить один округ этого департамента, а именно Арро. Мы туда и переберемся, покончив дела здесь.

Мы настоятельно просим оружия для жителей этих гор, которые окажутся достаточно сильными для защиты своих горных проходов, когда они будут вооружены.

Мы желали бы иметь возможность дать вам столь же благоприятный отчет о департаменте Нижних Пиренеев, но обязаны сказать вам всю правду.

Департамент, объявленный непрерывно заседающим, имеет в наличности далеко не полный состав своих членов; их тут оказалось лишь восемь, вместо тридцати шести. Мы сейчас же приняли меры для его пополнения, и наши заботы увенчались успехом. Но вы должны понять, насколько пострадала работа от отсутствия работников. Точно так же и во всем задержка, и даже наше присутствие, столь полезное повсюду в других местах, не успело еще сообщить этому департаменту всю ту энергию, в которой он так сильно нуждается. Все-таки мужество и герпение, в которых у нас нет недостатка, позволяет нам достигнуть цели, т. е. поднять этот департамент до высоты, на которой стоят соседние с ним. Набор повсюду произведен в отношении выбора солдат, но недостаток в военных агентах затормозил их приемку.

Мы приняли меры против этого беспорядка и отправляемся в объезд всех округов, чтобы распорядиться скорейшим обмундированием и вооружением наших новых защитников. Мы не должны допустить того, чтобы вы были в неизвестности насчет превосходного духа, царящего в округе и городе Ортез

Все законы выполняются там с удивительным рвением и поспешностью. Округ, трибунал, муниципалитет, народное общество работают в согласии друг с другом и сообща над поддержанием доброго порядка и спокойствия. Пожертвования для отечества множатся с каждым днем; обмундирование и вооружение волонтеров закончено и без задержек. Превосходная национальная гвардия регулярно несет здесь свою службу. Вот в каком истинном свете рисуется состояние города Ортез, населенного истыми республиканцами. Мы наставляем, чтобы об их поведении был дан почетный отзыв.

Общественный интерес и желание двух департаментов вызвали нас в Байонну. Этот город является центром и убежищем спекуляции и торгашеской жадности и алчности. Серебряная монета продается здесь все время открыто. Небольшое количество денежных тузов, командующих всем городом, устанавливали до сих пор курс и стоимость ассигнаций. Это зло получило широкое распространение и пустило глубокие корни. В один голос уверяли нас в обоих департаментах, что, если бы город Байонна принимал ассигнации, этому примеру остальные последовали бы почти без всяких трений. А мы обратили свое внимание на этот существенный пункт и видим, к нашему величайшему удовольствию, что наши труды увенчались успехом. Вы можете представить себе ожесточение богачей против нас. Их ярость достигла высшей точки, и они преследуют нас, по своему обычаю, оружием клеветы. Мы презираем их бессильные колкости. Мы повсюду устанавливаем курс для ассигнаций, и они впервые принимались вчера на рынке Сэн-Жан-де-Люза.

Народ и солдаты нас благословляют, и в этом наша награда. От этой счастливой перемены произойдут некоторые неудобства в первые дни. Мы не скрываем их. Но мы вместе с народными обществами приняли меры для распространения инструкций по поводу ассигнаций на языке басков, и тогда все помехи исчезнут. Есть только одна, которую интересно немедленно устранить, и вы это можете. Во всем этом краю нет достаточного количества медной монеты для обмена на мелкие ассигнации.

Предпишите национальному казначейству открыть для армии бюро обмена в Байонне, в Сэн-Жан-де-Люзе и в Андей, и все будет спокойно. Мы видели на монетном дворе в По довольно большое количество отчеканенных су. Обратите внимание, что хотя

закон против торговцев деньгами и о курсе ассигнаций официально еще не дошел, мы тем не менее распорядились временно выполнять его и притом буквально. Это было необходимо, и гражданин Камбон не будет нами недоволен за это. Но, к нашему великому сожалению, наше присутствие все еще абсолютно необходимо в этом краю. Нам остается объехать еще много округов, и придется снова проверять себя в затруднительных вопросах. Днем мы путешествуем, выслушиваем, делаем наблюдения, а ночью работаем и пишем: таков тот суровый режим, на который нас обрекает наша любовь к отечеству.

Что же касается до Пиренейской армии, часть которой мы посетили, то тут приходится столько отметить, что одного письма не может хватить на все это.

В общем, да будет вам ведомо, граждане коллеги, что повсюду аспаицы в состоянии действовать, а мы нигде не можем. Мы лишь поверяем вам наши тревоги. Мы, кажется, воодушевлены той уверенностью, которая граничит с хвастовством, когда сравниваешь положение врагов с нашим.

На границах Испании со всех сторон поднимаются многочисленные укрепления, прекрасная артиллерия, укрепленные лагеря, внушительные отряды войск. А здесь совершенно отсутствует артиллерия, в важных пунктах несколько плохих прикрытий, очень мало солдат, совсем нет вождей и никакого плана обороны, недостаток почти во всем. Все-таки неприятели не питают склонности к нападению. Хотя тут и следует побережиться, ибо сопротивления не было бы почти никакого, по крайней мере в этом именно пункте.

В мужестве нет недостатка, но что делать без средств? Полки и батальоны отличаются хорошей стойкостью и готовы биться до последнего.

Они дали нам весьма осязательные свидетельства их привязанности к национальному представительству и их доверия к нам. Мы укрепили их в их республиканских чувствах и заверили их от вашего имени в том, что они быстро получат подкрепление.

Арест генерала Дюверже приветствовала вся армия, знавшая его антигражданский дух и его глупость.

Братский привет.

Алекс. Изабо, Неве, Мазад

49. Комитету общественного спасения

Народные представители в Луаретском и Ниеврекском департаментах. Невер, 22 апреля 1793 г., II год Французской Республики.

Граждане коллеги!

Мы получили только сегодня ваш циркуляр от 11-го числа; он подтверждает наше мнение об отправке набранных волонтеров, которую мы живо ускорили с тех пор, как мы здесь на обратном пути из Орлеана. В обоих департаментах уже выступило огромное количество их: мы можем считать его равным по крайней мере половине положенного числа; почти все выступившие вооружены.

Но, граждане коллеги, ваше новое объяснение являлось тем более необходимым, что слова «выступить без промедления», помещенные в декрете от 9-го числа, отправленном с экстренными курьерами, делали нас особенно нерешительными. Ибо люди были налицо, и промедление происходило лишь от того, что не было полного вооружения и снаряжения, и что нужно было поджидать их из разных мест, при чем каждый округ принял на этот счет особые меры, чтобы друг с другом не столкнуться.

Однако мы сами были настолько убеждены, что люди должны были быть вооружены, чтобы быть полезными, что мы довели об этом до сведения Конвента. Очень немногие из вышедших из этих департаментов (Ниевр и Луаре) выступили без оружия. Но декрет 9-го марта нам однако предписал пополнять последние отряды большим количеством волонтеров, вполне готовых к отправке, за исключением оружия, которого им пришлось бы ожидать слишком долго.

Ваше письмо заставит нас принять решение не допускать отправки никого, кто не был бы вооружен. Мы пришлем вам возможно скорее все требуемые вами от нас ведомости; мы торопились с изготовлением их, и все изготовленное будет нами проверено.

Вы знаете уже, граждане коллеги, часть мер, принятых нами для возрождения обоих департаментов, надзор за которыми нам

был поручен. Мы надеемся, что исцеление будет полное, и общественный дух уже сильно дал о себе знать. Аристократия дышит на ладан; она укрылась в самых пустынных и наименее доступных местах. Есть еще три округа, куда мы имеем сделать целевой визит; в других, которые мы посетили, дела идут весьма хорошо. Комитеты 12 творят чудеса. В каждом месте мы делаем распоряжение об оглашении перед народом имени граждан, избранных в их состав, и по общему одобрению мы видели, что избранные были как раз те, кто заслуживал ими быть. Административные власти оказались мягкими, нерешительными, разношерстными; мы укрепили их при помощи суровых смещений и расшевелили и подбодрили тех, кому нужно было придать жару или энергии.

Мы вам рекомендуем, граждане коллеги, исклопотать без промедления ясные декреты о военных налогах, о платной национальной гвардии, которую следует вооружить, насколько возможно, пиками или же охотничьими ружьями, отобранными при разоружении подозрительных людей, а также хорошими саблями, так как в саблях нет недостатка, а офицеров следует вооружить парой пистолетов, отобранных при том же самом разоружении.

При этом предположении, платная национальная гвардия, будучи так вооруженной, окажется в состоянии отвечать за внутренний порядок и иметь всегда внушительную выправку. Не забудьте также добиться декретов о соответствии цены хлеба жалованью и об оказании помощи неимущим семьям волонтеров. Было бы также хорошо декретировать, что граждане, назначенные для отправки в армии и выставившие вместо себя заместителей, не могут быть избираемы ни на какую должность во время войны. Кажется, этого требуют принципы, и вы поймете мотивы, побуждающие к этой мере, а именно, чтобы охрана и внутренняя администрация были вверены только надежным лицам, только истинным республиканцам.

Мы переслали вам, граждане коллеги, наши требования и прокламации. Мы выпускаем их вновь, как только замечаем, что эта мера полезна, и можем засвидетельствовать, что все они имели удачные результаты. Они проникнуты тем же духом, что воодушевляет и вас самих. Внести в движение единообразие, объединить силы, средства, действовать согласованно и все передавать в главную инстанцию, к первой движущей пружине, каковой

является Конвент, вот в чем мы вам будем помогать без остановки и без отдыха; вы можете быть в этом уверены.

Граждане коллеги, мы организовали крайне неприятную слежку за подозрительными людьми на двух больших дорогах, прорезывающих наши департаменты, а именно на дороге из Бордо в Луаре и из Лиона и с юга в Ниевр. Но, граждане коллеги, Комитету общей безопасности следовало бы внести проект простого и ясного закона о паспортах. Правда, восстановили действие старинных, почти не применявшихся или забытых законов, но они оставляют еще много желать по отношению к общественной безопасности; например, нет ничего установленного относительно старых паспортов, имеющих визы недавнего времени. Отсюда куча жалоб, толкований и масса потерянного времени для муниципалитетов, которые в настоящий момент и без того весьма заняты. Несколько хорошо отредактированных статей закона исцелили бы от всех этих злоупотреблений и все время должностных лиц обратили бы на действительную пользу для управления. Мы специально обращаем ваше внимание на то, что почтовые конвоиры путешествуют без паспортов. Вы предугадываете все неудобства, проистекающие от этого!

Мы откровенно скажем вам, граждане коллеги, что газеты дурного направления являются нашими злейшими врагами. Вы знаете, мы стоим за неограниченную свободу печати, без всяких компромиссов в этом отношении. Но пусть хоть один декрет объявит дурными гражданами тех, кто при настоящих обстоятельствах не согласны с теми принципами, которые руководят вами. Конвент создает своими декретами силу и уверенность, а двадцать писак работают над тем, чтобы создать недоверие и слабость. Прочтите в «Хронике» ¹⁾ прибывшей к нам сегодня (т. е. в субботу, 20), сделанное там извращенное сопоставление двух декретов Конвента, принятых на заседании в пятницу, 19-го, и посмотрите, возможно ли выказать большее недоброжелательство по отношению к самому Конвенту, чем изображая эти два декрета тем коварным сопоставлением.

Граждане коллеги, сделанные Конвенту предложения насчет созыва первичных собраний точно так же производят весьма дурной эффект. Если проезжает экстренный курьер, злонамеренные люди кричат, что он привез декрет о созыве этих собраний. Такая

неизвестность тормозит все мероприятия. Многие из граждан, будучи в состоянии сами себя снарядить, добровольно отправились бы в армию; но они видят, что спасение отечества подвержено большому риску, чем когда-либо, если бы собрания были созваны в отсутствие всех патриотов. Наконец, глухо готовят частые выборы; более заметные чиновники видят в перспективе новый Конвент, членами которого они себя мнят; они тратят на выполнение своих надежд, своих политических страстей много времени, которое иначе пошло бы на пользу общественному делу. Наконец, это приучает умы к мысли, что действующий теперь Конвент кончился, и даже в умах тех, кто наиболее склонен поддерживать его дело, возбуждается тревога в отношении прочности подлежащих исполнению мер, представляющих собою часть деятельности Конвента; ибо, по принципам, они бессмертны и неистребимы, но тем не менее является вредной отмечаемая нами тревога насчет деталей.

Вам надлежит, граждане коллеги, взвесить ценность наших наблюдений. Мы видим вблизи все зигзаги, повороты, движения надежды и страха умеренных и сомневающихся людей; это именно те, которых надо бить очевидностью и определенностью фактов; это именно те, которых легко прельщают аристократы. Вот в отношении этих-то людей мы и употребляем всю силу убеждения и увещаний, чтобы они составляли, по крайней мере, тыл патриотов. Что касается до аристократов, нужно будет постараться, чтобы поддерживаемая ими борьба закончилась из-за отсутствия бойцов.

Граждане коллеги, вчера по постановлению ниеврского департамента, гильотина, которой здесь еще не видели, была извлечена из своего ящика и водружена со всеми своими принадлежностями. Палач сделал пробу на пяти манекенах, представлявших Дюмурье, Валанса, Шартр-Эгалите ²⁾ и двух других офицеров штаба Дюмурье. Крики: «Да здравствует Республика, да здравствует Конвент» раздавались, подобно грому, при каждом ударе ножа гильотины; выражалось одно лишь сожаление, что на месте манекенов не было подлинной плоти и крови названных преступников. После этой церемонии сожгли все старинные дворянские грамоты, почетные дипломы и привилегии, розыски которых были произведены со времени нашего прибытия в бывших замках, при процедуре разоружения и в бывших церковных капитулах. Наконец

произведено было торжественное ауто-да-фе ³⁾ пресловутой декларации тупоумной и гнусной личности, претендующей на звание правителя Франции, и другой, которая дает его брату звание генерал-лейтенанта. В этот момент одна шутка палача особенно развеселила зрителей: он плюнул на эти мерзкие бумаги и вытер ими себе зад. Эти жесты презрения бывают иногда очень кстати. Народ разошелся по домам, предавая проклятию на все времена всех тиранов и всех деспотов.

Граждане коллеги, отсюда мы отправились в клуб, где мы занимаем трибуну весьма часто, не упуская к тому малейшей возможности. Была повторена клятва, которую мы заставили принести во всех коммунах и подразделениях департамента, об искоренении всякого, кто предложил бы выбрать правителя, протектора, диктатора, наконец всякий род власти, представляющей собой покушение на народное верховенство, и об убийстве на месте того, кто предложил бы восстановление королевской власти. Святой энтузиазм овладел всеми гражданами; питаемая им энергия поддержит их в верности бессмертным принципам. Нас проводили пением гимна победы, ибо таково всегда окончание всех патристических сцен.

Граждане коллеги, мы стараемся, при малейшей возможности, удвоить длительность дня, совершая ночью, если позволяет нам это состояние дорог, свои путешествия в целях посещения округов, покрытых лесом и горами, проход через которые нам загородили последние дожди. Наше присутствие в этих местах тем более существенно, что укрывшиеся тут злонамеренные люди распространили ложные слухи о том, что мы уедем отсюда не удосужившись лично ободрить патриотов в этих отдаленных краях. А отсюда следует новый прилив наглости у аристократии и торжества у фанатизма.

Закончив эти требуемые гражданским долгом поездки, граждане коллеги, мы поторопимся с нашим возвращением и, несмотря на расстояние, мы остаемся, в ожидании удовольствия дать вам братский поцелуй, вашими неразрывными сотоварищами.

Представители народа, делегированные Национальным Конвентом в департаменты Ниеврский и Луаретский,

Колло д'Эрбуа, Лаплани.

50. Комитету общественного спасения.

Представители народа в Мэн-Луарском и Сартском департаментах. Анжер. 24 апреля 1793 г.

Граждане коллеги!

Мы получили ваш циркуляр относительно набора и приложенный к нему декрет. Мы будем сообразоваться со всем тем, что нам предписывают закон и ваши инструкции. В особенности мы будем выполнять в точности и с радостью возложенное на нас обязательство ежедневно сноситься с вами. Мы надеемся, что и вы, со своей стороны, часто будете помогать нам своими знаниями и советами.

В Сартском департаменте набор закончен. Он прошел с величайшим спокойствием. Снаряжение здешних рекрутов почти доведено до конца; но вооружение их невозможно без содействия мивистра. В данном департаменте нет в наличности и 600 ружей исправных и неисправных, а набрано рекрутов 5,900 человек.

В Мэн-Луарском департаменте пять округов окончили свои работы по набору и предоставляют отечеству 4,200 защитников; со снаряжением дело весьма подвинулось вперед. Другие округа находятся все еще во власти бандитов или освобождены от них всего лишь несколько дней тому назад. С вооружением здесь встречаются еще большие затруднения, чем в Сартском департаменте. На руках у граждан здесь имеется, пожалуй, около 3.000 ружей; но этот департамент находится в состоянии настоящей войны, и невозможно было бы и помыслить о разоружении патриотов, не подвергая риску безопасность Республики и не подавая контр-революционерам надежд, которые осуществились бы рано или поздно.

Отсюда вытекает то затруднение, которого не легко избежать. Вы предписываете нам отправлять лишь вооруженных волонтеров; значит, мы не можем приказывать отправиться тем из них, которые не имеют вооружения. Что же остается нам делать? Если мы отошлем их обратно в их общины, то, независимо от тысячи других неудобств, мы подвергаемся риску совсем их не найти, когда в них у нас окажется надобность, а вместе с тем пропадет и их стоящее громадных затрат, снаряжение.

Многие из департаментов вот-вот окажутся в том же положении, как и наши, и это требует общих мероприятий. Не можете ли вы выбрать внутри страны несколько сборных пунктов, куда могли бы быть направлены все те, кто не получил вооружения? Там вы их подчинили бы временной организации, они обучались бы быстро и постепенно получали бы вооружение по мере того, как увеличивались бы ресурсы этого рода. Они там у вас будут, так сказать, под рукой, и в случае нужды вы их найдете почти готовыми для выступления на фронт.

По этому важному предмету необходимо скорое решение. Вы запрашиваете нас о подробностях относительно смут, волнующих эту часть Республики, о причинах этих смут, об их распространённости и об их последствиях. Мы вам готовы сообщить, что мы знаем более достоверного на этот счет.

Невежество и фанатизм господствовали в областях, охваченных в настоящий момент восставшем, когда Революция призвала французов к свободе. Революция здесь мало почувствовалась, и у свободы оказалось лишь незначительное число друзей. Цепи феодального и поповского деспотизма были разбиты по всей Франции; только тут не спешили их разбивать и ни на один момент не теряли надежды на их восстановление. В этом несчастном краю патриотизм уже три года как находится в войне с ненавистью к свободе и не всегда был победоносным. Уже три года, как эта несчастная страна повседневно орошается кровью ее обитателей¹⁾.

Более удобной местности для контр-революционного заговора нельзя было и выбрать: она отличается величайшим плодородием и охватывает часть наших берегов; настроение ее сбитых с толку жителей, их число, их богатства, все обещало, казалось, полный успех. Нужен был лишь предлог, и его доставил рекрутский набор. Все приготовления были сделаны с давних пор; в один момент поднялось более 100 000 человек; они захватили административные учреждения и сожгли все реестры документов, налоговые списки, все бумаги и все сведения, необходимые для управления. Они перерезали по одиночке захваченных врасплох патриотов и разгромили их имущество; их движение было стремительное, их успехи поражающие, и мы не боимся сказать, что, может быть, это было бы концом Республики, если бы комиссары Конвента не при-

были в те различные пункты, которые захватили или готовились захватить мятежники. Присутствие комиссаров вернуло уверенность и энергию ошеломленным патриотам, и все вместе привялись за операции, необходимые для того, чтобы рассеять этот грозный ураган.

Мы не будем входить здесь в детали различных экспедиций против этих бандитов. Вы уже об этом осведомлены, и мы шаг за шагом будем ставить вас в известность насчет этого, а здесь мы просто предлагаем вам познакомиться с природой зла и с его размерами.

Много эмигрантов из бывших дворян и священников стоит во главе этих скопищ и направляет все их движения; они по большей части вооружены и, повидимому, снабжены большим количеством военных припасов и продовольствия. Они окапываются, они выступают в бой по заранее обдуманному плану; в общем они сражаются довольно хорошо, и некоторые среди них обнаруживают отчаянную неустрашимость, которую может дать только фанатизм.

Вы не сможете поверить, до какой степени сбиты с толку эти бедные люди, и как велико их доверие к руководящим ими злодеям. Никогда суеверие не заходило так далеко.

Объединяющими их символами являются белые знамена и белые кокарды; все носят наплечники и четки; король и их попы вот их лозунг.

Они обладают храбростью, доходящей до безумия; они атакуют, не ожидая нападения. Эту странную уверенность дают им, во-первых, успехи, которые они вначале одержали с большой легкостью, а во-вторых, недостойное поведение тех, которые были назначены, чтобы дать им отпор.

Мы говорим Комитету общественного спасения и обязаны сказать ему всю правду.

Прибывшие сюда отовсюду национальные гвардейцы обнаружили по прибытии дурное настроение. Все хотели сейчас же вернуться назад. Нам пришлось отослать тех, кто был не в состоянии служить; нам с трудом удалось удержать остальных. Эти национальные гвардейцы, говорим это со скорбью, дали доказательства самой низменной трусости. Мы видели, как 4,000 их, помещенных на превосходной позиции и обязанных прикрывать

город Анжер, пустились бежать во всю прыть при одном только известии о появлении бандитов. Еще более значительное число их, за несколько дней перед этим, было приведено в смятение двумя пушечными выстрелами; и 30 бунтовщиков вскоре после этого разбили 900 хорошо вооруженных людей. Армия Вийе, в составе по крайней мере 7.000 человек, разбежалась от шума нескольких ружейных залпов; одним словом, не будь тут Финистерского батальона, 35-ой дивизии, 19-го полка драгун и нескольких храбрых национальных гвардейцев, которые, несмотря на общую деморализацию, стойко выполнили свой долг, все было бы потеряно.

Нас еще более сокрушает то обстоятельство, что люди, которые так плохо сражаются, совершают самые ужасные нарушения дисциплины и, к сожалению, находят сообщников среди тех, которые сами сражаются лучше, чем они. Они не различают ни друзей, ни врагов, и эксцессы во всех их видах готовы дойти до апогея. Мы каждодневно делаем и делаем напрасные усилия для их обуздания и убедились, что при таком накоплении зла нет другого лекарства, как поскорее закончить эту экспедицию, что мы и надеемся сделать, если вы пришлете испрашиваемую нами у вас помощь.

Власти повсюду развили усиленную деятельность, огромную энергию. Точно так же и масса граждан оказалась достойной свободы. Мы расскажем вам о многочисленных проявлениях мужества и гражданственности, которые несколько нас утешают среди стольких ужасов.

Прежде чем кончить, мы обязаны поделиться с вами последним наблюдением, и оно является самым важным из всех. Несчастные разногласия, раздражающие Конвент, происходящие в нем прискорбные сцены вызывают повсюду печаль и уныние. Малодушие прогрессирует ужасающим образом, и дерзость врагов свободы растет с каждым днем. Тут кроется величайшая из всех стоящих перед Республикой опасностей, и время Конвенту это знать; если такое положение вещей продолжится еще, отечество, может быть, и не будет спасено. Что касается до нас, рассчитывайте на наше рвение и мужество: мы выполним свой долг до конца, мы сдержим все наши клятвы.

Пьер Шудье, Ришар.

P.S. Сегодня утром мы получили ваше письмо касательно обращения ассигнаций: мы готовы заняться без промедления этим важным предметом.

51. Комитету общественного спасения

Народные представители в Луаретском и Ниевском департаментах. Невер, 24 апреля 1793, II год Французской Республики.

Граждане коллеги!

Мы сказали, на глазомер, в нашем последнем письме, что половина волонтеров контингента 2 департаментов, Ниевского и Луаретского, на пути в предназначенные для них сборные пункты. Из доставленных нам ведомостей мы видим, что наше исчисление является довольно точным. Однако тут имеется в виду половина всего контингента двух департаментов вместе, а не каждого из них в отдельности. Луаретский отправил больше, а Ниевский меньше половины. Это произошло от того, что Ниевский департамент отправил в Вандею 350 хорошо вооруженных людей, не включенных в состав контингента, чего не сделал Луаретский, так как этого не позволили обстоятельства, в которых очутился город Орлеан. Следует заметить, сверх того, что у Ниевского департамента на много меньше возможностей для снаряжения и вооружения. Мы, подобно вам, понимали необходимость вооружения; но, граждане коллеги, вы не можете себе представить, сколько имеется трудностей для того, чтобы запасти необходимым количеством ружей. Сделано, что можно, и для обмундирования. На это были употреблены все наличные запасы тканей. Тем не менее мы с удовольствием видим, что число набранных людей повсюду превысит установленный контингент их. Мы предупредили ваши намерения насчет смены агентов Исполнительного Совета, выбор которых по большей части был плох, а еще хуже было их распределение.

Мы беспрестанно будем взывать к вашей заботливости, граждане коллеги, насчет благодетельных декретов о военном налоге, о соответствии цены хлеба с жалованьем, о платной национальной

гвардии, а также и о том декрете, который окончательно урегулирует разверстку помощи семьям волонтеров.

Вы заметили в числе требований, копии которых мы вам направили, одно, имевшее целью призыв к добровольным пожертвованиям со стороны богачей, для оказания помощи этим заинтересованным в ней семьям. Так как этот призыв не имел столь счастливых результатов, как мы на то надеялись, мы указали властям на меру более принудительного характера; они обратились к состоятельным гражданам с циркуляром, копия которого при сем приложена ¹⁾. и это имело полный успех.

Еще было бы желательно, чтобы немущие семьи наших волонтеров не могли подвергаться преследованиям в случае неплатежа ими налогов. Если бы существовало общее мероприятие о том, что муниципалитеты правомочны делать займы, чтобы сбалансировать стоимость своего содержания и даже для того, чтобы достать себе его, это возымело бы очень хорошее действие.

Так называемые конституционные священники в настоящий момент вызывают ту же самую тревогу, как и другие. Было бы хорошо, если бы их всех было возможно подвергнуть строгому экзамену в их поведении в прошлом, и были бы установлены общие условия этого испытания. Остались бы только те, которые вышли бы чистыми из этого испытания; слишком уж много генеральных викариев ²⁾. Мы упразднили всех тех, кто нам показался сомнительным; это чистый выигрыш, так как замещение их бесполезно. Епископы, по большей части, ничего не делают; но они кое-что будут делать.

По вопросу о больших дорогах и прочих путях сообщения можно бы говорить бесконечно. В этом отношении мы почти везде переживаем полную разруху; в некоторых местах сообщение почти невозможно. Торговля от этого страдает до такой степени, в особенности торговля продовольственными припасами всякого рода, что нередко свирепствует голод всего в 10 милях от магазинов и продовольственных запасов; этой беде можно помочь лишь чрезвычайными средствами. Мы будем говорить с вами, граждане коллеги, еще об одном предмете, который на первый взгляд кажется неважным; поразмыслите над ним, прежде чем его отбросить. Дело идет о сохранении телят: пусть декрет воспретит их убой в течение некоторого времени; лишения от этого будут незначительны,

а Республика выгадает миллионы на настоящих и будущих покупках для воинского довольствия быков, отправляемых по армиям.

Мы препровожаем в вандейскую армию 50 лошадей, которых мы ей обещали и которых она ожидает. Это хорошие кони и они будут нести большую и полезную службу, ставшую там весьма необходимой. Их у нас остается еще много, ибо мы в этом отношении проявили суровую требовательность; остальные кони остаются в распоряжении военного министра.

Вот, граждане коллеги, краткий обзор нашего положения и наших операций.

Представители народа, командированные в департаменты Ниверский и Дуаретский,

Коллю д'Эрбуа, Лапласи ³⁾.

52. Комитету общественного спасения

Народные представители в Мон-Бланском департаменте. Шамберн, 27 апреля 1793 г., II год Французской Республики.

Граждане коллеги!

Мы получили почти сразу от вас 5 писем и готовы ответить на все и в то же самое время мы вам представили краткий обзор состояния Мон-Бланского департамента и Альпийской армии.

Набор национальных волонтеров подвигается вперед и скоро будет окончен. Мы ждем полного его окончания, чтобы дать вам об нем отчет. Вы изумлены, что он потребовал столько времени, хотя мы и не теряли ни минуты с его проведением. У людей в этом краю весьма слабая восприимчивость. Они никогда не ведали энтузиазма. Им всегда нужно предписывать именем закона. Страх перед пьемонтцами является обычным состоянием духа в департаменте. Власти сами первые сеют эту панику. Они видят себя уже повешенными. А отсюда бесконечная недоверчивость, абсурдные доносы, самые ложные и самые смешные слухи почти через каждую четверть часа. Попы, бывшие дворяне, аристократы, швей-

царские, пьемонтские, женеvские и пр. шпионы мастерски пользуются этим настроением умов. Шамбери является тем главным очагом, откуда мало-по-малу идет кругом по департаменту эта контр-революция. Мы приняли решение образовать комитет общего наблюдения, который состоит при нас и составлен для большей надежности и энергичной деятельности всего из трех лиц, которых мы без труда выбрали, несмотря на редкость республиканцев. Мы предполагаем хорошенько ущемить всех клеветников, распространяющих малодушие по всему краю, всех тех, кто не в состоянии доказать, о чем они разговаривают, всех тех, кто сеет ужас в рядах в то самое время, когда граждане должны сгрудиться и сплотиться более, чем когда-либо. Но нередко и мы оказываемся в затруднительном положении. Закон карает смертью лишь авторов решительно анти-республиканских сочинений и речей. У исправительной полиции недостает карательной статьи закона, определяющей более или менее суровое наказание, применимое немедленно к *контр-революционной клевете* как в словесной, так и в *письменной* форме. Исправительный закон, о котором достаточно сказать, что Деменье ¹⁾ был одним из главных его авторов, чтобы не быть перед ним в восхищении, наказывает лишь тех, кто угрожает человеку словом и действием, и не более того. Что касается до администраторов, департамент принадлежит к числу посредственных. Тут нет решительно никого добропорядочного, кроме генерального прокурора. Округа наполовину прогнили от поповской пропаганды. Мы готовы, посредством патристической чистки, искоренять это зло.

Попы и отказ от ассигнаций, вот две главные причины департаментских бед. Конституционные священники стоят не больше неприсягнувших. Изрядное количество их уже изгнано, и теперь конституционные священники ежедневно уезжают, так как им платят бумажными деньгами, а эти господа предпочитают 20 су (1 франк) ежедневно, обещанных сардинским королем и не уплаченных ни разу, так как он их держит в своей власти и может запереть для них выход. Мы получили письмо военного министра, осведомляющее нас о том, что Альпийская армия вправе получить из артиллерийских магазинов Лиона 4.000 ружей и из гренобльского арсенала 1.500, в ожидании более значительного их количества. Директория департамента тем не менее посылает по этому поводу в Конвент и к вам не менее двух депутатов, чтобы полу-

чить оружие и побеседовать с вами о своих нуждах, о своих тревогах. Эти граждане, как кажется, не имеют, в сущности, иной цели, кроме как посмотреть Париж, ибо мы категорически ответили на все главные пункты петиции, по поводу которых они предполагают перед вами ходатайствовать. Мы им предложили даже взять с собою одно из наших писем к вам. Они так торопились, что отправились даже до получения ими инструкций от департамента.

Одним из чувств, которые терзают их более всего, и в котором их нужно всего более ободрить, является страх быть возвращенными пьемонтцам. Вот почему большая часть граждан Мон-Бланского департамента не решаются высказываться. Однако французская лояльность не позволяет оставлять их на произвол судьбы.

Они добровольно присоединились и в будущем они окажутся для нас весьма полезными, благодаря своей горной промышленности и благодаря своим мануфактурам. Их территория сокращает нашу линию обороны, их горы будут нашими Фермопилами. Вы поступите весьма политично, если вы нам немедленно обеспечите какой-либо общественный и наглядный способ укрепления их доверия к имени французской Республики.

Мы собрали все документы, все необходимые подробности для того, чтобы иметь полное представление об армии. С них сейчас делают копии, и мы вам их немедленно перешлем. В данный момент имеется 45 батальонов, в которых нужно считать в строю только по 600 человек в каждом. Эти батальоны целесообразно размещены для обороны долин, но армия, которая остается в руках, насчитывает в своих рядах не более 3.600 человек. Это чрезвычайно мало. Представляло бы большую выгоду, если бы мы получили еще десять батальонов и сверх того десять эскадронов, так как у нас полный недостаток кавалерии. Постарайтесь нам помочь в этом прибавлении и в особенности в отношении оружия и пороха, чем мы весьма слабо снабжены; ведь, что касается оружия, хотя нам и было заявлено, что имеется 5,600 ружей в Лионе и в Гренобле, мы почти уверены, что по сделанной проверке их там не окажется.

Делегаты Марсельского клуба заверили нас во время своего проезда, что они посетили на пути сюда Сент-Этьенский завод ²⁾. Они нашли, что работы там идут замедленным темпом, с препятствиями и подлежат, одним словом, самой коренной реформе. Есть

и другое неудобство: закон уполномочивает округа и департаменты на самоснабжение оружием. На этот предмет была отпущена в руки военного министра сумма в 40 миллионов... но с другой стороны однако ни одна из сделок, заключенных департаментами, не может осуществиться, так как отпуск оружия с заводов невозможен, без разрешения министра. Возможно, эта последняя мера является мудрой, но она содержит в себе по меньшей мере явное противоречие закону.

Постарайтесь, прежде всего другого, о доставке нам возможно больше оружия. У нас сходятся две границы, Пьемонт с одной стороны, а с другой Вале³⁾, или Швейцария и Женева. Мы достаточно сильны, чтобы потягаться с успехом с пьемонтцами, которых мы несколько не боимся. Но если бы швейцарцы, до сих пор нейтральные, но *нейтральность которых является лишь лицемерием* и ожиданием благоприятного момента—если бы швейцарцы заволновались, если бы пожелали вторгнуться со стороны Шабле—наиболее открытой; если бы они дали по своей территории проход австрийцам и пьемонтцам, как, повидимому, об этом говорят все желания, все проекты, они могли бы нам причинить много зла. Они могли бы вслед затем распространиться по четырем департаментам Республики, которые не могли бы им противопоставить сильных крепостей, и мы увидели бы поколебленной оборонительную позицию Юга, драгоценного убежища свободы, которая однако, как мы на это надеемся, никогда не будет нуждаться в убежище.

Нас более всего мучает отсутствие обращения ассигнаций. Они теряют половину, три четверти своей стоимости; во многих местах их даже не пожелали бы взять за одну маленькую раковину, особенно, в Тарантезе, части департамента, соприкасающейся с Пьемонтом, где весьма существенно возбудить привязанность к Французской Революции со стороны народа, разоренного потерей им торговли. Мы накануне самых безотрадных сцен. Мы расходую всю нашу энергию для того, чтобы установить обращение ассигнаций, отсутствие которого тем более ужасно, что оно ставит в затруднительное положение все то, что касается снабжения армии и нужд внешней обороны. Сама армия загорается мало-помалу повстанческим огнем, и вспышки его мы должны страшиться. Как в самом деле удерживать спокойными солдат в их палатках и лагерях, где помимо всего иного им необходимо было бы проходить

с настоящего момента курс военного обучения, а между тем люди подвергаются невзгодам дождливого и холодного времени года, измучены голодом и жаждой и получают одни лишь ассигнации Республики в край, который не желает ассигнаций. Придите к нам на помощь, дорогие коллеги: нет ничего более важного, чем это. Мы пускаем в ход все временные или полсобные меры, мы создаем возле лагерей походные лавки съестных припасов, вызываем соревнование, чтобы заставить данный край выпустить на рынок продовольственные припасы. Мы преследуем скупщиков не только в этом департаменте, но и во всех тех, где помещается Альпийская армия. Мы разрешаем Мон-Бланскому департаменту закупить в Лионе на 400.000 ливров хлеба в зерне для распродажи его затем на ассигнации в этом краю, операция вдвойне необходимая и для пропитания края, в котором не хватает средств существования, и для того, чтобы установить доверие к ассигнациям, операция, которая, как мы уверенно надеемся, получит одобрение со стороны Национального Конвента. Но все эти меры имеют лишь временное значение. Они истощаются, а где средства их возобновить? Следует принять решение в более широком масштабе и более радикальное, и вы одни только и можете принять его путем создания закона. *Нам нужно совершенно изъять из обращения серебряную монету*; ибо, пока она у нас есть, металл всегда возьмет верх над бумажной валютой. А у нас имеются три разновидности серебряной монеты: пьемонтская, женеvская и французская. Кроме того, нам нужно запастись хоть небольшим количеством медной монеты для мелких сделок, являющихся самыми обычными. С этой целью мы отправляем в Лион колокола для переливки. Наконец, следовало бы пустить в обращение мелкую монету по примеру сардинского короля, монеты которого в 7½ су не стоят и 2½ су, и тем не менее с ними великолепно обходятся, все равно как если бы они были полноценные.

Мы просим, граждане коллеги, скорого ответа от вас и от Конвента касательно этих предметов. Это явится новой услугой, которую вы окажете Революции и Республике; этим вы приобретете новые права на уважение со стороны ваших сограждан.

Что касается Келлермана то мы ведем, за ним крайне тщательное наблюдение. Мать за своей дочерью не приглядывает строже, чем мы за ним; если он в чем погрешает, мы тут как тут.

Но мы должны сказать по правде, что до сих пор он безупречен во всем, что касается не административных или политических способностей, которые у него ничтожны, а военного духа и доброго и чистосердечного желания вести себя, как честный и искренний республиканец. Мы говорим это потому, что это сущая правда и справедливость. На нас сделали донос якобинцам, друзьям нашим, за то, что мы не сказали, что Келлерман—изменник, когда мы имели доказательство противного; но даже потеря популярности не должна помешать республиканцам выполнить их долг и действовать всегда по совести. Якобинцы, как лучше осведомленные в фактах, отнесутся к нам с большей справедливостью. Если и в ваших руках будут доносы на Келлермана, благоволите препроводить их к нам. Мы строгим образом очистим их от ошибок, без попустительства, но и без промедления.

Вы написали нам о том, чтобы вникнуть возможно глубже в политику наших соседей. Мы тут работаем с помощью некоторого количества интеллигентных патриотов, отправленных нами в Пьемонт и в Швейцарию, и с которыми, как вы понимаете, мы не могли обойтись без выдачи некоторого аванса звонкой монетой. При первом же известии о том, что, Дюмурье, гнусный Дюмурье находится в Швейцарии, мы отправили патриота, который заставит трепетать это чудовище, если с ним встретится, и который не боится ни бернских медведей, ни сыска и шпионажа, которые господин Лемуар ⁴⁾ завел и укоренил в этом месте своего пребывания.

Говорят, что Шатонеф, дипломатический агент в Женеве, родственник Дюмурье и его друг, говоривший, что невозможно существовать без короля, готов потихоньку вернуться из Швейцарии и вновь занять свое место в этом городе. Если это так, отдайте распоряжение об его аресте Исполнительному Совету. Действительно, в этом городе имеется поверенный в делах, по имени Делорм. Судя по собранным нами о нем подробным сведениям, это молодой человек, весьма нестойкий и не действующий с достаточной смелостью и энергией в интересах Республики. Он озабочен сохранением своего места. К тому же он, повидимому, находится в постоянных сношениях с неким Жако, председателем Женевского Комитета общей безопасности, а этот Жако, аристократ, агент всех синдиков ^{*}), лицемер в отношении революции, чело-

⁴⁾ Городеских старшин Женевы. Прим пер.

век, который недавно, в разговоре со мной в Женеве, чистил санюлотов *канальями*.

Женева нас убивает, пожирает, толкает нас в бездну своей гнусной спекуляцией. Если бы обстоятельства не требовали осторожного отношения к стране, которая не на нашей стороне, и избегать всего, что может сколько-нибудь спровоцировать или даже просто обеспокоить Швейцарию, то давно было бы можно и должно обрушиться, подобно огню небесному, на этот политический Содом. Но, по крайрей мере, окружим ее, зажмем в тиски, не выпустим ее из ее границ, а сами останемся у себя отгороженными от нее. Мы ласковы лишь с санюлотами этого города, так называемыми марсельцами ⁵⁾, которые, будучи бедными и измученными людьми со свободной душой, в конце концов и станут совершенно свободными: они одни уже оказали большие услуги нашему делу. В виду этих соображений, основанных на правде и на самом щепетильном беспристрастии, мы просим вас не проявлять излишнего доверия к двум женевским депутатам, посланным к вам для братанья в качестве агнцев, а на самом деле для изыскания способов превратиться из агнцев в *«хищных волков»*. Отнюдь не будем подражать министру Клавьеру, который, изменяя принципам и системе, в настоящий момент ищет всеми способами примирения с Женевой, его отечеством, и, как кажется, не имеет в виду ничего другого, судя по некоторым правдивым рассказам, как приготовить лазейку для отступления на случай, если дела во Франции обернутся в плохую сторону.

Представители французского народа в Мон-Бланском департаменте и Альпийской армии.

Эро, Симон.

P.S. Наша организация закончена; мы только и ждем момента возвращения на наш пост и в вашу среду. Мы остаемся здесь в виду тяжелых обстоятельств и для удовлетворения нужд Альпийской армии. Нами получены сведения о трех наших коллегах, в качестве наших преемников. Они не приезжают, и разговоров об этом мы еще не слышим.

53. Комитету общественного спасения

Народные представители Рейнской, Вогезской и Мозельской армиях. В главной квартире, в Виссембурге. 6-го мая 1793 г., II год Республики.

Граждане коллеги!

Мы повторяем вам и будем без конца настаивать на скорейшем слиянии армии ¹⁾. Вы предупредите этим ненависть, ссоры, отдельные столкновения; вы восстановите мир и единение и вырвете из рук наших врагов самое могучее оружие, которым только они обладают. Мы ежедневно получаем заявления со стороны линейных офицеров; они просят распространения на них закона разрешающего национальным гвардейцам уйти из службы, поставив на свое место заместителя; с другой стороны, национальные гвардейцы настоятельно просят об исполнении закона 21-го февраля ²⁾. Национальные жандармы, оставшиеся на своем посту, отказываются допускать в свою среду тех из своих товарищей, которые их покинули. Тем не менее наблюдается ежедневно их возвращение; более двухсот уже явилось; некоторые привели обратно и своих коней. Мы отправили их на стоянку в Эпиналь. пока Конвент не решит их судьбу.

Набор армии продолжается: прибывающие люди превосходны, но большинство без оружия. О чем же думает военный министр? Вы знаете, что большая часть артиллерии этой армии осталась в Майнце: поспешите ее заменой.

Мы вам переправляем копию письма генерала Кюстина к герцогу Брауншвейгскому ³⁾. Мы просим вас распорядиться включить его в «Бюллетень». Будет ли Конвент смотреть без негодования на то, что этот генерал преклоняется перед доблестями прусского короля, перед доблестями и великодушием его светлости герцога Брауншвейгского? Достойна внимания и вот эта фраза: «Я надеюсь получить письмо от государя, призываемого своей мудростью, своей философией и любовью к управляемому им народу быть опорой притесненных и умиротворителем мира», не окажется ли она достаточной для того, чтобы отнять у этого человека доверие, которого ни он, ни подобные ему не заслужили и никогда не

должны были бы пользоваться? Нам необходимо, граждане коллеги, сказать вам откровенно все то, что чувствует наше сердце, необходимо заставить вас разделить с нами все то негодование, которое внушил нам человек, смеющийся показывать себя в качестве единственного спасителя Франции. Как! Кюстин хочет быть диктатором, он смеет об этом говорить, даже писать Конвенту, и представители нации равнодушно выслушивают такую исповедь, без того, чтобы наказать за эту чрезмерную смелость. Если бы подобное письмо было направлено непосредственно к нам, Кюстин был бы уже предан суду революционного трибунала, и вся Франция этому бы аплодировала. Но что можем мы сделать, когда само Собрание пребывает в неподвижности и вместо наказания записывает в «Национальный Бюллетень» документ, который должен был бы послужить основанием для издания декрета об обвинении.

Граждане, вспомните, что сделал Лафайет; вспомните, что сделал Дюмурье. Тот и другой требовали от вас короля; а этот изменник хочет дать вам «человека с большим характером, диктатора», и этим человеком оказывается «сам Кюстин». Что же это такое? То, что пыталась сделать безрезультатно вся коалиция королей Европы, Кюстин хочет сделать один, на свой страх и риск, и смеет говорить об этом представителям народа.

Граждане, вы не применили наказания: сколько бед готовит нам такая слабость! Мы выполнили нашу обязанность: мы обязаны были сказать вам правду и мы ее сказали всю целиком.

Мы рекомендуем вам гражданина Кокбера. Это ярко выраженный республиканец, обладающий многими знаниями. Люди такого сорта слишком драгоценны, и вы должны поспешить дать им возможность служить Республике.

Мы обращаемся к вам с просьбой возможно скорее переправить к нам карты Мозеля, Вогез, Верхнего и Нижнего Рейна, Майнцской области и Пфальца до Кобленца, изготовленные таким способом, чтобы их можно было сложить и положить в карман.

Мы спешим вас уведомить, что отрешили от должности сына Дитриха, старого страсбургского мэра; он был адъютантом генерала Боревуара; его присутствие в армии тревожило всех добрых патриотов.

54. Комигету общественного спасения. О положении на Северном фронте. Наблюдения двух народных представителей в Северной армии

Валансьен, 11 мая 1793.

Теперь известно все, чем угрожала измена Дюмурье. Крепости подвергались риску захвата; армия являлась дезорганизованной: многие воинские части или, по крайней мере, некоторые из командиров были сторонниками предательской системы этого изменника. Кавалерия в особенности принадлежала к тем частям, на которые всего менее можно было рассчитывать; была посеяна величайшая рознь между линейными отрядами и национальными гвардейцами сопоставляя нынешнее положение с первоначальным, можно сказать, что теперь оно, может быть, менее опасно и менее печально, чем могло бы быть.

Выступление армии, расположенной в Фамаре, в Денен, является первой и, так сказать, единственной причиной, облегчившей блокаду Конде. Но оставить армию здесь на волю потока жестокой брошенной в ее среду, агитации значило бы ставить под вопрос ее благополучие. Ее следовало удалить на известное расстояние, чтобы она вновь очутилась в своей тарелке и, в особенности, в целях ее реорганизации. Но, к несчастью, за 24 часа до этого выступления еще не начался массовый подвоз жизненных припасов в Конде. Это — непоправимая ошибка, но она вспоминается здесь только для того, чтобы избежать в будущем повторения чего-либо подобного, когда обстоятельства заставят покинуть крепость, открытую для неприятельских атак.

Большое расстояние, отделявшее армию, расположенную в Денене, от авангарда, находившегося в Реме, в Викуаньских лесах. и в Брюе, Эскопоне, Френ и т. д., это расстояние обеспечило неприятелям легкость овладения всеми этими позициями. У авангарда были орудия, исключительно размера 4. Неприятель же повел атаку с орудиями размеров 9, 13, 17. Следовавший за армией артиллерийский парк был слишком далеко, чтобы оказать быструю помощь. Пришлось по необходимости податься назад и

потерять таким же способом все остальные позиции на правой стороне Шельды: Сен-Сольв, Эстре, Кюржи, Сольтен, Презо и т. д.

Авангард нашей армии подвергся горячей атаке 15-го апреля, на высоте Анзен, единственной из высот, гарантирующей от наступления неприятеля на город Валансьен, который он легко мог бы разгромить, если бы ему удалось овладеть этой позицией. По счастью, в тот день армия вернулась в Фамарский лагерь, и можно было оказать помощь и доставить подкрепление людьми и артиллерией. Но не следует скрывать от себя, что и в этот день, как и во все последующие, пришлось взять часть крепостных припасов, а именно: *ядра, порох* и другие *боевые припасы*, и крайне спешно затем их пополнить. Крепости недостает также, независимо от этих предметов боевого снаряжения, *мортир* и гаубиц, которых пришлось ее лишить, чтобы помочь частичным атакам армии. Соседние города, даже Дуэ, не могут их доставить. Но следует поспешить с их привозом, с какой стороны он бы ни последовал.

Одной из главных причин, давших неприятелям легко сжать кольцо блокады Конде и укрепиться всеми способами (как в виде помощи людьми и артиллерией, так и припасами, в особенности продовольствием, которого у них не было совершенно, и наконец, путем сооружения окопов и вообще всякого рода оборонительных сооружений повсюду), это был промежуток времени от 15-го апреля до 1-го мая, в течение которого наша армия не производила никаких передвижений, генералы не сделали ни одного распоряжения и даже, так сказать, не выпустили ни одного ружейного заряда. Аванпосты развлекались даже тем, что устраивали попойки вместе с неприятельскими аванпостами. А эти последние дали нам еще один урок, воспользовавшись этим обстоятельством для умножения своих средств причинять нам вред. Не знаешь, что и думать об этой неподвижности генералов, об их малой активности, о слабости их стратегических приемов. К тому же определенно известно, что неприятельская армия, состоявшая вначале самое большее из 20, 25 или 30 тысяч человек, содержал теперь, по донесениям, от 80 до 86 тысяч человек.

Атака 1 мая была очень хорошо задумана. Но одной из причин, помешавших ее удаче, является нерадивость нашей кавалерии, если не-сказать более: ибо к этому можно бы прибавить у ней отсутствие подвижности и даже недисциплинированность. Сверх

того, правая колонна не была направлена так, как ей указывал отданный приказ. И это тем большее несчастье, что с тех пор имеются положительные сведения о том, что, если бы продержались еще один час, то был бы успех; неприятель уже отдал приказ и фактически готовился к эвакуации всех атакованных позиций. Наше преждевременное отступление ободрило неприятеля, который с того момента стал завоевывать все более и более близкие к нам позиции и умножал свои окопы. Другой причиной, также повредившей успеху атаки 1 мая, является то, что часть, пришедшая из Лилля и Денена под командой генерала Дампьера, слишком поздно была переброшена к Сент-Аману и не могла действовать одновременно с Валансьенской армией вследствие того, что ординарец с приказом, предназначенным для Лилля, должен был ожидать с 10 часов вечера до 5 часов утра следующего дня, чтобы ему открыли дверь.

Может быть, было бы желательно возобновить атаку с завтрашнего дня: Здесь ожидалась часть под командой генерала Ла-Марлиера, и даже армия, расположенная в Фамаре и в окрестностях Валансьена, была до некоторой степени подготовлена к этой атаке. Но плохо понятый приказ, направленный к генералу Ла-Марлиеру, заставил его вернуться со своим корпусом в Лилль вместо того, чтобы продолжить его стоянку в Орши.

Новая атака, главное направление которой шло к Сент-Аманским лесам, по левую сторону Шельды, должна была иметь место 5-го или самое позднее 6-го. Все приказы были изданы, один вслед за другим. Но генералы полагали, что не следовало рисковать этой новой атакой, что уместно держаться оборонительной тактики, хотя бы и пришлось допустить падение Конде и переход его во власть неприятеля, и приказы были отменены. Отряд под командой генерала Ла-Марлиера уже вернулся к Сент-Аману. Распоряжения были готовы для опубликования; неприятель вот-вот мог провести о всех движениях, и малейшее промедление могло лишь принести величайший вред успеху плана атаки; ее следовало или произвести в эту же ночь, или отказаться от нее совсем. Но генералы иначе использовали создавшееся положение. Они решили оставить все без окончательного решения для того, чтобы атаковать 7-го числа. Ла-Марлиер имел приказ остаться у Сент-Амана, так же, как и колонна, направленная к Анону. Неприятель не мог игно-

рировать движение и назначение этих отрядов. И он знал, с какой стороны ему следовало себя обезопасить. Но атаки опять не было и 7-го. В этот самый день, когда части были уже готовы к выступлению, и силы были собраны, уже с предшествующей ночи, генерал около 7 часов утра послал за комиссарами Конвента, чтобы высказать им свое беспокойство по поводу атаки. Другие генералы разделяли его взгляд и опять заставили отойти назад все отряды. Наконец, на следующий день, т. е. 8-го, он отдал приказ о частичной атаке. Результаты ее известны. Она могла бы быть более счастливой, если бы не грустный факт гибели генерала Дампьера, жертвы своего порыва и своей чрезвычайной храбрости.

Какое бы суждение ни захотеть вынести относительно плана и распорядка этой последней атаки, никогда нельзя будет отделаться от сознания того, что нерешительность, неопределенность, приказы, контр-приказы и перемены всякого рода, имевшие место на протяжении 3—4 дней, много повредили успеху атаки и в особенности доверию со стороны воинских частей; и что наименьшим из вытекающих отсюда неудобств является то, что неприятель имел время разглядеть наши проекты, умножить свои средства борьбы, удвоить свои оборонительные сооружения и приготовиться с большей уверенностью к тем ударам, которые намеревались ему нанести, потому что действительно быстрота, тайна и энергия выполнения одни только и могут обеспечить успех во всех военных мероприятиях.

Но, как бы то ни было, неприятель все время двигается вперед, непрерывно выигрывает все новые и новые пространства и с каждым шагом вперед сооружает все новые и новые окопы. А с нашей стороны ни в одном из военных распоряжений нет ни инициативы, ни энергии, ни указания, как помешать лавине неприятельских предприятий; намерение неприятеля, кажется, было продвинуто до Беллен, как это он и сделал вчера, а с другой стороны продвинуто выше Презо, Пти-Варньи и т. д., опрокинуть Фамарский лагерь и прервать пути сообщения с Бушеном, Камбрэ, Ле-Кенга и т. д. Дорога к последнему пункту уже перерезана, и туда нельзя добраться иначе, как весьма кружным путем.

Наше настоящее положение сводится единственно к одному и

тому же. Следует ли держаться оборонительной тактики и оставить крепость Конде на волю неприятеля? Или же следует принять все меры к тому, чтобы добиться снятия блокады и снабдить эту крепость продовольствием?

Здесь не приходится говорить о важности Конде: каждый должен быть в этом убежден. Со всех точек зрения эта потеря тем более вызывала бы тревогу, что у неприятеля нет ни одной сильной крепости во всей Бельгии ни для прикрытия своих магазинов, ни для предохранения себя от последствий боя, который привел бы его в полное расстройство. Таким образом город Конде доставлял бы ему двойную выгоду, и, сверх того, он нашел бы там легкую возможность быть хозяином вод и судоходства и направлять в короткое время свои силы в нужные пункты. И, наконец, у него оказался бы опорный пункт, чему мы обязаны воспрепятствовать любой ценой. Ведь не следует терять из виду того, что, если бы уничтожение блокады потребовало гибели или принесения в жертву даже 10.000 человек, это вознаградилось бы сохранением в целости, может быть, 50.000 человек, которые понадобились бы для того, чтобы отобрать назад эту крепость, или для того, чтобы поправить все беды, могущие произойти от оставления ее во власти неприятеля.

Но после знакомства с местными условиями и известного опыта, который могла дать привычка следить за военными операциями и всеми распоряжениями генералов, начиная с 29-го апреля 1792 года, с каких пор Валансьен был непрерывно театром войны, кажется не так трудным или, по крайней мере, не невозможным освобождение крепости Конде от угрожающей свергнуть ее во власть неприятеля блокады.

Если генералы признают, что невозможно освободить Конде и иметь успех в атаке, тогда не останется ничего другого, как применить единственное средство, а именно произвести диверсию и вынудить тем самым неприятеля удалиться самому.

Кажется очевидным, что, если двинуть силы или со стороны Мобежа, или со стороны Турне, или наконец в часть Западной Фландрии, неприятель не удержался бы в этом пункте или же, по крайней мере, наша армия сделала бы успехи, которые вознаградили бы нас за потери, грозящие нам в случае, если бы мы лишились Конде. Весьма вероятно даже, что неприятельская армия

взяла бы другое направление. Во всяком случае, у нас не было бы никаких потерь, и, сохраняя за собою наши крепости, хорошо снабженные продовольствием, с достаточно сильными гарнизонами, мы могли бы вызвать врага на бой с этой стороны, между тем как наша армия стала бы наносить ему более губительные удары в другом месте.

И наконец, ведь бесполезно сохранять здесь значительную армию, чтобы она ничего не делала.

Есть несколько способов произвести сильную диверсию против неприятеля.

1. Со стороны Мобежа. Неприятель имеет на этом направлении всего не то 5—6 тысяч человек, не то 10—12 тысяч человек, самое большее. Окруженный окопами и являющийся неприступным Мобежский лагерь заключает в себе 12.000 человек наших войск. Если бы туда распорядились стянуть всего 20.000 человек подкрепления, случилось бы из двух одно: или неприятель также направил бы туда силы, окружающие Конде, или же допустил бы продвижение наших отрядов вплоть до Монса, чего не приходится предполагать, так как неприятелю пришлось бы крайне опасаться в этом случае, что он окажется более не в состоянии спасти свою крупную артиллерию, находящуюся в Киеврене.

Более того. Не только можно было бы вполне надеяться на эту меру, которая, будучи хорошо скоординированной, могла бы отрезать ему всякое отступление; но даже если направить новые силы вплоть до Живе и Филиппвиля, мы могли бы овладеть без боя Намюром и Льежской областью, где у неприятеля нет ровно никаких сил, так как все они у него собраны всецело у Конде и Валансьена.

2. Другим, не менее важным, способом диверсии явилось бы продвижение всех наших сил со стороны Ипра, Фюрна, Менена, Куртрэ, Остенде, Гента, Брюгге и прочих пунктов на всем этом участке Шельды, каковое продвижение помешало бы доставке продовольствия всякого рода для неприятельской армии. Фактически у неприятелей нет никаких сил на всех этих пунктах, или, по крайней мере, их здесь не найдется в общей сложности более 3.000—4.000 человек. И эта область была бы в нашем распоряжении, или же неприятель мог бы ее сохранить, еще раз, лишь стягивая сюда силы, имеющиеся у него в настоящее время, начиная от Мобежа вплоть до Турне и Лилля.

3. Могла бы иметь место еще третья диверсия. Но она имела бы более прямой результат и походила бы на атаку. Она заключалась бы в продвижении всех наших сил со стороны Сизуана, между Диллем, Дуэ, Орши и Турнэ; в расширении лагеря вплоть до лесов Рюм, Бузи, Левард и пр.; и в том, чтобы хорошевько окопаться на этом последнем участке. Неприятель неминуемо стал бы двигаться со всеми своими силами со стороны Турнэ. А если бы он этого не стал делать, Турнэ мог бы быть захвачен врасплох, а с ним и гора Троицы, и Волленская позиция, и мы легко бы вышли в тыл Конде, имея опорные пункты справа и слева и охраняя свой тыл для того, чтобы обеспечить себе путь отступления, как только это понадобилось бы.

Эти разнообразные комбинации не могут здесь быть объяснены во всем их объеме. Но карта в руках и беседы с военными, знакомыми с данной местностью, прольют полный свет на этот предмет.

Все-таки является правильным наблюдение, что напрасно исчисляют силы неприятеля от 80 до 86 тысяч человек. Это большое преувеличение. Неприятель обладает талантом преумножать свои силы и заставлять видеть себя повсюду. Сегодня он в Мольдском лагере, завтра у Мобежа. Его многочисленная кавалерия чрезвычайно приспособлена для этого маневра, который к тому же является ее любимой игрой. Силы австрийцев высчитывают применительно к численности их союзников, а так как здесь имеются и пруссаки, и голландцы, и англичане и проч., то полагают, что во всех этих краях находится огромное количество неприятеля. Истина же заключается в том, что он призвал себе на помощь все, что нашлось, начиная с Остенде с одной стороны и с Люксембурга с другой, для того, чтобы сделать более тесной блокаду Конде. и, если бы у него было от 80 до 86 тысяч человек, он не прибегнул бы к этому крайнему средству.

¹ Другим доказательством этого преувеличения является предположение, что он как у себя дома в лесу Мормаль, который простирается по направлению к Ле-Кенуа. Эта обманчивая идея является причиной того, что не делается никаких распоряжений для того, чтобы сохранить этот важный пост. В действительности однако неприятель не владеет даже малой частью этого леса. Но вместе с тем ничего не делается для того, чтобы помешать ему добиться этого.

Иллюзии, которые строят, преувеличения, которые себе позволяют, если не принять против всего этого мер предосторожности, погубят общественное дело. Такое отношение к делу может обескуражить французского солдата. Все генералы и вожди армии в одно и то же время и неспособны, и отличаются поистине ужасающей инертностью. Не предложена ни одна решительная мера. В особенности заметно, с какой поспешностью они умеют говорить об освобождении Конде или о снабжении его съестными припасами. Есть только один толковый генерал, человек ума и таланта, способный управлять всей совокупностью операций в широком масштабе, который мог бы принять и выполнить меры для спасения этого фронта. И этого человека следует искать в другом месте, а не в находящейся здесь армии. Нужен, наконец, человек, который, со знанием местных условий и с военными талантами Диллона соединял бы весь патриотизм и любовь к отечеству настоящего республиканца.

Все эти наблюдения сделаны лишь для того, чтобы быть переданными в недра Комитета общественного спасения. Если некоторые из этих наблюдений или заключающихся в них идей могут и не понравиться, есть надежда, что Комитет отнесется с должным вниманием к продиктованному их чистому рвению и к горячему желанию принести пользу отечеству ¹).

Подписали: *Дюбуа-дю-Ве, Брие.*

55. Комитету общественного спасения

Народный представитель в
Нижне-Луарском департаменте.
Нант, 11 мая 1793 г.

Граждане коллеги!

По прибытии в департамент Нижней Луары я узнал о позорной сдаче 400 человек из 4-го пехотного полка, бывшего провансальского. Атакованные 400-ми мятежников, они побросали свое оружие и отдали свое знамя и одно орудие. Семь их офицеров были взяты в плен.

Двое из этих последних служат адъютантами у вождя бандитов. Сто двадцать из этих трусов-солдат вернулись без оружия в Машкуль, вместе с двумя офицерами.

Генерал Канкло отправил их под арест. Я отдал приказ о приводе их сюда. Я поеду впереди них, чтобы уберечь их от ярости возмущенного их трусостью народа. Я велю их сейчас же судить военно-полевым судом.

Бандиты ведут политику пощады в боях линейных солдат и преследования одних лишь национальных гвардейцев. Заметив это, мы хотим одеть как национальную гвардию находящийся у нас здесь 34-й полк.

Я столкнулся с генералом Канкло насчет плана атаки и кампании.

Завтра я отправляюсь в Машкуль для воодушевления национальной гвардии, которая питает большое доверие ко мне и начинает тяготиться оторванностью от своих домашних очагов.

Я ничего не писал Конвенту. Прошу вас поделиться с ним сообщаемыми мною вам сведениями и сообщить ему о прилагаемых мною стараниях для предания суду солдат и офицеров 4-го полка.

Кустар.

56. Комитету общественного спасения

Один из народных представителей в Западно-Пиренейской армии. Бордо, 11 мая 1793 г.

Граждане коллеги!

Я пользуюсь первой свободной минутой, чтобы уведомить вас о всем том, что я видел, о всем том, что вынужден был делать на пути из Парижа в Бордо.

Обстоятельства носили такой настоятельный характер, что я не считал себя в праве колебаться, хотя я и был в единственном числе, насчет принятия тех мер, без которых общественное дело могло бы потерпеть ущерб. Если я на этот раз нарушил то распоряжение декрета, которое требует присутствия трех народных

представителей для того, чтобы начать действовать, моя голова и мое состояние являются ручательством для Республики в том, что это нарушение, если оно преступно, может быть примерно исправлено; но моя совесть говорит мне: «Ты выполнил свой долг, ты оказал услугу своей стране».

Приезжаю в Тур. По дороге узнал, что спокойствие в этом городе допускало некоторую тревогу что антигражданственность и проделки германского легиона заставили принять чрезвычайные меры. Было 11 часов вечера; не останавливаясь в гостинице, я еду к Тальену и в директорию департамента с предложением разделить с ними, на всю остальную ночь, их усталость и их тревоги, если бы они существовали.

Тальен дает оценку положения в том смысле, что, благодаря мерам, благоразумно принятым властями города, о которых он отозвался мне с похвалой, присутствия его одного вполне достаточно. Я уехал, посоветовавшись еще о положении в Вандее, которое, конечно, не показалось мне хорошим, но в данный момент нет никаких данных, которые действительно могли бы вызвать тревогу.

В час я покинул Тур. Когда я прибыл в Шательро, местные жители показались мне одержимыми лютым страхом; я спросил у них о причине: три дезертира из нашей вандейской армии сеяли эту тревогу и ужас. Шательро грозила атака со стороны мятежников...

Их кавалерия была уже в лесах, граничащих с этим городом. Я увидел в этой попытке точное выполнение той ужасной системы устрашения, которая хуже поражений в тысячу раз, и из которой наши враги так хорошо столько раз умели извлекать выгоду. Я написал администрации о том, чтобы она постаралась ободрить граждан, склонить их к тому, чтобы хорошенько встретить неприятеля в случае его появления; я объявил им, что всякая небрежность с их стороны, всякое проявление трусости обрушит на их головы тяжкую ответственность. Я потребовал от них в то же самое время распоряжения о задержании всех распространителей ложных слухов и о немедленной доставке их в административный центр для того, чтобы поступить с ними по законам.

Я хотел самолично распорядиться созвать народ и побеседовать с ним, когда прибывший из Пуатье курьер сообщил мне, что

тамошняя кавалерия была отброшена с потерями неприятельской кавалерией и укрылась в Пуатье, что неприятель взял Туар со всем его гарнизоном, и что в Пуатье царит ужаснейшая тревога. Вскоре это известие было подтверждено мне и из другого источника.

Как ни была мало безопасна, как меня уверяли, дорога, я полагал, что не должен колебаться, немедленно ехать в Пуатье и там скорее похоронить себя, чем допустить переход этого города во власть неприятеля. Мой спутник Дарнейль¹⁾ хочет разделить со мной всю славу и все опасности. Мы подвергаем себя риску; но через несколько часов мы въезжаем в этот город; если бы его атаквали сто человек, он попал бы в их руки. Это ведь не представляло трудности.

Мы явились с моим спутником в департаментский центр; я созвал его административный орган и сказал ему, что как раз в важных случаях свободные люди и должны показать себя, что нужно спасти Пуатье или погибнуть; я распорядился о представлении мне отчета, в каком состоянии находятся оружие, жизненные припасы и порох; оно оказалось удовлетворительным; но жители Пуатье, показалось мне, находятся в состоянии оцепенения. Зала вскоре наполнилась. Я говорил тут соответствующим случаю языком. Полагаю, что надлежит хорошенько наблюдать за этой администрацией. От 30 до 40 кавалеристов разбитого накануне отряда готовы были покинуть этот город. Администрация понапрасну тратила усилия, чтобы удержать их; именем французского народа я предписал им не покидать его.

Одного слова народного представителя оказалось достаточно, они мне заявили, что остаются в Пуатье. Я потребовал в то же самое время от администрации, чтобы она задержала все отряды, которые могли бы быть в этот момент в районе ее деятельности, и чтобы она не покидала своего поста в главном городе департамента вплоть до минования опасности; эта мера была нужна для того, чтобы поднять мужество разбитых.

Я не ограничился этим; я расспрашивал коменданта и объявлял как ему, так и властям, что они отвечают своей головой за город Пуатье, что я стану биться во главе их и что они научатся от меня примерному выполнению долга; но что вместе с тем я самолично разможу голову первому, кто осмелится говорить о сдаче.

Через экстренного курьера администрация и я довели до све-

дения наших коллег в этом округе о нашем положении, о нужде в помощи, и я предложил по крайней мере одному из них выехать в Пуатье: ведь его присутствие было там необходимо столько же для наблюдения за администрацией, сколько и для обороны этого города.

Департамент затребовал помощи у всех соседних и только что забил общую тревогу по всей своей округе. Приняв во внимание, что Пуатье на завтра станет средоточием скопления массы народа, я потребовал от администрации принятия всех возможных мер для избежания недостатка в съестных припасах. Это было выполнено. Я усмотрел измену в туарском деле и потребовал от администрации, чтобы она собрала все возможные сведения и передала их моим коллегам: тогда же я направился к нескольким вырытым рвам, так называемым окопам. Я все проверил, все сам увидел. Мы приняли меры для нашей обороны, как вдруг нам говорят, что, повидимому, неприятель не подступит к Пуатье, и я это предвидел. Я решил, что в таком случае моя миссия должна ограничиться доставкой всех возможных подкреплений. Повсюду, где я проезжал, я вызывал подъем настроения и вселял мужество; я старался предохранить умы граждан от козней наших врагов, против той системы устрашения, которую они усиливались распространять; я призывал их к оружию; и мой голос был повсюду услышан. Я должен отдать полную справедливость жителям деревень: если бы свобода была изгнана из недр городов, ее следовало бы искать именно там, в деревнях. Дух деревенских бедняков вполне на высоте, требуемой обстоятельствами. Те, кто на них клеветают, сами жалкие трусы; да, граждане, я видел (и не мог удержать своих слез), как повсюду, где бы я ни проезжал, все граждане готовы умереть для защиты Республики; повсюду слышались крики: «Да здравствует Республика!» «Да здравствует Национальный Конвент!» Все были наготове, чтобы отправиться на самый опасный пункт, погибнуть там—или победить.

По прибытии в Руффек, во Виенском департаменте²⁾, я встретил там конвой из Ангулема в 150 человек, из которых только у 50-и были ружья, провожавший в Пуатье 8 пушек, ядра и порох. В Пуатье было всего 2 пушки; остальные были взяты в Туар. Отмечаю вам, что восемь пушек оказались все без лафетов.

Так как дорога легко могла быть перерезана, я счел своей

обязанностью, прежде чем пустить их в дальнейший путь, снарядить курьера в Пуатье для уведомления местной администрации о посылаемом подкреплении; я потребовал от нее отдачи всех тех распоряжений, которые были бы потребны для обеспечения безопасности следования пушек. Я предупреждаю ее что конвой имеет лишь приказ о доставке своих пушек до Кора. в одной миле от Пуатье, и о посылке конвоя для его смены.

В то же самое время я счит своей обязанностью распорядиться прикрыть хворостом орудия на колесах, чтобы замаскировать их и скрыть от нескромных взоров.

Я распорядился раздать заряды и приготовить оружие; я устроил смотр маленькому отряду, держал к нему речь и должен сказать к его чести, что увидал одних лишь героев.

Я отдал приказ коменданту выдвинуться за высоту... 3) лишь по получении инструкций от местного административного центра, от которого я их затребовал в экстренном порядке; равным образом я вручил ему требование для попутных муниципалитетов о том, чтобы они доставляли все необходимое в целях ускорения прибытия конвоя в Пуатье или же для обеспечения его отступления в случае, если бы то было продиктовано обстоятельствами.

Одновременно я распорядился об уплате комендантом 3 су за каждую милю, следуемых по закону солдатам во время пути, при чем эта сумма по записке коменданта была им уплачена главным казначеем в Ангулеме.

Я написал администрации этого города о том, чтобы она двинула возможно скорее все подкрепления, которыми она располагает, помощь атакованным департаментам, и в особенности артиллерийскую роту, сформированную на этот предмет.

Я пришлю без промедления копии всех этих документов: но я настолько измучен, что не могу скопировать их сию минуту.

По прибытии в Монлье я был поражен плачевным состоянием в котором оказался главный проходящий здесь тракт 4). Пришлось прервать сношения по общественным делам, так как здесь не могла более проехать ни карета, ни повозка; в особенности оказывалось невозможным следование по этой дороге артиллерии, не могла пройти и пехота, вынуждена была прекратить свои действия почта. Я вызвал администрацию округа, к которой обратился с упреком за ее невниманье к этому ужасному состоянию дороги. и

потребовал от нее под ее личной ответственностью, чтобы она без промедления распорядилась привести эту часть дороги в исправное состояние.

Я повидался в Бордо с местными властями и с Народным Обществом; здесь я не сделал никаких особенных распоряжений, так как нашел этот город в порядке во всех отношениях, собрал все необходимые для меня местные распоряжения и поехал по морю в обезд берегов, чтобы представить отчет моим коллегам о нашем положении касательно этого.

Будьте уверены, мои дорогие коллеги, что мы не упустили ничего для того, чтобы оправдать доверие Конвента. Мы — искренние республиканцы мы живем лишь для славы Республики и для обеспечения свободы и равенства. Будьте уверены, что изменники, конспираторы побегут при нашем приближении, а что касается испанцев, то они найдут в ваших коллегах людей, достаточно сильных для того, чтобы их раздавить. Если мои коллеги считают меня более способным для военных операций, чем для внутреннего наблюдения, я заявляю вам наперед, что вы найдете меня на стезе чести, и наши братья по оружию увидят, что представители народа в Конвенте умеют также быть и его представителями в бою.

Я сию минуту отправляюсь к Фонтараби и надеюсь войти туда первым, со шпагой в руке. Если город и сдастся, мы не сожжем много пороху против испанцев. Верьте мне: в штыки и сабли — и испанцы побегут при одном виде их. я ведь знаю этих людей.

Прощайте, мои коллеги, вот вам мое поведение, мои принципы, моя непреклонная решимость: жить свободным или умереть.

Ж. Феро.

Р. S. В Бордо прибыло много судов, груженных продовольствием, запасы хлеба здесь все-таки не убыли.

У нас в Бурге я насчитываю 200 арестованных понов, которых мы отправляем в Гвиану. Граждане смотрят на изгнание этих негодяев с удовольствием. В Вандею отправляется свыше 1.600 волонтеров из соседних департаментов; они уже погрузились: здесь царствует полнейшее спокойствие, и хлеб здесь продается по 8 и по 8½ су.

Мои дорогие коллеги, кончая это письмо, я должен вам сказать, что гражданин Дарнейль, мой дорожный спутник, помог мне во всех моих операциях своими советами и личным участием; он всюду за мной следовал, всюду говорил на ряду со мной и подвергался всем опасностям. Барер знает его гражданские чувства, равно как и его коллеги по Законодательному Собранию, и я с удовольствием воздаю ему должное.

Нет ничего великолепнее бордоской национальной гвардии.

57. Конвенту

Один из народных представителей в Эндр-Луарском и Луар-Шерском департаментах. Шинон, 13 мая 1793 г.

Граждане коллеги!

Вы осведомлены через депутата от Эндр-Луарского департамента о сценах в Лудене в тот момент, когда решили, что туда вот-вот войдут бандиты. Тогда контр-революционеры, которых всегда было чрезвычайно много в этом городе, дерзко подняли голову. Белое знамя было водружено в различных местах города, получили большое распространение белые кокарды, было срублено дерево свободы, разгромлено Народное Общество, взломаны двери тюрем и заключенные там аристократы выпущены на свободу. Местные власти, не имея сил настоять на повиновении закону, приняли меры для охранения общественных хранилищ от грабежа. Они распорядились перевозкой в Шинон национальной кассы, архивов и прочих ценных предметов.

Осведомленный об этих фактах по прибытии моем в Шинон, я позаботился о полном их выяснении и не замедлил убедиться, как важно нигде не оставлять в покое врагов Республики, и что нужно поднять мужество патриотов и разрушить надежды злонамеренных лиц. Вследствие этого я вчера перебрался с 6-ю членами центральной комиссии и отрядом в 200 человек в Луден. Мы восстановили там в своих должностях местные власти, сожгли на общественной площади белое знамя и водрузили новое Дерево

Свободы. Трехцветные значки повсюду заменили значки мятежа. Мы держали речь к народу со всей республиканской энергией и имели удовольствие наблюдать, как со всех уст несутся слова публичного покаяния, весьма утешительные для истинного друга своей страны. Гражданские хороводы, радостные песни, марсельеза, роной припев: «Ça ira»¹⁾ завершили этот день, который, я надеюсь, положит начало возрождению патриотизма в этом городе, с давних пор зараженном гангреной духовной и дворянской аристократии. Создав местную администрацию, я потребовал, чтобы мне были указаны подозрительные лица. Это было выполнено: после долгого обсуждения мы отдали распоряжение об аресте особенно подозрительных и об отводе их в город Шинон: оставить их в Лудене было рискованно. Отправка была выполнена быстро и в величайшем спокойствии. Все патриоты оказались этим удовлетворены; не были довольны лишь аристократы.

Мировой судья, по моему требованию, продолжает собирать улики против подсудимых и постепенно будет их отсылать в соответствующие судебные инстанции. Многие окажутся в таком положении, что будут преданы суду революционного трибунала.

Я уведомил Вьеннский департамент об этой отправке и убежден, что он будет очень доволен тем, что он очистился от этих гадин.

Мы продолжаем выполнять вашу республиканскую миссию, и уже становится заметным хорошее действие, производимое нашей центральной комиссией. Народ на нас взирает с удовольствием. Опасности кажутся ему не столь большими оттого, что мы их делим вместе с ним. Повсеместно к Национальному Конвенту относятся с уважением, и те, кто старается его унижить или заведомо преступные лица, или же явные дураки: никогда они в этом не добьются успеха. Любовь к свободе, ненависть к тиранам распространены повсюду. Дело идет лишь о том, чтобы культивировать эти чувства путем просвещения и мудрых законов.

Неприятель полностью эвакуировал Туар и увел с собою лишь несколько... *). Повсеместно он чинил грабежи и в своих грабежах не пощадил и имений аристократов. Все эти имения были разгромлены, и, хотя их владельцы принесли клятву верности

*) В рукописи неразборчивое слово. *Прим. пер*

Людовику XVII, их хлеб, вино, золото и их жены были увезены. Наиболее богатые дома были в глазах этих бандитов не что иное, как дома якобинцев. Пусть этот несчастный опыт раскроет глаза людям, которые допустили себя сбить с толку.

Талльен.

58. Комитету общественного спасения

Народные представители в департаментах Жиронды и Ло-Гаронском. Ажан. 16 мая 1793 г.

Граждане коллеги!

В тех критических обстоятельствах, в которых мы обретаемся. истинные друзья народа менее страшатся усилий вступивших в коалицию заграничных деспотов и объединившихся внутри страны бандитов, чем тайных махинаций интриганов и федералистов ¹⁾. Посылаемые нами вам документы ²⁾ весьма пригодны для того, чтобы открыть глаза Национальному Конвенту на эту породу людей, тем более опасную, что они обладают искусством приобретать род популярности, развращая общественное мнение. Количество последователей их секты довольно значительно в некоторых из южных департаментов и особенно в приморских городах. Они считают на своей стороне введенную ими в заблуждение часть народа и весь слой умеренных, фельянов ³⁾, эгоистов, спекулянтов, мошенников и карьеристов; в роде того, что не редкость слышать, даже публично, что, так как Париж хочет властвовать, от него следует отделиться и образовать автономные государственные единицы. А отсюда трудности снабжения оружием отправляющихся на границы рекрутов. Никто не хочет давать его; а делегаты Национального Конвента, требующие его именем закона, подвергаются оскорблениям, угрозам, их величают «маратистами» ⁴⁾ и дезорганизаторами. Отсюда недоверие и подозрения, насилия и захваты, тот дух страха и неуверенности, что ослабляет мужество, охлаждает рвение и сдерживает патриотический порыв к свободе. Отсюда преппрагелства самого скандального свойства, самые ужасные распри, самая жесточенная брань прогив Народных Обществ,

разделение одного и того же города, одного и того же департамента на ряд враждующих лагерей. Каждый держится той или иной партии, и недалек момент взрыва ожесточенной гражданской войны. если Национальный Конвент, который должен наконец потушить все эти проявления ненависти, не примет самых безотлагательных мер для предупреждения этого взрыва.

Но, граждане, что делает эту опасность более реальной, более угрожающей, так это масса пасквилей, ежедневно циркулирующих во всех частях Республики. Пасквилянты, на которых столь изменнически тратилось в течение полугода золото нации, продолжают изрыгать свою отраву. И не столько против вас, «членов Комитета общественного спасения», на намерения которых они, однако, не перестают клеветать, потому что вы заставляете итти «машину», как против комиссаров Национального Конвента, командированных в департаменты и к армиям, пускают самые злокозненные слухи эти наемники Питта ⁵⁾. Злодеи! они говорят об уважении к народному представительству; они кричат против парижан и они первые готовы унижить его, обрушиться на него в лице вас, которым нужно полное доверие народа, чтобы выполнить с успехом возложенную на нас важную миссию. Мы не пойдем дальше в наших размышлениях; это ваше дело, граждане коллеги, и дело вашей мудрости взвесить сообщаемые нами вам факты и осведомить о них Конвент.

Гарро

59. Комитету общественного спасения

Представители народа при Мозельской армии. Мец, 26 мая 1793 г.

Мы сообщили вам в нашем последнем письме, граждане коллеги, о нашем отправлении в Мец. Мы прибыли в этот город 23-го числа. Необходимость иметь место для сосредоточения всех наших работ даже и в то время, как мы были бы разъединены, заставила нас почувствовать настоятельную необходимость организации этого учреждения. Мы все сочли своим долгом содействовать его образованию и сообща редактировать инструкции для осве-

домления будущего его личного состава о характере имеющих ему быть доверенными функций. Мы создадим вокруг них атмосферу доверия, предоставляя общественному мнению позаботиться, чтобы они были нам указаны. Пусть в Народном Обществе все граждане рассмотрят кандидатуры тех, кого они сочтут наиболее пригодными для занятия этих мест. К этому делу будет привлечена вся администрация, и никто не будет в праве пожаловаться, иначе как на самого себя, если он не подаст определенно своего голоса. Народное Общество по полученному от нас зову должно сегодня собраться для этой цели.

Мы рассчитывали, граждане коллеги, воспользоваться днем отдыха, чтобы осветить себе более действительным способом настроение народа. Вчера мы отправились в Общество *) в надежде приступить там к выполнению этого намерения, но, скажем вам с прискорбием, два раза посетили мы Общество в течение проведенных нами здесь 3-х дней и оба раза никого мы там не нашли. А все то, что мы увидели в течение этих 3-х дней, все то, что нам донесли по этому поводу, доказывает нам, что злонамеренность обрабатывает здесь, как и в иных местах, народ, что общественный дух далеко не на высоте обстоятельств. Нам показалось, что власти весьма далеки от приваия мер к тому, чтобы положить предел этой беспечности. В такое время, когда нужно проявить весь свой пыл, они лишь усугубляют свое равнодушие, вызывая омерзение в патриотах той безнаказанностью, которую они обеспечивают преступлению. Судите об этом по тому факту, о котором мы сейчас вам сообщим.

Лоран Туссен, старший майор Лозенского гусарского полка, имеющий знаки ордена военного креста, был обвинен в том, что он не только побудил к эмиграции разных лиц, последовавших его советам, но сверх того встретил пруссаков во время их втушения во Францию, служил им проводником, насадил белую кокарду, представился герцогу Брауншвейгскому, чтобы поступить на службу в его армию, и сопровождал его в этом качестве при осаде Вердена. Когда его привели пред лицо военной комиссии, как эмигранта, трое судей из 5 осудили его на смерть, двое других сочли его виновным во всех преступлениях, кроме эмиграции, и убедили

*) Якобинцев. *Прим. пер.*

своих коллег доложить об этом военному министру. Этот последний объявил себя некомпетентным и распорядился препроводить виновного в трибунал округа Лонгви; там нашелся прокурор-синдик, отец двух эмигрантов, который, будучи обвинен сам в том, что он, как нас в этом уверяли, содействовал вступлению неприятеля в Лонгви, составил лист обвинительного жюри таким способом, чтобы обеспечить ему и его детям безнаказанность, а именно обеспечивая ее всем виновным в преступных оскорблениях нации.

Точно так же, хотя из 50-и выслушанных свидетелей по крайней мере 40 засвидетельствовали все факты, в которых обвиняли Туссена, жюри объявило, что обвинению тут не было места.

Комиссары Конвента, наши предшественники, распорядились арестовать этого человека, как подозрительного, а административные и судебные власти только что выпустили его на свободу. Следует сознаться однако в том, что аристократия не могла бы добиться этой победы, если бы не был выбран день, когда самые горячие патриоты, имеющиеся в среде этих местных властей, были заняты выполнением других функций. Приговор этот вызвал живейшую сенсацию. Аристократия, полагая, что ей обеспечена поддержка, дерзает вновь появиться на свет божий; патриоты, видя, как парализуются самые спасительные меры, хранят молчание, и мы встретились лишь с холодными или обескураженными сердцами. Мы сочли долгом ободрить надежду добрых граждан, распорядившись о представлении нам учиненного против Туссена судопроизводства, и, когда мы убедились в подлинности тех преступлений, в которых он был обвиняем, мы не стали считаться с формами; мы сознавали, что во время революции нельзя спасать отечество иначе, как отбросив в сторону все недобросовестные увертки, и мы отдали приказы об аресте преступника. Мы предоставили Конвенту заботу о том, чтобы решить, должен ли он аннулировать этот продиктованный аристократией приговор, и не было ли бы ему нужно даже сурово обрушиться на присяжных, столь злоупотребивших своими обязанностями, но по крайней мере мы думали, что в момент, когда неприятель находится еще у ворот Лонгви, мы не должны оставлять на этой границе столь опасного человека.

Мы надеемся, что этот пример воодушевит рвением патриотов

и докажет аристократии, что если она, несмотря на постоянный за ней надзор, и окажется в состоянии сбить с толку кого-либо из местных властей, то для наказания ее по крайней мере тут есть в составе властей другие лица, всегда готовые исправить ошибки или грехи первых. Мы воспользовались бы восстановлением доверия, чтобы поднять общественный дух и использовать этот первый порыв для того, чтобы заставить выполнить постановление департамента Эро, только мы узнали с горечью, что еще не принято никаких мер, чтобы добиться его выполнения.

На другой день по прибытии нашем в этот город вся местная администрация прислала к нам депутацию с просьбой прибыть к ним для присутствия при решении, чрезвычайно важном, по их словам; мы туда отправились и увидели, что дело шло о сопротивлении отправке звонкой монеты, находившейся в кассах казначейской армии. Мы препровождаем вам письмо, содержащее наш ответ на постановление, принятое местными властями по этому предмету. Мы не скроем от вас, однако, что вы должны были бы добиться полномочий для национального казначейства посредством декрета Конвента. Вы не должны никогда забывать, что у него одного есть власть, внушающая доверие, и что он один в состоянии успокоить тревоги, которые может породить это изъятие звонкой монеты. Вы должны были бы, по крайней мере, предупредить нас об этой мере предосторожности, чтобы мы были в состоянии рассеять сомнения, которые постарались бы поднять насчет необходимости этой меры. Декрет от 30-го апреля вызвал затруднения в отношении разграничения Мозельской и Рейнской армий. Бич¹⁾ был отнесен в силу этого декрета к той и другой армии; мы полагали, что только главнокомандующему принадлежит право исправления этой неточности: мы затребовали от него его соображений и после того, как он определенно высказался, мы приняли то постановление, копию с которого вам посылаем.

Комиссары, которым было поручено вывезти имущество принца Нассау-Саарбрюкенского, представили нам вчера отчет о своих операциях. Доходы с имений этого принца превышают миллион: в нашем распоряжении имеются записные книги главного сборщика доходов этого принца, в которых мы нашли счет доходам 1791 года, он доходил до 497.236 флоринов, считая каждый фло-

ин в 44 су²⁾ на наши деньги: в эту сумму не включены доходы имения Диллинг и с другого, расположенного близ Форбаха, имеющих то и другое особый счет своим доходам. Мы готовы приступить к конфискации всех этих имуществ и заняться тем, чтобы дать им администраторов.

Все-таки следует иметь в виду, что военное счастье, отдавшее се эти имущества в наши руки, может и отнять их у нас; интересы Республики внушают нам необходимость воспользоваться моментом, когда мы занимаем эту область, чтобы обратить в пользу Республики все предлагаемые ею ресурсы.

Вы уже знакомы с решением, принятым нами относительно орнозаводских печей. Эта область изобилует лесом, каменным глем; есть даже свинцовые рудники. Мы можем с небольшими расходами (которые ограничатся расходами по перевозке) снабдить на много лет лесом и углем Саарлибр³⁾ и другие пограничные города. Мы распорядились вызвать пивозного смотрителя для выяснения вместе с ним вопроса о том, обойдутся ли лесные материалы, которые можно бы извлечь из Саарбрюка, дешевле, чем покупные, и если расчеты, которые мы сделаем, установят, что издержки транспорта не достигнут размеров трат по покупке, мы постараемся организовать рубку и разделку всего того, что мы можем найти лучшего в лесах его высочества. Когда мы будем обладать всей этой продукцией, мы будем ожидать с большим покойствием, что скажут события о судьбе этой области.

Генерал Гушар, который явился сюда, чтобы сговориться с нами, генералом Гобером и нашим коллегой Генцом относительно агаки, замышляемой для того, чтобы заставить снять саду Конде, сообщил нам, что на этих днях в доме принца Нассауского в Саарбрюке нашли 15 ящиков ружей и 200 фунтов порохов; комиссары уже нашли 200 других ружей и довольно большое число пистолетов. Все это оружие послужит для пополнения вооружения различных батальонов; там имеется несколько карабинов, которые генерал решил послать в Рейнскую армию для вооружения летучих отрядов. Здесь забрали 80 лошадей: комиссары отправили их в распоряжение генерала Гушара, который распределил 27 из них между различными офицерами. Эти рас-

^{*)} Т. е. в 2,2 франка. Прим. пер.

поражения показались нам справедливыми. но нам казалось также вполне резонным произвести им оценку прежде, чем служба вызвала бы потерю их ценности. Мы приняли на этот счет постановление, с которого снимаем для вас копию. Произведенная оценка отбила охоту к этим лошадям у нескольких генералов, которые, казалось, пристрастились к ним до того, как узнали, что Республика не считает, что она дарит им этих лошадей. Мы распорядимся присоединить этих разнообразных коней к тем, каких местные власти должны будут велеть заарестовать, когда они дадут нам сведения, требуемые нами у них на этот счет.

Вследствие выбора генералом Гушаром в первые адъютанты бригадного командира, гражданина Бертельми, мы посылаем вам копию приказа о его временном назначении.

Левассёр, Менье, Л. Марибон-Монто, П. А. Субрани.

60. Комитету общественного спасения

Народные представители в
Альпийской армии. Лион, 28
мая 1793 г.

Граждане коллеги!

Приняв меры, поскольку это зависело от нас, к обеспечению жизненными припасами Альпийской армии и к снабжению продовольствием крепостей и сделав попытку искоренить различные злоупотребления, которые были слишком долго терпимы в некоторых госпиталях и военных обозах, мы предполагали направиться в Каруж, чтобы ознакомиться там с истинным положением дел в этой части границы и чтобы иметь самые положительные данные о настроениях швейцарцев и женеvцев. В момент нашего отправления, мы приняли экстренного курьера, доставившего нам письмо от округа, муниципалитета и Комитета общественного спасения города Лиона, копию которого вы найдете приложенной к данному донесению 1). Совместно с нашими коллегами Дюбуа-Крансе и Альбиттом, а также с командующим Альпийской армией, мы обсуждали решение, принятие которого было бы пригодно для того, чтобы восстановить спокойствие в городе Лионе, которое, как нам доносили, было нарушено очень серьезно.

Принимая в соображение, что контр-революционное движение в этом большом городе могло бы совпасть с атаками со стороны пьемонтцев, каждодневно угрожающих нашей границе, мы все единодушно сочли целесообразным, чтобы двое из нас направились в угрожаемые пограничные пункты, а двое других направились в Лион, а сверх того напши соответствующим обстоятельствам направить туда батальон линейных войск, второй эскадрон кавалерии и офицера, вполне надежного в смысле патриотизма, для командования в случае надобности военными силами, которые могли оказаться на лицо в городе Лионе. Командующий Альпийской армией немедленно отдал приказы, необходимые для выполнения этих различных предначертаний, и мы опередили прибытие этой вооруженной силы.

Вчера мы имели долгое собеседование с местным Комитетом общественного спасения 2).

В результате выяснилось:

1. что брожение было чрезвычайно сильно, когда он пригласил нас немедленно отправиться в Лион;
2. что причина этого брожения в том, что многие секции хотят 3) продолжить свое существование на неопределенное время;
3. что зло выросло в своих размерах благодаря разногласиям среди местных властей; муниципальный совет воспретил дальнейшее существование секций, а департамент разрешил им это.

Обе стороны упорствуют. Патриоты считают продолжение существования секций весьма опасным, так как оно благоприятствует сборищам большого числа подозрительных лиц. Другая сторона говорит, что они осуществляют гарантируемое им законом право, что они не хотят им злоупотреблять, и что им разрешено противиться угрожающему им давлению.

В виду того, что Национальный Конвент занят вопросом, возникающим вследствие этого продолжающегося существования секций, мы намерены ожидать, как выскажется Конвент, и не отступим от этого решения, разве лишь постольку, поскольку обстоятельства вынудят нас принять временную меру.

Комитет общественного спасения вполне одобрил принятое нами решение о том, чтобы иметь военную силу, чуждую городу.

Все-таки организация революционной армии продолжается. Уже

сформирован первый батальон. Постепенно создадутся и другие, лишь бы Конвент предоставил фонды в распоряжение местных властей на выплату им жалованья.

Быть может, было бы опасно настаивать на уплате богатыми установленного налога в 6 миллионов, так как они заявляют, что желают платить лишь тогда, когда Конвент декретирует способ сбора налога в один миллиард. Вы понимаете, что весьма существенно, чтобы обе меры не столкнулись, и возможно, что лишь путем ожидания декрета и будет достигнута эта цель. Мы не напоминаем вам о настоятельной необходимости сбора. Вы знаете это лучше, чем мы. Нам уже кажется чрезвычайно важным, чтобы Национальный Конвент высказался как относительно способа сбора миллиардного налога, так и об употреблении, которое из него будет сделано для того, чтобы оплатить жалованье революционной армии, формирующейся в городах и департаментах.

Необходимо также, чтобы Национальный Конвент высказался в самом непродолжительном времени по зависящему от него вопросу, относительно продолжения существования секций Лиона. У нас есть основание думать, что, когда это будет выяснено, злонамеренные люди молча подчинятся, и исчезнет предлог для смуты. Мы сможем тогда вернуть вызванную сюда вооруженную силу, которая окажется нам необходимой на фронте.

Мы кончаем выражением вам надежды, основанной на всех наших наблюдениях, что в этом городе не разразится никакое прискорбное движение.

Готье, Нион.

P.S. В настоящий момент нам сообщают, что военный министр берет 4.000 людей из Альпийской армии для переброски их в Тулон. Это сокращение в силах упомянутой армии повудит командующего ею вернуть те силы, которые направлены в Лион. И это новый мотив для того, чтобы обеспечить спокойствие в Лионе посредством испрашиваемых нами у вас законов.

61. Комитету общественного спасения

Народные представители в армии Ларошельского побережья. Пуатье, 31 мая 1793 г.

Граждане коллеги!

Непрерывно следующие через этот город войска, направляющиеся в армию Ларошельского побережья, навели нас на весьма тягостные размышления. Все прошедшие батальоны, сформированные в Орлеане и взятые из Северной армии, буквально раздеты и лишены всякого снаряжения; нам весьма прискорбно видеть защитников отечества перед лицом неприятеля в состоянии наготы, столь прискорбном. Эта обездоленность вызывает с их стороны много требований, удовлетворить которые мы бессильны. А местные власти подвергаются угрозам, справиться с которыми тем труднее, что к этому есть законный повод. Этим отрядам, в момент их отправки, было обещано, что они получают обмундирование в пути, а все местные власти стали сваливать одни на других то обязательство, которое они не могли выполнить. Нам, как более близким к театру войны, пришлось терпеть более, чем другим, от этих неприятностей. Все-таки мы сделали все, что было в нашей власти, чтобы снабдить сколько-нибудь вещевым довольствием солдат. Мы распорядились о выдаче им, по мере изготовления, обмундирования, предназначенного для рекрутов по набору. Но этих средств недостаточно, и мы рекомендуем вам удвоить усилия, чтобы добиться наивозможно скорейшей доставки в эту армию вещей, без которых солдат не может выдержать утомительных тягот кампании. Без сомнения, вы должны были получить столь же настойчивые заявления со стороны наших коллег. В наших краях у Республики не оказалось вещевых складов, и чрезвычайно странно, что не позаботились о доставке сюда обмундирования, в тот момент, когда здесь нужно наспех создавать армию, и что заставили пропутешествовать через всю Францию совсем раздетых солдат, как бы для того, чтобы обескуражить сердца граждан и воспрепятствовать им благодаря этому прискорбному зрелищу лететь на помощь отечеству.

Закон, устанавливающий для прежних линейных войск то же

самое вознаграждение, как и для волонтеров, все еще не приведен в исполнение.

Мы не знаем, откуда идет эта задержка, а происходит это вследствие небрежности Временного Исполнительного Совета¹⁾. Все прибывшие сюда батальоны потребовали этого дополнительного вознаграждения, и, так как это требование было обосновано, мы были вынуждены распорядиться о выплате им следуемых денег. Мы посылаем вам копию принятого нами постановления относительно военной службы в крепости Пуатье. Генерал Бирон²⁾ об этом осведомлен.

Крèзе, Тибодо.

62. Конвенту

Народные представители в
Альпийской армии. Шамбери,
2 июня 1793 г.

Граждане коллеги!

Мы обязаны вам отчетом относительно того, что мы знаем о событиях, происшедших в Лионе. Этот город, с давних пор убежище контр-революционеров Юга, только что заплатил наконец за свою снисходительность по отношению к своим преступным гостям, и во имя свободы, патриотизма и Республики были нарушены законы, смещены власти, отвергнуто и оскорблено национальное представительство и перебита масса народа.

По прибытии нашем в Лион, проездом в Альпийскую армию, осведомленные о глухом брожении, царившем в этом городе, мы сочли долгом в его интересах и в интересах армии, для которой этот город является хранилищем запасов, распорядиться созывом властей на публичное заседание для откровенного суждения о мероприятиях, необходимых в тех критических обстоятельствах, в которых очутилась Республика.

Три административных учреждения, с видимым, по крайней мере, единодушием, приняли постановление, которое было послано вам через комиссаров, которые, как мы узнали, никак не могли попасть к вам на заседание Конвента.

Это постановление в существенных чертах заключало в себе следующее:

1. Набор армии в 6.000 человек, четвертая часть которой должна была отправиться в Вандею, а остальная поддерживать общественное спокойствие в департаменте, под руководством местных властей.

2. Принудительный заем суммы в 6 миллионов у богатейших коммерсантов Лиона, подобно такому же постановлению департамента Эро.

3. Изгнание и отсылка в их родные департаменты всех чужаков; наконец, разоружение всякого, у кого не оказалось бы гражданской карточки¹⁾.

Это постановление, мудрое по содержащимся в нем распоряжениям, должно было быть передано для выполнения комитету, сформированному из членов трех административных учреждений, который и был назначен ими в нашем присутствии.

Мы надеялись, что это постановление будет одобрено Конвентом, и что его выполнение гарантирует мир в этой дивной части Республики и не оставит никаких следов беспокойства за свой тыл у армии, которая соприкасается теперь с пьемонтцами и австрийцами в глубине Тарентезы и Мориенны²⁾. Мы не замедлили узнать, что эта спасительная мера послужила лишь к тому, чтобы возбудить недоброжелательство; она явилась решительным ударом против аристократии; она была направлена к ее уничтожению.

Мы узнали, что граждане стали волноваться, организовали в своей среде комитет; вскоре военный комиссар написал нам, что народ кинулся к поставщику топленого масла для армии и разграбил его магазин, и что он, комиссар, боится за оружейный склад.

Нас обеспокоил этот предвестник большого взрыва, и мы решили отправить в Лион двоих из наших коллег, Ниоша и Готье, чтобы они понесли туда слова мира и братства, между тем как мы отправились обследовать горные проходы Малого Сен-Бернара и Мон-Сени. Генерал дал в их распоряжение для обеспечения безопасности два батальона и два эскадрона.

Но жребий уже был брошен. Департамент распорядился о применении силы к страже арсенала и собрался там вместе с комиссарами 28 секций для суждения о способах уничтожения сплю MUNICIPALITEGA и в особенности Комитета общественного спасения³⁾.

Напрасно наши коллеги выпускали прокламации, приглашали к спокойствию, делали предписания именем закона. Ниош был арестован и отведен в арсенал вместе с генералом Дуайеном и сопровождавшими его спутниками: а мы-то ничего и не знаем о происшедшем.

Тем временем произвели нападение на коммунальный дом, оборонявшийся гражданами нескольких секций и небольшим количеством находившихся неподалеку войск.

Три колонны, в составе приблизительно от 15 до 20.000 человек, разом двинулись сюда.

Готье был в Комитете общественного спасения в тот момент, когда пушечное ядро поразило его соседа. В конце концов победа осталась за восставшими, и члены муниципалитета вместе с членами Комитета общественного спасения были отведены в тюрьму.

Нюш и Готье сошлись вместе в тот момент; с них не сводили глаз, и всякая переписка с нами была им запрещена.

Арсенал был совершенно разгромлен и опустошен, и это событие почувствуется всеми армиями Республики.

О таком положении вещей мы были в совершенстве осведомлены курьером Келлермана, свидетелем оскорблений, нанесенных нашему коллеге в арсенале, и мы не замедлили принять меры предосторожности, продиктованные нам интересами Республики. Мы решили, что это движение, отдающее город Лион во власть духа недоброжелательства, царящего здесь со времени Революции, могло быть согласованным с недавним восстанием Лозерского департамента и весьма близким к осуществлению нагуглением пьемонтцев через Малый Сен-Бернар. Вследствие этого мы потребовали от командующего армией доставки нам войска и артиллерийского парка, достаточного для того, чтобы восстановить порядок, уважение к закону и обеспечение нас жизненными припасами. Через 4 или 5 дней мы будем в состоянии предстать перед Лионом и заговорить там языком, достойным настоящих республиканцев. Все-таки мы ждем ваших распоряжений, если только обстоятельства не вынудят нас действовать вместо того, чтобы рассуждать

Дюбуа Франсе, Альбитт.

63. Комитету общественного спасения

Народные представители в
Альпийской армии. Шамбери.
2 июня 1793 г.

Коллеги!

Почти постоянная агитация, будоражившая город Лион с первых моментов Революции, привела сейчас к тому, что вспыхнуло возмущение, которое давно, но понапрасну предвидели и которое тем более печально с общественной точки зрения, что оно может быть в данный момент лишь результатом махинаций объединенных врагов Республики как внутренних, так и внешних. Когда деспоты со всех сторон пытаются соединенными усилиями проникнуть на землю свободы, и все возвещает нам о величайших усилиях со стороны тиранов, чтобы осуществить вторжение, расчитанное самым вероломным образом: когда стяг бунта и контрреволюции развеивается во многих из наших департаментов и главным образом в Вандейском и Лозерском, нужно без промедления уяснить причины такого явления, точно определить его результаты, быстро и смело наметить средства спасения свободы от угрожающего ей удара.

Командированные Конвентом к Альпийской армии для наблюдения за обороной Республики на этом фронте, мы хорошо почувствовали, какую важность представляют собою департамент Роны и Луары и в особенности город Лион, который по своему положению и по помещающимся в нем магазинам и военным учреждениям может рассматриваться как главная база снабжения армий и как одна из главных преград для неприятеля на Юге

Проезжая, нам легко было установить, докуда простирались надежды и усилия злоумышленников в этом краю, и, если на этот счет и могли быть у нас сомнения, то фанатические движения, уже развернувшиеся в округе Монбризона¹⁾, крайнее расхождение умов, пагубная пропаганда самых опасных принципов, предшествующие события, невыполнение важнейших законов общественной безопасности и большое число собранных в этом городе иностранцев убедили бы нас в тех опасностях, которые Лион мог навлечь на общее дело Республики.

Желая пресечь зло до того, как оно могло принять более обширные размеры, мы собрали администрацию города Лиона; мы обратили ее внимание на те бедствия, которые грозят отечеству, уже истерзанному вандейским бунтом, замыслами иностранных держав, кознями заговорщиков и примером департамента Эро результат нашего присутствия сказался в том, что при нас всеми местными властями единодушно было принято постановление на основе принципов и законов, которое было отправлено Национальному Конвенту и Комитету общественного спасения; вам оно должно быть известно²⁾ и оно должно вас убедить в том, что единственно его выполнение и может обеспечить общественное спокойствие в Лионе и сохранить там царство свободы. Многие письма Комитета общественного спасения, сформированного из членов, взятых из среды местных административных учреждений, заставили нас, со времени нашего прибытия в Шамбери, признать те трудности, которые беспрерывно возникают при каждом шаге муниципальной администрации, и так как Комитет был наконец извещен (в самый момент нашего отъезда с целью посещения части наших средств обороны и армии, расположенной в Тарентезе и у подножия Малого Сен-Бернара) о том, что смута все разжигается, вызывая тем страхи за сохранение общественного спокойствия, наши коллеги Ниош и Готье взяли на себя труд немедленно отправиться для поддержания готового быть нарушенным порядка и для укрощения бури до того, как она могла разразиться. О гибельной катастрофе, подробности которой, сообщаемые здесь, совсем не дошли официальным путем, сообщено было нам письмом наших коллег, стиль которого вызвал в нас самые странные подозрения и затруднил изыскание способов лечения зла. Наконец прибытие частного курьера Келлермана с депешами для генерала Дорнак и его устный доклад, почти буквально схожий в отношении фактов с теми подробностями, которые мы вам посылаем, убедили нас в том, что национальное представительство подверглось и продолжает подвергаться оскорблениям: что письмо, писанное нам гражданами Ниошем и Готье, задержанными и тщательно охраняемыми, не было свободным выражением их чувств, так как они не могли получить возможности письменно осведомить нас о своем действительном положении; что муниципалитет подвергся нападению вооруженного сборища большого числа местных жителей,

которые его ниспровергли без всякого суда над ним; что Народный Клуб был распущен, а члены его или перебиты или же подверглись преследованиям и разоружению; что арсенал был взят без сопротивления со стороны поставленных над ним офицеров, подвергся разграблению и попал во власть одержавшей победу стороны; наши магазины и наши военные ресурсы также в ее власти; наконец это письмо убедило нас, граждане коллеги, что кровь, пролитая в этом несчастном деле, не может пойти на пользу Республике, и что рисуемые нами события могут быть лишь выступлением, и притом весьма опасного характера, согласованным с державами, о враждебных намерениях и действиях которых нам было сообщено Комитетом общественного спасения, и естественно стоят в связи с успехами контр-революции, уже значительными в Лозерском департаменте, в котором города Манд и Марвежоль снова во власти мятежников, и где повторяется печальная история Жалеского лагеря³⁾, а также с намерениями наших соседей, нейтральность которых только видимая, а не искренняя, и с ужасающими интригами, гибельное действие которых в краю, где мы находимся, и среди множества людей, занятых в армии, терзает наш патриотизм и ослабляет подсказываемые нашей преданностью Республике средства для действительного содействия ее спасению.

Мы посылаем вам копию депеш, отправляемых нами в Лион: мы доводим до вашего сведения о наших мероприятиях; полагайтесь на наше рвение и на наше мужество, но будьте убеждены, что необходимы все ваше рвение, все ваши ресурсы, вся твердость истинных патриотов, крупные мероприятия Конвента, вся энергия народа, чтобы воспрепятствовать бедствиям, столь жестоко угрожающим Республике

Не упускайте из виду ни на один момент положение итальянской армии; что же касается положения нашей⁴⁾ армии, то она во многих пунктах своего расположения лишена самых нужных и самых необходимых вещей, предметов лагерного оборудования и вооружения; в особенности же для нее является крайне необходимой наличность большого числа высших офицеров, столь же интеллигентных, как и патриотически настроенных.

*) Альпийской. Прим. пер.

Не забывайте наконец, что лионское дело может принести гибель Республике и отнять у нас все ресурсы, хранилищем которых является Лион.

Дюбуа-Крансе, Альбитт.

64. Комитету общественного спасения

Народные представители в
армии Брестского побережья.
Лорьян, 3 июня 1793 г.

Граждане коллеги!

Последние заседания Национального Конвента вызывают живейшее беспокойство¹⁾. Полагают, что над Конвентом властвует всемогущая партия, не оставляющая ему больше свободы решения, что депутаты в отношении своей безопасности находятся в двусмысленном положении, и что Конвенту грозит близкий роспуск. В прошлую субботу, в Ванне, мы наблюдали, как патриоты были ошеломлены и почти обескуражены при чтении газет и ряда писем от депутатов. Обеспокоенные и поверженные в уныние умы, казалось, ждут от нас прояснения и утешения. Мы приложили наши усилия, чтобы ободрить их и вдохнуть в них уверенность. Но не получив сами ни одного письма и никаких сведений о последних событиях, мы не могли дать ответ по поводу отмеченных в газетах тревожных фактов, свидетельствуя лишь то, что нам известно по опыту, а именно, что факты почти всегда преувеличиваются или извращаются коварными и контр-революционными газетчиками. Когда мы прибыли в Лорьян, где настроение умов не оставляет желать ничего лучшего, где патриотизм царит во всей своей чистоте, нам констатировали ту же самую тревогу. Как это возможно, говорится тут, что вместо того, чтобы заниматься конституцией, вместо того, чтобы тушить огонь гражданской войны и принять меры для того, чтобы отбросить внешнего врага, опустошающего наши границы, Национальный Конвент, поправ ногами все свои обязанности, тратит время, которое он должен отдавать отечеству, на бесплодные споры, делающие из его заседаний все время арену гладнаторов? И если народные представители не пользуются уважением,

если они, наоборот, подвергаются оскорблениям, даже в храме законов, то каким образом должностным лицам удалось бы заставить уважать себя, когда они говорят именем закона?

Таковы, граждане коллеги, те жалобы и тревоги, которые ежедневно забивают нам уши. Мы убеждены, что вызывающие их факты преувеличены, но важно, чтобы мы были в состоянии их оспаривать. До сих пор мы абсолютно лишены известий; до нас не доходит ни одно письмо, ни одна инструкция, ни даже экземпляры вашего плана работ, который мы давно затребовали и в котором мы крайне нуждаемся. Мы предоставляем вашей мудрости судить о средствах, которые надлежит употребить для того чтобы рассеять эти досадные впечатления и воспрепятствовать, как следствию их, упадку духа у граждан. Мы считаем чрезвычайно существенным изыскать тот способ сношений, который всегда нас будет держать в курсе событий, чтобы предостерегать граждан против лживых рассказов газетчиков, и, возможно, эта мера столь же важна, как и создание армий. В Финистерском департаменте тревога обнаруживается еще более остро. Мы узнали, что этот департамент назначил комиссаров, чтобы побудить и другие департаменты к назначению их в свою очередь. Эти комиссары должны были собраться в одном центральном пункте для того, чтобы подумать о способах спасения отечества. Поднимается вопрос о том, чтобы набирать отряды войск и идти с армией на Париж. Вы понимаете, каковы могут быть последствия подобной меры. Есть еще время предупредить ее действие, но нельзя терять ни одной минуты. Скажите нам правду о последних событиях, чтобы мы могли разуверить граждан относительно тех опасностей, которые, как они полагают, угрожают Конвенту, и доверие возродится вновь. Они проливают свою кровь и не щадят своих сил и средств; они желают, чтобы столько жертв не приносилось совершенно напрасну.

Мертен, Жилье.

65. Комитету общественного спасения

Народные представители в
Альпийской армии. Гренобль,
3 июня 1793 г.

Граждане коллеги!

Мы спешили вас уведомить, что с помощью властей города Лиона наше пребывание под арестом окончилось, и нам удалось покинуть этот город, где мы не могли быть более полезны.

Мы должны сказать вам также, что присутствие генерала Келлермана равным образом содействовало тому, что остыл пыл квартета Св. Духа, который старались возбудить против нас, заявляя, что мы вызвали вооруженную силу в 10.000 человек.

Нам стало ясно, что этот генерал пользуется большим доверием. и граждане Лиона объявили ему, так же, как и нам, что, если бы не хватало войск для обороны границ, они двинули бы их в поход в таком количестве, которое от них бы потребовали.

Наш выезд из города Лиона совершился в субботу, 1-го числа сего месяца, в 7 часов вечера, и мы прибыли вчера в Гренобль, вместе с командующим Альпийской и Италийской армиями. Мы встретили в этом городе самый братский прием со стороны местных властей. Наши коллеги, Дюбуа-Крансе и Альбитт, также прибыли сюда в этот же вечер. Мы уже стоворились относительно нужд армии и относительно положения Лиона. Мы решили послать составленную нами декларацию генеральным советам департамента и округа, заседающим в Лионе. Доверие, которым, как нам кажется, они пользуются, заставляет нас все время верить, что им удастся восстановить порядок, и что они помешают слышке контр-революционных движений. Но мы не должны скрыть от вас, что среди лиц, которые вооружились на стороне секций наравне с лицами, завербованными муниципалитетом, встречаются непримиримые враги Республики, но местные власти стараются лишить их всякого влияния и нам отвечают своей головой, что усилля злонамеренных людей останутся безуспешными.

Мы посылаем вам доверенное лицо, служившее нам секретарем, которое сопровождало нас весь день 29-го мая и которое знает так же хорошо, как и мы, все то, что произошло в этот несчаст-

ный день. Мы не спешили с отправкой вам подробного донесения, потому что местные власти обещали прислать нам копию их протоколов, и потому еще, что мы желаем, чтобы это донесение могло дать Конвенту случай угасить ненависть сторон, а не выносить решений, которые привели бы к тяжким карам.

Каковы бы ни были сделанные вам доклады, вы хорошо увидите, что не следует предпринимать шаги для разгрома муниципалитета, несмотря на то, что он не выполнил своего долга, в особенности когда мы объявили представшим перед нами в качестве депутатов секций, что мы готовы отнестись к ним справедливо, действуя в согласии с высшими властями, и в особенности после наших прокламаций, содержащих торжественное обязательство этого.

Мы должны помешать тому, чтобы наспех вырвали у Конвента какой-либо декрет с целью удовлетворить эти проявления ненависти. По этой причине мы и просим, чтобы не было объявлено ничего такого, что могло бы отдать одну партию во власть другой.

Нам кажется, что было бы целесообразнее предать суду беспристрастного трибунала лиц, которые совершили преступления против общественной безопасности до дня 29 мая; но, повторяем, акты сопротивления, имевшие место в этот день, не могут быть сочтены преступными.

Мы всегда готовы дать отчет в нашем поведении, и размеры того доверия, которое обнаружили к нам местные власти Лиона, когда они познакомились с нашими письмами и корреспонденцией, дают нам уверенность в том, что против нас не будет упреков.

В ожидании распоряжений Конвента, мы горячо желаем не быть более свидетелями столь раздирательных сцен, как те, что произошли в Лионе. Мы не побоямся огня, когда он будет направлен против нас неприятельскими армиями. и, сделав попытку быть примирителями в Лионе, мы будем возбуждать рвение храбрых защитников отечества всякий раз, когда дело будет идти о том, чтобы показать им путь к победе.

Ниош. Готье.

P.S. После этого письма 4 народных представителя постановили, чтобы один из них, гражданин Ниош, отправился в Париж, чтобы лично дать отчет о событиях в Лионе.

66. Комитету общественного спасения

Народные представители в
Альпийской армии. Гренобль.
5 июня 1793 г.

Граждане коллеги!

Мы присоединились к нашим двум коллегам в Гренобле, и отчет, который они нам дали о событиях в Лионе, лишь укрепил нас во мнении, доведенном до вашего сведения нами через курьера, которого мы к вам направили.

Так как наши коллеги обещали не двигать войск на этот город, и Ниош выбыл для дачи вам отчета о всех деталях этих событий, мы приостановили требование войск от командующего армией и предоставляем Собранию принять решение на этот счет.

Мы знаем, что Лион посылает 32 комиссара в Конвент, чтобы добиться оправдания своего поведения, и без сомнения этого добьется, так как уже решено уничтожить все патриотические яды, как анархистские. Бордо положил начало, затем последовали Марсель, Лион; берегитесь того же, якобинцы Парижа. Таким образом, то, что не могли сделать для восстановления деспотизма ни Двор, ни Лафайет, ни герцог Брауншвейгский, ни Дюмурье, то сделают бриссотинцы ¹⁾, и Франция, имеющая превосходные принципы, но заблудившаяся относительно своей истинной опоры, примет из рук лицемеров может быть даже короля. и все это во имя Республики.

Результат лионского движения таков: истинный патриотизм сокрушен, и аристократия торжествует.

Наши склады погибли.

Мы могли надеяться выбрать из Лиона, путем разоружения подозрительных лиц, 40.000 ружей. Но, совсем напротив, мы теряем и те, что были в арсенале; Альпийская армия доставила их 15.000 штук и ни откуда не может пополнить этот комплект, что делает праздными и ослабляет дух 15.000 солдат, становящихся в тягость для нации. Бесполезно заставлять их изготовить пики; они этого вовсе не желают, и это была бы чрезвычайно смешная вещь дать алебарды войскам для боя и оставить ружья гражданам городов для охраны их домов.

Но у нас имеется тревога гораздо более серьезного свойства, а именно восстание на правом берегу Роны, как и в прошлом году, со своими характерными чертами, тем более ужасными, что они теперь более ловко скомбинированы, и что есть основание страшиться, что в скором времени сражающаяся с пьемонтцами армия окажется между двух огней и увидит себя без всяких средств продовольствия, так же, как и департаменты, расположенные между Роной и Альпами.

Вот то, что мы должны вам сказать для облегчения нашей совести. Ваше дело предупредить наступление столь великих бедствий.

Мы направляем вам конверт, распечатанный в Лионе и вновь запечатанный печатью местной администрации. А между тем он был от военного министра. Вы оцените по достоинству этот род провокации. Мы не получаем никаких писем от вас; несомненно, все перехватывается на пользу врагов отечества.

Армия хороша, она превосходна; но над ней нужна работа; она громко требует соединения полков в бригады, с тем большим основанием, что ее страшит формирование всех этих новых батальонов; она желала бы, чтобы 392 батальона более старого состава были отобраны для того, чтобы они не были принуждаемы соединяться с теми, которые формируются или будут сформированы впоследствии, и офицеры в которых не имеют еще никакого служебного стажа и никаких военных знаний.

Мы узнаем, что дороги, ведущие в Лион, полны экипажей; это, очевидно, модные республиканцы, едущие разделить радость своих братьев, содействовать восстановлению порядка. Будьте на страже Во имя родины воспользуйтесь этим лицемерным движением, которое готовы развернуть люди, поклявшиеся стереть с лица земли патриотизм именем Республики. Заставьте удалиться из Лиона всех чужестранцев; пусть они отдадут свои ружья на вооружение наших волонтеров, и мы вам гарантируем мир. Мы любим не более вас восторженных людей; а плуты имеются повсюду и под всякими масками; но вы не верьте красивым словам; теперь это самое острое оружие контр-революционеров.

Дюбуа-Крансе, Альбитт.

67. Национальному Конвенту

Народные представители в армии Ларошельского побережья. Пуатье, 9 июня 1793 г.

Граждане коллеги!

Значительные силы, ежедневно прибывающие к армии, заставляют надеяться, что скоро она будет в состоянии атаковать с успехом мятежников, но мы полагаем, что наш долг ознакомить вас с действительным отношением департаментов к волнениям, имевшим место в Париже, и мы сочли бы себя виноватыми, если бы скрыли от вас истину.

Власти и народ выразили свое негодование против покушений, направленных против свободы Конвента. И в могучих порывах глубокой скорби парижский народ обвиняют в тирании, а Национальный Конвент в слабости. Мы не можем судить о подлинности фактов по письмам, продиктованным, возможно, партийным духом. И все, что мы можем сделать,—это умерить возбуждение и соединить всех добрых граждан вокруг национального представительства.

Но это состояние кризиса не может тянуться долго; гроза гремит со всех сторон, и, если Конвент не примет решения поскорее ввести успокоение и вызвать доверие в департаментах, для нас окажется невозможным продолжать с успехом выполнение порученных нам Конвентом функций.

Народ устал проливать свою кровь за временное правительство, он громогласно требует республиканской конституции и каждодневно настойчиво выражает перед нами свою преданность Конвенту.

Уже существует объединение департаментов, видимой целью которого является адрес Конвенту, но вы понимаете так же хорошо, как и мы, насколько могут быть потрясены столь экстраординарной мерой единство и нераздельность Республики; в особенности мы боимся толчка, который может дать Бордо, и у нас есть данные, слишком хорошо обосновывающие наше беспокойство.

Употребите все ваше влияние, граждане коллеги, для спасения отечества; мы вас заклинаем в этом окружающими нас и

готовыми вспыхнуть неминуемыми опасностями. Что касается до нас, то мы употребили все наши усилия для того, чтобы заставить уважать власть Конвента, и мы скорее погибнем, чем потерпим, чтобы какая-либо другая власть поднялась над ним или раздробила Республику, превратив ее в федерацию.

Представители народа при армии Ларошельского побережья

А. С. Тибодо. Крèзе.

68. Комитету общественного спасения

Народный представитель в Лионе. Лион (без даты ¹).

Граждане коллеги!

Прибыв в Лион в 6 часов утра, я представил мой паспорт коменданту почты, который показал мне приказ о немедленном препровождении в муниципалитет всякого лица, которое приехало бы в этот город. Я попросил коменданта назначить волонтера, чтобы он сел в экипаж и сопровождал меня в муниципалитет. Несколько членов временного муниципалитета прибыли один за другим. Беседа продолжалась до 11 часов. Я написал в это время Комитету департамента о том, чтобы представить в 5 часов полномочия, которыми я был снабжен; там соберется и Генеральный Совет коммуны.

Я повидался с гражданином Гоншоном, подтвердившим мне все то, что он написал министру внутренних дел. Мое прибытие в этот город было предварено курьерами, и муниципалитету дали знать, что в отношении меня следует выказать недоверие.

Мне поставили в упрек, что я предложил проект декрета о составе Революционного Трибунала, что я голосовал во время событий 1-го июня.

Я решаюсь отправиться в департамент.

Заседание началось в 5 часов и окончилось только сейчас, в 10 часов. Горько жаловались на то, что наши коллеги сделали в Лионе, на то, что они говорили; повторили несколько произведенных впечатление фраз; поставили на обсуждение вопрос, можно ли меня признать в качестве представителя народа, имея в виду, что Конвент более не имеет в своем составе всех своих членов.

Прокурор коммуны потребовал сперва моего непризнания, так как народное представительство не является теперь уже полным. Раздалось несколько голосов, потребовавших моего ареста или задержания в Лионе вплоть до того момента, как станет известно, что сделают с 30 или 32 депутатами, которых Национальный Конвент подвергнул аресту.

Это предложение было отвергнуто: мне заданы были вопросы, сделаны запросы, бесполезность которых будет признана завтра же.

Это заседание уяснило мне, что имелась тревога в отношении моих принципов и образа мыслей; но это меня мало заботит.

Постановили устроить завтра утром совещание со всеми секциями для выяснения вопроса, будут ли подлежать проверке мои полномочия, так как национальное представительство оказалось поколебленным, и вооруженная сила окружила Национальный Дворец во время принятия декрета об аресте).

Чтобы питать смуту и поддерживать разногласия и недоверие, оглашается, что существует партия, желающая превратить в монархию половину Франции и покинуть на произвол судьбы другую половину. Эта химера вызывает страх. Я не знаю, какой человек мог предположить существование этой партии.

Но столь грубая клевета причиняет еще много зла.

Комитету общественного спасения, не теряя ни минуты, следует заняться одним настоящим делом: следует заняться изложением мотивов декрета об аресте; таков есть и таков должен быть предмет доклада Комитета общественного спасения. Нужно осведомить Францию.

Моих коллег здесь нет; я нахожусь тут один и должен употребить два дня на переговоры с Советом департамента и с Советом коммуны.

У меня совсем нет секретаря, и я не копирую моего письма.

Каково бы ни было возбуждение в Лионе. в нем царит порядок, никто не хочет тирана: все говорят на одном и том же языке; слова «республика, единство, нераздельность» у всех на устах; но так же легко заметить, что все симпатии тянутся к Югу, а на Север взирают с равнодушием.

Вспомните, граждане, что изложение мотивов, опубликованных Законодательным Собранием 13-го августа ²⁾, просветило Францию и объединило ее вокруг одних и тех же принципов; сейчас нам нужно более поучительное, более убедительное изложение фактов, а не ораторские речи.

Р. Лэнде.

69. Конвенту

Народные представители в армии Шербургского полка, Канн, 10 июня 1793 г.

Граждане коллеги!

Наше положение изменилось со вчерашнего дня и должно вас озабочивать. Арест Конвентом нескольких его членов, только что вызвал и наш арест и вследствие этого приостановку всех наших трудов.

Уже несколько дней, как собравшиеся секции ряда крупных общин Кальвадоса занялись событиями, происшедшими в Париже в начале этого месяца.

Вчера утром отряд национальных гвардейцев, драгун и жандармов послан был к нам из Канна в Байе, чтобы объявить нам приказ местных властей, собравшихся в каннской коммуне вместе с Народными Обществами и секциями, подвергающий нас аресту и предписывающий вернуть нас в Канн. Мы не могли признать приказ, не исходивший от Конвента, т. е. от единственной национальной власти; но мы не могли и не должны были сопротивляться.

Муниципалитет Байе получил в то же самое время приказ опечатать все наши бумаги.

При нашем отправлении собралось много народа, чтобы засвидетельствовать свое уважение к нам, что обстоятельства должны были нам особенно подчеркнуть.

Секции Байе, муниципалитет и округ распорядились о сопровождении нас 8 комиссарами, во внимание к народному представительству.

В полночь мы прибыли в Канн, где нас ждало большое число граждан, проводивших до муниципалитета. Мэр, в качестве испол-

*) Жирондинских депутатов. *Прим. пер.*

нительного органа собрания, довел до нашего сведения, что мы арестованы, как заложники, отвечающие за жизнь и благополучие арестованных по декрету членов Конвента. Но что мы находимся под охраной закона и лояльности граждан, которые сумеют отнестись с уважением к званию представителей народа, которым мы облечены.

Муниципалитет сопровождал нас до самой гостиницы «Отель д'Эспань», где мы были оставлены под арестом и откуда мы пишем.

Ж. Ромм, С. А. Приер

P.S. Мы только что были приглашены на общее собрание местных властей, где оказалось масса народу и много депутатов из соседних департаментов, которые одобрили наш арест.

Граждане коллеги, этот арест может получить крупное значение и послужить делу свободы, поддержать единство Республики и восстановить доверие, если вы, как об этом мы безотлагательно настаиваем перед вами, укрепите его декретом о нашем заложничестве для того, чтобы держать ответ перед департаментами, принявшими участие в событии, вызвавшем это письмо, за те несправедливости, которые были бы совершены как раз над их депутатами, арестованными согласно вашему декрету.

Мы заметили в каннском народе любовь к свободе, к правосудию и покорность закону 1).

Ж. Ромм, С. А. Приер

70. Комитету общественного спасения

Народные представители в
армии Брестского побережья.
Лорьян, 12 июня 1793 г.

Граждане коллеги!

Мы уже ознакомили, в разных письмах, со впечатлением, произведенном в этом краю последними событиями, происшедшими в Париже. Арест тридцати двух депутатов, в числе которых имеется четверо из прежней Бретани, до крайности усилил недовольство, которое теперь является всеобщим. Вообще на этот декрет смот-

рят как на результат насилия, и мы осведомлены, что его не признают, как законодательный акт, что спорят даже по вопросу, будут ли признавать какой-либо декрет вплоть до момента возвращения свободы депутатам. В данный момент образовано собрание в Ренне, чтобы иметь суждение об этих событиях и чтобы подумать о средствах спасения отечества. В каждом департаменте организуется сила, чтобы двинуться в Париж на предмет покровительства свободе голосования в Национальном Конвенте и для охраны безопасности депутатов.

Мы не знаем, каков будет результат этого собрания; все-таки умы, повидимому, чрезвычайно расположены в пользу свободы и равенства, но питают ненависть к Марату и вследствие весьма пагубной ошибки смешивают с ним всех членов, руководящих Горой, под тем предлогом, что они его сторонники. А для нас кажется бы легко предупредить последствия, которые может иметь эта чрезвычайная мера, если бы Конвент занялся без промедления конституцией, и крайне важно, чтобы он выполнил принятое им на себя обязательство закончить ее составление в самый короткий срок; но что кажется еще более несомненным, так это, что департаменты готовы объявить, что они не признают более власти народных представителей, посланных к армиям, так как желают, чтобы они оставались на своем посту. Многие департаменты уже выразили свое мнение на этот счет; это не помешало нам получить массу свидетельств доверия со стороны местных властей и граждан, особенно в Морбиганском департаменте: но если и собрание в Ренне выразит это мнение, нашу миссию станет невозможно выполнить, так как успех зависит от доверия, и так как это средство перестало бы действовать в тот момент, когда наше звание стало бы оспариваться. Мы повторяем вам это, граждане коллеги; нам кажется, что Конвент не может откладывать дольше сосредоточения своих взоров на движениях, происходящих в департаментах.

Жилле, Мерлен.

71. Комитету общественного спасения

Народные представители в
армии Ларошельского побе-
режья. Ларошель, 12 июня
1793 г.

Настало время сказать вам одну голую правду и представить вам опасности такими, как они есть. Фонтенейское дело ¹⁾ оказывается более гибельным, чем это думают, и благодаря, тому ужасу, который оно вселило в умы жителей деревень, все еще составляющих слишком значительную часть наших сил, и вследствие той энергии, которую этот последний успех вдохнул в мятежников. Их дерзость служит им заменой храбрости и дисциплины. Они окутывают свои передвижения непроницаемой тайной и не упускают ни одного из наших движений, так что все время делают успешные попытки напасть на нас и избегают наших атак с той же пользой для себя. Наличные силы армии неспособны потушить этот, вызывающий тревогу, очаг гражданской войны. Многие батальоны даже не вооружены. Ибо какая нам польза от ружей, которых не отремонтируют и в три месяца, между тем как следовало бы, чтобы все было окончено в две недели, что невозможно.

Кажется, граждане, предметы, видимые на слишком близком и на слишком далеком расстоянии видимы одинаково, и время показать их в их подлинном виде. Жители деревень, пришедшие к нам на помощь, стоили Республике лишь крупных расходов и всюду, где они проходили, они сеяли чувство ужаса, передавшееся даже в армию. Бравые люди, привыкшие орудовать косой и плугом, не обладая ни энергией, ни истинным мужеством, бегут при первом выстреле и лишь сеют сматение в наших рядах. Их преувеличенная боязнь утравляет силы неприятеля, и это чувство страха, распространяясь повсюду, делает зложелательство к нам более дерзким, а неприятельские попытки более активными.

Театр войны таков, что мы можем атаковать неприятеля лишь четырьмя отдельными армиями, которые двигаются вместе и атакуют по мере возможности. Но при этих условиях каждая оказывается слишком слабой, чтобы оказать сопротивление стремительному общему удару неприятеля в случае его попытки напасть на один из наших пунктов. А благодаря его знакомству с нашими

движениями он может их лишить смысла, направившись в ту сторону, где ему известно, что у нас наименьшие силы, и где он будет уверен, что мы менее всего ожидаем его встретить.

Независимо от слабости нашей армии вследствие ее несоизмеримости с армией неприятеля, она еще более слаба вследствие недостатка дисциплины. Эта могучая связь, составляющая силу государства, совершенно порвана, и нас горько печалит то обстоятельство, что генералы, повидимому, не разделяют нашей скорби в данном вопросе о дезорганизации, которая, видимо, должна служить им опровержением в том, в чем они являются ответственными. Объедините же имеющиеся в вашем распоряжении средства, чтобы восстановить эту связь, столь важную для успеха свободы. Ради этого не скрывайте от себя, что свобода поставлена в опасное и двусмысленное положение.

То чувство страха, о котором мы вам сообщаем, весьма далеко от нас, когда мы говорим народу и солдатам. Наша публичная беседа, с которой мы вас знакомим, посылая вам копию письма к нашим коллегам в Ниор, докажет вам, что мы с силою вдохнули в сердца ларошельцев и солдат тот дух уверенности и энергии, которым вдохновляется Национальный Конвент, вокруг которого мы всех объединили, как вокруг центра их единства и силы. Но необходимо увидеть окончание этой несчастной междоусобной войны до зимы. Без этого невозможно учесть опасности, которые влечет за собою этот центр единения врагов отечества.

Давайте оружия и солдат и перестаньте как Национальный Конвент, так и вы, быть по-настоящему спокойными относительно этого пункта Республики, если вы хотите пробудить это спокойствие в народе. К тому же,—надо ли об этом говорить?—за исключением Бирона, которого мы не знаем, мы встречаем мало талантов среди генералов, которые должны укрепить здесь наше дело. Мы несколько не заподозриваем их чистосердечия; но мы не видим у них тех результатов их энергии, тех комбинаций их мероприятий, того учета событий и того размаха воображения, что умножает средства, удваивает силы, привлекает доверие и вызывает тех генералов с ярко выраженным патриотизмом, вокруг которых уверенно объединяются и с бестрепетным мужеством сражаются солдаты.

Эта война вовсе не есть обыкновенная война; это каверзная

война; необходимо, чтобы хитрость и воображение управляли бестрашием. Необходимо одновременно и ставить ловушки, и скрывать свои передвижения, и использовать против неприятеля даже естественные, географические трудности данного края, иметь надежных шпионов, какой бы цены это ни стоило; и, чтобы наши успехи были плодотворны, в особенности необходимо, по мере того, как мы будем продвигаться в охваченный восстанием край, сжигать мельницы, уводить мужчин, женщин и детей и размещать их во внутренних областях Республики. Ибо как раз эти женщины, старики и дети причиняют нам всего больше зла или потому, что они сами кормят неприятельскую армию, или же потому, что они под предлогом продажи съестных припасов проникают вглубь нашего расположения, чтобы вызнать наши движения и наши силы.

И мы должны вам сказать, что вы обуздаете этот край лишь путем изгнания настоящего поколения в другие пункты Франции и заселения его вновь новыми людьми.

Оканчивая письмо, мы считаем долгом заметить вам, что в настоящий момент насчитывается более двадцати депутатов в пределах территории в 30 миль. Кроме неудобств, могущих получиться от различия мероприятий столь большого числа деятелей одного и того же рода, которые не могут всегда их вместе согласовать, вы понимаете, что это множество комиссаров образует в недрах Собрании пустоту, от которой при данных обстоятельствах приходится страдать общественному делу. К тому же этот предмет должен обратить на себя ваше внимание и с экономической точки зрения, если уж не рассматривать его со стороны дурного впечатления, которое производит в общественном мнении это рассеяние комиссаров по пунктам, столь близким друг от друга. что на долю каждого приходится мало дела, и каждому приходится нередко делать распоряжения, могущие сталкиваться с другими. И эти соображения общественного интереса, склоняют нас, граждане коллеги, просить вас вернуть нас в лоно Конвента. Но пока до этого мы собираемся объехать наиболее интересные места нашего побережья, где наше присутствие столь же необходимо, как и ожидаемо. а вы поручите тем из наших коллег, которые займут наше место и действительно находятся в тех местах, где им мало приходится выполнять работы, явиться для продолжения наших

трудов. Ибо прибрежный край, соседний с Ларошелью и Рошфором, не может долго обходиться без представителей народа.

Братский привет.

Мазао, Гарнье.

72. Комитету общественного спасения

Народный представитель в Лионе, 14 июня.

Представители народа!

Предмет моей миссии выполнен, насколько возможно; я написал моим коллегам в Гренобль, я высказал им мои чувства; они мне ответили, что имеют не больше охоты, чем я, к тому, чтобы двинуть армию на Лион.

Департамент, перед которым я настаивал вчера утром на том, чтобы он либо дал мне выписку из протокола принятого им решения, либо принял другое решение, — еще втянул меня в новую дискуссию.

Мне было сказано, что еще ничего не записали о том, что произошло, о том, что было постановлено в отношении меня; что считают целесообразным, чтобы я остался и получил сведения о положении Лиона, чтобы дать отчет об этом Конвенту; а также, чтобы я повидал генеральный совет и побратался с членами совета и депутатами секций, которые являются каждый вечер на заседание; что в будущем будет упоминаться о моем присутствии в протоколе заседания департамента всякий раз, как я там буду присутствовать.

В 5 часов я отправился в департамент с намерением пройти в коммуну, если ничего не будет изменено.

Спустя несколько минут после моего прибытия пришли депутаты секции и заявили, что они приняли решение подвергнуть меня аресту, но что их решение необходимо опубликовать с одобрения департамента. Их направляют в муниципалитет. Я прошу департамент покончить скорее со мной. Я теряю мое время, говорю я им, так как не могу быть полезным; я зря занимаю ваше время. Выскажитесь. Сегодня вечером или самое позднее завтра утром я буду находиться под арестом.

Департамент протестует: он никогда не потерпит, чтобы было сделано покушение на национальное представительство. Я прошу, чтобы долгие не откладывали и приняли решение. Мне обещают принять постановление до того, как разойдутся. Я напоминаю, что мне было сказано утром, и насколько грустно как для них, так и для меня быть столь долгое время в положении, пагубном для Республики, так как мы все теряем наше время и не делаем абсолютно ничего.

Я возвращаюсь к себе и принимаю посетившего меня моего коллегу Маль, которому заявляю, что, по моим предположениям завтра окажусь арестованным.

Я еще не получил никаких новых сведений, готов идти в департамент, в генеральный совет. Я желал иметь решение; я не смогу ничего получить и вернусь с пустыми руками, без сведений, без официальных документов.

Я иду сегодня объявить, что хочу уехать и вернуться в Париж, все равно, дадут ли мне выписку из протокола решений, или не дадут. В таком случае решатся позволить мне вернуться или задерживать меня.

Я не знаю, доходят ли до вас мои письма, если их здесь читают, но мне приносят ваши письма и требуют от меня их прочтения. Если вы сообщите мне некоторые секретные сведения касательно передвижения неприятельских армий или через Ниццу и Виллафранку или через Мон-Блан; если вы сообщите мне о ваших сношениях в Швейцарии, я буду принужден своими зубами разорвать ваши депеши, чтобы не разглашать секретных данных, и эта необходимая предосторожность сделала бы вас жертвой клеветы; здесь сказали бы, что дело идет не о преступном проекте касательно Лиона.

Спешите, дорогие коллеги, поставить Францию в такое положение, чтобы она могла судить о вас.

Опубликуйте ваш проект конституции; ознакомьте с положением Собрания, с мотивами декретов 2-го июня. Дело идет не о присылке того, что подлежало бы ведению трибуналов; об этом я и не думаю. Но вы должны поведать о том, хорошие или дурные дела совершили лишенные на время своего звания члены Конвента.

Пусть вся Франция прочтет изложение ваших мотивов и судит вас.

Если вы, собрав все данные и основательно в них разобравшись, найдете, что тридцать депутатов заслужили свой арест,— скажите это; если не найдете этого, опять скажите прямо. Если наконец многие члены Конвента окажутся виноватыми, а многие другие нет, настаивайте на вашем мнении относительно одних и проявите справедливость по отношению к другим.

Я желал бы сообщить вам мои мысли относительно войны; я всегда слишком мало спешил сказать то, что я чувствую.

Прощайте, мои коллеги, сделайте мое отечество счастливым. Я вам завтра напишу.

Р. Лэнде.

73. Комитету общественного спасения

Народный представитель из
Лиона. Лион. 15 июня 1793 г.

Если у вас есть сила, энергия, вы преодолете все препятствия и принесете благо Франции.

Опубликуйте конституцию.

Опубликуйте мотивы декрета об аресте депутатов. Эти мотивы должны быть серьезными и хорошо подобранными. Я не хочу сказать, что я их предвижу, но нужно иметь мужество раскрыть, какие интриги обрушились на нас во всех этих войнах, большая часть которых по-моему являются бессовестными. Обратите внимание на заметку Бриссо в памфлете, который он пустил в печать для всеобщего распространения в поябре; справьтесь с листом друзей Нарбонна; сравните с ним лист друзей Дюмурье; примите в соображение, как Дюмурье старался предать Францию 1-го сентября ¹⁾, обогащая Бельгию из нашей казны, как он восстал против Конвента, сохраняя на своей стороне всех своих друзей. Если вы исполните долг, который налагают на вас обстоятельства и который потребует от вас крупных жертв, вы вернете мир Франции, а Национальному Конвенту вернете то доверие и уважение, которых он еще не потерял. Начинают склоняться к мысли, что было бы весьма опасно порывать с Национальным Конвентом и не признавать его. Убеждаются, что было бы опасно ставить меня в положение арестованного. Мое терпение, чистосердечие и энергичные

упреки, с которыми я обращаюсь к представителям администрации относительно потери времени, показалось мне, производят некоторое впечатление.

Вчера в 8 или 9 часов вечера еще ничего не сделали. Но мне обещали наконец вынести решение по поводу моего требования, и многие члены явно выразили свое недовольство по отношению к своим коллегам.

Я буду выслушан сегодня вечером во временном генеральном совете коммуны.

Секции тем не менее решили, что они не должны более признавать Конвент, что следует собрать первичные собрания.

Чтобы выяснить себе истинную причину стольких колебаний и дознаться, каков может быть умысел всего этого, я предложил членам первичного генерального совета коммуны следующий вопрос: «хотите вы видеть мои депеши; но отвечаете ли вы в таком случае вашей головой за всех ваших коллег?». — Нет,—ответили мне на это.

Я задал тот же самый вопрос собравшимся властям и получил на него тот же самый ответ.

Две причины мешают мне продолжить мои размышления: 1) я боюсь уклониться на неверную дорогу заключений от частного к общему, и 2) нужно, чтобы мое письмо пошло почтой.

Р. Лэнде.

P.S. Цена всех съестных припасов выросла на одну треть с 29-го мая.

Министр внутренних дел должен потребовать сведений у департамента по столь интересному предмету.

Р. Лэнде.

74. Комитету общественного спасения

Народные представители в армии Ларошельского побережья. Ниор. 18 июня 1793 г.

Граждане коллеги!

Для общественного дела важно, чтобы вы имели правильное представление о положении той части армии Ларошельского побережья, которая находится сейчас в Ниоре, чтобы судить о том,

что она может сделать, и чтобы мы и вы соединенными усилиями дали ей возможность выполнить то великое предназначение, которое выпало ей на долю, а именно задачу спасения Республики.

Вооруженная сила, находящаяся сейчас в пределах города Ниора или расположенная вблизи от его стен, имеет в своем составе три класса людей. Одни—из бывших линейных полков или старых батальонов; другие—из рядов набора в 300.000 человек; третьи—мобилизованные национальные гвардейцы. Люди первого класса явились к нам из Северной армии; они прибыли весьма уставшими, довольно хорошо вооруженными, но почти раздетыми, без рубашек, без верхнего платья и без башмаков. Всюду по дороге, начиная от Сен-Дени, они требовали недостававшее им. Но повсюду их отсылали в соседний город, и таким манером их нужды росли, по мере их продвижения вперед, а их требования становились более настойчивыми, а их недовольство более упорным. Представьте же себе затруднения, среди которых мы очутились в городе, где ничего не было приготовлено для приема армии, где не было устроено ни одного склада. На предъявленные нам требования мы сперва ответили лишь обещаниями. Но мы не потеряли ни одной минуты, чтобы иметь возможность ответить более удовлетворительным способом, выдавая рубахи и верхнюю одежду нашим храбрым братьям, пришедшим отдать нам свою кровь. Для покупки тканей были назначены деятельные и смелые комиссары; были вытребованы мастеровые, чтобы пустить в работу купленный материал. Мы отдали самые точные приказы об оборудовании одежной мастерской и видим с величайшим удовлетворением, что администраторы, на которых была возложена эта последняя задача, склонны помочь нашим планам и хлопотам со своей стороны самым неослабным старанием. Но у нас материала самое большее на пятьсот штук платья. Здесь мы должны заметить, что непонятно, как министр, отдавая свои приказы об образовании армии Ларошельского побережья, в то же время не отдал приказа об учреждении в ее тылу административных органов, без которых она не может существовать. Мы встречаем на каждом шагу комиссаров Исполнительного Совета.

Но их миссия чисто моральная, и ни один среди них не имеет достаточных полномочий, чтобы доставить войскам то, что им необходимо, и наладить службу как следует. Без сомнения, хорошо

посылать людей с целью воспитать солдата в республиканском духе и сильнее привязать их к свободе. Но не следовало бы ради этого забывать их одеть и накормить. Мы должны вам сказать, что поделом убивают часового, допускающего, чтобы им овладел сон. У министра небрежность есть преступление, так как она влечет за собою такие же результаты, как и преступление.

Тот, кто не печется о нуждах солдат, когда на него возложена эта обязанность, и он имеет к этому средства, так же виновен, как и тот, кто портит солдата. Человек, придавленный нуждой, естественно, становится недисциплинированным. Он больше не слушает своих вождей и становится неправым. Как раз это мы и видим. Офицеры оказывались под угрозой быть перерезанными, если они не достанут почти немедленно того, чего у них требуют. Мы вам предоставляем судить, достигло ли это зло крайних размеров, и важно ли приняться за его скорейшее лечение.

Солдаты, пришедшие с Севера, резонно требовали платья, рубах и башмаков. Некоторые из их офицеров предъявляли требования другого рода. Они замечали, что, согласно полученным ими приказам, их отъезд был столь поспешный, что они были вынуждены, благодаря самому способу предписанного им путешествия, бросить свои вещи и своих лошадей или отдать их за дешевую цену. Они заключают из этого, что Республика должна дать им вознаграждение. Мы написали вам по этому поводу, но мы предлагаем вам без проволочек принять одно решение; оно является как нельзя более настоятельным. Мы ежедневно убеждаемся путем слишком злосчастного опыта в той истине, что патриотизм и желание разбить врагов Республики совместимы с большой требовательностью и большой жадностью. Эти офицеры были также того мнения, что за переход с Севера на Юг им были обязаны дать походный подарок. Они его потребовали, а мы не хотели на это согласиться. Будет хорошо, если Национальный Конвент выскажется по этому поводу. Много наблюдений, которые мы были в состоянии сделать во многих частных случаях, некоторые печальные выражения, которые мы услышали при посещении солдат и объезде лагерей, дают нам право думать, что, если масса и хороша, то есть люди, которых надлежит укротить, и которые, если не будут обузданы, скоро развратят наших храбрых братьев по оружию. Мы ничего не упускаем ради того, чтобы избежать этого несчастья. Если,

несмотря на наши старания и наши заботы, зло стало бы расти, мы в точности сообщили бы вам детали.

Брошенные вскользь слова сперва могут быть поставлены в вину лишь тому, кто их произносит. Но всегда следует опасаться, когда они выслушиваются без негодования.

Люди, вышедшие из рядов народа, в общем плохо вооружены не у всех у них имеются годные для сражения ружья. Они не вполне и обмундированы: среди них есть довольно большое число у кого не достает гетр. И эта бедность обмундировки отнюдь не является доказательством небрежности администраторов. Работа производилась с величайшей энергией. Но, например, башмаки; предназначенные для волонтеров, были частично распределены среди тех, кто прибывал, и кому было невозможно в них отказать.

То же самое было и со многими другими предметами обмундирования. Когда город Ниор оказался под угрозой, туда явилось довольно большое число рекрутов из соседних департаментов. Если бы в момент их прибытия у нас были кадры, куда их поместить, закон был бы выполнен без затруднений, и зачисленные в кадры волонтеры уже могли бы нести службу весьма основательно. Но вышло не так. Прибывали отряды без вождей, не знавшие никаких военных правил, никакой дисциплины. Враг был у наших ворот.

Нужно было хорошенько наладить временную организацию, чтобы генералы знали, кому они должны передавать свои приказы и чтобы каждый знал, кому следовало командовать, и кто должен повиноваться. Что же получилось? То, что эта временная организация, которую повелительно диктовали обстоятельства, стала слишком рутинной. Одни усвоили себе привычку командовать, другие стали уже исключительно полагаться на тех, кого они себе выбрали. Отсюда получается, что, когда мы сейчас хотим, в соответствии с одним из ваших постановлений, одобренных Национальным Конвентом, удвоить численность рот, приходящих из Северной армии, мы испытываем величайшие затруднения. Офицеры в погоне за сохранением власти, которая от них ускользнула бы при включении в кадры линейных войск, стали обрабатывать умом своих солдат. Они не сказали им, что их воодушевляет единственное желание сохранить свои эполеты и свое жалованье. Но они внушали им, что после смешения их с линейными солдатами,

последние стали бы всячески их притеснять, и они испытывали бы всевозможные виды дурного обращения. Славные деревенские жители, чей разум, к несчастью, не идет в уровень с их патриотизмом, поверили им, и их упрямое нежелание быть зачисленными в кадры линейных войск ставит нас перед жестокой альтернативой: употребить меры строгости или же оставить закон без выполнения. Сегодня утром один или два батальона собрались на плацу. Был отдан приказ, чтобы одна часть соединилась с таким-то линейным отрядом, а остальные с другим. Но это оказалось напрасным. Прибегли к самому форменному сопротивлению, и младший генерал Дюфур вынужден был распорядиться об отправке в тюрьму всех офицеров. Но и эта мера, про которую думали, что она должна произвести некоторый эффект, оказалась бесполезной. Наконец нам пришлось стать во главе гусарского полка и жандармерии, с которыми мы и явились на площадь. Эта предупредительная мера, в соединении с нашими увещаниями и нашей твердостью, имела тот успех, которого мы от нее ожидали: закон был приведен в исполнение. Но мы с прискорбием увидели, что пришлось употреблять подобного рода средства для того, чтобы дать торжество закону. Мы не должны скрыть от вас, что при других обстоятельствах двое из наших коллег тщетно выходили к бунтовщикам.

Наш долг поделиться с вами некоторыми соображениями относительно того места вашего постановления от¹⁾, которое гласит, что к ротам людей, взятых из Северных армий, будет прибавлено равное количество рекрутских рот, и которое затем прибавляет, что первые, по окончании несчастной занимающей нас войны, вернутся в соответствующие части войск, откуда они были взяты. Но тогда, что станет с людьми по набору, которые будут к ним приданы? Вопрос не без трудностей.

Мы просим вас подумать о нем и решить его. То соединение, которое мы производим, не есть в сущности укомплектование кадров. Это есть не иное что, как род временной организации, и вы легко поймете все неудобства, которые оно может повлечь за собою. Ничто так не способно отбить охоту у военных, даже самых преданных своей профессии, как неопределенность их судьбы. Сообщите нам, мы просим вас об этом, те соображения, которые у вас будут иметься по этому предмету, и уведоьте нас

о решениях, которые окажется в состоянии издать Национальный Конвент.

При несчастном деле 25-го числа последнего месяца, под стенами Фонтене, было несколько временно организованных отрядов рекрутов. Довольно большое число их попало в плен. Бандиты отрезали им волосы и отослали их, заставив поклясться, что они никогда не возьмутся за оружие против них. Мы решили направить этих людей в Ларошель, Рошфор и на остров Ре для зачисления их в находящиеся там теперь отряды. Благодаря этому они не нарушат своей клятвы, а будут использованы для Республики.

Мы переходим теперь к мобилизованным национальным гвардейцам. Бандиты имели смелость заявить, что в такой-то день они будут под стенами Ниора. Сейчас же как мы узнали, что их проектом было стремиться к победе именно с этой стороны, мы послали просить помощи у соседних округов и департаментов. Вскоре, согласно постановлениям местных властей, жители деревень, вооруженные всем, что ни оказалось у них под рукой, стеклись со всех сторон. Стечение было такое, что у нас несомненно не хватило бы съестных припасов, если бы командующий армией не заявил, что эти отряды людей без оружия и без вождей для него будут бесполезны, и что надлежит из них сделать выбор. Мы думали так же, как и он. Решающим для нас явилось и другое соображение: во многих общинах заставили идти в поход муниципальных чиновников, священников, стариков, даже столяров, булочников и ремесленников всякого рода. Такое положение вещей не могло длиться. Люди женатые были отделены от молодежи, и им позволено было вернуться к их очагам, оставляя одною в полном порядке то оружие, которое у них могло быть, для тех, кто оставался и кто оказывался безоружным. Как раз в это время стали прибывать батальоны и отряды, взятые из Северной армии. Крестьяне, которые явились лишь для того, чтобы выразить нам свою готовность оказать помощь городу Ниору неожиданным нападением на врага, не замедлили просить позволения вернуться, ссылаясь на то, что наступил сезон обработки виноградников и уборки сена. Сперва им в этом отказали. Но потом заметили, что напрасно пытались бы их удержать. Они стали дезертировать, и скоро дороги оказались сплошь усеяны ими. Распространившееся ложное известие вызвало исчезновение сразу большого числа их.

Думали, что после второй сортировки получится избавление от этого зла. Было принято постановление, опять согласно с мнением командующего, о возвращении домой еще одной четверти из тех, что остались. Печувствовали необходимость от них отделаться, так как абсолютно не хватало средств содержать их, разместить и пропитать. Следовало думать, что те, за которыми была признана большая возможность оставаться вне дома, не покинут своего поста. Нас каждую минуту осаждали со всех сторон просьбами о возвращении домой и об отставке. На этот раз мы ни на что не согласились. «Подождите,—сказали им мы,—еще две или три недели!» Нас не стали слушать. Они не дезертируют, они бегут по всем дорогам, взапуски один перед другим. Понадобилась бы армия в полтора раза более сильная, чем та, что у нас имеется, для того, чтобы им в этом помешать.

Позапрошлую ночь, целых два батальона, во-первых и во-вторых 2), которым была вверена охрана одного передового поста, на дороге в их родные края покинули свой пост и вернулись к себе, со своими офицерами во главе. Есть одна частности, мимо которой вам не следует проходить, а именно: эти батальоны, согласно обычаю, получили жалование авансом за пять дней вперед, и, таким образом, те, кто командовал ими, оказались виновными в двойном преступлении, в краже и дезертирстве. Мы сейчас же отдадим приказ об их немедленном задержании.

После того, что мы вам высказали, вы видите, что мы не можем рассчитывать, идя в атаку, на мобилизованных национальных гвардейцев деревень, особенно в этом сезоне. И не потому, что у них нет недостатка в патриотизме и мужестве, но им не хватает оружия, и плохо понятый интерес момента перевешивает в них общий интерес. При первых звуках призывного колокола они собираются еще хорошо, но не следует никогда обольщаться тем, чтобы сохранить их более двух или трех дней. Когда для оправдания своего дезертирства обитатели деревень стали нам говорить, что им не хватает оружия, мы предложили им сформироваться в батальоны саперов, относительно которых признано, что мы не можем без них обойтись, и без которых нам невозможно вести войну. Наши предложения оказались бесполезными. Мы встретили лишь упрямых людей. Старания генерала увенчались не большим успехом, и тем не менее саперы нам нужны. Чтобы достать себе их,

нам придется платить по меньшей мере 40 су в день. Вам не мешает нас на это уполномочить декретом.

Выше мы дали вам беглое, но точное представление о старых войсках, о людях по набору и о мобилизованных национальных гвардейцах. А теперь мы хотим вам сообщить те соображения, которые применимы одинаково к этим трем классам. Вообще по всей армии идут жалобы на величайшее непослушание, которое ничто не может оправдать, и которое до настоящего момента, нужно это сказать, было причиной наших поражений. Командиры отрядов лишь по видимости подчиняются генералам, а офицеры совсем не находят слушающихся их солдат. Что же происходит? Сперва бывает так, что в походе батальон занимает две или три мили пространства. Показываются две или три сотни бандитов и обращают в бегство тысячу или тысячу двести людей. Результатом этого является кроме того распространение бандитов по деревням и ограбление несчастных земледельцев, так что невозможно и узнать виновных, что является величайшей бедой. Уже не один раз деревенский житель позволял себе принимать за бандитов тех, кто должен был явиться лишь для воспрепятствования бандитизму. В бою каждый хочет поступать по своему усмотрению, и в деле при Монтрейле, где генерал Саломон был атакован, когда он направлялся на помощь Сомюру, отсутствие приказов и дисциплины привело к перестрелке между нашими войсками. С трудом поверят тому, как однажды генералы собрались вместе с представителями народа, и мы были свидетелями появления командира отряда с заявлением, что он и его товарищи не пойдут против четырех тысяч бандитов, если только они не будут в числе шести тысяч. Эта черта может дать вам представление о том, до какого предела мы дошли. Зло велико. Мы стали искать его причину. Мы усмотрели ее в длительной процедуре, которую приходится соблюдать для наказания виновных, и в той зависимости, в которой закон держит офицера, желающего быть избранным, от солдата, который должен сделать выбор. То, что происходит на наших глазах, настолько грустно, что мы не боимся вам сказать, что, если не найдется средств сделать офицера совершенно независимым от солдат, вам следует отказаться от того, чтобы иметь армию. Скоро они превратились бы в беспорядочное сборище людей, которые, не признавая другого закона, кроме силы, ввергли бы Республику

в величайшую смуту. Формальности уголовного кодекса являются слишком длительными. С другой стороны, смешно наказание тюрьмой во время похода, и оно вполне по вкусу трусам накануне боя. Необходимы другие меры. Холодные кабинетные мысли ничего не стоят в деле управления армиями. Легион Вестермана провожают с сожалением всюду, где он проходит; каждый город хотел бы его сохранить в виду его строгой дисциплины. И правда, эта дисциплина установилась и поддерживается лишь благодаря тому, что командир и офицеры умеют в надеждах случаях вносить в нее поправки, вызываемые обстоятельствами. Этот легион еще окажет величайшие услуги Республике в добавление к тем, которые он уже оказал ей.

Не пренебрегайте нашими мыслями; они основаны на фактах, происходящих на наших глазах; они могут повести к реформе столь же настоящей, как и целесообразной.

Непослушание влечет за собою кучу злоупотреблений. Солдат, не выполняющий своих обязанностей с точностью, неминуемо оказывается бездельником. Он выходит из кабака лишь для того, чтобы перейти в другой, и в короткое время он уже потратил свое жалованье. Раз оказавшись без средств, он их ищет, и первое, что приходит ему в голову, это продажа его вещей. Скоро у него оказывается недостаток во всем. Тогда он является с требованиями и, так как он недисциплинирован, он изрыгает проклятия, когда ему приходится получать отказ; счастье еще, когда он не прибегает к другим эксцессам. Необходимо устранить это неудобство и уничтожить, если мы сможем, некоторые из последствий данного зла, раз мы не можем вырвать его корни. Мы требуем от вас самого сурового закона против всех тех, кто будет уличен в покупке каких-либо вещей у солдат. Не медля добейтесь его: время не терпит отлагательства, через неделю будет уже слишком поздно.

У нас шла речь с вами о непослушании в войсках. Но мы должны вернуться к тем недосмотрам, которые допустил военный министр в отношении заготовки вещей, необходимых для войск. Мы вас ознакомили с этим в двух словах.

Ни один из административных органов, которые должны быть в тылу армии, не имеется налицо для армии Ларошельского побережья. Единственно, что начинает конструироваться, это орган

по снабжению продовольствием, а то мы несколько дней были в страхе остаться без хлеба. Гражданин Логре явился совершенно один и, повидимому, внес маленький порядок в эту столь существенную область. Все-таки и она нуждается еще в усовершенствованиях.

Нам было сказано, что этот род службы не является столь активным, каким он должен быть вследствие недостатка повозок для транспорта; вина за это опять падает на министра, который не дал нам, если я могу так выразиться, и тени администрации транспорта, а между тем многие комиссары Исполнительного Совета, а также генералы писали ему по этому поводу, но все напрасно. Пора или прекратить такой беспорядок, или объявить, что от него нельзя излечиться. Знайте, что Ниорская армия уже двинулась на бандитов, что их можно было бы захватить врасплох, когда они были возле Сомюра, если бы у нас было управление транспортными средствами для перевозки продовольствия. Мы мобилизовали все повозки в этом краю, а также все и в соседних департаментах. Но помимо того, что эти мобилизации раскрывают планы, которые должны были бы остаться тайными, они могут дать лишь весьма незначительные результаты в краю, где наиболее грузные повозки везутся исключительно волами. У бандитов было время передохнуть, собраться с новыми силами. Для нас оказалось невозможным преследовать их и разбить. Они приобретают утерянную нами выгоду. Возможно, они атакуют в тот момент, когда мы должны были бы их атаковать! И если мы снова потерим неудачу, этим мы будем обязаны министру. Вы скажите же ему эти жестокие истины; пусть он содрогнется от того зла, которое может причинить небрежность его самого или же его агентов, и пусть он поспешит исправить его. А вы, наши коллеги, не теряйте ни минуты: от этого зависит спасение Республики.

У нас ощущается недостаток не только в администраторах. У нас для Ниорской армии имеются всего три военных комиссара, из которых один носит звание распорядителя по денежным выдачам, но которого мы считаем неспособным к выполнению этих обязанностей. Ему невозможно выполнять всю работу. Нам уверили, что в Туре имеются ненужные там комиссары. Мы их затребовали. Но об них не имеем совсем известий. Предписанные законом сведения не составляются вовсе, а отсюда происходит

крупное расхищение военного имущества всякого рода. Правда, мы могли бы назначить нескольких граждан для временного выполнения этих обязанностей, но, так как мы ждали комиссаров из Тура, мы не сочли долгом принять такое решение. И нужно согласиться с тем, что нелегко найти в любую минуту человека, у которого были бы понимание и знания, необходимые для военного комиссара. Позаботьтесь же настоять перед министром, чтобы он нам прислал их, по крайней мере двух; но в особенности, чтобы они знали свое дело, и чтобы мы не были вынуждены учить их тому, без чего нельзя обойтись с одним лишь простым здравым смыслом.

Мы еще не кончили нашей речи с вами о том, что безусловно необходимо для Ларошельской армии. Многие экспедиции не состоялись по недостатку в вышних офицерах. Командующий каждый раз попадает в чрезвычайно затруднительное положение, когда возникает вопрос о том, чтобы вверить кому-либо командование над 3—4 тысячами человек. Он оглядывается кругом и находит лишь офицеров генерального штаба. И, вопреки установившейся до сего времени практике, он видит себя вынужденным посылать своих адъютантов на те посты, где были бы уместны высшие офицеры. Такое положение вещей существует лишь благодаря небрежности тех, которые были назначены и не явились на свои посты. Когда помощник командующего Ронсен был у нас, он написал министру жалобу на эти порядки и заявлял нам много раз, что не получил на это ответа. Но, наконец, о чем же думает этот министр, если он не желает ничего посылать? По крайней мере пусть он нам скажет, почему, или мы увидим себя вынужденными уличить его перед всей Францией, которой он ответит за все беды, готовые обрушиться на нас. Мы заклинаям вас, предложите ему отправить к нам тех лиц, кого он назначил, или же назначить на эти должности других. Ах, если бы мы могли найти около нас патриотов с военными талантами, мы не страшились бы столь преступной беспечности!

Мы должны поделиться с вами еще теми сведениями, которые сообщены были нам генералом Бироном. Ему донесли, что смутьяны проникли в армию и стали стараться внести в нее разложение «как в одном смысле, так и в другом», таковы его выражения. Мы нарядили службу наблюдения, которая, как мы надеемся, пре-

сечет гибельные планы дезорганизаторов. Наша бдительность будет неутомимой, и, если всевозможные в пределах человеческих сил старания и самый упорный труд окажутся в состоянии спасти Республику, она будет торжествовать над своими врагами.

Была попытка дать распространение одному заблуждению, которое могло бы причинить величайшие бедствия, если бы оно не было немедленно устранено. «Патриотические Анналы» поведали всей Франции, что армия Ларошельского побережья состоит на одном участке этого фронта из 20.000 человек, а на другом из 63.000 человек, что артиллерия также состоит из весьма значительного числа пушек всяких калибров. Было еще сказано, что Пуатье, Рошфор и Ларошель солидно оборудованы для обороны. Мы же говорим с горестью: все, что было объявлено во всеобщее сведение, есть ложь. И однако, этому можно было бы поверить с тем большим основанием, что Карра, исправляющий должность редактора «Патриотических Анналов», был тогда комиссаром вместе с нами. А между тем, если бы придать веру тому, что он напечатал, оказалось бы весьма возможным, что не стали бы спешить с посылкой нам помощи, в которой мы имели бы нужду. Рапорт, доставленный нам командующим, насчитывает лишь от 19 до 20 тысяч людей в войсках, находящихся в Ниоре, не присчитывая сюда во всяком случае Северного легиона. Кроме того, нужно заметить, что с тех пор, как мы получили этот рапорт, дезертирство мобилизованных национальных гвардейцев не поддается никакому учету, и что отправили батальон от 600 до 700 человек в Ларошель и гарнизоны в Рошфор двумя фрегатами.

Ознакомив вас с предполагаемым наличным составом наших сил, мы должны вам сказать, как они расположены. Одна часть их размещена в городе, а остальные в палатках, в трех отдельных лагерях, один на дороге в Сен-Жан, другой на дороге по имени Сен-Желе, по которой могли бы нагрянуть бандиты, а третий расположен на дороге из города Ниора в город Мель. Вся армия разместилась бы в лагерях, и это было бы весьма полезно, если бы у нас были предметы лагерного оборудования. Но у нас почти их нет. Были вынуждены привозить глиняную посуду, что не может быть допустимым. Отдайте же приказы, настаивайте всеми имеющимися в вашей власти способами, чтобы нам были

присланы козлы и чехлы для ружей, манерки и бакл, одним словом все те вещи, без которых было бы бесполезно посылать нам палатки.

Доклады, сделанные нам в течение трех последних дней и еще сегодня утром, как кажется, содержат данные о том, что бандиты могут нас атаковать со всех сторон.

Из каждых трех человек они принуждают идти двоих. Они говорят, что хотят обрушиться на нас в количестве 100.000 человек. Мы их несколько не боимся. До сих пор наша твердость возмещала весь тот недостаток, который допускался преступным военным министром. Она не покинет нас и впредь, лишь бы вы заставили двинуться тех, на кого возложена обязанность выполнять закон, и распорядились наказать тех, кто столь очевидно скомпрометировал Республику своим бездействием.

Гупильо (де Фонтене), Жар Панвиллье.

75. Конвенту

Народные представители в
Мозельской армии. Мец. 19
июня 1793 г.

Граждане коллеги!

Мы прибыли в этот город прошлой ночью и спешили дать вам отчет о событиях, имевших место со времени нашего письма, сообщавшего вам о взятии Арлона. Сегодня мы можем дать вам сведения о том, что побудило нас к этому бою, и что общественный интерес не позволял тогда разглашать.

На Севере было задумано наступление, для успеха которого полагали, что Мозельская армия должна сделать диверсию. Генерал Гушар, желавший оказать действительную помощь продвижению на Севере, постарался со своей стороны принести наибольшую пользу Республике, двинувшись на Арлон, чтобы сжечь находившиеся там магазины.

В условленный день 12.000 человек, на которых возложено было выполнение простой диверсии, двинулись на Арлон, в уве-

ренности, что армии Северная и Арденнская начнут действовать в это же самое время.

Но армия нового генерала на Севере изменила весь план, и мы узнали о нем лишь после победы.

Эта перемена могла стать губительной для войск под командой генерала Деллажа. Но их мужество преодолело все препятствия, которые неприятель, спокойный за Север, нагромоздил вокруг Арлона. Наша победа поистине является чудом. Сообщенные вам командующим детали убедят вас в том, что одни лишь французы могут овладеть посредством живой силы укрепленным пунктом, столь недоступным и защищенным столь же внушительной силой и столь солидной артиллерией.

Все батальоны выполнили свой долг с самоотвержением, вполне достойным того дела, которое им приходится защищать. Несколько отдельных лиц изменили своему долгу, но мы работаем над тем, чтобы их узнать, и нам оказывают полную помощь войска, которым ничто так не по сердцу, как очиститься от всех тех, кто мог запачкать их славу. А мы столь же быстро, как и примерно, покараем этих последних.

Войска вместе с нами оказывают почести бесстрашию карабинеров; 300 этих храбрецов, вместе с 79 лицами бывшего Бургундского кавалерийского полка, входя в состав отряда генерала Борегара, три раза подряд обрушились на выстроенный в боевом порядке батальон в 1.500 человек. Они принудили его к бегству, но неся при этом крупные потери в своих рядах убитыми и еще большее число тяжело ранеными. Один получил 26 ран. Это гражданин Жан-Луи Руве, лейтенант; 13 из этих ран получены им в голову, а 13 других в руки.

Посреди этой бойни нередко раздавались голоса и человеколюбия, и философского размышления.

Один карабинер, имя которого мы не могли открыть, невзирая ни на какие розыски, оказался тяжело раненым и ждал, чтобы ему оказали хоть какую-либо помощь.

Неподалеку от него оказался несчастный австриец, плачевное положение которого вызвало участие карабинера и заставило его забыть свои собственные раны. Появляется лекарь, направляющий свои шаги к карабинеру: «Поспешите же, мой друг, — говорит ему этот храбрец, — я давно уже вас жду». Лекарь располагаетя, чтобы

осмотреть его рану. «Нет,—говорит ему карабинер,—совсем не на меня должны быть направлены ваши первые заботы; поглядите на этого несчастного; он равен еще более тяжело, чем я; это австриец. правда, он мой враг, но он человек и страдает».

В тот момент, как француз делал такую честь своей нации, в нескольких шагах отсюда, два австрийца своим ужасным поведением клеймили, как преступное, защищаемое ими дело королей. Эти бандиты набросились на офицера карабинеров и с беспримерным, утонченным варварством уже готовы были его изуродовать, как прибегают другие карабинеры и освобождают землю от подобных чудовищ.

Мы бы никогда не кончили, граждане коллеги, если бы захотели дать вам отчет обо всем, что произошло замечательного в этот славный день. Видно было, как барабанщики, слишком слабые для того, чтобы среди ржи бить атаку, помещают свои барабаны у себя на голове и таким образом продолжают выполнять свои обязанности. Видно было, как решительно все раненые забывают о своих страданиях, чтобы думать лишь об отечестве и соединить все свои силы, чтобы крикнуть вместе со своими собратьями: «Да здравствует Республика!» Даже те, кто не мог воспользоваться этим утешением, воздымали руки к небу и последним вздохом снова высказывали пожелание торжества делу свободы.

По вступлении в город Арлон мы занялись осуществлением той цели, которую наметили себе, двигаясь на этот город. Но только что достигнутый нами успех вдохнул достаточную уверенность для того, чтобы решиться на эвакуацию складов, принадлежавших австрийцам, вместо того чтобы их сжигать.

Препроводив их в Лонгви, мы простерли бдительность еще дальше. Нам показалось недостаточным отобрать у врагов заготовленные ими уже запасы продовольствия. Являлось также крайне необходимым отнять у них легкую возможность сделать новые его запасы. Мы предписали произвести домашние обыски и распорядились отобрать все зерно, найденное нами у жителей Арлона, оставляя то его количество, которое было необходимо каждой семье для ее существования до ближайшей жатвы. Мы добыли себе этим способом еще 1.925 мешков овса. Мы оставили за собой право установить ему цену, когда мы вернемся в Мец. Мы займемся этим делом и пустим в обращение некоторые из наших ассигнаций

в городе, который не видел их еще, кроме тех, что Калонн фабриковал в его стенах.

Все наши операции были закончены 12-го, и войска Республики покинули свои позиции, лишь когда их присутствие стало бесполезным и без того, чтобы неприятель смел вновь появиться.

Мы прибыли в тот же день в Лонгви. Первым делом мы направились в военные госпитали. Мы повидали там наших братьев. Несмотря на все рвение, проявленное жителями Лонгви, поспешившими к ним на помощь, у них оказался недостаток во многих предметах, которые они имели право для себя желать. Соседние департаменты, осведомленные о недостатке врачебного персонала, поспешили прислать его нам. Мы с восторгом встретили их рвение и воспользовались предложенной ими услугой. Этим способом мы обеспечили всем нашим храбрым братьям более приличный уход.

Мы посетили укрепления Лонгви и его провиантские склады. Мы сообщили Комитету общественного спасения наши наблюдения по этому поводу. А здесь мы коротко скажем вам, что отчет, который мы имеем ему представить, выражает наше удовлетворение виденным.

Левассер (Мёрта), Субрани, Менье.

76. Конвенту

Народные представители в
армии Брестского побережья.
Лорьян, 21 июня 1793 г.

Граждане коллеги!

Севестр, которого мы отрядили к вам для осведомления вас о том, что происходит в пяти департаментах бывшей Бретани, без сомнения, не упустит ни одной из деталей, могущих вас познакомиться с тем, какое отношение вызвали здесь к себе дни 31-е мая, 1-е и 2-е июня.

Со всех сторон стали призывать к оружию, чтобы итти, как говорили, освободить Конвент от того гнета, под которым, как полагают, он стонет; вероломные депутаты раздули в нескольких из этих департаментов костер гражданской войны; поднялись департаментские силы, которые движутся на Париж; в Бресте были

отданы приказы о том, чтобы подвергнуть аресту Севестра и Кавеньяка.

Несомненно, лишь мудрой предусмотрительности Лорьянского муниципалитета обязаны своей свободой, которой пользуются и доныне как Кавеньяк, так и его коллеги Мерлен и Жилле.

Такое положение, крайне тягостное для нас, не мешает нам выполнять наши обязанности и заставлять уважать национальное представительство.

Злонамеренные люди постарались воспользоваться дурным настроением умов в отношении нас; но мы уже испытываем возврат доверия.

Власти в Панте, которые сперва, казалось, отделялись от нас, настоятельно зовут нас в свой город, где всего несколько дней тому назад было решено нас арестовать.

Вам следует надеяться, граждане коллеги, что опасности, теснящие нас со всех сторон, заставят умолкнуть ненависть и партийный дух, разъединяющие в настоящий момент граждан, и что принятые некоторыми департаментами крайние меры превратятся в средства обороны против общих врагов. Поспешите с завершением конституции¹⁾, и все будет спасено.

Есть и другая мера, граждане коллеги, которую мы считаем способной объединить все умы.

Все граждане, которых вооружили для похода на Париж, по имеющимся у нас сведениям, вполне благонамеренны; их мнение в настоящий момент основано лишь на ложных или преувеличенных донесениях: они убеждены, что представители нации поработены и будут издавать декреты лишь по желанию парижской коммуны.

Нужно же их разубедить, доказать им, что они были обмануты. Если бы мы были в недрах Национального Конвента, мы предложили бы ему декретировать, что провозглашение республиканской федерации, назначенное на 10-е августа, будет иметь место 14-го июля. Таким способом она превратила бы в гражданский и братский праздник то, что по мысли врагов Республики должно было быть войной департаментов против Парижа.

И опасности, которые могут получиться от расхождения мнения департаментов по поводу последних событий²⁾, были бы навсегда устранены.

Завтра мы отправляемся в Нант. Мы не ждали приглашения местных властей, чтобы решиться туда отправиться, и уже получили об этом известие; мы должны были забыть наши личные опасности, думая лишь о тех, которые обрушиваются на эту часть Республики.

Наш отъезд был отсрочен лишь вследствие необходимости посетить наш Порт Свободы, найденный нами в очень хорошем состоянии, и упорядочить несколько важных дел.

Мерлен, Жилле, Кавеньяк.

77. Комитету общественного спасения

Народные представители
в Шарантском и Нижне-
Шарантском департаментах.
Сент, 25 июня 1793 г.

Граждане коллеги!

Мы получили ваше письмо от 3 сего месяца, которым вы предлагаете нам вернуться на наш пост, чтобы поддержать там общественный дух и предохранить наши департаменты от набега мятежников.

Мы весьма чувствительны к выраженному вами нам доверию; заслужить его является предметом наших желаний, ибо мы убеждены, что это единственное средство делать хорошее дело.

Вы, без сомнения, с удовольствием узнаете, что, как ни близки мы от восставших местностей, та местность, где мы имеем наиболее прочную оседлость, совсем и не думает опасаться успеха мятежников, так как последняя, только что совершившаяся продажа национальных имуществ по энтузиазму превзошла в полтора раза предшествующие продажи. Эти имуществы, оцененные в 80.000 ливров, были проданы за 200.000 ливров, и, хотя продажа эмигрантских имуществ и не была объявлена официально, Сентский округ распорядился сделать публикацию о продаже нескольких домов, и, конечно, мы не упустим случая надбавить цены, если увидим, что граждан можно подхлестнуть.

Этот самый округ уже сформировал 110 человек по набору

кавалерии. хотя он дал почти двойное, в сравнении с требуемым с него, количество пехоты и сильную армию в Вандею. Есть много мест, относительно которых Конвент постановил, что они заслужили особую признательность отечества, между тем как они не имеют столько прав на такой декрет, как Сентский округ. Мы поручаем вам исходатайствовать такой же декрет для этого округа, который заслуживает его по вполне справедливым основаниям и с тем большим правом, что он является единственным в департаменте, который уплатил по всем податным спискам 1792 года.

Настроение Народных Обществ превосходно. Они уже устраивают прения или, вернее, готовятся принять с признательностью драгоценный дар конституции, принципы которой, ее краткость и ясность нравятся всем гражданам; но настала пора появиться на свет этому произведению во славу Конвента и внутреннего мира. Не нравится многим лишь статья, сохраняющая кассационный трибунал, существование которого сохранило жизнь многим злодеям, битком набито тюрьмы и погубило множество несчастных; ибо здесь мы вынуждены были занять национальный дом для устройства в нем арестного дома, так как старый был заражен прилипчивыми болезнями настолько, что трибуналы были вынуждены покинуть место своих заседаний: таким образом мы предполагаем, что эта статья сможет причинить много затруднений.

Мы стараемся сгладить те из них, с которыми здесь возможно справиться, имея в виду, что законодательство сделает невозможным обращение к этому трибуналу по мотивам явно ничтожного значения.

Департамент Жиронды горячо настаивал на том, чтобы наш департамент послал комиссаров в Бурж с вооруженной силой; но он имел благоразумие пренебречь этим анархистским предложением и сохранить уважение к закону.

Мы только что взяли от 5 до 6 тысяч ливров у Республики на покупку 400 кожаных штанов для кавалерии. Мы не могли их найти дешевле, чем за 42 ливра; мы решили послать комиссара в Ниор, где произведена была сдача этого подряда с торгов, которая дала нам их по 21 ливр 10 су, как вы это усмотрите из копии препровождаемого нами вам акта торгов. Мы намерены послать в Бордо за седлами и другой конской сбруей; о, если бы мы могли быть и в этом деле столь же счастливы!

Мы препровождаем вам копию ведомости, доставленной нам содержанием литейных мастерских в Риелль; мы можем поручиться вам за верность ее данных и мы обязаны, по справедливости, присоединиться к этому предпринимателю в его обращенной к вам просьбе о предоставлении ему авансов и страховых; его доброе поведение и его усердная служба Республике дают ему права на ее признательность.

С братским приветом

Гимбершо, Бернар.

78. Конвенту

Один из народных представителей в департаментах Центра и Запада. Труа, 30 июня 1793 г.

Революция 31 мая разгорячила все сердца и окрылила все надежды. У управителей, у управляемых, у всех граждан Обского департамента одно и то же чувство. Конституция есть тот луч света, который поразили все умы; она сразу переменила на единодушный хор похвал и преданности *Gore* те справедливые жалобы, которые поднимались со всех сторон против Национального Конвента. Секции собрались сегодня утром; конституционный акт был прочитан среди продолжительных аплодисментов и самых трогательных пожеланий по адресу всех тех, кто содействовал созданию этого простого и величественного памятника демократии и нравственным принципам; был предложен и принят адрес с поздравлениями и выражением признательности. Народное Общество, весьма многочисленное и проникнутое отличным настроением, переменило свое имя «Друзей свободы» на имя «Друзей конституции». Нетрудно было при этом умилении всех душ сделать слышным голоса приветов отечеству и найти руки для его защиты. Едва стал известен предмет моей миссии, как организовалась добровольная подписка; администраторы и судьи открыли собою подписной лист, и большое число граждан, великодушных *санкюлотов*, поспешили последовать этому примеру. В немного дней мы бы легко создали батальон, если бы у нас не оказался недостаток в оружии. Все-

так вы можете серьезно рассчитывать на 400 храбрых защитников отечества, хорошо вооруженных и экипированных, и на весьма большое число занятых военным обучением. Уже 160 отправились для этой цели; все они поклялись вернуться к себе домой лишь искоренив вандейских бандитов. Их клятвам можно верить: это настоящие республиканцы, не умеющие отступать перед роялистами.

Я посылаю вам экземпляр прокламации, которую я распорядился расклеить для всеобщего сведения. Я не покину этого города, пока не будет сформирован и отправлен батальон; если трое других моих коллег будут иметь такой же успех в департаментах, где они в настоящее время находятся, у нас будет новая армия, вполне равноценная той, что теперь находится в Туре. Сопровождающий меня чрезвычайный делегат из Нанта обязуется сам обучить всех являющихся волонтеров, сформировать из них роту и позаботиться обо всем, что им нужно для их скорой отправки.

Фуше.

79. Комитету общественного спасения

Один из народных представителей в армии Ларошельского побережья. Ниор.
3 июля 1793 г.

Народные представители при Ниорской дивизии осведомляют вас настоящим письмом, граждане коллеги, о значительном успехе, — одержанном над мятежниками Вестерманном.

Бирон вызвал к себе генерала Бертье всего на одни сутки для того, чтобы скомбинировать вместе с ним свои дальнейшие операции, в соответствии с физическим и моральным состоянием частей армии. После этого совещания и при всех тех сведениях, которые я себе добыл, я надеюсь выполнить ваши предначертания и дать вам возможность составить мнение об истинном положении дел на этом театре войны. Она скоро может кончиться, если продолжать действовать согласованно и руководиться определенным методом в распоряжениях. Порядок и методичность, надежное оружие против врагов всякого рода, становятся необходимыми против

бандитов, не имеющих их вовсе. Точно так же я не могу считать чересчур настойчивым мое предложение вам об удалении из этой армии дезорганизаторов и их орудий и всего того, что может вызвать разлад среди ее вождей. Он, к несчастью, был здесь, так сказать, введен в систему, но это может быть исправлено. Остающиеся здесь наши коллеги, в общем, отличаются благоразумием; у них у всех хорошие взгляды, и вы правильно решили, отзывая тех, у кого другие взгляды. Бирон любит порядок; он имеет средства восстановить его своими собственными силами, раз ему не будут препятствовать; но чтобы он в этом успел, пусть министр, в соответствии с вашим постановлением, даст ему требуемых им помощников. Бирон несколько обидчив; он боится доносов; было бы существенно все-таки, что он не был обескуражен; есть целый ряд неудобств заменять его другим в данный момент.

Генерал Бирон был в затруднительном положении относительно двух бордоских батальонов, которые он давно уже удерживал при своей армии, несмотря на то, что шесть недель тому назад обязались отослать их назад. Он написал военному министру, чтобы иметь определенное решение на этот счет. Последний же прислал только предложение исполнительной власти этим батальонам, чтобы они оставались вполюг до того момента, как разделаются с мятежниками. Это предложение не произвело никакого эффекта, и бордосцы упорствуют в своем желании вернуться домой. Генерал не может взять на себя дать им дорожный пропуск. Наши коллеги решаются командировать одного из своей среды к этим батальонам постараться убедить их переменить свое решение, но почти наверняка они не добьются этого и в этом последнем случае они будут действовать так, чтобы предложить им по крайней мере сдать свое оружие. Они пишут также Матье и Трельяру в Бордо и требуют их замещения. Впрочем, вам следует хорошо знать, что это решение бордоских батальонов вовсе не является непосредственным результатом событий 31-го мая и 2-го июня; что оно было принято и обозначилось задолго до этого и что оно безусловно является следствием состава этого отряда. Он весь состоит из коммерсантов, могущих покинуть свое дело лишь на некоторое время. Их дела и коммерческая репутация были бы поставлены в неудобное положение вследствие более долгого отсутствия. Они все время уведомляли о своих планах и несколько раз приоста-

навливали их выполнение в виду угрожающих опасностей и по представлениям генералов. Эти батальоны все время отлично держались. Наконец, 2 июня, к этой армии прибыл еще один батальон из Бордо.

Дискуссия о бордоских батальонах дала мне случай говорить с Бироном о нашем положении в этом городе. Было засвидетельствовано и подтверждено мне, что состояние Бордо находится в меньшей зависимости от событий 2-го июня, чем от декрета о миллиардном займе. Мне сказали, что имеются положительные данные на этот счет, что и перед 31-ым мая в Бордо было то же самое настроение, как и в настоящий момент, что коммерсанты гораздо меньше держатся за таких-то или иных лиц, чем за свой карман; что, когда они будут спокойны на этот счет, они без затруднений выразят преданность конституции; но они могут стать беспокойным элементом по причине своей сметливости, своей энергии и единения между всеми крупными городами, движимыми одними и теми же мотивами.

Командующий армиями полагает, что Матьё и Трельяр будут с почетом приняты в Бордо, но что не захотят лишь начать с ними обсуждение дел, пока останется место тревоге за богатства и собственность. Они смотрят на заем, как на подлинное нарушение права собственности, так как, говорят они, предполагая даже прямое обеспечение его национальными имуществами, наши фонды, предназначенные для торговли, будут извлечены из нее, чтобы быть помещенными в земельные фонды. Они утверждают даже, что интересы торговли и вследствие этого интересы Республики противоречат этому займу у богатых. Поэтому санкюлоты, которые Бордо проявляет во всех своих шагах, стали пугаться и убеждены в том, что дело вашей мудрости взвесить все эти разнообразные соображения, за отсутствием определенного мнения по этому предмету. Я счел своею обязанностью передать вам их.

Гаспарен

80. Конвенту

Один из народных представителей в департаментах Центра и Запада. Тур, 4-го июня 1793 г., полночь.

Граждане коллеги!

Я прибыл в Ножан-ле-Ротру после того, как я закончил мою последнюю депешу. Я созвал собрание клуба Друзей Республики. Около 2.000 храбрых санкюлотов сошлись в данный момент в обширной зале. Патриотизм сверкал в их взорах. Моя речь, произнесенная среди них, произвела столь большой эффект, что я мог бы отвечать перед вами за набор от 2.000 до 3.000 человек в одном этом округе.

Отправляясь в это Народное Общество, я встретил несколько повозок с пленными, взятыми из христианской армии, которых перевозили из Лавала в Шартр. Их мрачная физиономия, их злоешие взгляды свидетельствовали о том, что может сделать с простыми людьми святотатственное плутовство священнослужителей Вельзевула.

Я рассчитывал найти в Ферте-Бернар, центральном пункте одного округа моего департамента, Народное Общество, но мне показались господствующей чертой этой коммуны пониженное настроение умов и злобное предубеждение против клубов.

В понедельник утром, прибыв в Манс, главный город Сартского департамента, я предложил президенту распорядиться созывом общего собрания административных учреждений. По их наущению был уже образован род конгресса, как и в департаменте Кот д'Орском. но с совершенно другими целями. Ненавистная система федерализма стала развиваться здесь с пагубной энергией. и, возможно, двумя днями позже, департамент этот свалился бы в пропасть, несмотря на благородные усилия Народного Общества. Уже его президент и многие из его членов были изгнаны, как анархисты и как бандиты. Уже были расклеены скандальные и вероломные прокламации. Уже работали над организацией чрезвычайного трибунала, подобного марсельскому. В горячей речи я разразился проклятиями, которыми должны были быть заклеены зародыши низвержения существующего строя. Я поддерживал

с энергией достоинство уполномоченного Конвента в столь критических обстоятельствах и, заставив почувствовать, что я мог метать гром и молнии, я перестал через несколько мгновений быть общественным деятелем, чтобы превратиться в брата, заклиная представителей местной власти спасти отечество, спасая себя самих. Я оспаривал все злобные предубеждения и доказал с фактами в руках, что последняя революция была спасительным делом. Я окончил торжественным вручением конституционного акта, священного палладиума, вокруг которого все партии должны сочетать свои чувства и свои обеты. Аудитория была огромная, мне ожиленно аллодировали. Представителей администрации нарочно судили с чрезмерной строгостью; они с горечью защищались. Я осторожно вел их к желанной для меня цели. В течение двадцати четырех часов заседания сердца были взволнованы во всех смыслах последовательной сменой драматических сцен. Храбрые санюлоты приняли меня как ангела-хранителя. Мне хотелось привести всех к примирению, в основе которого было бы торжество принципов и неделимое верховенство народа. Это было нелегкое предприятие. С той и другой стороны были ожесточены до того, что дело почти доходило до драки. Чувства злобы друг к другу являлись столь же застарелыми, как и по отношению к Национальному Конвенту. Все-таки, после того как почва для примирения была мною шаг за шагом отвоевана, сердца не могли дольше устоять против моих уговоров, и, лишь шадя их самолюбие, я добился от них самопожертвования. Подготовленная мною депутация клуба явилась и предложила собранию, пока я там присутствовал, забвение прошлого в торжественном единении. Сейчас же мы все отправились из залы департамента на городскую площадь, окруженные грандиозным cortejem и в предшествии военной музыки. Когда мы приблизились к Дереву Свободы, я произнес формулу братской клятвы, которая была повторена двадцатью тысячами душ, участвовавших в этой торжественной церемонии. Мы все поклялись в верности «единству и нераздельности Республики, проклиная федералистов и тиранов всякого рода», поклялись далее «в уважении к Национальному Конвенту, в единении, братстве, гармонии обетов и усилий против общего врага». Председатели каждого учреждения по-братски облобызались друг с другом, и мы все затем отправились в помещение Народного Общества, где

сердца окончательно слились воедино в излияниях республиканской искренности и взаимного великодушия. Этот день, граждане коллеги, будет лучшим днем моей жизни. Я был осыпан благословениями, полученными мною в качестве передаточного звена, чтобы отвезти их высшей власти, от которой проистекали мои полномочия. Женщины и даже дети обнимали меня своими невинными руками с радостью, которую мне невозможно вам передать. Аристократы и роялисты дрожали от этой величественной сцены, рывшей им могилу.

Эта развязка кризиса была необходима для главной цели моей миссии: она доставила мне два батальона пехоты и два эскадрона кавалерии для вандейской войны. Я настоял на проведении, в моем присутствии, всех тех мер, которые должны завершить их организацию в течение недели. При настоящих обстоятельствах необходимо добавочное вознаграждение новым волонтерам, чтобы они бросили свои теперешние, дорого стоящие для них, работы. Я сделал распоряжение отпускать им до конца войны, как национальную благодарность, вместе с 15 су в день на каждую нуждающуюся жену и по 10 су на каждого ребенка 1)...

Затруднение было в том, чтобы разыскать средства. Я потребовал от представителей власти применения меры департамента Эро, которая была дана им в качестве образца, подражавшего в свою очередь департаменту Сены и Уазы, который распорядился обложить все доходы, превышающие 1.500 ливров. Кто не жертвует жизнью во время общественных опасностей, должен по крайней мере жертвовать кошельком. Так как всегда следует подавать пример в таких случаях, я предложил отчислять до четверти и даже до трети моего депутатского жалованья, которое является почти единственным моим доходом. Таким способом были побеждены все препятствия.

Я хотел пользоваться лишь с крайней осторожностью той властью, которой вы меня снабдили, и которая столь страшна возможностью злоупотреблять ею. Я положил себе за правило отсылать в административные и судебные учреждения все поступившие ко мне жалобы. И только вследствие неоднократных настояний Народного Общества и в присутствии административных учреждений я предписал освободить одного гражданина, по имени Тольпо, заключенного в Мамерскую тюрьму за то, что он активно

выразил протест против мэра этого города, который открыто проповедывал федерализм и кроме того был уже виновен в том, что пропустил гнусный пасквиль, прилагаемый мною к этой депеше.

Прокурор-синдик того же самого Мамерского округа, по имени Бюзен, имел бесстыдство водрузить знамя бунта путем зажигательной прокламации против Национального Конвента. Кроме того, он позволил себе присутствовать на заседаниях Орнского департамента, где шла речь о санкционировании федерализма и о том, чтобы предложить присоединение Мамерского округа к этому департаменту.

Я предписал властям арестовать этого заговорщика и доставить его на суд Конвента. Мы проехали всю ночь, чтобы прибыть в Тур. Там я встретил моих коллег Шудье, Ришара, Талльена и Рюелля, с которыми, как и с генералом Мену, мы согласовали наше дальнейшее путешествие. В Сомюре имеется 18.000 людей, готовых подняться, как только Бирон укажет, куда им двинуться, согласуя их маршрут со своим.

Так как дела не терпят отлагательства, мы через час отправляемся с Кавеньяком, чтобы соединиться в Ниоре с генералом Бироном и настоять, чтобы он окончательно определил свой план кампании и согласно этому плану заставил действовать разом все отдельные войсковые части. Момент благоприятен и настойчиво этого требует. Многие тысячи бандитов ослабили христианскую армию, уйдя убирать свою жатву, но те, что остаются перед Нантом, могли бы взять с бою этот город, если к нему не подоспеет быстрая помощь.

Филиппо.

81. Конвенту

Один из народных представителей в департаментах Центра и Запада. Тур, 17-го июля 1793 г.

Граждане коллеги!

Хотя внешние признаки, во время нашего приезда в Верхне-Вьеннский департамент, не предвещали ничего благоприятного для

успеха нашей миссии, она удалась недурно. Директория, с которой мы прежде всего вели беседу, хотела нам показать, что невозможно получить какую бы ни было новую помощь. Мы потребовали торжественного собрания трех административных учреждений и там мы настолько успели разогреть и наэлектризовать застывшие сердца, что уже организуется отряд из 600 человек пехоты и кавалерии, чтобы двинуться в Тур. Чрезмерно высокая цена на съестные припасы требовала дополнительного им жалованья. Нужна была также помощь семьям бедных волонтеров. Я позаботился об удовлетворении этих двух нужд путем реквизиции из кошелька богачей, которые должны находить себя счастливыми, погому что они будут спокойно спать в своих домах, между тем как храбрые люди пойдут их защищать и спасти их собственность от грабежа. Всякий гражданин при общей опасности должен жертвовать своей собственной персоной или по крайней мере своим кошельком. Вся аудитория живо аплодировала этой мере. А то патриоты приносили бы все новые и новые жертвы на алтарь отечества, между тем как аристократы поднимали бы на смех их великодушное самоотвержение.

Способ реквизиции, касающийся всех карманов, избавляет от этих неудобств. Но насколько он драгоценен в смысле добывания денежных средств, настолько же он плох для цели формирования армии.

Я того мнения, что один батальон храбрых санкюлотов, вполне боеспособных, стоит больше, чем четыре принудительно набранных и сомнительных по своему настроению отряда. Вследствие этого я остановился на способе добровольной записи, наталкивать на который в округах пойдут пылкие проповедники.

В Эндрском департаменте, куда мы направились по выезде из Лиможа, общественный дух был не менее холоден и безмолвен. Мы зажгли его, и эта метаморфоза дала нам 800 человек как кавалерии, так и пехоты; но безусловно необходимо оружие. Общий крик о недостатке ружей. Все департаменты выбились из сил, чтобы вооружить свои первые батальоны, и у них хватает вооружения не больше, как на четверть их новых рекрутов. Шатору, в частности, жалуется, что у него нет ни одной пушки, хотя ему обещано шесть уже более двух месяцев. Ужасно, что главный город соседнего с театром войны департамента совсем не имеет

артиллерии, и что здесь нельзя было сформировать отряда артиллеристов.

Набор не является тем единственным делом, которым я занят. Мне представляется не менее существенным разоблачение всех козней злодейской шайки, желавшей расчленив Францию на федеративных началах, чтобы уничтожить Республику.

Жиронда распорядилась двинуть все свои ресурсы в Лимож и Шатору. Представители власти в этих местах оказались встревоженными и нерешительными. Произнесенные мною перед ними монтаньярские речи настолько их убедили, что они постановили их напечатать, чтобы у общественного мнения установился твердый взгляд на великие события 31-го мая и 2-го июня.

Находясь в Шатору, 14-го, я хотел, не как законодатель, но как частица державного народа, осуществить свое неоценимое право, высказывая свое мнение о конституции в секции Равенства, где я остановился. В три часа пополудни все граждане единодушно приняли этот возрождающий Францию договор, и я слышал крики по всем улицам: «Да здравствуют неподкупные монтаньяры, спасители отечества!» Я желал, чтобы этот прекрасный день осветил, как в Мансе, примирение представителей власти с Народным Обществом. Мы все пошли по городу, в полном составе, посреди грандиозной процессии, благословлявшей законодателей Горы.

Здесь оказался епископ, выплата жалованья которому была приостановлена уже несколько месяцев тому назад за опубликование некорректного послания против закона о разводе. Это старый церковник, уважаемый народом за свой патриотизм и за свои добродетели. Я поднялся на кафедру, и ссылками на евангелие и на отцов церкви мне удалось убедить этого доброго человека, что он действовал против самих принципов своей религии, смущая совесть верующих по такому «чисто гражданскому» предмету. Он обещал мне взять назад свое послание, и все получили такое удовлетворение, что когда я, в 11 часов вечера, стал садиться в экипаж для отъезда в Тур, все дамы-патриотки в Шатору, в большинстве прекрасные, как сама любовь, явились увенчать меня гражданским венком, способом столь же оригинальным, как и могущим привести сердце француза в восторг до самозабвения.

Я забыл вам сказать, граждане коллеги, что в Лиможе, отече-

стве Верньо и Горса ¹⁾, не испытывают больше ничего, кроме чувства ужаса по отношению к федералистам.

Закон о максимуме цен на зерно, который должен был оказаться благотворным, оказался пагубным вследствие разногласий среди местных властей насчет способа его выполнения. Здесь таксы были введены немедленно и в должной пропорции, там приостановили их введение на несколько недель, чтобы вычерпать запасы из департаментов, более добросовестно выполняющих свой долг; в других закрывали глаза на нарушение закона, который сами же общественные поставщики растоптали ногами. Затем, тот или иной департамент начисто приостановили фиксацию цен у себя, чтобы дать ход колебаниям цен при свободной торговле, между тем как верные принципам представители власти не хотели совершать узурпации прав законодательной власти и вследствие этого сделали управляемое ими население жертвами голода, столь ужасного в Лиможе и Гере, что хлеб там продается до 18 су за фунт, хотя он и черен, как печная труба. Пора, граждане коллеги, принять меры к прекращению такого бедствия; к счастью, его скоро должна смягчить новая уборка хлеба.

Другой предмет, на который очень обращаем внимание,—то общее проклятие, которое раздается против Лейгонье и Беррюэ, обвиняемых повсюду, где мы проезжали, в том, что они были палачами 30 или 40 тыс. наших братьев, что они все время жаждали помешать нашим успехам, чтобы затянуть войну, что они изменяли и предавали нас во всех делах, где они командовали; по всем законным основаниям они должны были сложить свои головы на плахе. Их же преступления оказываются наоборот вознагражденными новыми высшими ступенями службы в армиях Юга, где они изменяют нам еще раз, если неприятель захочет их подкупить

Филиппо

P.S. Согласно письму из Нанта, полученному нами при выходе из экипажа, «господин Барбару» ²⁾ отправился в этот город для проповеди там бунта против центра единства Республики. Он простиер даже свое бесстыдство до того, что распорядился расклеить на улицах свои зажигательные пасквили. Чтобы прибыть в этот город, ему необходимо было проехать через лагерь роя-

листской армии, которая, без сомнения, дала ему пропуск. Этот анекдот может дать объяснение и вернонскому случаю, где два вышеназванных вандейских злодея ³⁾ по симпатии были включены в состав Кальвадосской армии. То же самое письмо, источник которого совершенно не внушает подозрений, осведомляет нас о том, что спустя несколько дней после появления синьора Барбару бандиты отправили депутацию к городу Нанту с предложением ему делать общее дело с ними и идти всем вместе с Кальвадосской и Южной армиями на парижан.

Мы ждем в Тур наших коллег, которые должны присутствовать на этом общем свидании. Если у них будут такие же хорошие успехи, как и у нас, через месяц мы будем обладать под стенами Тура новой армией от 20 до 30 тыс. человек. Первый раз после отъезда из Парижа мы спали эту ночь.

Я не знаю, что стало с моими предшествующими депешами из Версаля, Шартра, Мана, Пуатье, Ангулема и Лиможа, о которых я не слышу никаких разговоров, хотя они и содержат весьма важные вещи.

82. Национальному Конвенту

Один из народных представителей в Рейнской армии.
Ландау, 20 июля 1793 г.

Граждане коллеги!

С чувством самого сладостного удовлетворения я даю вам отчет о памятном навеки горжестве, имевшем место 14-го числа сего месяца в Рейнской армии. Я уведомил гражданина генерала Богарне, что я отправлюсь в армию для объявления ей новой конституции. Армия была выстроена в боевом порядке перед лагерем, я был встречен со всеми теми знаками любви, какие может дать свободный народ своим представителям. После подготовки энергичной речью я прочел текст конституции. Внезапно, при звуках общего залпа, поднялся единодушный крик о том, что все клянутся защищать ее до самой своей смерти. Я обошел ряды и повсюду заметил живейшую и чрезвычайно яркую радость. Крики:

«Да здравствует Республика, Конституция и Национальный Конвент!» были повторены тысячу раз с чистым и подлинным энтузиазмом наших братьев санкюлотов. Но они были почти заглушены другими криками: «На Майнц, на Майнц, идем освобождать наших братьев!» Я обещаю нашим храбрым воинам, что пройдет немного времени, и их желание будет исполнено, и что я разделю их труды и их славу.

Я не могу долее обойтись без того, чтобы не дать перед вами самой лучшей аттестации генералу Богарне, которого в самой высокой степени ценит и которому так же доверяет его армия; эти его заслуги усугубляются его военными талантами и его испытанным патриотизмом.

Национальный Конвент может быть спокоен за судьбу наших храбрых братьев, запертых в Майнце. Вчерашний день, о котором генерал дает вам отчет в своем письме, является счастливым началом для того, чтобы проложить путь к их освобождению.

Генерал Кларк, начальник штаба армии, назначенный временно на этот пост моими коллегами, отличился в этот день своей энергией. Настоятельно нужно, чтобы Национальный Конвент утвердил это временное назначение, чтобы обеспечить служебную годность и судьбу этой армии.

Я присоединяю к данному донесению выдержку из газеты Рейнской армии от 14-го июля. Через несколько дней я представлю вам детальный доклад об организации Ландауского округа. Мой коллега Рюан и я объезжаем батальоны и воспламеняем мужеством наших храбрых братьев по оружию. Я смею надеяться, что, судя по их пылу, мы скоро сможем сообщить вам новость об освобождении Майнца.

Представитель народа при Рейнской армии и для организации Ландауского округа

Дентцель.

83. Конвенту

Народные представители
в Мозельской армии. Мец,
23 июля 1793 г.

Финансовый Комитет сообщает нам в своем письме, с которого мы посылаем вам копию¹⁾, что он донес бы вам о великом преступлении, если бы он поддался первому испытанному им душевному движению по этому поводу. Мы обладаем большим мужеством, чем он; и мы готовы довести до вашего сведения о преступлении и о преступниках. 80.000 человек движутся на Майнц. Они идут освободить своих братьев и очистить эту границу, они бесспорно идут спасать Республику.

Аристократия не могла ничего противопоставить этому столь кипучему мужеству. Оно должно было опрокинуть все ее расчеты. И что же? Тогда повели агаку на продовольственные средства этих борцов, и их удалось довести до такого состояния крайней скудости, что вчера была нехватка пятидесяти шести тысяч рационов.

Уже с месяц как мы взываем о помощи, но сталкиваемся лишь с глухими или злонамеренными людьми.

Предоставленные исключительно самим себе, мы пожертвовали, нужно сказать это, всем, что было лично у нас. Мы видели перед собою лишь армию; желание спасти ее заставило нас пренебречь всякой ответственностью. Мы не могли и в мыслях допустить, чтобы был еще более достойный внимания случай, еще более повелительная нужда для того, чтобы открыть общественную казну с целью извлечения оттуда звонкой монеты, единственное средство приобрести зерно за границей. Вот каково преступление, виновных вы знаете: выскажитесь по поводу этого, но подумайте о том, что одно слово, если оно не вытекает из самых зрелых размышлений, может убить общественное дело.

Жантиль (Монбланский), Менье.

84. Конвенту

Народные представители в
Альпийской армии. Ницца,
26 июля 1793 г.

Граждане коллеги!

Мы снова рискуем этим письмом, хотя уже около двух месяцев мы имеем печальную уверенность в том, что все те письма, которые мы вам писали и которые, возможно, предупредили бы наступление великих бедствий, были перехвачены или департаментом устьев Роны, или же департаментом Нижних Альп. С тех пор мы как бы в 6.000 миль расстояния от Национального Конвента и не знаем, существует ли он еще. Никакие бюллетени, никакие газеты не пробивают к нам.

Нам неизвестны меры, которые должны быть приняты Комитетом общественного спасения, чтобы потушить бунт объединившихся друг с другом департаментов. В довершение отчаяния, Тулон только что отрекся от тех принципов, которые он до сих пор исповедывал с такой энергией. Наши коллеги, Пьер Байль и Зове, отправившиеся туда по различным делам их миссии, попали там в тюрьму. Там организованы секции и центральный комитет. Эта перемена была произведена эмиссарами марсельской клики, которые проникли внутрь его стен и, объединившись с флотскими офицерами и местными буржуа, совершили контр-революцию. На клуб навели два артиллерийских орудия, с приказом стрелять во всех его членов, которые вздумали бы появиться. Тревогу бьют днем и ночью. Все обольщенные отряды войск держатся наготове; бросили в тюрьмы самых горячих защитников свободы. Марсельские патриоты, в числе более 500, укрывшиеся в Тулон и Варский департамент, как на гостеприимную территорию, чтобы ускользнуть от преследований и эшафота, самым недостоинным образом преданы в руки их палачей и отведены закованными в Марсель. Было вызвано ужасное недоверие к ассигнациям и крайнее вздорожание местных припасов, чтобы использовать недовольство рабочих арсенала, которых от 5 до 6 тысяч; и это все тулонские санкюоты; им мы, согласно представленной ими петиции, почти два месяца

тому назад, в течение немногих дней пребывания нашего в этом городе, повысили вдвое, в ассигнациях, плату за их рабочий день. Но их стали подстрекать исподтишка к тому, чтобы они требовали звонкой монеты. Таким образом нас поставили между законом и народным ропотом. Вы знаете, дорогие коллеги из партии Горы, эту изменную тактику, это обоюдоострое оружие, употребляемое с таким успехом против многих среди вас. В те времена Тулон отличался своим патриотизмом: клуб разразился мужественными обращениями против марсельских агитаторов, но мы держались твердо и отказались, сообразуясь с законом, установить плату по желанию, звонкой монетой, вполне убежденные в том, что, если бы мы допустили эту снисходительность или, скорее, эту слабость, то не преминули бы возбудить под рукой Италийскую армию к предъявлению тех же самых претензий.

Но тут то нас и подстерегали богачи, буржуазная знать, дворяне, флотские офицеры, а может быть и англичане (ибо они в настоящий момент перед Тулоном); они вдруг заплатили три четверти заработной платы рабочим звонкой монетой, а остальную четверть ассигнациями, таким манером, что когда все было подготовлено для контр-революции, то портовые рабочие, далекие от того, чтобы ей противиться, были первыми, кто поздравил себя со столь счастливой переменой и приложил к этому делу свою руку. В этом перекуганном городе сейчас же возник, по примеру марсельского, кровавый трибунал. В несколько дней должны быть гильотинированы 18 благороднейших патриотов. Уже пала под смертоносным ножом голова одного из лучших патриотов Тулона, гражданина Севестра, одного из основателей клуба: голова гражданина Жалло Бартелеми, президента уголовного трибунала Варского департамента, обречена на то же наказание. Он был выставлен не так давно на два часа на большой площади, напоказ всему народу, который, будучи обманут и разгорячен самой наглой клеветой, громогласно требовал его смерти. Секции обещали, как бы из милости, что его будут судить. Другой Бартелеми уже ранее был умерщвлен в Марсели за дело свободы.

Не следует упускать из виду, что эти гнусные фельяны ¹⁾ следуют и здесь тем же путем, что в Лионе и в Марсели; они беспрестанно говорят об единстве и нераздельности Республики, о личной безопасности граждан и об уважении к собственности;

и они грабят, связывают по рукам и по ногам и наносят удары кинжалом на глазах у этого же самого народа, печальной игрушки заблуждения и интриги. Вы знаете еще, что в момент, когда образовались секции, был торжественный праздник, в котором приняли участие все офицеры эскадры. Командовавший ею контр-адмирал Трогов дал сигнал поднять все вымпела, и все корабли эскадры, по примеру адмиральского корабля, поснешили воздать почести неограниченной власти секций многочисленными артиллерийскими выстрелами; и он же самый, во время сделанного нами смотра эскадре, притворялся, что ему не приходится оказывать каких-либо почестей национальному представительству, под тем предлогом, что закон или постановление Исполнительного Совета строго запрещает салюты на море кому бы то ни было, в виду необходимости беречь наш порох. Если бы Людовик XVII появился на рейде, или старый губернатор, или старый интендант ²⁾ бывшего Прованса, мы предоставляем вам поразмыслить, испытывал ли бы господин граф Трогов те же самые затруднения. Мы вам отмечаем его как одного из вождей контр-революции и мы доносим о нем вашему Комитету общественного спасения по поводу других фактов и обстоятельств, столь же тяжких, как и его сообщничество с вожаками тулонских секций.

Нет тех оскорблений, которых не заставили бы претерпеть наших коллег Пьера Байля и Бове, сильно подчеркивая вместе с тем свое уважение к ним. К ним пошли и взяли их с собой торжественно провели их со свечей в руке в соборную церковь для присутствия при парадной обедне и пении «Тебе бога хвалим» в знак радости, что начали свою деятельность секции; затем; забавлялись проваживанием их из одних секций в другие. Там они хотели представить конституционный акт, гарантируя его подлинность. На это ответили, что Тулон не получил его официальным путем от министра юстиции, и неуместно решать вопрос об этом, а между тем наперед были приняты все предупредительные меры, чтобы перехватить в Эксе эту самую конституцию. С тех пор мы узнали, что Пьер Байль и Бове содержатся отдельно и в секрете в тюремных помещениях дворца, вокруг которого помещена многочисленная стража с пушкой. Против них, как говорили, начат чудовищный процесс, и из Марсели доставили лжесвидетелей против Пьера Байля. Их переписка с Конвентом,

перехваченная в Эксе, была вменена им в преступление, и опасаются, как бы они не были осуждены на смерть.

Письмо от 27 июля передаст вам подробности того риска, которого мы избегли; изложение этого мы сделали отдельно, чтобы не перемешивать его с другими предметами.

С тех пор как мы вернулись в Ниццу, среди тысячи опасностей, мы приняли решительные меры. Не зная никаких декретов, мы соображались лишь с обстоятельствами.

1) Мы приняли постановление об отпуске солдатам, измученным жарким климатом и жгучей жаждой, по полторы кружки вина в неделю. Этому постановлению предшествовало другое, увеличивавшее на 2 су солдатское жалование. Оба они отпечатаны, и вы сами посудите о тех поведительных мотивах, которые руководили нами; нас побудили на это и другие мотивы, не менее категорически, о которых мы сообщаем Комитету общественного спасения.

2) Мы написали прилагаемое при сем в печатном виде письмо генералу Брюне, чтобы ознакомить армию с только что совершившимся посягательством. Оно произвело чрезвычайно хороший эффект. Мы наводнили экземплярами этого письма департаменты Варский и Устьев Роны.

3) Мы предписали всей жандармерии департаментов Варского, Устьев Роны и Нижних Альп немедленно отправиться в Италийскую армию с прекращением выдачи ей жалования в случае ее неповиновения. К нам уже прибыли 8 бригад из Вара, и вся жандармерия Нижних Альп идет на соединение с нами; мы ожидаем ее здесь 13-го текущего месяца.

4) Мы предписали каждому окружному приемщику податей, каждому коммунальному их сборщику, всякому кассиру и плательщику податей вносить их кассовую наличность и их податные оклады в кассу главного казначея Италийской армии в Ницце. Уже, согласно нашему постановлению, приемщик названного Варского департамента объявляет нам об отправке им суммы в 100.000 ливров, а приемщик из Драгиньяна пишет нам, что готов последовать его примеру. Эта мера была тем более настоятельна, что в кассе имеется более 8 миллионов, предназначенных для Италийской армии, которые задерживают у себя тулонцы. Они только что согласились на присылку трех миллионов, по просьбе генерала Брюне, и обещают пропустить и остальные, если им разрешат

свободное распоряжение кассами округа. Хитрость оказывается незамысловатой, а именно, чтобы не отдавать и сохранить для себя те и другие суммы.

5) Мы запретили под страхом самого сурового наказания находящемуся в Тулоне казначею Италийской армии исполнять какое бы то ни было требование касательно денежных фондов, которое было бы ему предъявлено секциями или Центральным Комитетом, и заявили ему, что нация, в случае его неповиновения, заберет все его имущество.

6) Мы узнали, что контр-адмирал Трогов, совсем снявший маску, зная, что мы благополучно ускользнули, отдал приказ коменданту Виллафранкской станции не выполнять ничьих требований, кроме его, и приказал ему немедленно отправить в Тулон находившиеся здесь суда³⁾. Мы великолепно видели, что он хочет отнять у нас все наши ресурсы для обеспечения отправок и для охраны почтовых сношений с Генуей, равно как и нашей торговли на берегу. Поэтому мы наложили запрещение на выход всех этих судов из гавани, запретив капитанам выполнять приказы адмирала Трогова; и ни одно купеческое судно не выходит из гаваней Ниццы, Виллафранки или Монако без нашего разрешения. Мы объявили те же самые приказы и запреты двум французским фрегатам, находящимся в генуезском порту, и гражданин Тилли, наш поверенный в делах в Генуе, написал нам, чтобы уверить нас в их повиновении. Таким образом море не является для нас совершенно закрытым, как того хотел изменник Трогов, и мы можем установить крейсеровку судов для сигнализации нам о появлении неприятельских эскадр. Это непрерывно производится днем и ночью с величайшей точностью. По крайней мере мы не будем застигнуты врасплох. Можно предполагать, что с того времени, как писал Трогов, когда английская и испанская флотилии находились перед Тулоном в числе 84-х парусов, он не имел другого намерения, как чтобы эти его суда попали во власть неприятелей, в ожидании того дня, как он им предаст весь наш флот. Вот сколько судов мы спасли для Республики, независимо от сохранения в неприкосновенности нашей торговли и наших сношений с Генуей.

7) Мы написали тулонским секциям прилагаемое при сем в печатном виде письмо, 4.000 экземпляров которого мы велели

изготовить в виде плакатов и распространили его в армии, потребовали от округов расклеить их во всех общинах Мы приняли постановление, предписывающее округам оказывать покровительство проезду как наших курьеров, так и курьеров Конвента

8) Мы велели напечатать с неизмерной тщательностью 6 000 экземпляров конституционного акта по экземпляру посланному официально в Авиньон и доложенному в Ницце депутатами, посланными на этот предмет в этот город административной департамента Приморских Альп Мы направили их генералу Брюне с письмом, чтобы конституция была объявлена в приказе по армии Мы не имеем еще официального известия о том, что Итальянская армия приняла конституционный акт, так как есть много отрядов не выходящих из боя которым не было еще возможности дать его прочесть но мы уверены что огромное большинство армии уже высказалось в пользу конституции, и мы можем гарантировать Национальному Конвенту, что в армии одно лишь единодушное желание на этот счет Мы уже вызвали движение в городе. Департамент Приморских Альп, спустя три дня после нашего прибытия, созвал первичные собрания, и конституция была принята Это спешное принятие уничтожило все проекты организаций постоянных сессий, в Тулоне и Марсели. Затем мы сбывали во многих батальонах, велели соорудить гарнизон, всюду мы произносили аналогичные речи и всюду были свидетелями энтузиазма, который возбуждал во всех сердцах этот благодетельный акт Национального Конвента Стреляли из пушки, город был иллюминирован, танцевали фарандолу⁴⁾, и мы присутствовали на гражданских банкетах вместе с нашими братьями по оружию, где неоднократно раздавались тысячеголосые клики «Да здравствует Национальный Конвент!» «Да здравствует «Гора!» «Да здравствуют наши представители!» «Да здравствует конституция 24 июня 1793 г!»

Сильно воодушевленные этим, мы направили 900 экземпляров конституционного акта представителям власти 9-и округов Варского департамента, который Тулон хотел вовлечь в бунт Наши требования, прокламации, соседство армии, пример Ниццы произвели такой эффект что из 9-и округов, составляющих Варский департамент, 6 приняли конституционный акт, а именно округа Грасс, Грегюс, Сен-Поль-дю-Вар Бриньоль, Сен-Максимен и Драгиньян Остаются округа Баржоль (город безусловно контр-революционный

организовавший свои секции еще до Тулона), Иер и Тулон, но мы еще надеемся загнать контр-революционные Тулон всецело в ограду его стен

Твердой рукой мы удержали Варский департамент готовый свалиться в пропасть гражданской войны, и нам удалось благодаря силе и энергии развернутых нами мероприятий оторвать 6 округов от департаментской коалиции. Мы прекрасно поняли, что конституция является той палицей, которая должна сокрушить заговорщиков

9) Изотировав таким образом Тулон, мы повели прямую атаку на администрацию Варского департамента, объявили не имеющими силы все его постановления и предписали ему перебраться в Грасс, чтобы освободить его из-под давления шайки (заговорщиков) Так как оказалось всего несколько представителей администрации, выказавших повиновение, мы готовы сами занять места в администрации этого департамента и приступить к занятиям в этой должности Это постановление вообще доставило удовольствие большинству округов, которым было приятно вырваться из-под тирании Тулона

Для успеха всех этих мероприятий было бесполезно показывать наличность некоторых военных сил для сдержки эгоумышленников Поэтому мы сговорились с командующим Итальянской армией о продвижении до Антио *) двух батальонов волонтеров со 100 драгунами, рассчитываем увеличить эти силы в немного дней и произвести операцию нашего соединения с генералом Карто оно будет произведено, когда вы получите это письмо, Марсель покорна, Тулон, уже покоренный почти всеми своими округами, падет сию собою и мы не сомневаемся, что порядок будет восстановлен до конца месяца

Приняты серьезные меры, и они будут иметь решающее значение Свободно принявшие конституцию и поклявшиеся в верности Национальному Конвенту округа сейчас заинтересованы в поддержке и той, и другого, и мы рассчитываем при первом же ударе призывного колокола на изрядное количество защитников свободы Мы только что произвели мобилизацию всех национальных гвардейцев департамента, в особенности в принявших конституцию округах Уже приведена в движение и каждая значительная деревня Боссе, расположенный в 4-х милях от Тулона, по

дороге из Марсели, только что прислал нам 500 хорошо вооруженных людей с 2 орудиями. Тулон послал к ним комиссаров, чтобы двинуть их на помощь марсельцам, а в случае их отказа разоружить их; в ответ на это они взялись за оружие и, обняв жен и детей, форсированным маршем, идя день и ночь, прибыли к представителям народа. Нужно заметить, что Боссе расположен между Тулоном и Марселем, следовательно между двух огней, и эти храбрые граждане деревни, уже заставлявшие трепетать Тулон во многих обстоятельствах, отдают себя делу свободы, уверенные, что они жертвуют своими женами, детьми и собственностью. Нет ничего прекраснее этого поступка и этого жеста как в древней, так и в новой истории. Они горят желанием покарать за те избиения, театром которых являются Тулон и Марсель. Мы вынуждены умерять их пылкое нетерпение. Чтобы не ослаблять Итальянской армии и сохранить за ней навсегда обладание позициями, которые она занимает в горах, и в то же самое время чтобы использовать большое число патриотов, подвергнутых гонениям в Тулоне и Марсели, и явившихся в Ниццу под нашу защиту,— мы сформировали легион санкюлотов, защитников конституции 1793 г. Несчастные патриоты сбегаются массами, для них имеется сборный пункт: уже организованы две роты, и мы не сомневаемся, что этот легион окажется ядром значительной армии, предназначенной сражаться с внутренним врагом, не уменьшая тем самым численности Итальянской армии, которая все время будет держать в должном почтении пьемонтцев.

Наша прокламация о сформировании этого легиона напечатана и расклеена в изобилии по всем коммунам Варского департамента за исключением 3-х соединившихся против нас округов.

Вот, граждане коллеги, беглая картина наших операций. Вот что сделали в неделю, среди тысячи препятствий, среди тысячи клеветнических выпадов, среди тысячи предательских ударов, два представителя народа, лишенные помощи четырех своих коллег, предоставленные самим себе, полагаясь только на свои ресурсы, только на свою энергию. Мы только и смотрим за тем, как поддерживать конституцию, как потушить бунт и отомстить за души наших братьев; или мы погибнем под стенами Тулона и Марсели, или же Юг будет спасен!

Мы посылаем вам все документы мятежа, какие только напе-

чатаны Тулоном. Этот город окончательно разнуздан, английские парламентарии ежечасно появляются на рейде, дана клятва не признавать больше Национального Конвента, трибунал нагромождает жертвы на жертвы. Бартелем был гильотинирован сегодня, 5-го августа; изрядное количество других готовы сопровождать его тень. Наглость и гнет доходят до крайнего предела.

Мы отправляемся.

Представители народа при Итальянской армии

Поль Барра, Фрерон.

P.S. Мы посылаем все документы Комитету общественного спасения ⁶⁾.

85. Комитету общественного спасения

Народные представители в департаментах Эн и Уазы. Санлис, 7 августа 1793 г.

Граждане коллеги!

Мы продолжаем обрабатывать два департамента, куда вы нас командировали для вывоза оттуда съестных припасов и устранения для Парижа тех тревог, из которых злонамеренные люди извлекают столь большую выгоду.

Орудиями нашей работы являются прокламации, требования, постоянное наблюдение, чтобы обезвредить все враждебные подвохи. Чего только тут не было придумано для того, чтобы обойти закон 4-го мая *)! Фиктивная и вздутая стоимость транспорта, подарки, угощение вином при торговых сделках, все это постоянно пускалось в ход, и об этом ни разу не донесли Конвенту. Закон повсюду дал бы хорошие результаты, если бы обходы его не были открыто терпимы. На закон жалуется не народная масса, а барышники.

Было бы настоятельно, необходимо избежать этих зол при предстоящей жатве, и вы хорошо сделаете, если предложите таксы как на муку, так и на зерно. Слишком поздно давать предписания

^{*)} О максимуме цен *Пр. пер.*

об учете урожая на самом поле, но по крайней мере следовало бы предписать декретом произвести это без замедления: ведь хлеб покушается уже в снопах. Было бы так же хорошо обязать всех тех, кто держит в аренде имения эмигрантов, платить арендные взносы натурой.

Мы доносили вам о махинациях, произведенных для того, чтобы помешать жнецам работать, так же как и об опасности предоставления земледельцам свободы скармливать хлеб лошадям или домашнему скоту; а это произойдет, когда они высчитают максимум цен на фураж. Нельзя слишком поспешно декретировать все эти предосторожности и безопасности. Мы приняли все те меры, которые зависели от нас. Хлеб и фураж были реквизированы в обоих департаментах только для Парижа и Северных армий, но и только, так как мы не могли обеспечить цены на все другое.

Приказы земледельцам, чтобы они объявили, что у них имеется. Приказы им же об уборке неубранного хлеба, чтобы могла состояться продажа, и хлеб быстро был бы отправлен в дорогу, прокламации, уговоры, речи в Народных Обществах, все это было пущено нами в ход, и мы надеемся на успех, поскольку он возможен; ибо, если, по правде говоря, не вполне истощены запасы старого хлеба, мы все-таки замечаем некоторое оскудение. относительно которого успокаивает нас блестящий новый урожай. Мы приняли также временно постановления относительно такс на муку: но мера эта должна быть общей; мы уполномочили представителей местной власти набрать за плату рабочие руки для уборки хлеба, ибо прежде всего нужно быть уверенным, что он будет в закромах. Мы установили также общий максимум для обоих департаментов. Наконец мы приняли все меры предосторожности, чтобы обман и злонамеренность не могли продолжать своих враждебных действий, ибо в этом отношении идет настоящая война.

Мы позаботились также о снабжении себя фуражем: увеличение кавалерии, присланной вами к Морванскому лесу, вызвало эту предусмотрительность, и нами производится реквизиция фуража. Мы с удовлетворением отметили, что округа Компьенский и Нуайонский им также снабжены довольно хорошо.

Вам стало известно, что проезд войск, ехавших на почтовых, был задержан на пять дней в Лане и Лаферсе. Имелись бы налицо крупные неудобства, если бы с точностью не согласовывали

переездов; во всем краю лошадей не было на местах; будучи взяты по наряду, они оставались пять дней без всякого дела в течение последней недели; это был самый разгар жатвы, и вы понимаете, насколько это могло быть вредным. А во всем остальном переезд войск совершился способом, обещавшим хороший успех в виду принятых вами мер. Войска были полны огня, и взятие Валансьена оказалось только лишним побуждением для их мужества. Существенно важно точно определить назначение гарнизона, вышедшего из Валансьена. Дороги покрыты волонтерами, приналежавшими к его составу. Мы дали приказы в Компьень, где их оказалось значительное число, о том, чтобы ухаживали за ранеными и удовлетворяли их нужды, и чтобы задержали их там до того момента, как декретом будет объявлено об их назначении. Мы стали со всей строгостью применять закон о паспортах, к которому было чересчур халатное отношение.

В частности, мы обратим ваше внимание на город Нуайон, ставший весьма важным пунктом. Вы знаете, что он примыкает к лесам, простирающимся до Монса, и что в окрестностях его имеется такое место, в котором возможно с небольшим количеством народа преградить судоходство по трем или четырем рекам. Это соображение, а также наблюдаемое нами в этом краю равнодушие к судьбам отечества вселили в нас живое беспокойство. Мы распределили работу так, чтобы надзор был поручен истинным патриотам. Множество мелких скандальных и антиреспубликанских сборищ в соседних общинах сделали для нас очевидным, что незаметно велась интрига. В особенности, это обнаружилось в общине Аттиши, где бывшим сеньером (помещиком) являлся некий Латремойль; его агент был арестован, отпущен на поруки в Компьень, что не мешало ему интриговать; мы распорядились отправить его в место заключения. Мы отправили также под арест некоего Кокена, сильно подозреваемого в переписке с подозрительными лицами и вместе с тем скомпрометированного распространением фальшивых ассигнаций, и скушника всевозможных съестных припасов в Нуайоне. Принятые нами принудительные меры дают материал, информация о котором будет послана Комитету общей безопасности Конвента. Мы написали Шарлье ¹⁾, чтобы Законодательный Комитет составил доклад об эмиграции вышеупомянутого Латремойля. Собственность нации на огромные владения

слишком долго остается неопределенной. Меры безопасности в отношении военнопленных казались нам необходимыми; они останутся интернированными. Граждане, взявшие их к себе работать, будут за них отвечать. В Суассоне имеется 4.000 ружей, которые легко было бы привести в состояние полной исправности, если бы были налицо несколько рабочих. В Суассоне обещано создание мастерской для этой цели, она избавила бы от перевозки (оружия) в Париж. Это не терпит отлагательства, займитесь этим делом сейчас же; мы усиленно предлагаем вам это. Мы должны были высказать свое суждение относительно некоторых частных случаев: служащие по конскому ремонту отказались пойти в караул или же позволить найти им заместителей в Компьене, говоря, что они несут военную службу. Надзор за лошадьми, по-нашему, вовсе не являлся такой службой, и мы решили, что они должны были или стать на караул, или же оплатить заместителей. Мы донесли на инспектора продовольствия Продовольственному Комитету, который вследствие этого привлек его к суду. В Компьене арестовали одно лицо, в котором был опознан многими свидетелями один из вожakov вандейских бандитов. Нам передали собранные о нем данные; если они в действительности таковы, каковыми нам их сообщили, то мы отправим этого человека на суд революционного трибунала. Общественное настроение в Компьене прекрасное. Граждане готовят празднество на 10 августа, которое будет поистине республиканским; там увидим воз со сброшенными с их тронов деревянными королями; у этих последних на спине будет корзина, а в корзине все подлежащие сожжению феодальные грамоты. Пвозка будет разукрашена всеми знаками феодального достоинства, и тираническая династия вся целиком будет сожжена у подножия Дерева Свободы. Пвозка будет сожжена также, ибо, говорят патриоты, она не может служить ни на что, провезя такой скверный товар. Предвкушается радость по поводу всего этого; и этот заготовленный костер, как кажется, служит предзнаменованием уничтожения навеки того бича, которому воздастся по заслугам.

Мы отправляемся в Бове.

С братским приветом

Колло д'Эрбуа, Изоре

86. Комитету общественного спасения

Народные представители в
Италийской армии. Со (Sault),
16 августа 1793 г.

Нам все еще не удалось добраться до места нашего назначения, несмотря на все наши усилия. Контр-революционеры Юга мешают ходу управления и заставляют страдать Италийскую армию, торозя или даже останавливая всякий к ней подвоз. Настоятельно необходимо принять все имеющиеся в вашем распоряжении меры чтобы избавить нацию от горсти бандитов, наносящих ей огромный вред теми препятствиями, которые они кладут нормальному отправлению дел. Мы с негодованием видим, что достаточно нескольких крамольников, чтобы стеснить действия великой нации, чье победоносное оружие стерло с лица земли войска тграниц. Республика была бы обесславлена, если бы она терпела дольше, чтобы три или четыре тысячи мятежников вносили смутление и ужас в сердца патриотов здешних мест и чтобы они каждодневно угнетали страхом мелкие поселки и деревни, занимаемые их отрядами и очищаемые почти сейчас же, как только они вынудят жителей накормить их и укрыть в течение двадцати четырех часов

Во имя Республики, граждане коллеги, не теряйте из виду марсельских мятежников; серьезно займитесь тем, чтобы их сократить, если не хотите допустить, чтобы здесь вспыхнула несчастная война. Сейчас, их еще очень легко уничтожить. Их воинство лишено дисциплины и мужества; они только и знают, что грабить и бежать. Их только что разбили в Кадене. Патриоты общины Пертюп, Тур д'Эг и некоторых других энергично поднялись и твердо решили прийти на помощь войскам Республики.

Существование мятежников ставит под вопрос общественное достояние. Ассигнации с большим трудом обращаются в местах, находящихся по соседству с этими мятежниками. Мы были свидетелями отказа принять их за предметы первой необходимости. У властей нет силы, чтобы заставить выполнять законы, касающиеся этого. Наконец, граждане коллеги, зло растет с каждым днем вследствие того состояния бездействия, в котором обретаеся

армия Республики, бок-о-бок с мятежниками и не имея возможности помешать внезапным набегам последних на патриотов, заточаемых ими в окопы.

Мы только что могли бегством спастись из рук этих злодеев, Мы два дня тому назад были в Маноске, где работали над единением умов, над тем, чтобы раскрыть людям глаза на их заблуждения и привязать сердца к Национальному Конвенту. Мы полагали, что имеем некоторый успех. Мы намеревались переправиться через Дюрансу и уже переехали один рукав, как вдруг два сопровождавших нас драгуна говорят нам, что они заметили на нашем пути вооруженных людей, взявших ружья на прицел. Мы решили вернуться, обрубив канаты у парома. Эта предосторожность оказалась излишней вследствие недоброжелательства маноского отряда, на обязанности которого лежало защищать переправу и который спуже минуту и в нашем присутствии стал вновь прогягивать обрубленные по нашему распоряжению канаты.

Вынужденные проехать через Маноск, мы заметили, что в этом городе враги свободы имели своих сторонников, и что мы там уже больше не были в безопасности. Чтобы не толкать на преступление жителей Маноска, мы совсем не остановились. Мы направили свой путь к Форкалькье, главному городу округа, куда прибыли в 10 часов вечера. Не успела наступить полночь, как мы получили известие, что мятежники встретили дружелюбный прием в Маноске, и что уже большое число их явилось для того, чтобы схватить нас и (двух) комиссаров Исполнительного Совета, граждан Гонор, сотворивших великое благо в этих краях, которые они привели к единству с Республикой. При новом известии, что впереди мятежников скачет десятка два конных с целью нас захватить, мы обратились в бегство через горы, бросив наш экипаж, попавший в руки бандитов со всеми принадлежавшими нам вещами. Город Форкалькье с печалью созерцал оскорбление, нанесенное представителям народа, но был не в силах выказать сопротивление, имея весьма мало оружия, а бандиты, по своему обыкновению, все время сеяли впереди себя страх. Мы нашли себе убежище в Баноне, маленькой деревушке в горах. Комиссары исполнительной власти ознакомили это местечко с благотельными постановлениями конституции, и конституционный акт был там принят с большой готовностью. Мы нашли то же самое настроение

в Со. Во всех этих местах от марсельцев приходят в ужас. Они не находят себе приюта иначе, как запугиваньем, которым они воздействуют на тех, у кого нет средств оказать им сопротивление.

Не медлите, граждане коллеги, прийти на помощь республиканцам Юга; они заслуживают своей энергией того, чтобы их не оставлять под свирепым владычеством марсельских канибалов.

Мы полагаем, что Брюне является душой Южной контр-революции. Его родина, Маноск, заселен мятежниками, во главе которых стоит Брюне-сын. Нас уверяют, что марсельцы оказывают покровительство этому генералу, который, как говорят, обещал им подкрепления. Наши наблюдения доказывают нам, что этот генерал изменяет Республике. Повидимому, он дезорганизует Италийскую армию и приучает ее производить бесполезные разрушения.

Рикор, Робеспьер младший ¹⁾.

87. Конвенту

Народные представители в департаменте Соммы. Амьен, 19 августа 1793 г.

Закон о скупках с целью перепродажи остался погребенным в канцелярии муниципалитета, и со времени его опубликования скупщики спали так же спокойно, как и раньше. Мы ужаснейшим образом пробудили их от сна, утвердив по истечении недели регистрационный список скупщиков с их заявлениями о себе, когда большинство из них не смогло себя вписать. Некий Эташ де Форсевилль, заведующий перевозками военного снаряжения, допустил злоупотребления по должности, выпустив из города большое количество товаров и в особенности несколько бочек риса, хотя этот рис и был реквизирован. Мы распорядились взять Форсевилля под арест и предать суду трибунала. Колокола все еще являются предметом глупого уважения; мы же сделали их предметом смеха вместе с питающими к ним такое почтение, и на другой же день они были сняты с колоколен. Мобилизованы слесари, оружейники, литейщики и тележники для починки сабель и фабрикация пик. Не оставлены в пренебрежении и крепостные сооружения; плотники

и каменщики принимаются за работу и посвящают ей большую часть своего времени. Мы сочли долгом заключить в крепость массу пленных: голландцев, англичан и пр., шатавшихся там и сям по деревням, где многие из них были схвачены, как дезертиры, переодетые в наш национальный мундир. Народ в Амьене такой же, как и повсюду в других местах: он искренно хочет свободы, но слабость его управителей делает его игрушкой бед и внутренних раздоров. Этот город не должен содержать в своих стенах ни одной линейной части, которая не была бы на стороне революции в такой же мере, как и находящийся там в данный момент 26-й кавалерийский полк; однако мы там увидели с сожалением проходивший гусарский полк, мало привыкший к дисциплине и выступивший, несмотря на определенные приказы министра, лишь при последней крайности. Виновные находятся под арестом в Перонне.

Третьего дня мы перебрались в Мондидье. Наше присутствие утешило патриотов в отношении кляуз кучки аристократов, менее опасных лично, чем своими сношениями с эмигрантами и внешним врагом. В этом городе нам сообщили о деле одной бывшей (аристократки), изготовлявшей списки обреченных во время приближения австрийцев. Кроме того, ее обвинили перед вами в том, что она укрывала непопулярного закону попа, выходившего от нее только ночью. Мы произвели поиски этого смутьяна, но понапрасну. Вместо него к нам привели другого церковника, укравшегося у адвоката Боскильона-Жанлиса. Мы допросили его; он совсем не приносил гражданской присяги; не имел никакого удостоверения о местожительстве; и не считает себя ни к чему обязанным, проживая тайком так же, как он это делал последние два года. Мы отправили его под арест в Амьен при криках «Да здравствует Республика», которые неслись из груди огромного большинства жителей Мондидье. С немалым удовлетворением смотрели истинные граждане, как ведут в дом заключения укрывателя подобного субъекта. О, если бы в нашем распоряжении был целый полк, чтобы нагрянуть и все перерыть в твердыне этого Боскильон-Жанлиса! Вообразите себе здание в форме лабиринта, подземные помещения которого могли бы вместить около 10.000 человек, и безконечное количество дверей и комнат, чрезвычайно приспособленных для того, чтобы помочь исчезновению преступников. Но, чему вы не легко

поверите, так это тому, что дом этот имеет выходы вне города и даже в пределах крепости. Мы надеемся, что донесение о подобном безобразии не будет напрасным, и мы ждем распоряжений с вашей стороны. Мы отправляемся в Аббевилль 1).

88. Комитету общественного спасения

Один из народных представителей в департаменте Нижней Сены. Гавр, 21 августа 1793 г.

На ярмарке в Гибрэ дубленая кожа продавалась по 8 франков за фунт, вследствие чего башмаки обходятся не дешевле 20 ливров. Я осведомился, не была ли здесь замечена умышленная скупка и спекуляция при торговых сделках; меня уверили, что это несчастие проистекает лишь от недостатка кож, вызванного невозможностью получать заграничные кожи. Португалия, Испания, колонии пополняли обычную ее нехватку. То же самое можно было бы сказать о свечах и о мыле. В отношении сала, масла и соды изумительно, как держава, подобная Франции, не может удовлетворить своих собственных нужд. Это судьба всех коммерческих наций, население которых обычно чересчур велико и обычно рабски свыклось с роскошью.

Наши лютые враги изыскивают все способы, чтобы довести нас до голода и сделать невыносимыми цены на все съестные припасы. чтобы подстрекнуть народную массу к бунту; и мы, сами того не желая, защищаемся от их тирании употреблением таких средств, которые могут лишь отшатнуть за границу от наших портов, а там вызвать обилие (запасов). Наши ассигнации никогда не будут ценной валютой за границей, разве только их стали бы оплачивать серебром по предъявлению, как банковые билеты в Англии, что оказывается невозможным. Если же вы хотите, чтобы за граница привозила к вам кожу, сало, масло, соду, деготь, железо, мель и пр., то необходимо, чтоб вы предоставили ей легкую возможность обменивать эти товары на произведения вашей почвы. Смеем сказать, что от этой операции зависит спасение государства.

Прибавлю, что интересы нации толкают к этому. Вы слишком просвещенные люди, чтобы поверить, что учреждение мануфактур, начиная с Кольбера, имеет в виду лишь внутреннее потребление Республики. Что станется с нашими рабочими, в частности со всеми этими прядильщицами льна, шерсти и хлопка? Как будто, при сохранении всего для собственного потребления, на первый взгляд, торговля должна уменьшиться. Вовсе нет. Мануфактуры приходят в упадок вследствие запрещения иностранцам вывозить, а съестные припасы остаются в той же самой цене. Сырые материалы должны быть воспрещены к вывозу по всей строгости, но все фабрики должны быть разрешены к вывозу. Это единственное средство дать жить массе народа. Новая Англия (т. е. североамериканские английские колонии) в особенности заслуживает всякого внимания с вашей стороны.

Я не буду говорить больше об этом. И без отмены декрета о запрещении вывоза (что заставило бы лишь обнаружить нашу нужду), вы сможете, граждане, уполномочить управляющего таможенными на дозволение иностранным судам вывозить все фабrikаты, изготовленные в мануфактурах Франции, в пределах стоимости привезенного ими груза. Это единственное средство для вас достать массу необходимых предметов, как железо, смолу, деготь, доски, медь и пр. Шведский корабль в гаврском порту, хочет увезти обратно свой груз, так как хотят воспретить что-либо вывезти. Среди всех тех опасностей, которые нас окружают, нужно остерегаться, чтобы не попасть из Харибды в Сциллу.

Я преклоняюсь, граждане, перед вашей просвещенностью и перед вашими трудами. И настоящий мой шаг проистекает лишь из живого интереса, вдоховляющего меня работать на пользу моему несчастному отечеству. Удостойте услышать мой слабый голос. Я буду на моем посту не позже двух недель.

Фор (депутат Конвента от департамента Нижней Сены) ¹⁾.

89. Комитету общественного спасения

Народные представители в Альпийской армии. 23 августа 1793 г.

Граждане коллеги!

Обращенная к городу Лиону новая прокламация, которой мы вам посылаем копию, через тридцать шесть часов не удостоившись ответа; внезапное вторжение пьемонтцев в Монбланский департамент; поспешное отступление наших войск; вполне доказанный союз хозяев Лиона со всеми врагами Республики, в особенности с Марселью и Тулоном, Тулоном, где конституция, принятая всеми французами, только что была сожжена публично рукою палача, — все эти соображения побудили нас попробовать воздействовать силою для того, чтобы образумить впавшие в заблуждение умы. Лион в эту ночь был весь засыпан бомбами и калеными ядрами.

Пожар (от этой бомбардировки) вспыхнул сразу в пяти местах. Нам неизвестны его результаты. Войска, полные республиканских чувств, внушающих отвращение по отношению к заговорщикам и лицемерам, с нетерпением ожидали сигнала к атаке. На этот раз мы сдержали их пыл. Надеемся, что этот первый урок раскроет глаза многим.

Если молчание днем и размышление (о данном уроке) не произведут перемены в умах, тогда нам останется показать, что Лиона не существует более для Республики, и мы примем все меры к тому, чтобы вырвать с корнем из ее недр это столь прекрасное, но и столь ядовитое растение.

Мы окружены препятствиями, но мы их преодолеем ¹⁾.

90. Комитету общественного спасения

Народные представители в департаменте Ло и в армии Западных Пиренеев. Лареоль, 26 августа 1793 г.

Получив через экстренного курьера декрет от 6 августа против членов бордоской народной комиссии, наши коллеги в Тулузе выделили нас для его выполнения, и мы не замедлили отправиться в путь, чтобы собрать по дороге все необходимые сведения. На нашем пути мы встретили прекрасно настроенное и привязанное к Республике население и зараженные гангреной, целиком или отчасти, административные органы. При этом все единогласно уверяли нас, что большинство бордоского народа не разделяет ошибок своих вождей, что самые людные секции с отвращением относятся к федералистской системе, и что они примут нас как благодетелей, пришедших избавить их от голода и от их вероломных администраторов.

Предмет нашей миссии слишком бросается в глаза, чтобы та клика, которую мы должны были сразить, не пустила в ход все, что было в ее власти, для того, чтобы заставить нас потерпеть неудачу. А гг. жирондинцы отнюдь не разборчивы насчет средств. Многочисленные эмиссары следовали за нами по всем местам нашего проезда и старались сеять вокруг нас недоброжелательство и недоверие, внося отраву и в наши речи, и в наши действия.

Мы неуклонно продвигались вперед, сильные нашей искренней верой и нашими чистыми намерениями, благословляемые народной массой и оказывая помощь бедным семьям защитников отечества; мы старались привить любовь к принципам республиканского единства и приглашали граждан везти хлеб в город Бордо. Вплоть до ворот этого города граждане оказывали нам самые чувствительные знаки уважения и преданности. Мы готовы были бросить всякие сомнения в искренности всего этого, несмотря на весьма хмурый горизонт.

Прибыв 19-го, в 7 часов вечера, мы не встретили стражи у ворот, и никто не спросил у нас наших паспортов. Мы сочли нужным отложить всякие дела на завтра и пошли сделать

прогулку по аллеям Турни, неподалеку от нашей квартиры. Там мы подверглись нападению отряда молодых франтов, вооруженных тростями со стилетом и шпагами, которые, изрыгая тысячи ругательств против Национального Конвента, грозили нас перебить и принялись в серьез за осуществление своих угроз. Эти бешеные люди схватили нас, разъединили и протащили вплоть до площади Комедии; там нас втолкнули в фиакр, в который вместе с нами влезло несколько этих господ, и мы были препровождены в коммунальный дом, где все было готово для нашего приема.

Детальный доклад обо всем, что произошло на этом жирондинском заседании, который мы при сем прилагаем, избавляет нас от повторения вам его; но мы должны дать вам отчет о том, что произошло с тех пор.

Шум, поднявшийся по поводу нашего задержания и нанесенных нам оскорблений, вызвал печаль повсюду в округе. Самые трогательные знаки внимания провожали нас вплоть до Лареоля, маленького, но вполне республиканского городка, который мы выбрали для нашего пребывания, чтобы под рукою наблюдать за всем, что происходит в Бордо, и направлять начинающие здесь пробуждаться движения.

Мы приняли здесь депутации от всех округов и окружающих нас Народных Обществ, которые выражают живейшее негодование против покушений, виновницей которых ежедневно и ежечасно является бордоская клика. Несколько оставшихся верными принципам президентов секций, также явились для соединения с нами, и мы воздвигаем наши батареи для уничтожения той тирании, которая гнетет добрых граждан.

Вот истинное положение вещей в этом знаменитом городе. После отъезда всей массы храбрых волонтеров, отличающихся в наших армиях, заметно уменьшился поддерживавшийся ими патриотизм; умеренные и фельяны ¹⁾ взяли верх в избирательных собраниях народных секций, административные места оказались заполненными эгоистами-богачами, алчными негоциантами и даже известными аристократами. Эти последние призвали себе на помощь всех подозрительных людей, всех роялистов, которым они оказывают покровительство вполне открыто; они обзавелись преторианской гвардией, составленной из этих людей. С этих пор разоруженный народ оказался под игом; большинство стонет под

тяжестью наложенных на них оков, не будучи в состоянии их разбить, так как у него недостает оружия и объединяющего центра, так как все лица, обнаруживающие хоть малейшую энергию или сопротивление гнету, немедленно подвергаются заточению при помощи этой вооруженной силы.

Таким образом департамент, округ, коммунальный совет, биржа с торговыми людьми, около 2.000 гренадер и 250 человек кавалерии, вот и вся клика заговорщиков со всеми ее силами.

Эти люди никогда не возвратятся к хорошим принципам; вам не нужно льстит себя этой надеждой. Они желают, чтобы спасти себя, вовлечь народ в гражданскую войну; они хотят его вынудить на такой резкий разрыв, который не дал бы места отступлению.

Наш план, пока вы не укажете других мер, состоит в том, чтобы лишить эту крамолу всех способов распространения. На этот предмет у нас имеется верный агент, который берется овладеть цитаделью Блей, Руайяном и пр., а также сторожевым судном, находящимся в устье Жиронды. Мы создадим таким образом блокаду этого города. Морально эта блокада уже существует благодаря хорошему настроению умов, господствующему в его окрестностях.

В то же самое время мы заняты вопросом о продовольственном снабжении населения, но так, чтобы не допустить прохождения жизненных припасов через руки крамольников. Нам было бы нужно, для успеха в этом, иметь в нашем распоряжении два миллиона, декретированных 6-го августа, для передачи их в верные руки. Мы подали совет незараженным крамольным духом секциям, а таких имеется 8 из 28, назначить комиссаров, которым мы поручим наши требования, предъявляемые к соседним департаментам так же, как и фонды, необходимые для закупок по этим требованиям.

Нам сию минуту сообщено, что вчера была вспышка восстания в Бордо. Мы посылаем надежных граждан, чтобы увериться в этом и направлять события соответствующим образом. Граждане-коллеги, мы не отказываемся от проекта уничтожения ужасной крамолы, которая господствует в Бордо и хочет отнять его у Республики. У нас имеются другие средства, кроме открытой силы, и мы употребим их все, прежде чем прибегнуть к этому послед-

нему. Но берегитесь склонять уши к бесчисленным клеветам, предметом которых мы вот-вот явимся, если не хотите совершенно погубить общественное дело и доставить несомненное торжество опаснейшим врагам отечества. Вы еще недостаточно знаете эту породу лукавых купцов, обманщиков по самой своей природе, для которых нет ничего священного, и которые передают ужаснейшую ложь с видом непоколебимой добродетели. Они имеют своих агентов среди вас; их тайный корреспондент Фонфред всячески готов вас обманывать. Помните, что эта каста является настолько же низкой и пресмыкающейся, когда она считает себя слабой и нуждается в том, чтобы вырвать у нас милость или благодеяние, насколько бывая наглой на занятом ею месте, когда она чувствует себя в силе. Допущенная безнаказанность оскорблений нанесенных Трельяру и Матьё, вдохнула в них отвагу на новые эксцессы; они, кажется, уверены в своей способности представлять вам вещи так, как они хотят, и заставить вас принять все их идеи.

Со всем тем выходит, что они явные контр-революционеры, что они безнаказанно теснят народную массу; ибо во всех движениях, во всех собраниях, свидетелями которых мы были, мы не видели ни одного мастерового, ни одного человека из народа: все это были господа в прекрасных костюмах, с солидными галстуками, вообще изысканно одетые. Положитесь на эти факты, явившиеся в результате весьма точных наблюдений.

Мы напишем вам с первым курьером и просим вас нам ответить, адресуя ваши письма в Тулузу, к нашим коллегам. Ведь в Бордо все перехватывается, все без исключения.

С братским приветом

С-Алекс. Изабо, М. А. Бодо.

91. Конвенту

Народные представители в
Альпийской армии. Лапап,
28 августа 1793 г.

Граждане коллеги!

Лион до сих пор еще продолжает упорствовать, несмотря ни на увещания, ни на бомбы, ни на ядра.

Возможно, что взятие Марсели армией генерала Карто окажет некоторое влияние и на этот город. Вчерашняя ночь прошла спокойно; войскам был дан отдых. Позавчерашний ночной пожар был виден в шести местах и продолжался еще вчера утром. Женщины выходят массами, и, как кажется, начинают оскудевать съестные припасы. Если бы колонна, которая должна прийти из Клермона, выполнила свой долг, Лион теперь был бы возвращен Республике.

В позавчерашнюю ночь мюскадены¹⁾ вздумали атаковать Ривде-Жье; у них убили 27 человек, отняли одно артиллерийское орудие и взяли 13 пленных, в том числе одного из их вожаков по имени Сервана, сына крупного коммерсанта.

Пусть Конвент знает, что всякий раз, как лионцы мерялись силами с войсками Республики, они отбрасывались с потерями; что с начала экспедиции мы имели лишь 15 человек убитыми и с полсотни ранеными; что, таким образом, все победы, которыми они хвалятся, являются детскими сказками, ради поддержания народа в заблуждении. Сегодня вечером начинается бомбардировка, и, как только прибудет валансьенский гарнизон, мы решимся на атаку живою силою, успех которой считаем возможным гарантировать.

Дюбуа - Крансе, Готье.

92. Комитету общественного спасения

Народные представители в
армии Шербургского побережья. Канн, 29 августа 1793 г.

Мы обращаемся к вам с нашими замечаниями по продовольственному вопросу; прочтите их и судите¹⁾. Мы ожидаем вашего решения. Дайте нам хлеб и дайте его без промедления. Мы с твердостью отвечаем представителям местной власти, но мы даем волю своим чувствам, излагая вам, в каком состоянии находятся эти наши департаменты.

Р. Лендэ, Бонне.

Памятная записка или замечания о продовольственном положении округа Авранш, адресованная представителями народа, командированными к армии Шербургского побережья, народным представителям, — членам Комитета общественного спасения и народным представителям—членам Комитета земледелия.

Цена на зерно совсем не была фиксирована в Иль-Виленском департаменте. Закон 4 мая тут совершенно не был приведен в исполнение.

Земледельцы общин Авраншского округа везли свое зерно на рынки дольский и фужерский, в Иль-Виленском департаменте; и не везли его на рынки своего округа, где был установлен максимум. Они продавали свое зерно в полуторном количестве против того, что им позволено было продавать в их округе и в их департаменте.

Невозможно поверить всему тому, что претерпел Авраншский округ. Ощущение тех бедствий, которые пришлось претерпеть, пробуждается из-за страха снова испытать нечто подобное.

Земледельцы уже спешат вести зерно нового урожая на Иль-Виленские рынки, где куль продается за 110 ливров, между тем как он не был бы продан и за 55 ливров на рынках своего округа.

Богатые обитатели деревень раздражаются ропотом. Они жалуются.

что их хотят принудить продавать за 100 су буассо ²) зерна, продаваемое ими в другом месте за 10 ливров.

Понятен тот дух соперничества и зависти, который существует в отношениях между городами и деревнями.

В настоящий момент следует считаться с одним весьма важным соображением, а именно, что не следует вызывать разрыв между департаментами Ламаншским и Иль-Виленским.

Такие размышления навеяны письмом представителей местной власти Авранша к таковым же Ламаншского департамента.

Имеется, наконец, просьба о том, чтобы были приняты спешные меры, чтобы успокоить общую тревогу и предупредить подготовленные контр-революционерами волнения.

Нельзя скрывать от себя, что земледельцы желают отмены фиксированного максимума, но можно быть уверенным, что, если согласиться на неограниченную свободу продажи зерна по взаимному соглашению покупателей и продавцов, цена на него возрастет вдвое, меньше, чем в три месяца.

Ни одна голова не окажется в состоянии охватить систему наших финансов и наших богатств. Поднимется хаос, из которого неизбежно выйдет такой порядок вещей, который в настоящее время невозможно и предвидеть.

Упраздните твердо установленный максимум, и вы увидите утроенные цены предметов первой необходимости. Это утроение, на которое приходится смотреть как на неминуемое, повлечет за собою разорение части народной массы. Возможно предвидеть и учесть протекающие отсюда неудобства, но результаты этого даже не могут быть определены.

Не было ли бы более желательным заставить выполнять закон 4-го мая? Это значит дать закон богатству. Разве для богатства не существует законов? Нужно помешать тому, чтобы оно противоречило естественным правам. Когда претензии богатства оказываются в противоречии с естественными правами человека, их нужно подавить.

Обуздайте богатство, если не хотите быть втянуты в водоворот, который уничтожается, который иссякнет и вернет нас в конце концов в первобытное состояние.

Было бы трудно установить и опубликовать с достаточной быстротой тарифы в Иль-Виленском департаменте, чтобы предупре-

дить самые тяжкие поводы для жалобы и тревоги. Но нельзя ли было бы запретить земледельцам продавать зерно на дому, на обычных их рынках и вне их за цену выше той, которая установлена в месте их жительства?

Следовало бы подвергнуть наказанию тех, кто везет свое зерно в Доль и Фужер, как пособников заговорщиков, не за то, что они привезли свое зерно в Фужер и Доль, а за то, что продали его за цену выше той, которая была установлена в их департаменте.

Необходимо, наконец, продолжить существование максимума и обязать все департаменты сообразоваться с законом 4-го мая.

Необходимо, чтобы закон просвещал народную массу и в то же время озадачивал, потрясал и разил злонамеренных богачей.

Следует вынести быстрое решение; нельзя терять ни момента; в то время, как богач делает свои расчеты и не чувствует никакого ущерба, бедняк сбивается с толку и стремительно несется навстречу своей гибели.

Высказаться эвергично и немедленно по этому крупному вопросу еще более настоятельное дело, чем вооружение граждан. Вооружение, диктуемое самой повелительной необходимостью, принесет гибельные результаты, если отсрочить на несколько дней провознесение приговора в этой громкой тяжбе между природой и богатством.

Р. Лэне. Бонне.

93 Национальному Конвенту

Народный представитель в департаменте Соммы Амьен, 6 сентября 1793 г.

Граждане коллеги!

Контр-революционная администрация поклялась в гибели департамента Соммы; она, повидимому, занялась изучением средств, как довести до голодовки народ, принизить и втоптать в грязь самые благодетельные законы, как травить патриотов и сделать из этого края новую Вандею.

Мы распустили эту администрацию, распорядились арестовать виновных и организовали хорошо подобранную департаментскую

комиссию, большая часть членов которой из Па-де-Кале. Едва покончив с организацией этой комиссии, я потребовал закрытия городских ворот. Сейчас же по опубликовании этого требования, направленного к тому, чтобы все граждане разошлись по своим домам, я велел бить тревогу и оценить улицы национальной гвардией, в то время, как 26-ой кавалерийский полк находился на площади на конях. Я распорядился арестовать всех чужестранцев без различия; те, у кого были паспорта, были отведены в одну церковь; те, кто имел свидетельства о местожительстве, в другую; а кто не имел ни того, ни другого, в третью. Я сделал затем, самолично, проверку документов; результатом этого был захват нескольких эмигрантов и заключение в арестный дом более двухсот более чем подозрительных иностранцев. Эта мера произвела в городе столь счастливый эффект, что аристократия не смеет и носа показать, между тем как санкюлоты торжествуют. Этот город уже более не Амьен; это великий «Аррас». В течение недели департамент будет обладать всей энергией, какой только можно желать: уже смотрят, как на неопценное благодеяние, на роспуск контрреволюционного Собрания департамента и замену его истинно-республиканской комиссией.

Нищенство, как кажется, является новым из средств, употребляемых аристократией: был арестован один нищий со 120 ливрами звонкой монеты; в этом городе было свыше 1.500 нищих: я только что провел через комиссию постановление, копию с которого вы при сем найдете, обязывающее нищих носить на шее ярлык с указанием их имени, местожительства и номером, под страхом быть немедленно арестованными; выполнение этого постановления уже произвело такой эффект, что в данный момент неизвестно, куда девались нищие.

Я не окончу, граждане коллеги, без того, чтобы не воздать величайшей похвалы национальной гвардии этого города; ее поддержка, точность и рвение при выполнении вчерашнего моего распоряжения выше всего, что я мог бы об этом сказать.

Я счел долгом, четыре дня тому назад, временно назначить помощником генерала гражданина Тайфера, хорошо известного своей республиканской энергией и военными талантами. Тот, кого он временно замещает, и кто имел скромность допустить называть себя «господином шеваье» в том обществе, которое он посещал

и которое в данный момент собралось в дулльанской цитадели, отсутствует уже две недели и непригоден ни для какого дела в этом департаменте. Я информировал министра обо всем этом.

Каждую минуту открываются новые и новые подробности заговора; я распорядился задержать нескольких офицеров жандармерии, артиллерии и военного транспорта, едущих и приезжающих без дорожного пропуска, без паспортов и без приказов высших офицеров; думается, что здесь мне попался эмигрант; я работаю день и ночь, чтобы раскрыть всю глубину уготованной нам бездны, и я добьюсь цели. Равным образом я распорядился арестовать оказавшегося здесь генерала и ординарца с приказом, запрещающим ему здесь оставаться. У меня имеются еще пригодные к употреблению серьезные средства для исцеления от бедствий, разоряющих этот край, но и прописанное мною рвотное средство способно очистить этот департамент.

Дюмон.

94. Комитету общественного спасения

Народный представитель командированный для проведения всеобщей мобилизации в Эр-Дуарском и Сартском департаментах. Шартр, 6 сентября 1793 г.

Спокойствие продолжает царить здесь. Я надеюсь, что набор пройдет здесь без волнений. И не в виду отсутствия здесь аристократов, но потому, что они здесь сдерживаются неуспынным надзором учрежденного здесь Комитета общественного спасения, а также и директории департамента.

Сегодня сбор шартрской молодежи для формирования из нея рот и назначения им офицеров. Я полагал, что лишь с того момента, как они действительно явятся по требованию министра, и должно итти им жалованье.

Многие из них не одеты. У меня нет никаких инструкций по этому предмету. Одеть их всех, с этого момента, за счет Республики, казалось бы мне весьма большим расходом, в особенности,

когда еще неизвестно, будут ли они посланы на границы. С другой стороны, было бы большим неудобством ожидать до последнего момента распоряжения насчет этого обмундирования. Я представляю себе, что можно было бы уже в настоящее время вести с ними работу с тем, чтобы дать им обмундировку лишь в момент их отправления в армию.

В этом случае нужно будет военному министру распорядиться об отпуске нам суммы от 300 до 400 тысяч ливров, ибо набор даст в этом департаменте по крайней мере от 3 до 4 тысяч людей.

Не менее необходимо было бы иметь фонды для фабрикации оружия, которого абсолютно не хватает, и использовать массу рабочих по металлу, находящихся без работы.

Вооружение и снаряжение на местах вызвали бы много меньше трат, ибо совершенно невероятно разница между заработной платой рабочих в департаментах и в Париже. Эти последние увеличили свою сдельную плату далеко вне соответствия с вздорожанием съестных припасов. Рабочим же в департаментах, наоборот, набавлена лишь одна шестая сверх того, что они некогда имели, между тем как съестные припасы почти все здесь столь же и даже более дорогие, чем в Париже. Один лишь хлеб продается здесь всего за 2 су 6 денье за фунт. Но после издания последнего закона о максимуме и он еще дойдет до 3 су, как в Париже.

Настоятельно необходимо, чтобы воспрепятствовать ропоту и волнениям, предоставить здесь занятие рабочим и тем самым дать им возможность повысить свой заработок.

Это класс самым искренним образом привязанный к Революции, и вследствие этого с ним впредь надлежит обходиться бережно. Понятно, что богачи в данный момент мало дают работы мастеровому люду. Правительству следует заместить их в этом отношении: колоссальные потребности войны дают к тому удобный случай.

Я прошу вас препроводить к военному министру ту часть моего письма, которая касается этого вопроса и самим принять постановление на этот счет. У меня никогда не будет недостатка ни в рвении, ни в доброй воле; ваше же дело направить меня и помочь мне.

Одно обстоятельство причинило мне здесь ряд мучений. Это — жалкое помещение, в котором Народное Общество ведет свои заседания. Мужчины, женщины, дети, члены общества, зрители, все это перепутано и перемешано. Отсюда — беспорядок, шум и множество других неудобств, которые способны лишь сделать смешными и презренными убежища свободы. Почему Конвент не обратит на минуту свое внимание на этот предмет? Воздвигли же в свое время великолепные храмы заблуждению и суеверию, а почитатели свободы до сих пор и не подумали о постройке для нее пристанищ, достойных как ее, так и их самих. Я думаю, что Комитет общественного спасения сделал бы очень хорошо, ассигновав некоторую сумму на этот предмет и распорядившись построить или приличным образом отделать помещение для Народных Обществ, когда скудость средств помешает сделать это им самим. В Шартре, например, Общество, почти целиком состоящее из санкюлотов, не могло бы выдержать самых необходимых расходов. А между тем на 100 пистолей ¹⁾ можно было бы сделать место его заседаний довольно удобным. Я прошу Комитет поставить меня в известность, желает ли он уполномочить меня, чтобы я распорядился в пределах этой суммы отделкой помещения Народного Общества в Шартре. Может быть, было бы хорошо уполномочить меня сделать то же самое в других центрах департамента, куда я проеду, как только встречу там те же самые нужды.

Я прилагаю здесь для вас несколько экземпляров прокламации, которую я составил относительно набора граждан. Вы рекомендовали мне, при отправлении, сообразоваться с местными условиями. Я счел долгом, вследствие этого, падить, насколько я мог, сельских хозяев в департаменте, питающем «преданный Конвенту город». Слишком большая строгость могла бы повлечь за собою смуты, а вследствие их и голод в Париже.

Гирион.

95. Комитету общественного спасения

Народные представители в
департаменте Нижней Сены.
Руан, 12 сентября 1793 г

Граждане коллеги!

Все время нашего пребывания в Руане мы заняты исключительно продовольственным вопросом; повсюду рынки опустели, всюду народ требует хлеба и начинает громко роптать. И он жалуется не без оснований: мы здесь часто бывали свидетелями его горя и его нужд.

Первый декрет, посланный Лежандру и Люше в департамент Нижней Сены, поручил расследовать причины недостатка зерна при реализации столь обильного урожая. Полагаем, что мы открыли их, и хотим сообщить их вам.

Первый декрет, фиксирующий максимум цен на зерно, является главной причиной полного оскудения рынков. Хлебопашец, занятый только одной своей выгодой, сделал все, что мог, чтобы уклониться от продажи своего хлеба и от вывоза его на рынок, он льстил себя надеждой, что этот закон будет отменен, так как лица, ведущие торговлю зерном, подали петицию Конвенту, чтобы добиться его отмены.

С другой стороны, абсолютный недостаток зерна и полное оскудение рынков вынудили состоятельных лиц доставать себе хлеб не на рынке, а другими путями, они отправлялись к хлебопашцу и покупали не по максимуму. Нас даже уверяли, что парижские агенты платили любую цену, какую с них спрашивали. Таким образом, земледелец вместо того, чтобы вести свой хлеб на базар где он не мог продавать его выше максимума, продает его дома.

Третья причина недостатка зерна происходит от того постановления закона, которое освобождает от реквизиций и следовательно от снабжения базаров и рынков тех земледельцев, которые убрали хлеб лишь для своего потребления.

Все земледельцы, не имеющие крупных ферм, подпадают под это исключение и отказываются подчиняться реквизициям и везти хлеб на базар и рынки. Крупные собственники и арендаторы также хотят удержать то, что им нужно для посева и для их

потребления, на которое они кладут весьма много хлеба, так как они за число едоков считают все количество людей, которое у них занято в данный момент; и едва они выполнили наряд по первой реквизиции, как уже уверяют, что оставшееся у них не превышает того, что им предоставлено законом для собственного потребления.

Закон, как видите, разрешает богачам держать в своих амбарах или жигницах обильное количество провизии на весь год и, так сказать, осуждает на голод недостаточный класс народа.

Мы приняли постановление о снабжении всех рынков. Мы в праве надеяться, что оно произведет ожидаемый нами от него эффект. Мы направляем к вам экземпляры его. Мы были вынуждены принять эти меры, без которых не хватило бы хлеба почти во всех городах департаментов Нижней Сены и Эры.

Делакруа, Лежандр, Л. Люше, секретарь Ж. С. Вернь.

96. Комитету общественного спасения

Народный представитель в
Иль-Виланском и соседних
с ним департаментах. Ренн,
15 сентября 1793.

Граждане коллеги!

Бретань встала первая на сторону Революции, и она же будет первой областью Франции, которая произведет контр-революцию, если таковая когда-либо будет иметь место. Непонятная вещь: более того, является покушением на оскорбление национальной свободы то обстоятельство, что ни один из моих коллег, что ни один гражданин не представил еще Национальному Конвенту картины политического положения бывшей Бретани. Пора наконец, чтобы стало известным, что там всего лишь несколько коммун, действующих в духе Революции, что всего лишь в нескольких городах имеются санкюлоты с хорошими принципами, все же остальное обретаётся в открытой контр-революции.

Нант является тем городом, который более всего должен приковать к себе ваше внимание и вызвать всякого рода заботы

с вашей стороны. Вы не должны игнорировать, или по крайней мере находящиеся здесь мои коллеги должны ознакомить вас с тем, что иностранцы, которыми здесь кишмя кишит, коммерсанты и дворянство, составляющие здесь почти все население, являются весьма известными контр-революционерами, что они состоят в сношениях с вандейскими бунтовщиками, покровительствуя и поддерживая их восстания, что жители Нанта были первыми подавшими пагубный пример весьма серьезного обнадеживания бывшего графа Артуа 1). Я не понимаю, каковы мотивы пощады, оказываемой городу, который, если не принять предохранительных мер, станет вторым Лионом. От Нанта до Ренна тянется одна сплошная цепь контр-революционеров.

Повсюду, решительно повсюду местные власти определенно держатся контр-революционного направления; повсюду открыто установлены две расценки, одна на серебро, другая на ассигнации; это контр-революционное орудие исчезло лишь в Иль-Виленском департаменте. Нигде не осуществлена ни одна из мер, установленных законом 4 мая относительно продовольствия.

Могу вас уверить, что в Финистерском и Морбиганском департаментах, куда я готов моментально выехать, контр-революция столь же активна, как и в Кобленце. В Ренне дела приняли такой оборот, что мне понадобилось около недели для подбора патриотов, привлеченных к выполнению административных функций. Завтра я еду произвести эту крупную перемену, мне останется выполнить перемены второстепенные, ибо я не хочу оставить на месте ни одного аристократа.

Затем я отправлюсь туда, где опасности покажутся мне всего более угрожающими свободе. А покамест я очистил реннские тюрьмы от всех, найденных мною там заключенными контр-революционеров; большое число их ускользнуло отсюда, из них восемь уже во время моего пребывания здесь; шестнадцать из них я распорядился отправить для суда в революционный трибунал. Арестовали англичанина Гренвилля; у него захватили весьма важные бумаги; вскоре он прибудет в Париж. Я распорядился арестовать также англичанина Кодрингтона; сию минуту я велел изготовить приказ о пероводе его в Ренн, а отсюда в Париж.

Гермер и Вотель заняты розыском заговорщиков, вышедших из недр Конвента 2). Я отправил шестьсот человек в Пле, недалеко

от Сен-Мало, чтобы арестовать образовавшееся там собрание контр-революционеров и иностранцев; мною отправлены сто человек в Эрбиньяк, чтобы сформировать там вместе с национальными гвардейцами соседних местностей ядро общественных сил. с целью помешать как исчезновению, так и распространению бандитов, проскальзывающих из Вандеи. Я уже послал двести человек в Редон, чтобы обуздать там контр-революционеров и увеличить силы близ Витрэ. Иду с минуты на минуту отряд кавалерии, задача которого привести ко мне одного реннского заговорщика и непослушных закону попов.

Несмотря на все мои усилия, силы, которыми я могу располагать, оказываются недостаточными; все-таки я из соображений мудрой предосторожности примусь как следует за разоружение всех подозрительных людей и передачу их оружия санкюлотам; но я сомневаюсь, чтобы это было повсеместно достаточным средством для того, чтобы мне быть уверенным в уничтожении всех контр-революционеров. Если бы была возможность отправить в эти края вооруженную силу. ее назначение никогда бы не было более нужным, более необходимым. Почти все деревни заражены фанатизмом, почти в неопикуемых размерах. Повсюду кишат переодетые крестьянами попы. Я собираюсь немедленно отдать распоряжение о том, чтобы приготовить из них груз, который велю отправить в Сен-Мало, где общественный дух является в высокой степени революционным.

Повсюду нужно будет принять те же самые меры, если хочешь установить гражданскую солидарность в этих краях; но невозможно принимать спасительные меры, без внушительной силы; я как следует приведу их в исполнение в Ренне, но смогу ли я действовать с той же легкостью повсюду в других местах?

Лорьян вызывает во мне жестокое беспокойство; он находится в таком же положении, как и Брест, но мне невозможно оглядываться во все места разом, и весьма нужно, чтобы повсюду, где я нахожусь, я организовал дело так, чтобы не было больше необходимости возвращаться туда для обеспечения торжества свободы и патриотов.

Ренн до сих пор был городом, служившим образцом политического поведения для всех других городов бывшей Бретани. Нужно поэтому, чтобы тут, как и повсюду в других местах, гражданская

организация разразилась громовым ударом, и наказание обрушилось на головы всех изменников. Федералисты ³⁾ окрестных мест также начинают дрожать и представлять свои сетования и просьбы; в настоящий момент они массами стекаются в Народные Общества. Но патриоты, будучи в меньшем числе и не желая более принимать их в свою среду, отовсюду требуют моего присутствия. Я отправлюсь туда с наивозможной скоростью, и будьте вполне уверены, что я не пожалю ни забот, ни бессонных ночей, ни трудов, чтобы вернуть к лучшим временам бретонские края, разоренные фанатиками, иностранцами, контр-революционерами всякого рода.

С братским приветом

Каррье.

P.S. Обратите особенно тщательное внимание на бывшего нантского мэра, Бако. Это один из величайших контр-революционеров из существующих теперь и когда-либо существовавших раньше ⁴⁾.

97. Комитету общественного спасения

Народный представитель, командированный для массового набора в Луаретском и Шерском департаментах. Орлеан, 23 сентября 1793 г.

Граждане коллеги!

Вчера я провел решительное и торжественное заседание, к великому удовлетворению патриотов, при единодушных аплодисментах санкюлотских секций, но вместе с тем и к позору и в наказание аристократам и федералистам. Я целиком отрешил от должностей администрацию департамента и сейчас же заместил ее монтаньярами и клубистами. Четыре представителя администрации, наиболее виновные и наиболее ярые федералисты, не успели выйти с заседания, как по моему распоряжению были взяты под арест, согласно закону о подозрительных. Эта мера была тем более настоятельна, что они не преминули бы, по возвращении каждый в свой округ, приняться за обработку в аристократическом духе своих

сограждан. Имена их следующие: Соте, генеральный прокурор-синдик, де-Вилье, Бонэбан и Левассер.

Жакоб, президент Орлеанского округа, испытал ту же самую судьбу, как и муниципальный чиновник Лебрет, они равно опасны антигражданским поведением и тайными интригами, направляемыми их аристократизмом.

Я не вхожу в обстоятельные детали всех смещений и замещений, являющихся моим делом. Протокол этого памятного заседания ознакомит вас со всеми моими действиями. Я отвечаю вам, граждане коллеги, за город Орлеан. Если он при господстве правившей им федералистской администрации был готов подать руку Вандее, теперь он бесповоротно привязан к Республике и Горе. Вы найдете приложенными здесь несколько экземпляров моей прокламации, которыми я снабдил делегатов первичных собраний и граждан патриотов, облеченных моим доверием ¹⁾. Надеюсь, что вы одобрите мой план работы. Я посылаю в различные округа делегатов, чтобы они там успешно провели те же самые перемены, которые я произвел в Орлеане. Следуя данным мною инструкциям, они не могут не добиться тех же самых успехов, что и я; тогда весь департамент Луаре будет свободен от влияния Манюэля ²⁾, и вместо Роланов и Бриссо ³⁾ он предпочтет быть в единении с Парижем и Конвентом.

Налагаемые мною революционные налоги имеют успех сверх моих ожиданий. Бажжиры и дельцы раскошеляются несомненно из страха, выказывая беспрекословную покорность. Это не важно: делается благое дело, и бедные санкюлоты имеют облегчение в своих нуждах. В соответствии с их богатством и нуждами бедных граждан, я не далее, как сегодня утром, обложил в революционном порядке некоего Куселля на 20.000 ливров, Лекутэ на 50.000, Жога на 30.000, Шоваллена на 20.000, Тассена Вильпиу на 20.000, сахаровара Дефрана на 20.000, другого Тассена на 12.000 и так далее; вот каким образом я нашел рог изобилия. Судите сами, получаю ли я благословения народной массы и проклятия богачей. Попам не оказывается больше пощады. Тюрьма и лишение их содержания, вот их жребий. Иные из них находятся под надзором, как люди сомнительного поведения.

Народное Общество и муниципалитет обязаны мне некоторой признательностью. Чтобы прийти на помощь их нуждам и покрыть

вызванные обстоятельствами их долги, я дал им, неизменно за счет богачей, одному 40.000 ливров и другому 49.000. Нация не отягчена оплатой их справедливых расходов. Богачи объявили нам войну: богачи и оплатят ее до мелочей.

Смотритель миноритской ⁴⁾ тюрьмы в этом городе только что заменен одним патриотом. Этот Бирр всегда оказывал предпочтение «бывшим» и аристократам. Я получил тяжкие доносы на его счет; они не изумили меня, так как он сторожил Бриссаков, Дельссартов, Мальвуазенов ⁵⁾ и был участником их оргий. Я не поколебался его сместить.

Извещаю вас, граждане коллеги, о том, что отправляюсь завтра для того же самого апостольского служения Революции в Шерский департамент. Меня утешает единственно то, что он не причинит мне столько горя, сколько причинил Луаретский. Благоволите адресовать мне в Бурж касающиеся меня инструкции.

Представитель народа

Лаплани.

98. Президенту Национального Конвента

Один из народных представителей в департаменте Сены и Марны и Ионнском. Оксерр, 24 сентября 1793 г.

Прошу вас, гражданин президент, представить Конвенту мой отчет о положении департамента Ионны и о начале моих действий.

Я нашел здесь общественное настроение в общем хорошим; тем не менее, случайные успехи наших вероломных врагов, плод их гнусной измены, подали некоторую надежду аристократии; фанатизм уже начал свою зажигательную работу; но присутствие народа на страже и наготове нанести ему удар заставило его вновь схоронить себя во мраке могилы.

Был и патриотизм народной массы, ее горячая любовь к свободе обнаружилась уже до моего приезда; в большинстве кантонов граждане притекли на зов отечества. Расчет, исходящий из числа населения в 320.000 душ, обещает более 10.000 защитников, цвет молодежи.

Я снабдил полномочиями депутатов первичных собраний; письменное изложение моих инструкций в одном экземпляре при сем прилагаю. Я занят без усталы, в контакте с местными властями, тем, что необходимо нашим друзьям по оружию, чтобы они были в состоянии быстро и грозно предстать перед врагами свободы.

Контингент артиллерии и кавалерии набран; он состоит из отборных людей. Вы с удовольствием посмотрели бы на этих бравых людей, с довольным видом прибывающих на скакунах. Они мастера в верховой езде, и это сулит проворную и полезную службу. Рота артиллеристов с удобством расквартирована в центральном пункте департамента; они горят желанием обучиться артиллерийскому делу и ожидают с нетерпением двух артиллерийских орудий, полагающихся им по закону. Я написал военному министру, чтобы он их поскорее выслал с надлежащими принадлежностями. Я распорядился отвести национальные здания под казармы, госпитали и продовольственные склады. Устраиваются печи, пекарни для изготовления продовольствия и для выпечки хлеба хорошего качества под наблюдением патриотичных и опытных агентов. Местный Комитет общественного спасения, состоящий из граждан ревностных защитников свободы, занят без усталы розыском подозрительных лиц: он устроился в национальном доме, в котором будут размещены инвалиды и национальная жандармерия; она будет препровождать в тюрьму этих опасных людей, врагов свободы; надежное и удобное расположение этого дома не причинит им других лишений, кроме лишения свободы; будет избегнут произвол, но ваши декреты будут выполнены со всей строгостью.

Этот департамент, усеянный виноградниками, ощущает недостаток в продовольствии; я его затребовал от наших соседей во имя братства и доброго соседства: я дал знать об этих мерах нашим коллегам, командированным в соседние департаменты, представителям местной власти и министру внутренних дел; ибо я принял за основу моих действий полное братское согласие. Законодатели, народ в Ионнском департаменте умеет выдерживать временную нищету: он знает ваши труды и знает, что вы желаете ему счастья; он поддержит вас своими руками, но дайте ему хлеба; он живет и страшно мучается; каждый сегодняшний день он не знает, будет ли у него хлеб завтра. Поспешите же декретировать способ устройства вместительных хлебных амбаров, и благословения народа

падут на ваши счастливые головы. Я предполагаю осведомить его насчет этого важного продовольственного вопроса путем обращения. Я уже составил таковое к гражданам этого департамента о предмете моей командировки; я в нем откровенно излагаю замыслы заклятых врагов свободы; я нарисовал картину ваших боев и успешных результатов ваших трудов; я выразил то, что я живо чувствую.

Небрежный мировой судья, нарушитель прав человека, продержал без допроса в течение двух недель одного гражданина, бедняка и отца семейства; на него тут было много жалоб; я вызвал его в среду его сограждан; он был выслушан: собрание было запрошено на его счет; оно сочло, что он нарушил долг службы; я сместил его; он уплатил задержанному вознаграждение, пропорциональное той потере времени, которую он ему причинил; но судебное преследование из-за этого не будет приостановлено. Этот мировой судья мой свойственник и старый друг; но Брут осудил же своего горячо любимого сына.

Главный город округа Тоннерр полон раздоров; в нем происходят волнения, но вам их преувеличили; интриганы, честолюбцы, аристократы борются друг с другом, стараясь привлечь народ каждый на свою сторону; я проеду туда в ближайший четверг; я разъединю приведенный в заблуждение народ со всеми теми, кто его возбуждает для своего дела; они останутся без поддержки: закон доберется до виновных, а интриганы останутся в тиши забвения.

Я распространил меры, принятые в главном городе на все округа; я их последовательно объеду.

Я даю точный отчет Комитету общественного спасения; веду запись моих действий, оставляю копии моей корреспонденции, и отчет о моем поведении окажется составленным к концу моей командировки, я употреблю всю мою силу для того, чтобы моя командировка принесла пользу Республике.

Братский привет моим дорогим коллегам.

Мор старший.

P.S. Я посылаю вам один экземпляр полномочий, данных комиссарам первичных собраний, и обращения к гражданам 1).

99. Члену Комитета общественного спасения Эро де Сешелль

Один из народных представителей в Иль-Вилевском и соседних департаментах.
Ренн, 27 сентября 1793 г.

Дорогой коллега и друг!

Я спешно сообщил, с последним курьером, Национальному Конвенту детали крупных реформ, произведенных мною в Ренне. Наиболее удавшейся мерой является секвестр имуществ Шапелье, Дефермона, Ланжюине, всех контр-революционеров и тех старых администраторов, которые обратились в бегство. Когда эти последние увидели наложение секвестра на их имущества, они все сами явились в тюрьмы, за исключением бывшего мэра Дюплесси, бывшего президента департамента Жибера и бывшего администратора Жегана. Таким образом, ты видишь, мой дорогой Эро, что когда дело идет о смещениях, арестах, о чести и свободе, есть еще люди, которые прячутся и живут в позорной и возмутительной беспечности и которые не боятся рисковать не своей честью, но прямо своей жизнью, когда дело идет об их имуществах. Среди задержанных есть крупные преступники; он почти все подписали постановление о взятии из рук главного казначея суммы в 100.000 ливров для набора департаментской силы; они почти все с общего согласия распорядились арестовать общественные кассы Лорьяна; они все подписали убийственные для свободы постановления о департаментской вооруженной силе 1); многие из них представили секциям большие листы бумаги, которые указано было подписывать добрым гражданам в три столбца, под предлогом, что вопрос идет лишь об обращении с петицией к Национальному Конвенту. А затем они приложили федералистские постановления выше подписей граждан. Они совершили и другие преступления, подробности которых было бы слишком долго излагать. Я перечислил им все их преступления, всенародно и горячо, в большой зале дворца, в самый день их смещения, в присутствии реннского населения, которое криками справедливого негодования засвидетельствовало правдивость этих обвинений. Они сознались в своей вине и однако они меня сегодня спрашивают там, где они сейчас

находятся. каковы их преступления; они просят меня о том, чтобы их допросили, выслушали, судили. Я ответил им со спокойной и мужественной твердостью, что многочисленные доказательства их преступлений и закон о подозрительных легализуют, делают даже необходимыми принятые против них меры, что я вовсе не являюсь судьей, чтобы их допрашивать и выслушивать, но что, если они настаивают на требовании суда, я готов издать приказ о передаче их суду Революционного трибунала, единственно компетентного для того, чтобы установить наличие преступлений федерализма и заговора, в которых они обвиняются. «Вот как!—ответили мне они—Революционный Трибунал... так! так!» Они совсем замолкли после этого моего ответа. В настоящее время они обращаются ко мне с просьбой быть судимыми на местах обычными трибуналами или же специальной комиссией.

Сообщи мое письмо Комитету общественного спасения, которому я его адресую через твое посредство; прими вместе с ним соответственные меры по отношению к этим администраторам и поспеши передать об них мне. Их задержание в Ренне произвело бы дурной эффект. Некоторые патриоты начинают уже чувствовать по отношению к ним ошибочную гуманность.

С моим коллегой Пошоллем мы заняты приведением в известность расходов, произведенных на департаментскую вооруженную силу. Вышеуказанные администраторы согласились погасить их из своих средств. Бывшие муниципалы предлагают то же самое погашение для общественных денег, употребленных на напечатание их губительных для свободы постановлений и пасквилей Салля; Петнона, Барбару, Ланжюне и Дефермона.

Часть артиллеристов, составляющая контингент последнего набора, направилась в окрестности Канкло, а оттуда в Северную армию. А те, кто еще остается, пришли повидаться со мной, отреклись от своих ошибок, побратались со мной, моим коллегой и членами Народного Общества. Но так как возврат мог бы вовсе и не иметь всей желанной искренности, хотя я и вижу в них лишь массу молодежи, введенной в заблуждение прежними административными органами, то мы занялись их организацией, и, когда она будет закончена, мы дадим им назначение, которое не оставит места беспокойству насчет новых заблуждений с их стороны.

Вся прежняя Бретань, если ее рассматривать в целом, пред-

ставляет собою одну лишь волнующуюся поверхность неспокойного моря. Контр-революционное движение грозит разразиться повсюду. Я твердо убежден, что там произвели бы контр-революцию, если бы согласно декрету попытались набрать последний рекрутский контингент. Вместо того, чтобы принимать эту меру, я полагаю вместе с моим коллегой Пошоллем, что больше толку и даже прямо необходимо образовать в каждом департаменте бывшей Бретани революционную силу для подавления здесь всплеск фанатизма и контр-революции, беспрерывно возобновляющихся в этих несчастных краях. Проект уже закончен. Получит ли он одобрение Комитета и Конвента?

Повсюду самые спасительные аресты множатся с каждым днем. В Сен-Бриэк, Плюё, Сен-Серване, Редоне, Витрэ, Фужере ежедневно арестовываются контр-революционеры, подозрительные люди. Я буду немедленно отсылать их на суд Революционного Трибунала. Я предполагаю в то же самое время набрать поскорее грузы неприсягнувших попов, которыми битком набиты тюрьмы, и дать их везти известному своим патриотизмом моряку Сен-Сервану.

В Ренне все идет очень хорошо: тут торжествует самый горячий гражданский дух; но во всей бывшей Бретани то же самое получится лишь с большими трудами и заботами.

Прощай, мой славный друг! Мои труды в высокой степени пошатнули мое здоровье. Вчера я был совсем болен. Не будь этого недомогания, я устремился бы в Нант, очаг контр-революции, источник постоянной поддержки Вандеи; в этом городе мои коллеги позволяют существовать двум Народным Обществам, из которых одно составлено исключительно из явных контр-революционеров. Полумерам поистине преступной снисходительности обязаны мы последними неудачами, испытанными нами со стороны Нанта, который станет вторым Лионом, если не будут приняты против этого меры предосторожности.

100. Комитету общественного спасения

Народный представитель, номандированный для производства массового набора в Эндрском и Крёзском департаментах. Гере, 28-го сентября 1793 г.

Граждане коллеги!

Я препровождаю вам прилагаемые здесь протоколы наших первых действий в департаменте Крезы. Этот департамент, равно и Эндрский, на мой взгляд, населены хорошим народом, хотя и пребывающим в нищете, но имеют слабых и неэнергичных должностных лиц.

Пора была закону 11 сентября о твердых ценах на зерно прийти, наконец, в этот департамент, где хлеб продавался еще по моему приезду по 12 су за фунт, и где, следовательно, население не могло воспользоваться выгодами закона от 4-го мая¹⁾. Правда, что этот департамент, так же как и Верхне-Вьеннский, очутился в состоянии полного голода; они могли достать себе зерно лишь в отдаленных департаментах. Но закон 11-го сентября является гарантией от всех случайностей, лишь бы Конвент поспешил зафиксировать максимум цен на все предметы потребления и всякого рода заработную плату, необходимые для жизни и производства.

На трех администраторов поступил мне, как вы это увидите из моих протоколов, донос от одного человека; я отстранил одного от его обязанностей, так как для меня явилось доказанным, что он вел себя в самом антигражданском духе и обнаружил мнения, склонные к федерализму.

Не будучи в состоянии собрать против другого каких-либо положительных фактов, доносчик не вспомнил даже тех выражений, которые он ставил в вину этому администратору, между тем как общий голос всех самых патриотичных граждан Гере был в его пользу, и я не считал себя в праве отрешать от должности государственного служащего, который всегда заслуживал уважение своих сограждан, и которого они аттестовали как неизменного и самого горячего друга Республики, Конвента, законов и народа.

Третий, несколько более скомпрометированный, чем второй, но гораздо менее, чем первый, представил для меня некоторые трудности, чтобы твердо установить мое суждение о поведении его, вызвавшем упреки по его адресу.

Доносчик, который был членом совета департамента Крезы, утверждает (но в единственном числе), что немного дней спустя после событий 31-го мая, 1-го и 2-го июня два посланца Жиронды явились в департамент и сделали Соединенным Директории и Совету предложения, клонившие к федерализму и неодобрению дней 31-го мая, 1-го и 2-го июня; что три представителя администрации говорили в жирондистском духе, и что Мишле (тот третий администратор, относительно которого я не установил окончательного своего суждения) высказал самое решительное неодобрение по отношению к событиям 31-го мая и последующих дней. Но Мишле отрицает эти факты; все присутствующие администраторы свидетельствуют, что они не слышали ничего подобного в произнесенной им речи; они прибавляют даже, что этому администратору было невозможно сказать что-либо положительное относительно событий этих дней, так как в то время они не получили никаких официальных сведений ни от Конвента, ни от Исполнительного Совета; что полученные ими газеты противоречили друг другу, и что они могли быть лишь в недоумении относительно этих событий. Мишле сам сознается, что, не зная ничего положительного о памятных днях 31-го мая, 1-го и 2-го июня и знакомый с ними лишь по газетам, противоречившим друг другу, он мог выражать недоумение, которое у него действительно было, относительно событий этих дней, но что он не сказал ничего ни за, ни против, в особенности он ничего не показал такого, что могло клонить к федерализму, и что в результате переговоров посланцев Жиронды с департаментом были единодушно отвергнуты предложения, сделанные жирондистами, и эти последние, недовольные столь малым успехом их миссии, немедленно вслед затем выехали из Гере. Все присутствующие администраторы свидетельствуют то же самое путем заявления в пользу своего коллеги, которое они снабдили своими подписями; все граждане Гере свидетельствуют, что Мишле никогда не обнаруживал ни антигражданских мнений, ни таких, которые клонили бы к федерализму, и что это один из самых упорных в труде, один из самых умных администраторов.

Несмотря на все эти защитительные доводы, я счел долгом отсрочить мое решение насчет этого администратора, надеясь, что, если он действительно виновен в антигражданском направлении, тот или иной патриот донесут мне на него.

Директория департамента приняла меры, указанные в законе 23-го августа ²⁾, и сбор молодых людей от 18 до 25 лет непрерывно происходит в главном городе каждого округа, и главный агент по набору готов привести в исполнение различные распоряжения, предписанные инструкцией военного министра. Я передал делегатам первичных собраний этого департамента те же самые поручения, что и делегатам Эндрского департамента.

Предполагая, что бесполезно продолжать дольше мое пребывание в Эндрском и Крезском департаментах, как скоро я отрину от должностей, в случае надобности, государственных служащих округов, по которым мне остается еще проехать, я отправлюсь в Лимож и Пуатье, где на меня возложены операции по поручению Комитета общественной безопасности. Если необходимо, чтобы я дольше продлил мое пребывание в этих департаментах, я прошу вас дать мне знать в Пуатье, где я смогу быть к концу ближайшей недели или в начале следующей, и откуда я отправлюсь сейчас же, чтобы поехать в Париж, если только не будет приказов, не допускающих этой возможности.

С братским приветом

Энгран.

101. Комитету общественного спасения

Народный представитель, командированный для проведения массового набора в Авейронском и Лотском департаментах. Кагор, 29 сентября 1793 года.

Я обещал вам продолжить доклады об операциях нашей маленькой армии в Гурдонском округе ¹⁾. Вам следует вспомнить, что я окончил (предыдущее донесение) сдачей Сеп-Жермена ²⁾, центрального пункта объятых мятежом коммун. На другой день мы создали весь кантон, на это собрание явилось несколько других

коммун. Комиссар департамента, Лагаски, и я проговорили с ними все утро. Арендная плата десятины, барщины, соляные пошлины, военная служба не были забыты в нашей долгой беседе: плутни попов, их проделки, их алчность служили приправой к речам. Наконец, мы настолько ободрили этих добрых поселян, что они заявили со слезами о том, что их обманули, что злоупотребили их доверчивостью, заставляя их верить, что Конвент хочет раздела земель, так как он уничтожил право первородства и провел наследование в равных долях. Было бы долго рассказывать вам о всех гнусных и коварных средствах, которые были пущены в ход кучкой злодеев, с целью ввести в заблуждение этих славных людей; к тому же вы и сами это знаете. Народ торжественно отрекся от резолюции своих первичных собраний, принял Конституцию, водрузил Дерево Свободы, и обманувшие его мошенники скоро почувствовали результаты резкого перехода народной массы от легковерия по отношению к ее вожакам к самой лютой ненависти, ибо мы находились еще в церкви, как нам пришли сообщить о том, что уже разгромлены два дома приходского настоятеля и весьма опасного злодея, некоего Кальмона, и что народ готов сделать то же самое с домами, принадлежащими всем тем, кто замышлял потребовать короля и отказаться от Конституции. Мы вышли, чтобы помянуть этому дальнейшему разгрому, и лишь путем предупреждения граждан о том, что эти строения уже стали национальной собственностью, удалось удержать разрушителей и заставить спуститься с крыш этих рабочих с их несравненным рвением и старанием на пользу Революции.

Народ предал в наши руки почти всех сбивших его с толку злодеев; если бы они не обратились в бегство, то все они очутились бы в тюрьмах; но они не могут уйти далеко и, хотя они бродят по лесам и горам, которыми изобилует этот край, они не могут спастись от скорой поимки; их ловят со всех сторон: нам нет нужды в жандармах; сам народ служит нам ими.

Мы распорядились снять колокола повсюду, где мы проходили, так как декрет не был выполнен во всех кантонах. Народ на это пошел с весьма легким сердцем. В Гурдоне, главном городе округа, оказывающем большое влияние на всю округу и в высшей степени зараженном фанатизмом, мы произвели многочисленные аресты; по всему нашему пути народ указывал нам на

непослушных закону попов, на бывших дворян, на их друзей и корреспондентов, а также и на скупщиков, и мы захватили с собою десятка два возов, нагруженных этим отродьем, которое мы заперли в доме заключения.

Фанатизм проделывал все это в краю, где, конечно, короля хотят не больше, чем в других местах, где десятина и аренды были крайне тягостны. О них здесь вспоминают только с ужасом. Зло распространялось также через посредство женщин; вы одобрите нас за то, что мы забрали многих из этих пророкиц и отцов церкви. Почти во всем Гурдонском округе попы привнесли лишь притворную присягу, за исключением клермонского епископа. Мы посадили в тюрьму всех этих присягнувших наполовину; из них есть такие, которые вполне заслуживают гильотины.

Мы спалили нескольких бывших графов и виконтов, которые не эмигрировали для того, чтобы лучше обслуживать эмигрантов; от меня ускользнул некий Растиньяк, который спласся в Дордонь; я распоряжусь проследить его там и схватить, если он еще там.

Таким образом, без всякого декрета, я обрел себе революционную армию. Все злодеи без исключения охвачены ужасом. Их можно сравнить с куропатками, под выстрелами охотников и преследуемыми стаей гончих собак; я не дам им времени прийти в себя. Предупреждаю вас, что существует поповское логовище в Обенском округе Авейронского департамента, на границе с департаментами Ло и Канталь. Следовало бы напасть врасплох, чтобы захватить это черное сообщество, но мне неизвестно, какой депутат (г. е. комиссар Конвента) находится в Авейроне. Шабо ли это, и даже есть ли там кто; я не хочу однако приниматься за это дело без соглашения с ним; дайте мне совет, к кому и в какое место я должен адресоваться, наконец могу ли я отправиться туда один. Я дрожал за результаты петиции, поданной вам с целью обязать нас не принимать никакого решения иначе, как вдвоем. В таком случае я совершенно ничего бы не сделал, потому что с тех пор, как я здесь, я в глаза не видал никого из моих коллег. Набор в этом краю проходит на диво. Мы извлечем отсюда самую цветущую молодежь, без всяких усилий, без судорожных порывов; но здесь совсем нет оружия. Я обязан этим устремлением в армию тому ужасу, который вселила в злонамеренных лиц революционная армия; я имею удовольствие считать,

что мы спасли департамент Ло. Если мы отправимся, а нужно, чтобы это случилось в самом непродолжительном времени, если мы отправимся в Обан, мы найдем несомненно доказательства тому, что в этом краю задуман заговор.

Не знаю, осведомлены ли вы о том, что в Севераке, бывшем замке эмигранта, найдено 25 пушек и тысяча бронзовых пружин; именно сюда и хотел отправиться Шаррье³⁾; эти предметы следовало бы переправить в Тулузу.

Я считал возможным взять на себя временно дело наложения контрибуции на всех отправленных в заключение аристократов, ростовщиков и скупщиков, действующих заодно с первыми; у нас уже имеется посуда, некоторое количество звонкой серебряной монеты; это может составить главное; вполне справедливо, чтобы злодеи по крайней мере оплатили расходы на тот пляс, который они заставляют нас проделывать. Столько же будет взято путем принудительного займа. Я велю вести всему этому роспись; она будет послана вам на усмотрение; в ней все обосновано; если вы не одобрите мои мероприятия, достаточно будет того, что я вам в них отчитался.

Я отдал распоряжение, чтобы не церемонились арестовывать; этим делом заняты также и в Кантальском департаменте; я распорядился направить туда надежного человека, пока я сам не смогу туда отправиться; ведь дело не может стоять из-за моего отсутствия.

Вчера с величайшей торжественностью были сожжены феодальные документы; богачи также были привлечены к этому торжеству. Народ придумал нарядить многих из них королями, кардиналами, герцогами, графами, придворными разного рода, лейб-гвардейцами; их заставили танцевать вокруг чучел капиталистов, одетых в крайне причудливый наряд. В конце концов сорвали и бросили всю эту дрянь с них в огонь, отправив весь этот «королевский» двор в тюрьму; и была пора это сделать, так как эти костюмы уже разгорячили головы, и многие поговаривали уже о том, что хорошо бы растерзать и гильотинировать короля, королеву и всю эту высочайшую свиту. Еще момент, и стоило бы больших трудов помешать этому. Ответьте строчку насчет контрибуции на аристократов и на Обанский округ. Прощайте, обнимаю вас!

Мой адрес: Кагор.

Народный представитель

Тайфер.

102. Комитету общественного спасения

Народные представители в
Рейнской армии. Страсбург.
29 сентября 1793 г.

Мы узнаем, граждане коллеги, что мы подвергаемся клевете со стороны некоторых введенных в заблуждение или же безнравственных людей. Мы не будем стараться себя оправдывать, так как мы сильны сознанием нашей правоты и тем, что каждая наша минута отдается на благо отечества. Мы выполнили наш долг, как во время боев, в которых мы были, так и в нашей административной деятельности, чтобы сделать менее критическим то положение, в котором находятся Рейнская армия и прикрываемые ею крепости. У нас не хватает сил, продовольствия и пороху; придите к нам на помощь; момент настоятельно этого требует; но, как бы то ни было, можете рассчитывать на наше мужество и на нашу преданность.

С братским приветом

*Гюйардэн, Ниу, Маллармэ.
Ж. Б. Лакост, Борие, Мильо
Рюан.*

P S. Доводим до вашего сведения, что комиссары Исполнительного Совета заполняют во множестве вверенные нашему надзору департаменты; весьма важно, чтобы вы точно очертили круг их обязанностей, чтобы они не могли тормозить наши действия; без этого пагубная путаница заступила бы место столь необходимого порядка.

103. Комитету общественного спасения

Один из народных представителей в Иль-Виленском и других департаментах. Ренн.
4 октября 1793 года

Граждане коллеги!

Все то, что я вам заметил относительно генерала Бейссе, находит себе теперь буквальное подтверждение; и я не знаю, не

осуществятся ли также и те печальные предсказания, о которых я имею довести до вашего сведения. Я только что узнал от одного надежного лица, посланного мною в Нант после последних испытанных нами там неудач, что генерал Канкло не замедлит пойти по следам Бейссе; что Нант, как я уже вам отметил, весь целиком во власти контр-революции; что там существуют два Общества, из которых одно, не такое многолюдное, а именно Общество св. Винцента, проникнуто добрыми принципами, между тем как другое принимает открытое участие в заговоре; что вся Нантская кавалерия заражена аристократическим духом; что наши коллеги, за исключением Жилле, только тем и заняты, что бахвалятся там азиатской пышностью, совершенно не занимаясь общественными делами и направляющими их лицами; что вас обманывают насчет числа бунтовщиков; что их армия насчитывает свыше 200.000 человек. Не будь приковывающего меня к Ренну нездоровья, я отправился бы в эти места и дал бы вам те положительные сведения, на которые вы могли бы положиться. Все, что я могу перед вами определенно засвидетельствовать, так это то обстоятельство, что в ответ на жестокие упреки, сделанные мною моим коллегам, как это они терпят, чтобы у них на глазах развивалась в Нанте контр-революция, они предложили мне отправиться туда для смещения местных властей, для роспуска анти-народного Общества и для производства там всех тех реформ, провести которые повелевает общественный интерес. Хотя мое присутствие и очень необходимо в Ренне, как оно было необходимо в Вигрэ и Морбигане, я завтра или послезавтра отправлюсь в Нант, и вы можете положиться там, как и повсюду в других местах, на мою непоколебимую твердость в разоблачении и подавлении всех злоупотреблений, всех изменников и заговорщиков. Не переставайте ни на минуту обращать ваши взгляды на Вандею; направляйте туда наибольшее количество сил, какое для вас окажется возможным. Этот очаг контр-революции более страшен, чем вся коалиция неприятельских держав. Нужна лишь искорка для того, чтобы разгорелся пожар. Пошлите в Нант генерала-санюлота, на которого можно положиться; обстоятельства более серьезны, чем вы могли бы себе вообразить.

С братским приветом

Каррье.

104. Комитету общественного спасения

Народный представитель, командированный для проведения массового набора в Шерском и Луаретском департаментах. Бурж. 4 октября 1793 года.

Граждане коллеги!

С равными чувствами скорби и изумления узнаю я сегодня газетную новость, что наш коллега Севестр донес на меня 30 сентября Национальному Конвенту, будто бы я произвольно собираю или сам лично, или через отряженных мною лиц чудовищные суммы как в городах, так и в деревнях. Только что полученный мною сборник декретов осведомляет меня к тому же, что разбор (в Конвенте) этого доноса был послан в Комитет общественного спасения, чтобы ему быть доложенным во время заседания.

Уверяю вас, граждане коллеги, что я не ждал такой награды за мои мытарства и за мои труды. Я еще менее ждал, чтобы депутат Горы, чтобы Севестр позволил себе на мой счет это несправедливое обвинение. Я мог бы еще счесть извинительным такой донос в устах презренных жаб Болота ¹⁾, которые только и знают, что изрыгать клеветы и посредством отвратительной системы опозоривания наиболее ревностных монтаньяров обслуживать губительные для свободы проекты Питта ²⁾ и Кобурга.

Граждане коллеги, вы можете судить меня лучше, чем кто-либо. Едва ли был такой день, когда бы я не сносился с вами и не советовался насчет моего плана работ и принятых мною постановлений. Едва ли я позволил себе, не говоря уже действовать, но даже помыслить без того, чтобы не сообщить этого вам.

Да, граждане коллеги, в силу повелительного мандата, которым почтил меня Конвент, я всюду самолично облагал в революционном порядке богачей и аристократов. Равным образом я отдал приказ моим уполномоченным о том, чтобы они подражали моему примеру в деле закупки продовольствия и помощи бедным санкюлотам. Я горжусь этой революционной мерой. Разве не справедливо, чтобы эгоисты, чтобы алчные спекулянты, чтобы скаредные аристократы оплачивали издержки объявленной ими нам войны? Подо-

бает ли, при господстве равенства, чтобы дворяне, кушцы, попы, люди из замков, с дворянскими привилегиями, утопали в изобилии, между тем как патриоты терпят недостаток во всем и не имеют жизненных припасов, потому что их скупают богачи? Нет, граждане, декларация прав не есть пустое слово. Моя миссия дана мне Конвентом как миссия революционная; и я действовал по революционному, желая заставить искупить, если это возможно, путем крупных и безотлагательных денежных жертв преступления подозрительных лиц и состоятельных контр-революционеров. Я вспоминаю, что мой коллега Дюмон (от Соммы) держится такой же линии поведения в своем департаменте, и Конвент одобрил ее.

Сверх того, обращаю ваше внимание, граждане коллеги, чтобы полностью опровергнуть недостойный донос Севестра, что единственно богачи обложены революционным налогом, соразмерно своему состоянию и своему антигражданскому поведению. Я обращаю ваше внимание на то, что этот налог не произвольный, так как он установлен только в публичном заседании и после совещания с народом и в согласии с Народными Обществами и патриотическими представителями местной власти. Я обращаю ваше внимание наконец на то, что поступления от этого налога следуют в благоговительную кассу каждого округа, чтобы быть употребленными немедленно для снабжения продовольствием рынков и для помощи недостаточным семьям наших храбрых защитников. Часть денег из этого источника обращается еще в пользу Народных Обществ на покрытие их издержек, на экстренные нужды попавших в беду граждан; наконец на все то, что имеет важное значение для страждущего человечества и для торжества свободы.

Руки представителя народа так же чисты, как и защищаемое им высокое дело.

Теперь, граждане коллеги, чтобы вы знали факты и вызвавшие их мотивы, судите меня, судите Севестра, так же, как и аристократические жалобы, эхом которых он стал.

В свою очередь, граждане коллеги, я взываю к вашему беспристрастию и к вашей справедливости для того, чтобы вы разъявили немедленно Национальному Конвенту мои действия. Я прошу, чтобы, невзирая на ядовитые стрелы зложелательства, которые отбрасываются и презираются моей чистой совестью, вы одобрили или добились одобрения со стороны Конвента всех революционных

мер, продиктованных мне горячей любовью к отечеству и самым безустанным рвением на пользу вверенных моему надзору департаментов. Я вполне буду утешен и вознагражден, если добьюсь этой справедливости.

Представитель народа

Лаплани.

P.S. Если бы я любил говорить о себе, то мне было бы легко вызвать здесь почти единодушное голосование в мою пользу Шерского и Луаретского департаментов. Протоколы моих заседаний свидетельствуют об этом, равно как и бесчисленные одобрения и поздравления со стороны Народных Обществ, секций и местных властей.

105. Комитету общественного спасения

Народные представители в Альпийской армии. Виль-Аффранши (т. е. Освобожденный Город), бывший Лион, 16 октября 1793 г.

Граждане коллеги!

Чтение декрета Национального Конвента и вашего письма от 21-го числа I месяца ¹⁾ вызвало у нас удивление. Да, нужно, чтобы город Лион потерял свое имя, которое может вызывать лишь проклятия в устах друзей свободы. Нужно, чтобы этот город был разрушен и чтобы он послужил громким примером для всех городов, которые подобно ему осмелились бы сделать попытку восстать против отечества. Из всех крупных и решительных мер, только что принятых Национальным Конвентом, лишь одна не получила завершения, а именно его полное разрушение. Но мы уже произвели разрушение стен, укреплений, мест внутренней и внешней обороны и всех сооружений, которые могли напоминать о деспотизме и благоприятствовать мятежникам; уже мы учредили военную комиссию, которая ежедневно, начиная со второго дня вступления нашего в Лион, стала снимать с плеч преступные головы. Мы образовали также в Лионе и Фёре Комиссии народного правосудия, обязанные судить в революционном порядке всех политических преступников. Равным образом были организованы Комитеты

надзора, принимавшие меры предосторожности против всех подозрительных.

Мы известили вас о том, что пытавшиеся выйти злодеи почти все были перебиты или взяты в плен, и сказали вам правду. Все донесения сходятся на том, что их ускользнуло, может быть, с десяток, а то и меньше. Вирьё и Преси погибли; Виши, Деметон, Шмит, Лабанн и многие другие были расстреляны. Сегодня очередь за Бемани, и каждый день будет повторяться снова то же самое примерное наказание, вплоть до того момента, когда наконец земля всецело очистится от чудовищ, которые слишком долго оскверняли ее своим существованием. Мы не понимаем, кто это мог заставить вас подумать, что эти бандиты устремились по направлению к Лозерскому департаменту и на Тулон; они никогда не направились бы туда. Будьте покойны, граждане коллеги; успокойте и Национальный Конвент: его принципы—наши принципы, его энергия имеется и в наших душах; его декрет будет выполнен буквально. Мы оставляем город Лион на военном положении до тех пор, пока не будет издано на этот счет иное распоряжение, для того, чтобы все велось военной рукой, под нашим наблюдением. Это—единственное средство быстро выполнить намерение Конвента и обеспечить себя от того, чтобы хоть один контр-революционер ускользнул от народного правосудия и от меча закона. Лионские национальные жандармы, осмелившиеся служить под начальством гнусного Преси, вчера были публично разжалованы и отправлены под арест, чтобы быть судимыми, как бунтовщики, Революционной Комиссией.

Муниципалитет и Комитет надзора только что получили приказ представить нам без промедления: 1) список строений, служивших жилищем для лионских богачей и контр-революционеров, 2) опись имуществ этих господ. Сейчас же по получении этой описи, мы перешлем ее Национальному Конвенту.

Шлем братский и дружеский привет всем истинным монтаньярам.

Кутон, Шатонёф-Рандон. Де-Ланорт, Менье.

106. Национальному Конвенту

Народные представители в
департаменте Нижней Ша-
ранты. Рошфор, 18 октября
1793 года

Наконец-то мы сломали теперь в этом краю ядовитое дерево религиозных предрассудков, которое в течение стольких веков осеяло людей своей мертвящей сенью; мы, таким образом, только что совершили чудо. В Маренне народ, в нашем присутствии, забывая про ту чепуху, которой его столько лет дурачили, и про фанатизм, разделявший его на две секты, поклялся не иметь больше никакой другой религии, кроме религии истины. Католики и протестанты, соединенные вместе в Народном Обществе, обнялись друг с другом по-братски, проделав это в один день в католическом храме, а на другой день в протестантской церкви; они уничтожили имя священника и вообще всякого священнослужителя, заменив эти имена прекрасным именем «проповедника морали», и постановили, чтобы проповедник морали у протестантов ходил почаще проповедывать в храм католиков, а проповедник морали у католиков в храм протестантов. Равным образом была принята резолюция о замене в обоих храмах «правами человека» и Республиканской Конституцией изображений и эмблем, а также и неудобопонятных или бессмысленных изречений, скрытых в том и другом из этих храмов, и, когда будут напечатаны книги философской морали, они будут выгравированы на их стенах. Мы сделались первыми проповедниками этой святой морали, и во всех деревнях, некогда напоенных кровью, которая лилась целыми потоками благодаря суеверию, мы заставили проливать лишь слезы радости, которыми народ нас обливал в своем восторженном опьянении. Обнимались все, вплоть до священников, и клялись перед нами и перед народом в дружбе, мире и братстве. Мы разорвали завесу без всякой пощады, но с простотой, ясностью и мягкостью, и сами изумились той легкости, с которой добрый народ, столь давно уже обманываемый святошами, растоптал свои прежние заблуждения. Народные Общества постановили довести до вашего сведения подробности трогательных сцен, которые чувствует душа,

но которые не может нарисовать себе ум. О если бы могли они поскорее вызвать подражание повсюду! Мы не сомневаемся, что повсюду получатся те же самые результаты и те же самые успехи, если сумеет выработать в себе тот дружеский и братский тон, с которым только и есть надежда добиться просвещения народа. Рошфорский народ постановил как раз сегодня, чтобы мы выступили в воскресенье в церкви вслед за лгуном-попом, который столько времени морочил там народ своим ханжеством.

Кажется странным, что как раз деревни подали пример в этом краю: но вы не удивились бы этому, если бы знали, насколько в городе царили зложелательство и аристократический дух, когда мы прибыли сюда. Возможно, что и Рошфор был бы в настоящее время, подобно Тулону, во власти изменников, если бы вы не послали туда народных представителей.

Народ заставил нас все окрестить другим именем на острове, раньше называвшемся Олероном. Это слово не означало ничего другого, как остров «ларронов» (т. е. разбойников): мы назвали его Островом Свободы; местечко с прежним именем Сен-Пьер Городом Братства; местечко Сен-Жорж Городом Единства; местечко Сан-Дени Городом Соединения. И пусть не думают, что этим мы проявили ту власть, которой мы облечены. Нет, народ этого потребовал, народ этого захотел, а мы всего только и сделали, что поговорили с ним простым языком доброты и правдивости. Он сам сбросил ослеплявшую его повязку и во всех этих местах, организованный в Народное Общество, водворился в храме, где до тех пор он собирался лишь для того, чтобы учиться молотить всякий вздор и верить в бредни, державшие его в рабстве и нищете. Братские банкеты, где председательствовало «святое равенство», даны были нам повсюду в публичных местах, и, переноса сюда результаты имевших место в храме философских споров вместе с пламенем гражданственности, зажженным ими во всех душах, тысячекратно восклицали: «Да здравствуют Разум и Свобода! Да здравствует Национальный Конвент, и да здравствует Республика!»

Важно, чтобы вы довели до сведения Временного Исполнительного Совета и специально морского министра новые имена, чтобы они впредь помещали их на географических и морских картах.

Есть одно обстоятельство, которое мы не должны от вас утаить,

так как оно служит доказательством уважения народа и его привязанности к Национальному Конвенту, а именно, что одна депутация только что разыскала нас в открытом море; она последовала за нами, так как погода не позволяла легко пристать к берегу, и мы приняли ее на дюнах Острова Свободы, среди песков. Это была депутация из Трамблада, которая явилась и заклонила нас именем населения этой области понести туда влияние национального представительства. Мы отправились и нашли там, как и в других местах, священников двух сект; мы их перемешали и обратили в одну веру; наконец мы нашли там темный, но справедливый и добрый народ; мы просветили его, и он задушил нас в своих объятиях и осыпал благословениями. Никогда деспоты не имели подобных радостей.

Во время этой морской поездки сюда вошел прибывший из Тулона «Аполлон», мы ждали его уже несколько дней и тогда же поставили об этом в известность местные власти; они сейчас же поместили штаб в безопасное место. Мы только что образовали комиссию для расследования этого дела, и сегодня начинаются допросы. Мы нисколько не сомневаемся, что этот корабль прибыл сюда исключительно для совращения умов и чтобы предать порт в руки англичан, как и те корабли, что идут в Лорьян и Брест. Наши коллеги в Бресте и Лорьяне несомненно сделают там то же, что и мы здесь делаем, и во всех этих столь важных местах Республике не будет нанесено ни одного удара, несмотря на попытку к этому со стороны этих чудовищ. Предполагаем, что в скором времени будем иметь возможность сообщить вам отсюда, что снято с плеч несколько голов.

Прощайте. Мы ведь республиканцы, и на нас можете полагаться

Леньело. Лежиньо.

107. Члену Комитета общественного спасения Сен-Жюсту

Один из народных представителей в Альпийской армии.
Виль-Аффрианши (Лион), 20 октября 1793 г.

С тех пор, как мы расстались, ты не написал мне ни строчки, мой друг; я хочу этого от тебя, так как ты мне обещал, что во всех случаях моего отсутствия ты будешь давать мне о себе вести. Эро был более любезен, чем ты: я получил два письма. Ты знаешь, мой дорогой друг, что я нуждаюсь для утешения в удручающих меня бедствиях в знаках сочувствия мне со стороны тех, кого я ценю; скажи же мне, что ты существуешь, что ты хорошо себя чувствуешь, что ты меня не забываешь, и я буду доволен.

Я прожил это время в краю, который нуждается в полнейшем возрождении. Народ здесь до такой степени поработен богачами, что он, так сказать, и не догадывался о Революции; с ним нужно было начинать с азов, и, когда он узнал, что существует декларация прав и что она — не химера, он сделался совсем другим. Все-таки это еще не народ Парижа, не народ Пюи-де-Дома¹⁾. Такой народ чертовски тут нужен. Я считаю, что здешний туп вследствие своего темперамента, и что туманы Роны и Соны вносят в атмосферу испарения, которые одинаково застилают и притупляют мозги. Вы вытребовали целую колонию якобинцев, усилия которых, в соединении с нашими, дадут народу то новое воспитание, которое сделает ничтожными, как я надеюсь, влияния климата.

Холод, дающий себя здесь живо чувствовать, на много увеличивает мои страдания; я желал бы подышать несколько воздухом Юга. Может быть я заслужил бы некоторую службу в Тулоне, но я желаю быть посланным туда постановлением Комитета, ибо без этого коллеги или, скорее, друзья, с которыми я здесь работаю, вполне могли бы и не отпустить меня. Проведи же мне это постановление, и сейчас же проворный генерал²⁾ пустится в путь-дорогу, а дальше или поглотит его преисподняя, или же будет применена к Тулону система живой силы для овладения им, как это было с Лионом,

Прощай, мой друг: обними Робеспьера, Эро и других наших лобных друзей за меня.

Предав огню Тулон, так как безусловно необходимо, чтобы этот гнусный город исчез с земли Свободы, предав огню Тулон, я вернусь к вам и останусь с вами на все время. Моя жена, Ипполит *) и я обнимаем тебя от всего сердца.

Ж. Кутон.

Мы стоворились с генералом Дюпне бросить к Тулону подкрепление в 14.000 хорошо вооруженных и хорошо свыкшихся с войной людей.

Я поручил нашему секретарю Домалю, поехавшему несколько дней тому назад с децешами для Комитета, спросить, могу ли я сохранить телескоп гнусного Преса, вещь, которой я дорожу как историческим предметом; извести меня, считает ли Комитет возможным, чтобы я без всяких затруднений оставил у себя эту вещь.

108. Комитету общественного спасения

Народные представители в Западной армии. Анжер, 30-й день 1-го месяца II г.—21 окт. 1793 г.

Граждане коллеги!

Быстрота нашего передвижения в последнюю неделю и ряд успехов, явившихся в результате ее, не дали нам еще времени передать вам все интересные подробности стольких побед. Мы пользуемся несколькими свободными часами, чтобы ознакомить вас со всем этим.

Все дивизии нашей армии легко произвели операцию подхода к главным притонам бандитов, и каждая колонна, по мере продвижения вперед, жгла, подпаливала и гнала перед собою все неприятельские посты, рассеянные в различных занятых ими местностях.

Взятие Шатильона дорого стоило мятежникам, независимо от значительной потери их в людях, оно ускорило соединение всех колонн, направлявшихся на Мортань и Шоле.

*) По всей вероятности, сын Кутона. *Прим. пер.*

Армия, стоявшая у Монтегю, овладела в это же самое время Тиффожем, затем она устремилась на Романь, разбила там врагов, сожгла это их логовище; произвела операцию уничтожения аванпостов Мортани и, обрушившись на предместья этого города, выгнала оттуда бандитов, большое число которых было сражено на смерть. Предместья были подожжены. и мятежники, напуганные этим обычным способом оповещения о том, что мы идем, совершенно очистили Мортань. Они пытались туда вернуться, стараясь отрезать наши пути сообщения, и одна их колонна, быстро явившаяся из Шоле для осуществления этого плана, была совершенно разбита, приведена в расстройство и подверглась преследованию вплоть до самых стен Шоле, потеряв все свои пушки. Наши войска в тот же день вошли бы в Шоле, если бы не помешала ночь. Они расположились бивуаком на дороге до следующего дня, когда все наши соединенные колонны двинулись на этот город перед которым были выдвинуты неприятелем все его силы. Там разразился кровопролитный бой; огонь с той и другой стороны становился все более ужасным. но гений свободы, покровительствуя героям, сражавшимся за нее, заставил победу склониться на нашу сторону, и мы вошли в Шоле с барабанным боем и криками: «Да здравствует Республика!» Мятежники отступили вплоть до Бопрео: они почувствовали без сомнения, что гибель Шоле и Мортани должна повлечь за собою их полное разложение, и что им не на что надеяться, если они не отберут у нас обратно эти два важные пункта. Поэтому на другой же день они напали на нас. Они проявили беспримерную ярость в этой новой атаке; быть может, никогда не было столь кровопролитной битвы; она продолжалась почти от полудня до 8 часов вечера, когда они были обращены в бегство, оставив на месте десять пушек и кучу трупов.

Используя этот успех, одна из наших колонн, хотя и усталая до изнеможения, преследовала их всю ночь и к часу ночи оказалась на расстоянии всего одной мили от Бопрео. Бандиты считали себя вполне в безопасности во время этого отступления, выгодно охраняемого самой природой и искусными мерами; но наши, двигавшиеся в тишине, войска нашли способы перебить все их аванпосты, один за другими, а вслед затем обрушились на замок Бопрео, где помещались все вожаки бандитов. Пробужденные раздавшимся криком ближайшей к ним стражи в момент ее избиения

нашими, они сделали по нас два никого не ранившие пушечные выстрела и поспешно очистили это свое логовище, в котором мы нашли мельницу для пороха, тридцать бочек селятры, несколько бочек серы, значительное количество ящиков для картечи, много железа для выделки, пушки, артиллерийские повозки, хлеб, много муки и т. д.

Не теряя времени и подобно охотникам, преследующим животное по пятам, мы кинулись в поиски за мятежниками в Сен-Флоран, последнее и единственное оставшееся у них убежище, куда они и укрылись. Но ужас перед нашим приходом был столь велик, что они не захотели нас там ждать, они бросились в лодки для переправы через Луару: причем сумятица и беспорядок во время их бегства были таковы, что женщины и дети, даже грудные, были толкнуты в воду и пошли ко дну в момент посадки на лодки. Один из их вожаков, Боншан, смертельно раненый при атаке Шоле, и велевший нести себя на носилках до самого Сен-Флорана, испустил дух на другом берегу реки после переправы через нее. Их главный вождь Дальбе был также смертельно ранен. Гибель Боншана равносильна целой победе для нас, ибо он, из всех бандитских вожаков, внушал к себе со стороны их наибольшее доверие; его они больше всех любили и за ним охотнее всего следовали.

Мы нашли в Сен-Флоране сорок артиллерийских повозок, много пушек, которые они побросали в Луару, не имея возможности увезти их с собой, и некоторое количество хлеба и муки. Среди стольких трофеев, граждане коллеги наши, имеется один, заставляющий наши сердца испытывать особенно приятное и вызывающее всеобщие симпатии чувство. Кроме всех пленных, которых мы освободили в Мортани, Шатильоне, Шоле и Бопрео, мы вырвали из рук врага пять тысяч пятьсот их в Сен-Флоране. Эти несчастные жертвы кинулись в объятия своих освободителей, орошая их слезами радости и признательности, и первыми словами, произнесенными ими при виде нас голосом, ослабшим от мук, продолжавшихся более пяти месяцев, было восклицание: «Да здравствует Республика!» Число всех возвращенных свободе в последнюю неделю превышает восемь тысяч.

Национальный Конвент пожелал, чтобы война в Вандее была закончена до конца октября, и мы можем сказать ему теперь, что

не существует более Вандеи, хотя мятежники и не истреблены еще до последнего. Глубокое запустение царит в настоящий момент в занимаемом ими прежде краю. Надо пройти большое расстояние в этих местах, прежде чем встретишь человека или хижину; ибо, за исключением Шоле, Сен-Флорана и нескольких мелких местечек, где число патриотов на много превосходило число контр-революционеров, мы не оставили позади себя ничего, кроме куч пепла и груд трупов. Мы готовы преследовать эту бегущую и перепуганную банду всюду, где только она ни окажется.

Часть майнцкого гарнизона уже двинута в Анжер, куда она сейчас прибывает, сделав двенадцать миль пути без остановок. Сильная колонна направлена к Нанту, а колонна, оставленная в Сен-Флоране, скоро переправится через Луару в том самом месте, где и бандиты. Будут приняты все меры к тому, чтобы нестись за ними вслед, не упуская их из виду, окружить и окончательно их уничтожить. Страх уже вынудил их бросить перед Ансени одиннадцать пушек, оставшихся в наших руках.

Нас уверяют в данный момент, что они держат свой путь на Канде; мы отправимся в эту ночь, чтобы перерезать им путь между этим городом и городом Лавалем, и не остановимся, пока не встретим их и не разобьем.

Мы не будем говорить в данный момент о всех тех храбрецах из нашей армии, которые во всех этих последних боевых действиях выказали чудеса храбрости. Этот интересный список будет вам немедленно доставлен; мы с удовольствием сообщаем вам, что он будет длинен и с массой имен, и в виду этого заслуживает особых трудов по его рассмотрению.

Бурбот, Тюрро, Шудье, Франкастель.

109. Комитету общественного спасения

Народные представители в Верхне-Гаронском департаменте, один из народных представителей в армии Западных Пиренеев и народный представитель, командированный для всеобщей мобилизации в департаменте Жиронды. Бордо, 30-й день 1-го месяца II года 21 октября 1793 г.

Вы теперь знаете о нашем вступлении в Бордо; это слово служит вам достаточным ответом. Вы прочтете прилагаемое при сем наше постановление, обнародованное еще до прибытия вашего письма; оно еще лучше ответит на ваши несправедливые упреки¹⁾. Граждане коллеги наши, нам легко показать всей Республике, что мы прибыли в Бордо именно в тот самый момент, в который нужно было, чтобы нам чувствовать себя прочно в этом городе и не компрометировать таких больших интересов. Для нас будет еще более легко доказать, что мы не потеряли ни минуты, что наш план был так хорошо рассчитан и выполнен с такой точностью, что все окрестности Бордо были на стороне Республики, прежде чем мяскаденны могли об этом догадаться, а народ был научен и сделанся хозяином положения, между тем как шайка заговорщиков была поставлена в невозможность оказать этому сопротивление. Одним словом, центр федерализма и гражданской войны, пристанище всех бандитов, питавших преступные надежды, был покорен без того, чтобы это стоило жизни хотя бы одному патриоту. Эта революция достаточно прекрасна и не заслуживает, чтобы наши коллеги пытались омрачить ее славу, обрушиваясь с незаслуженными упреками на своих коллег и друзей. Ведь они одни сделали эту революцию.

Теперь вы видите, как вы плохо осведомлены, и как интриганы стараются сыграть на вашем прямодушии, чтобы стать необходимыми и приписать себе честь осуществления того предприятия. Вся тяжесть которого пала исключительно на нас.

Вы думаете, что у нас «внушительные силы»: нет, вы ошибаетесь!

Всего с пятьюстами людей пехоты и ста пятьюдесятью кавалерии вошли мы в Бордо, и у нас нет других «сил». Мы открываем вам секрет, которого здесь никто не знает, ибо мы многое выставили исключительно напоказ, и все убеждены, что нас окружает десять тысяч человек. Подумайте только, что, если бы мы не склонили в нашу пользу умы патриотов, разве могли бы мы одолеть город, который вчера еще мог нам противопоставить «сорок тысяч вооруженных бойцов». Разве не являлось бы предпочтительным повременить несколько дней, осторожно маневрируя в это время, чем отвлекать с границ Республики и из Вандеи столь необходимые там войска?

К тому же нужно было любой ценой обеспечить продовольствие для Бордо, население которого, умиравшее с голоду в течение пяти месяцев, могло быть расположено в свою пользу и поднято первым, кто дал бы ему хлеб. Всех истинных республиканцев должна поразить одна мысль: Лион теперь не более, как груда пепла, а Бордо продолжает существовать для Республики; в нем торжествуют патриоты, и одна лишь кровь аристократов, роялистов и федералистов прольется, чтобы послужить скрепой для Революции.

Повторяем вам, граждане коллеги, никоим образом не будет излишним ваше недоверие к тому, о чем вам пишет стая пройдох и комиссаров всех названий и оттенков, профессией которых является клеветать на народных представителей, тормозить их мероприятия, словом обманывать вас среди бела дня. Ведь таким образом они зарабатывают себе деньги. Можно бы сказать, что, как в предпоследнее царствование, так и вы посылаете контр-посланцев, которым вы оказываете больше кредита и доверия, чем тем, кто является подлинным носителем этой должности. Однако мы заслуживаем этого полного доверия благодаря искренности и твердости во всех наших действиях.

Мы прилагаем здесь наше постановление касательно учреждения Военной комиссии для суда над людьми, поставленными вне закона. С завтрашнего дня начнет работать гильотина.

Лавогюйона²⁾ арестовали в эту ночь.

Не мешает вас предупредить, что комиссары Исполнительного Совета почти все интриганы, а те из них, кого вы послали на Юг, принимают звание «представителей народа» и ведут себя

с беспримерной наглостью, заставляя воздавать себе почести и пр. Есть среди них такие, что не умеют читать, да и другие есть не лучшие этих. Когда же наступит конец этим проделкам, столь вредным для Республики?

Шодрон-Руссо, С.-А. лекс. Изабо. Талльен, М. А. Бодо.

110. Комитету общественного спасения

Народный представитель в Лионе и Тулоне. Виль-Аф-франши (Лион), 5-й день 2-го месяца II года — 26 октября 1793 г.

Коллеги!

Подгоняемый в дороге желанием поскорее прибыть на место моего назначения, я мог окинуть лишь беглым взглядом те несколько департаментов, через которые я проезжал; но так как взгляд патриота не безрезультатен, то я мог узнать такие вещи, которые и вам важно знать.

Прежде всего для меня явилось несомненным, по полученным мною сведениям и по самому горестному опыту, что искусственно созданный голод опустошал ту часть Республики, которая простирается от Парижа до Виль-Аф-франши.

Повсюду я видел народ, занятый поисками хлеба в виду недостатка его в разных местах, да и то небольшое количество его, которое он может получить и съесть, весьма плохого качества; мне самому пришлось три раза испытать невозможность найти его как на постоянных дворах, так и у содержателей почтовых лошадей; максимум цен на зерно; жадность хлебопашца, злонамеренность аристократов и эгоистов и продовольственное снабжение армии, достигающее колоссальных размеров, — вот причина тому. Обстоятельства, в которых мы находимся, требуют, чтобы были приняты самые спешные и самые надежные меры, чтобы отстранить и ослабить тот бич, который мог бы нанести весьма чувствительные удары Республике. Я осведомляю вас, коллеги, и рекомендую вам позаботиться об этом важном вопросе.

С большой скорбью, коллеги, увидел я действие, произведенное общим законом о максимуме на цены всех необходимых для жизни предметов во всех тех местах, через которые я проезжал. Если бы этот закон был хорошо задуман, хорошо отредактирован и хорошо выработан в своих деталях, он мог бы иметь хорошие результаты; но таков, как он есть, он должен по необходимости повлечь за собою гибельные последствия. Прежде всего он распространяется на слишком большое число предметов; во-вторых он не допускает никаких различий между предметами одного и того же рода, но различной стоимости; в третьих он разоряет мелкого торговца, благоприятствует жадности богача-эгоиста, запасаящегося решительно всем, между тем как бедняк, не имеющий свободных средств, ничего не выигрывает, кроме кое-каких лакомств для своей минутной утехы. Он изложен так, что розничный торговец, не будучи в состоянии получить даже законного барыша, перестает запасаться всем и оставляет свою профессию.

Почти повсюду я нашел недостаток предметов самых необходимых для жизни, обезлюдевшие и пустые рынки и много закрытых лавок. Вы с трудом получите самый скромный обед в гостиницах, и яйцо почти также трудно найти, как быка.

Способ выполнения и понимания этого закона, который мог бы быть хорошим, является также одним из зол; максимум повсюду разный; сырые материалы для фабрик расцениваются по более высокому максимуму в одном месте, чем готовые изделия из них же в другом. Например, в Эльбефе необработанная шерсть продается по столько-то за фунт; в Дижоне же эльбефское сукно продается много дешевле. Другой пример: гаврский муниципалитет таксировал сахар в 26 су, в Шалоне он стоит 30, в Турню, муниципалитете Шалонского округа, коммунальные комиссары установили на него таксу в 28 су. Здесь установлен максимум на яблоки и груши, а кое-где даже на орехи. В одном месте вынужден продавать по максимуму свой хлеб земледелец, вино винодел; в другом торговец бельем и платьем, обувью и материями.

Что же происходит? Земледелец привозит вытребованное у него зерно; он хочет купить платье, но не находит больше сукна: торгующая им лавка закрыта. Винодел, скрепя сердце, продает свое вино по 12 су после трех плохих годов и встречает отказ в белье. Зреет глухое негодование; ненависть и нищета свивают себе

гнездо среди граждан, а аристократы наряжаются, покупают сласти, полотна, материи и пр. и наслаждаются жизнью; все они преклоняются перед Конвентом за максимум. Таким образом, коллеги, добро. благодаря его плохой подготовке, создает зло: таким образом благодаря готовившим добро рукам лекарство, которое должно было вызвать целительный кризис у изнемогающего больного, причиняет ему лютой голод и ужасное раздражение и при отсутствии спешных мер может довести его до жесточайших конвульсий; а вы ведь врачи.

Другой предмет: почтовая служба повсюду хромает, и без применения самых спешных, справедливых и в то же время строгих мер эта часть государственного управления совсем рухнет. Нужно приструнить содержателей почты и в то же самое время помочь им.

Нужно их поддерживать и наказывать. Все по дороге говорили мне, что не могли найти овса, а без овса нет лошадей.

Так пусть же декрет предпишет муниципалитетам производить реквизицию овса, чтобы обеспечить себя им, и пусть это будет строго проводиться в жизнь.

Но нужно сделать так, чтобы эти хозяева почты, занимающиеся во многих департаментах земледелием, не могли быть скупщиками, и чтобы они не использовали хитроумно максимум, что я подозреваю из того вдруг появившегося единогласия, с каким они поведали мне о своем положении. Это делает их мне подозрительными.

Пусть они будут обязаны, под страхом самых суровых кар, иметь предписанное число лошадей; пусть ежемесячно отсылаются в округа ведомости об этом, а также пусть делается проверка на месте.

И пусть они покажут количество обрабатываемых ими земель и собранных с них хлебов, в особенности овса; пусть их обяжут далее доказать сделанное ими употребление из их зерна за последние два года, сообразно с этими данными и надлежит действовать; таким способом как раз и будет оказано содействие хорошим содержателям почты, и в этой области государственного управления мы перестанем быть жертвою мошенников и аристократов, доставляющих из своей среды слишком много содержателей почты для Республики.

С братским приветом

Альбитт.

111. Комитету общественного спасения

Народный представитель в Лионе и Тулоне. Виль-Аффрианши (Лион), 5-й день 2-го мес. II года. — 26 октября 1793 г.

Вам нужно дать более или менее правильное представление о мятежном городе. Если бы я был достаточно свободным и хозяином своего времени, я думаю, что мог бы ознакомить вас в деталях с истинным его положением и представить на ваше усмотрение разные сведения о событиях, отметивших собою осаду и взятие этого города. Но, за неимением столь обширного обзора событий, я шлю вам донесение генерала Доппе, краткое, но точное обозрение положения здешних дел. По тому и по другому вам легко будет судить, с каким доверием следует отнестись ко всем представляемым докладам, и вы поймете, насколько важно вам принять серьезные меры, чтобы сделать достойным Революции Виль-Аффрианши.

Перенеситесь мысленно сюда и, после посещения остатков сооружений мятежников и занимавшихся ими выгодных позиций, примите в соображение, что Лион расположен между двух рек и защищен со стороны Круа-Русс сильными оборонительными сооружениями и самой природой, и вы поймете трудность победить его жителей, если бы они были столь же отважны, как и дерзки. По всем полученным мною сведениям было бы почти невозможно помешать выходу главных мятежников, и на него можно смотреть как на счастье, принимая во внимание, какие бы они совершили ужасы, если бы остались в городе, ибо они думали подвергнуть всеобщей резне тех глухих бездельников, которых они сумели увлечь на свою сторону, и защищаться до последней крайности в самом надежном квартале города, в котором они окопались бы как следует.

Судя по всем сообщениям, повидимому, не удалось уйти более, чем двум тысячам, при чем две трети этого гнусного воинства было изрублено, а оставшая треть взята в плен. Наши гусары и прочие кавалеристы поразительно обогатились добычей, взятой у этих злодеев увозивших с собою огромные богатства. Один из этих

наших солдат захватил в чемодане одного из этих чудовищ до двадцати тысяч франков. У наших солдат оказалось много золота. К несчастью, нельзя было собрать его и обменять на бумажные деньги; но в этом деле было слишком много беспорядка, чтобы можно было извлечь такую выгоду из взятых трофеев.

Военный трибунал здесь судит пленных; не проходит и дня, чтобы их не расстреливали. Все они, умирая, выказывают мужество и дерзость, но какую важность представляет их тон, лишь бы они освободили землю от своего присутствия! Я посоветовал моим коллегам создать несколько этих трибуналов, чтобы судить сразу в один прием этих жалких людей и произвести их одновременным наказанием то действие, которого следует ожидать от страшного примера, и которое было бы уничтожено одиночным и постепенным наказанием каждого из них. Меня уверяют, что Преси и Вирье убиты. Имеются их четки, их кокарды и пр. Я предпочел бы, чтобы принесли их головы.

Но несомненным является то, что мало кто ускользнул, и все рассказываемые об их исчезновении истории — простые сказки.

Еще более несомненная истина, что Лион не является до такой степени разрушенным, как об этом говорят. Этот город дает достаточно замечательных доказательств ударов национальной руки, но они не произвели последствий до такой степени значительных, чтобы можно было представить себе город на половину разрушенным. А выполнение декрета потребует много времени и труда. К вам наверняка поступит по поводу этого много петиций, ибо господа из Вилль-Аффранши будут взирать с большой горечью на то, как рушатся их прекрасные дома. Первый удар для разрушения был торжественно нанесен вчера моими коллегами прекрасным зданиям Белькура. Я настаиваю на разрушении Пьер-Сиз и укреплений мятежного города. Богачи своими деньгами оплачивают связанные с этим расходы, что даст пропитание бедным, которые, полагаю, всегда должны быть употребляемы здесь для национальных работ, чтобы вырвать их из когтей исключительно дающих им прокормление миллионеров. Именно в этих видах я напоминаю вам с большей смелостью, чем когда-либо, о сделанном мною вам предложении насчет учреждения национальных мануфактур в Вилль-Аффранши.

Крупная ссора между Дюбуа-Крансе и Кутонем будет вероятно

ликвидирована, так как этот последний, согласно вашему письму, скоро уедет, так же, как и Шатонеф-Рандон, Лапорт и Менье. Я только что предложил им все-таки оставить временно одного из них для поддержания в этом краю видимости некоторого порядка до прибытия Лапланша и другого, без которого было бы невозможно обойтись. Шатонеф-Рандон, лежа в постели больной, лишает Комиссию помощника, который мог бы быть ей полезен. Калеки Кутона мало, чтобы справиться со всей ее работой, и все вообще народные представители жестоко страдают от утомления. Причиной им интриганов и массой мелочей в делах.

Какое бы представление вы ни составили себе, коллеги, о нравственном уровне Лиона, оно будет далеко от действительности.

Вообразите себе многочисленное население, погрязшее в невежестве, испорченное аристократией; посмотрите на нищету, устроенную эгоистами; предразсудки и слабохарактерность отравляют этот край. Я знаю лишь три рода людей: контр-революционеров, скаредных эгоистов и малодушных санюлотов. Клуб состоит почти исключительно из наших военных. Местные власти совершенно неспособны оказывать помощь народным представителям; муниципалитет без знаний и без энергии; ничто не приводится в исполнение; в ходу взятки, и лишь с трудом можно заметить нескольких патриотов среди толпы трусов и мошенников.

Здесь необходима колония патриотов, иначе никак не добьешься намеченной цели.

Нужно будет время, много энергии и силы, чтобы сделать лионцев достойными жителями Вилль-Аффранши, и невозможно взирать без скорби на мрачное и отвратительное состояние этого большого города. К нему можно применить следующее ходячее выражение: этот город был бы хорош и красив, если бы он был отстроен заново, и если бы ему можно было дать других жителей. Я надеюсь, что это пойдет прогрессивно и что удастся достигнуть этого счастливого возрождения. А вы можете еще и посодействовать этому.

С братским приветом

Альбитт.

112. Комитету общественного спасения

Народные представители в
Западной армии. Анжер, 17
брюмера II года—7 ноября
1793 г.

Нашей главной заботой по прибытии в этот город, граждане коллеги, было приняться сейчас же всеми подходящими способами за удовлетворение необходимых нужд нашей армии; нужно было кроме того дать несколько дней отдыха солдатам, которых сразили физически и морально длительные и трудные переходы, постоянная жизнь на бивуаках и в особенности только что испытанная ими неудача среди стремительных успехов Вандей. В настоящий момент, когда милосердные заботы жителей Анжера восстановили их истощенные силы, когда они, негодуя на потрясшуюся с ними беду, вновь обрели все свое мужество, всю свою энергию, мы с удовлетворением сообщаем вам о том, что они уже отправились в поход, чтобы закончить уничтожение бандитов. Мы ничего не упустили, чтобы ускорить их отъезд. Половина армии была без сапог, оружие нуждалось в починке; склады не предоставляли нам каких-либо ресурсов; различные меры, которые мы сочли долгом употребить, не давали нам результата достаточно быстро, а нужно было идти в поход; мы сейчас же мобилизовали всех мастеровых соседних городов; было доставлено несколько повозок с башмаками. так как их оказалось недостаточное количество, мы потребовали у местных властей, чтобы они забрали без вознаграждения все башмаки у жителей города Анжера; они несколько дней походят в сабо *), а наша армия отправится в поход.

Бандиты эвакуировали Лаваль; они двинулись на Майенн, а вслед за тем на Эрне. Жители Майенна, отошедшие, как нам сказали, в большинстве к этому последнему местечку, оказали сопротивление; пришлось уступить численному превосходству мятежников, которые тотчас же направили свои силы на Фужер. Россиньоль **)

*) Деревянные башмаки.

***) Главнокомандующий Вандейской армией, бездарный генерал, креатура Бушара *Прим. пер.*

выступил в поход и собирает вокруг себя все свои силы; наши не замедлят прийти к нему на помощь. мы установили между ним и нами самый тесный контакт; он осведомлен о наших движениях. Вы увидите в копии препровождаемые нами вам решения военного совета, благодаря которым мы в состоянии, каковы бы ни были намерения неприятеля, остановить его в его движении.

Как кажется, до последнего момента неприятель старался распространять слух, что идет на Париж; но кажется более вероятным и даже более выгодным для планов вожаков заговора заполучить порт на море. При всех этих предположениях, мы готовы к его встрече. Его теперешняя стойкость, судя по всем донесениям, нисколько не представляется тревожной; недовольство и уныние охватывают католические когорты, нужды первой необходимости, как-то обувь, одежда, не могут быть удовлетворены. Уже видали много банд, рассеянных по деревням, которые, попрытав свое оружие, стремятся вернуться к своим домашним очагам.

Католическая армия не приобретет себе, надеемся, многочисленных сторонников: вслед за ней идут ужасы голода, и ее грабежи делают ее предметом открытого отвращения, а сверх того мы не упустим ни одного из средств, могущих ускорить ее разрушение.

Равным образом мы обратили ваше внимание на остров Нуармутье. Мы поделились с генералами нашей законной тревогой насчет тех сил, которые остаются еще в распоряжении Шаретта *). Им приняты были все меры для уничтожения этого сборища, которое могло бы стать, если бы к нему отнеслись спустя рукава, началом второй Вандей: мы препровождаем вам протокол заседавшего по этому поводу военного совета и присоединяем равным образом по экземпляру наших постановлений и наших прокламаций.

С братским приветом

Бурботт. Л. Тюрро, Франкастель.

*) Один из вождей вандейцев. *Прим. пер.*

113. Конвенту

Народный представитель, командированный для проведения массового набора в департаменте Дордони. Перигё, 23 брюмера II года—13 ноября 1793 г.

Граждане коллеги!

Интриганы и попы на один момент охладили патриотизм граждан этого департамента и в частности коммуны Периге; но эти люди, оказавшиеся опасными даже в месте своего заточения, были переведены в другие департаменты, и термометр патриотизма поднялся на прежнюю высоту.

Администрация, склоненная к федерализму изменником Пипо *), обновлена в своем составе: скоро закончится чистка администрации окружной, и вообще все государственные служащие антигражданского направления, федералисты, умеренные вскоре уступят свои места гражданам, более достойным того, чтобы их занимать.

Изобретенная Гильотеном ужасная машина находится в непрерывном действии. Некий агент, слуга аристократов, подстрекатель к возврату королевской власти понес вчера соответствующее его преступлению наказание. Бывшего королевского комиссара, признанного контр-революционера и заговорщика, Мандавида, несомненно ждет та же самая участь; он был переведен из Бордо в Перигё, и я полагал, что следовало, чтобы вселить ужас в души его соучастников, судить его в том самом месте, где он старался вызвать гражданскую войну.

По мере того как восстанавливается энергия патриотизма, ослабевает и потухает в той же самой пропорции суеверие; и революционный философ с удовольствием должен взирать на то, как в этих краях, где раньше владычествовал фанатизм, власть попов не надолго пережила власть королей.

Я назначил «миссионеров» нового рода; они только что стали собирать по деревенским церквям бывшие священными сосуды; сбор этот дал уже значительные результаты; он увеличивается

*) Генеральный прокурор-синдик деп. Дордони, арестованный и отправленный в Париж. *Прим. пер.*

с каждым днем, с каждой минутой; собранные предметы, или по крайней мере часть их, в один прекрасный день появятся перед вашими глазами в зале заседаний Конвента. Слабодушные, которые все еще хотят чуда, убеждаются, что вино совершенно так же превращается в кровь в оловянном сосуде, как и в золотой чаше. Таким образом Национальный Конвент может считать, что через несколько месяцев все эти изделия поповского обмана, будут превращены, если он так захочет, в республиканскую монету.

Пусть же культ свободы, которая отнюдь не является вымышленным божеством, поскорее и даже в этих же наших храмах заступит место тех пустых и смешных церемоний, которые разыгрывались тут столь долгое время. Пусть Марат и Лепельтье *) будут впредь святыми, к которым мы будем взывать.

В первый день текущей декады в бывшем соборе этой общины в честь этих двух мучеников свободы справляли праздник, простой и величественный. Единственной его декорацией была утесистая гора. Лепельтье и Марат карабкались на нее, чтобы увенчать, и, остановленные в своем движении, пали под ножом убийц. Молодой оратор, который несомненно в будущем будет блистать на трибуне законодательного собрания, достойным образом воздал хвалу этим двум великим людям, и торжество закончилось иллюминацией, получившейся от сожженной массы феодальных грамот, превращенных таким образом в кучи пепла. Вокруг этого нового аутодафе *) танцовали с пением гимна свободе местные власти и депутации Народных Обществ всего департамента. Подобные празднества в один день создают подъем общественного духа на продолжительное время.

Поскольку я сам люблю свободу, я постарался здесь внушить к ней любовь, несовместимую с существованием королей; но, хотя я здесь всего несколько дней, и то, что мне удалось сделать, лишь черновые наброски, вы отзываете меня на мой первоначальный пост; я отправляюсь туда; однако, скажу вам по правде, не пришло еще время оставлять этот департамент без народного представителя, и я предлагаю вам послать сюда снова кого-либо.

Ру-Фазильяк.

*) Два члена Конвента, убитые контр-революционерами.

Прим. пер.

P.S. Мое письмо было уже написано, когда я узнал, что Комитет общественного спасения, который я убедил в необходимости отсрочки моего отозвания, согласился отсрочить ее на пятнадцать дней. Конвент поймет, что эта отсрочка нужна, даже неминуема, когда он узнает, что Пине и я, назначенные сначала в этот департамент, были отвлечены экстренными делами, он в Ажан, а затем и в Байонну, а я в Шарантский департамент, и департамент Дордони таким образом остался без народного представителя. Отсюда получилось, что набор молодых людей от 18 до 25 лет не был произведен, и декрет 23-го августа в этом отношении оказался как бы несуществующим. Я всячески спешу с его выполнением. Национальный Конвент несомненно утвердил то, что постановил в отношении меня Комитет общественного спасения; того требуют интересы Республики.

114. Национальному Конвенту

Народный представитель в
департаменте Соммы и Уазы.
4-й день 3 дек. 2 мес. II года—
14 ноября 1793 г. 1).

Граждане коллеги!

Едва я покинул стены Парижа, как явился один бывший священник и заявил мне, что он только что объявил своим согражданам, что он перестал быть орудием обмана, и передал мне свои священнические грамоты. Другой священник также передал мне уже свой патент священнической безнаказанности; но этот последний снабдил эту свою передачу сопроводительным письмом, так хорошо написанным и столь правдивым, что я не могу удержаться от того, чтобы не привести из него нескольких страниц, которые я поручаю вам огласить во всеобщее сведение. Вот они:

«Желание быть священником и республиканцем в одно и то же время невозможно. Поэтому нужно или отречься от одного, или отказаться от другого. Но нерешимость выбрать между рабством и свободой явилась бы преступлением. Возьмите же, гражданин, возьмите эти листы, горделиво украшенные печатью *Монсеньора*, возьмите эту священную власть творить бога и управлять

совестью людской. Пусть то пламя, которому они предаются, послужит сигналом к рождению нового защитника свободы и равенства! Пусть встревоженный фанатизм бросит мне упрек в столь смелом отступничестве! А в чем, в чем не упрекну я его в свою очередь? Не говоря уже про те бедствия, которые он причинил моему отечеству, какими кривыми путями не заставлял он меня итти в течение четырех лет, чтобы добиться свидетельства о моей принадлежности к священническому званию, выдачу которого он обставил самыми антиобщественными условиями! Пришлось пробираться во мраке сквозь бесплодные пространства богословия. Богословие свободного человека это—природа».

Это письмо заканчивается такой замечательной фразой:

«Производящие времена года являются доказательством существования Верховного Существа, как они же являются побудительными силами нашей любви, и ничто так не походит в природе на служителей этого Верховного Существа, как зима, все пожирающая и ничего не производящая. Какая непонятная странность желать походить на бога-творца тем местом, которое походит на него всего менее».

Если к содержащимся в этом письме неоспоримым истинам следует добавить еще то омерзение, которое должно внушать огромное большинство попов, то я сообщу вам, как Дебуа, бывший депутат и епископ в этом департаменте, тот самый, который за свои антигражданские ответы на допросе был отправлен в Бисетр ²⁾ с восьмью—девятью дюжинами черных животных его породы, только что прислал мне написанное им письмо, очень короткое и составленное в весьма точных выражениях, в котором он уверяет, что в последние полгода он исповедует чувства, абсолютно противоположные тем, которые он тогда обнаружил. Я скоро велю отпечатать протокол допроса, а на полях этого протокола его письмо.

Сию минуту, пока я вам пишу, я получаю новое письмо от одного священника, объявляющего мне, что он проклинает ту минуту, когда он решился им быть, и оправдывается передо мною тем, что сделал это только для того, чтобы помочь бедной матери; что он не признает другого культа, кроме культа свободы и равенства, другой религии, кроме любви к отечеству, другого евангелия, кроме евангелия разума.

Я все время поздравляю себя с тем, что я первый, три месяца тому назад, разорвал завесу и велел объявить двум фиглярам в Монтрейле, что они до сих пор в своих черных одеяниях были лишь арлекинами или петрушками, поучавшими людей для того, чтобы жить на их счет.

Если после моей первой реквизиции 400 святых явились в зал ваших заседаний дать клятву в том, что они принудят себя сражаться для защиты отечества, то сегодня целый их отряд группируется вокруг меня, утварь наполняет помещение Комиссии, и стоит им еще немного продолжать в том же духе, и они сделают то, что я очень желал бы, чтобы мы могли сделать в Бельгии: они все приносят и ничего себе не оставляют.

Вчера я устроил народное собрание. Перед шестью или семью тысячами граждан я дал бой тюремщикам всех святых и их охранителям, и после того как эти проповедники обмана были пришиблены доводами разума, республиканцы освободили «святую армию», которую Революционная Комиссия ³⁾ и собирает здесь ⁴⁾.

Викарный епископ с пятью или шестью церковными привратниками, услышав, как народ аплодирует закрытию соборной церкви и переименованию ее в Храм Разума и Истины, пожелал окончить так, как он начал; он ограничился тем, что тайно унес нравившиеся ему предметы, но теперь он со своей церковной челядью находится в тюрьме. Я спешу ковать железо, пока оно горячо; если это продлится, то придется отвести помещение для приема этой святой и проклятой ⁵⁾ армии ⁶⁾.

Мое мимолетное отсутствие из департаментов, которые я объезжаю, сделало то, что аристократы, до того незаметные, стали задирать нос; я каждодневно сажаю их в тюрьму, и результатом этого является неудача еще одного заговора.

Уверю вас, что, если твердо держаться революционных мероприятий, все граждане охотно пойдут и сокрушат тиранов и их холопов. В Компьени имеются еще некоторые фельяны; я, проезжая тут, произвел чистку администрации округа и коммуны.

Терпение, и все пойдет хорошо, все уже идет хорошо.

Дюмон.

⁶⁾ Дюмон играет двойным смыслом слова sacré: священный и проклятый. *Прим. пер*

P.S. Еще один поп, отрекающийся от своего звания. Это какое-то всеобщее поветрие; вскоре мы сможем сказать: нет больше попов, а есть много республиканцев.

115. Комитету общественного спасения

Один из народных представителей в Западной армии
Нант, 27 брюмера II года—
17 ноября 1793 г.

Здесь произошло оздоровление всех местных властей, распущено анти-народное общество, рассылены тайные собрания, известные под именем «Литературных кружков». Федералисты, фельяны, роялисты, все в руках национального правосудия, так же как и скупщики.

Революционные комиссары осуществляют весьма бдительный надзор и самое незамедлительное правосудие против всех врагов Республики.

Апостольское служение разуму, просвещая и электризуя все умы, поднимает их до уровня, достойного Революции; предрасудки, суеверия, фанатизм—все исчезает в пламени философии. Минé, бывший епископом, а теперь президент департамента, обрушился в чрезвычайно красноречивой речи на заблуждения и преступления священства и отрекся от своего священнического сана; пять настоятелей приходов последовали его примеру и воздали те же самые почести разуму.

Убавить число попов, видимо, угодно было и обстоятельствам иного рода; девяносто их из тех, кого мы обозначаем именем непослушных закону священников, были посажены на судно на Луаре. Сию минуту узнал, и эта новость идет из весьма надежного источника, что все они погибли в реке ¹⁾.

Каррье.

116. Комитету общественного спасения

Народные представители в
Рейнской армии. Бич, 1 фри-
мера II года—21 ноября 1793 г.

Граждане коллеги!

Республика одерживает победы по всему фронту наступающих войск от Саарбрюкена до берега Рейна. Армия из-под Страсбурга вновь заняла Ванценау и Брумпит. Севернская дивизия отбила Буксвиллер, и мы вчера покинули ее на пути к Гагенау. Сейчас мы в Биче ¹⁾ с частью войск из сосредоточенных в Буkenоме. Так как мы заняты проведением плана военных операций и наблюдением за их выполнением, то вы не от нас первых узнаете о попытке неприятеля захватить замок Бич.

В этом форте были налажены сношения (с врагами); предприятием руководил живший много лет в Биче эмигрант ²⁾; он был раньше инженером в форте и знал все его закоулки. Неприятель уже сломал ворота; комендант, которого мы к вам отправляем, оставил спущенными подъемные мосты; этот укрепленный пункт окружало шесть тысяч людей. Спас форт один лишь Шерский батальон; каждый солдат руководился лишь своим мужеством; артиллеристы вели себя таким же образом; солдаты Шерского батальона засыпали неприятеля ручными гранатами и били его зажженными головнями. Мы видели рвы, откосы, стены и лестницы, залитые его кровью.

Военная комиссия сейчас же начнет свой суд над взятыми в плен эмигрантами. Другие пленники, в числе двухсот или трехсот, будут отведены внутрь страны.

Неприятель отобрал для этого нечаянного удара самых сильных из имевшихся в его распоряжении солдат; один шестнадцатилетний волонтер из Шерского батальона, разоружил их пятнадцать человек. Мы затребовали имена храбрецов, спасших форт, и мы препроводим их вам для того, чтобы Национальный Конвент вознаграждал одно из прекраснейших дел обороны, которые когда-либо видели с начала войны. Судите же, сколь важно было для неприятеля овладеть фортом Бич, в особенности при том плане, который им преследуется.

Мы скоро отправимся в Горнбах, к армии генерала Тапонье. А оттуда направимся в Дё-Пон, куда вчера вошла армия генерала Гоша, из состава войск Пишегрю. Республика обладает счастьем Цезаря и еще более его заслуживает. Вы видите, как побеждает она повсюду.

Надемся, что армии нисколько не замедлят своего движения вперед. Мы не оставались и полдня на одном месте, с того времени, как началось наступление. Осуществлен надзор за каждым шагом военных операций. Мы сдержим данное вам слово; будем делать так, чтобы наступление не остановилось до полного уничтожения неприятеля; он должен быть сброшен в Рейн, если все у нас выполнят свой долг до конца.

Сен-Жюст, Лёба.

117. Национальному Конвенту.

Народный представитель,
командированный для про-
изводства конской мобили-
зации в Ангулеме. Ангулем,
3 фримера II года—23 ноя-
бря 1793 года.

Я должен осведомить Национальный Конвент о неожиданно происшедшей по голосу народа революции в Ангулеме и Ларош-фуко в отношении такс на съестные припасы; но эта революция не должна беспокоить Конвент; она спасительна, так как ее потребовал народ.

До закона о максимуме сено никогда не продавалось дороже 25—30 ливров за милье ¹⁾, а закон фиксировал ему цену в 60 ливров.

Овес никогда не поднимался в цене выше 5—6 ливров за квинтал ²⁾; если бы не была установлена такса на вина, цена их не превышала бы 30—36 ливров за здешних размеров бочку, а такса подняла ему цену до 50 и 52 ливров.

Водки разного сорта следуют той же пропорции.

¹⁾ Милье (millier) равен 1000 фунтов.

²⁾ Квинтал равен 50 кило.

Народ и Народные Общества предъявили требование (о понижении максимума) местным властям; спросили моего согласия с тем чувством, которое доказывало справедливость требования и выражало отказ подчиниться закону; я счел долгом согласиться на это требование; не было слышно никаких жалоб на это; красное вино было таксировано в 40 ливров за бочку, квинтал овса в 10 ливров, и милье соломы в 20 ливров.

Выгоды от этой таксы для Республики, благодаря стоянке в Ангулеме собранных по мобилизации лошадей, менее принимались мною в расчет, чем желанья и нужды местного народа; почти совсем лишенный хлеба вследствие злоумышления и страха, он не мог получить и доступного ему по цене вина, которое при настоящих обстоятельствах способно принести весьма большую пользу для поддержки и подкрепления сил мастерового человека и бедняка при их изнурительных трудах.

Конвент был бы взволнован до глубины сердца, если бы мог видеть и слышать народ в этих краях, его самоотверженные страдания, его ненависть ко всему, что чуждо Конвенту, его преданность, рвение, мужество и бесстрашие, с которым он посвящает себя отечеству; он никогда не менял этих своих качеств; на некоторое время он оказался в стесненных обстоятельствах, но горе тому, кто впредь попытался бы поставить его опять в такое положение.

Больше пятидесяти попов вручили мне свои священнические грамоты; они будут сожжены в первую же декаду, намеченную для празднования здесь праздника Разума. Орудия, при помощи которых делали бога), также прибывают к подножию столь долгое время пребывавшего в порабощении Разума и в непродолжительном времени будут перевезены в Париж.

Прошу Конвент одобрить те таксы, о которых я ему только что сообщил.

Ж. Б. Арман.

*) Предметы религиозного культа. *Прим. пер.*

ПРИМЕЧАНИЯ

к „Донесениям комиссаров Конвента“.

К донесению № 1

1) Перечень вопросов, предложенных Мертскому департаменту посланными туда депутатами—комиссарами Национального Конвента,—таков. Комиссары спрашивают департамент о состоянии обороны пограничных пунктов, просят предъявить книгу для регистрации законов, требуют представления сведений о податной раскладке, о состоянии национальных имуществ; о мерах, принятых в отношении эмигрантов, равно как и о мероприятиях по продовольственному вопросу и по уничтожению признаков феодального строя.

2) В своей петиции муниципалитет Туля настаивает на том, чтобы арендаторы упраздненной обители тульских миссионеров—таваристов, как и арендаторы имуществ местных эмигрантов, были принуждаемы уплачивать свои арендные платежи натурой и представлять их в установленные для их текущих арендных платежей сроки в указанный им общественный склад в городе Туле. Муниципалитет утверждает, что испытываемый в городе голод происходит по преимуществу от ажиотажа (т. е. биржевой игры денежными бумагами), которому предаются эти арендаторы.

К донесению № 2.

5) Франкфурт был отбит пруссаками у французов 2 декабря 1792 года.

К донесению № 3.

1) Легион аллоброгов—это волонтерский отряд савояров, сражавшийся за французскую Революцию против ее врагов и в том числе против сардинского короля, к владениям которого принадлежала Савойя. Аллоброгами, т. е. именем галльского племени, некогда жившего в пределах Савойи, савояры стали называть себя, когда в их стране началось национальное движение, приведшее к соединению Савойи с Революционной Францией (в октябре 1792 года).

К донесению № 5.

1) Декрет 15 декабря 1792 года был издан Конвентом специально для своих комиссаров в Бельгии, но должен был вместе с тем явиться примерным руководством для всех командующих армиями Республики в оккупируемых ими странах. Этот декрет получил свой окончательный вид в заседании Конвента 17 декабря и содержит двенадцать статей, требующих от французских генералов немедленного провозглашения в оккупируемых ими местностях народного верховенства и уничтожения феодальных прав и привилегий (ст. 1); немедленного созыва первичных народных собраний для организации временной администрации и суда (ст. 2); взятия под охрану и покровительство французской Республики всех движимых и недвижимых имуществ в оккупируемой стране, принадлежащих как здешней казне и монарху с его добровольными соумышленниками, сторонниками и приспешниками, так и принадлежащих общественным учреждениям, корпорациям и общинам, светским и духовным, с составлением подробного инвентаря и с принятием всех зависящих от них мер для их полной сохранности (ст. 4).

В помощь временной администрации Исполнительным Советом назначаются так называемые национальные комиссары (ст. 7).

К донесению № 7.

1) Донесение дошло до нас в копии, которая не сохранила имен и подписей комиссаров.

К донесению № 8.

1) Сицилийская вечерня—это избивание французов туземным населением в Палермо в 1282 г. во время вечерни, на второй день Пасхи. Отсюда движение распространилось по всей Сицилии. За несколько лет перед этим французы, по приглашению папы, отняли юг Италии от Гогенштауфенов, и королем сделался французский принц Карл Анжуйский.

К донесению № 9.

1) Национальные комиссары введены декретом Конвента от 15 декабря 1792 года (см. выше прим. к донес. № 5).

К донесению № 18.

1) Это военно-судебный комиссар, наблюдавший за деятельностью военных судов.

К донесению № 19.

1) Дело идет о нападении на комиссара Конвента Леонара Бурдона, приводившего в исполнение закон о воинском наборе. Бурдон, по дороге с митинга в орлеанском народном клубе 16 марта 1793 года, был схвачен стражей коммунального дома, затасчен во двор этого самого дома, и там получил ряд тяжких ран, едва не оказавшихся смертельными.

К донесению № 20.

1) Т. е. суд прево, решающего дела немедленно, не стесняясь судебными сроками и прочими формальностями.

К донесению № 24.

1) Согласно этому постановлению от 24 марта 1793 года комиссары в Обском и Ионском департаментах предписывают немедленную пересылку пленных в другой район, мобилизуют национальную гвардию для производства обысков у подозрительных лиц и в особенности у подлежащих аресту неприсягнувших священников; предлагают директории департамента отдать приказ почт-директору вскрывать письма и пакеты, приходящие из-за границы, и прочитывать их в присутствии адресатов: наконец они постановляют произвести немедленный арест всех подозрительных лиц.

2) Этот рукописный памфлет озаглавлен: „Второй патриотический разговор“. Это диалог между депутатом, гренадером и крестьянином. Депутат убеждает гренадера идти на фронт; гренадер отказывается; крестьянин его оправдывает.

К донесению № 25.

1) Согласно постановлению от 24 марта 1793 г. комиссары предлагают Верхне-Луарскому департаменту, округу и общине Шюи заседать непрерывно; они берут в свое полное распоряжение национальную гвардию; предписывают составление списка подозрительных лиц; требуют от административных властей и от командиров национальной гвардии представления ведомости набора в Верхне-Луарском департаменте и делают их ответственными за выполнение этого декрета комиссаров.

К донесению № 27.

1) Барер был членом Комитета общей обороны, и это письмо было очевидно предназначено для сообщения Комитету.

2) Речь идет о судьбе и казни короля.

3) Имеется в виду партия жирондистов, которую автор прямо нигде не называет.

К донесению № 29.

- 1) См. прим. к донесению № 5.
- 2) См. донесение № 2 и прим. к нему.
- 3) Так назывались судьи и администраторы, стоявшие во главе баляжей или округов, на которые делилась Северная Франция при старом режиме.
- 4) Курфюрстами германской империи назывались семь князей как духовных, так и светских, которые обладали правом выбирать германского императора.

К донесению № 31.

- 1) В этой прокламации Дюмурье призывает своих солдат восстановить конституцию 1791 года и очистить Францию от „убийц и смутьянов“.

К донесению № 32.

- 1) Все эти приложения к письму до нас не дошли.
- 2) Это—декрет от 19/20 марта 1793 года касательно наказания тех, кто будет обвинен в соучастии в контр-революционных бунтах или мятежах, бывших или могущих быть во время набора.

К донесению № 36.

- 1) Это письмо дошло до нас без даты. Но так как оно было прочитано в заседании Конвента 8 апреля 1793 года, то, по мнению Олара, оно должно было быть написано в Нанте днями четырьмя раньше.

К донесению № 40.

- 1) Закон о разводе был издан Законодательным Собранием в 1792 году.
- 2) Это созданная законом Учредительного Собрания от 22 декабря 1789 года должность блюстителя интересов общего блага при органах окружной администрации. Прокурор-синдик присутствовал на заседаниях этих органов без решающего голоса, но никакие сношения и решения органов окружной администрации не могли обойтись без его ведома и участия, должность эта была уничтожена декретом Конвента 14 февраля II года (т. е. 4 декабря 1793 года).
- 3) Постановлением от 24 марта 1793 года комиссары Конвента пополняют состав администрации округа Беллей, в которой недоста-

вало двух членов. и назначают прокурором-синдиком другое лицо вместо гражданина Пюо.

4) а) Под диктатурой здесь разумеется диктатура революционного Парижа над всей Францией.

б) Под аграрным законом подразумевается требование передела земель с допущением к нему на равных правах как богатых, так и бедных.

в) „Из Орлеана явился король“: этот лозунг есть воспоминание о средневековых временах, когда Орлеанская дева, Жанна д'Арк, освободила Орлеан из-под власти англичан во время столетней войны их с Францией и дала этим возможность французскому королю утвердиться на своем престоле.

г) Маразм, мараписты, это—сторонники Марата и его подчиники как в Конвенте, так и вне его.

5) Это родственник казненного короля, один из претендентов на французский престол; в эпоху реставрации Бурбонов действительно сделался королем (1824—1830); его лишила трона июльская революция 1830 года.

К донесению № 42.

- 1) Имеется в виду донесение тех же комиссаров из Валансьена от 8 апреля, в котором нет ничего особенно существенного, разве что высказывается упрек по адресу Конвента за то, что он из-за внимания к ним забыл о необходимости назначить новых комиссаров.

К донесению № 43.

1) Аутодафе — торжественное сожжение как самих еретиков, так и их книг, практиковавшееся испанской инквизицией, а по примеру ее и в других странах Западной Европы в Средние века.

2) Это популярная песня на политическую злобу дня, сопровождаемая танцем того же имени. Появилась она в 1792 году под впечатлением события 10 августа того же года, т. е. крушения монархии. Танцующие карманьолу, взявшись за руки, образуют круг; танец, при пении куплетов этой песни идет медленно и ускоряется до бешеного темпа, когда поется припев. Казнь королевы Марии Антуанетты и другие события Великой Революции, возбуждавшие антимонархические чувства, оставили свой след в куплетах карманьолы; при Наполеоне I она одно время была запрещенной песней; неслышная или мало-слышная в спокойные времена, она возрождалась в дни Революций, обогащаясь новыми куплетами на злобу дня; так было в 1848 году; так было и в дни парижской коммуны в 1871 году.

К донесению № 44.

1) Здесь ошибка в дате. Дело идет о законе 11 апреля 1793 года, запрещавшем продажу звонкой монеты под страхом шестилетнего заточения в окопах и объявлявшем, что никакие покупки, продажи, договоры, соглашения или сделки не могут заключаться впредь иначе, как счетом на ассигнации.

2) Это письмо подписано равным образом и генералами Кюстином и Депре-Крассье, а также и членами Генерального Совета Нижне-Рейнского департамента.

К донесению № 45.

1) Это политический клуб сторонников монархической, буржуазной и цензовой конституции 1791 года. Он образован был группой бывших якобинцев с Барнавом во главе, вышедших из состава якобинского клуба летом 1791 года, после бегства короля в Варенн, когда якобинский клуб стал склоняться к республике. Когда вместе с королевской властью рухнула и конституция 1791 года и собрался Конвент, фельяны были причислены к контр-революционерам, и их стали преследовать. Свое название клуб получил от помещения своего в бывшем монастыре фельянов в Париже, в провинции этот клуб почти не имел отделений.

К донесению № 46.

1) Из этих писем историком Оларом найдено одно лишь письмо принца Гогенло к генералу Кюстину от 12 апреля 1793 года, в котором речь идет главным образом об обмене пленными.

К донесению № 49.

1) „Хроника Парижа“—ежедневная газета, существовавшая от 24 августа 1789 года до 25 августа 1793 г.; в данный момент редактировали в ней: отчеты о заседаниях Конвента—Кондорсе и Делоне; политический отдел—Рабо Сент-Этьен; литературу и искусство—Л. Миллен. Вот та страничка отчета о заседании Конвента 19 апреля, помещенная в номере „Хроники Парижа“ от 20 апреля 1793 года, в которой Колло д'Эрбуа усматривает извращенное сопоставление фактов:

„1. одно лицо, приговоренное к смертной казни трибуналом департамента Орны за убийство в ссоре неприявшего священника, просит устами Лё-Арди отсрочки исполнения приговора, чтобы иметь возможность подать на кассацию: его просьба удовлетворяется;

„2. женщина, осужденная Революционным трибуналом на смерть за свои необдуманные слова, в ответ на свою просьбу об отсрочке исполнения приговора, получает решение Конвента о простом переходе к очередным делам, т. е. немотивированный отказ“.

2) Это один из принцев крови во Франции, герцог Луи-Филипп Орлеанский; с наступлением Революции он отрекся от своего герцогского титула и стал называть себя гражданином Филиппом Эгалитэ (т. е. Филиппом по прозвищу Равенство); он вступил даже в члены якобинского клуба.

3) См. прим. к донесению № 43.

К донесению № 51.

1) Этот циркуляр приглашает состоятельных граждан подписаться в пользу родных, жен и детей защитников отечества. Всякое умышленное уклонение от этого, говорят представители народа, будет отдано на суд общественного мнения.

2) Это временные заместители епископов католической церкви по всем поручаемым им делам, кроме посвящения в священнический сан и некоторых других, особенно важных с католической точки зрения.

3) У данного донесения имеется приписка, где говорится об оживлении патриотизма в Неверской коммуне за последний месяц. Для примера предлагается печатный циркуляр этой коммуны от 20 апреля относительно ареста одного бывшего депутата за то, что он покинул свой пост в момент опасного положения отечества. Неверская коммуна заявляет, что она отпустит его лишь по приказу Конвента.

К донесению № 52.

1) Очень умеренных политических взглядов бывший депутат Учредительного Собрания; сторонник монархии.

2) Знаменитая мануфактура, до XVIII века находившаяся в частных руках под государственным контролем, а в XVIII в. перешедшая в собственность государства и ставшая до Революции одним из так называемых „королевских предприятий“.

3) Вале (Валлис)—швейцарский кантон на границе Монбланского департамента.

4) Один из старых высших чинов полиции, эмигрировавший в Швейцарию.

5) Партия женевцев, желавших присоединения их страны к Франции, основала в Женеве Народное Общество под названием „Клуб марсельцев“.

К донесению № 53.

1) Имеется в виду так называемая амальгама, т. е. сращивание в одно целое волонтерских отрядов и призванных по набору.

2) Этот документ до нас не дошел.

3) Народные представители намекают на письмо Кюстина прези-

денту Конвента из Виссембурга от 9 апреля 1793 года, прочитанное в заседании 12 числа: генерал требует в нем, в скрытой форме, неограниченных полномочий для спасения отечества.

К донесению № 54.

1) В конце этой посылаемой Комитету общественного спасения сводки наблюдений двух комиссаров над состоянием Северного фронта обещается незамедлительная присылка второй сводки наблюдений, в которой пойдет речь о снабжении армии вообще и, в особенности, о снабжении ее съестными припасами и фуражом, и будет сделана попытка проникнуть в дебри хищений и надувательства всякого рода в этой области. Будут указаны причины этих печальных явлений и средства для искоренения их.

Третья сводка наблюдений будет содержать ряд соображений об организации армии, о дисциплине и воинских преступлениях и обо всем касающемся обмундирования, вооружения и снаряжения как пехотных частей, так и кавалерийских.

К донесению № 56.

1) Это один из администраторов департамента Верхних Пиренеев, по профессии юрист, был депутатом от этого департамента в Законодательном Собрании. Никаких других биографических сведений о нем не дошло до нас.

2) Это ошибка: город Руффек тогда, как и теперь, составлял часть Шарантского департамента.

3) Пунктир в оригинале.

4) В тексте сказано, если переводить буквально: „национальная дорога“.

К донесению № 57.

1) Это одна из самых популярных песен Великой Революции; возникновение ее относится к 1790 г., когда парижский революционный народ готовил празднование годовщины взятия Бастилии; она является выражением массового революционного порыва того времени, сперва радостного, а потом грозного и мрачного, когда Революции стали угрожать ее внешние и внутренние враги. Тогда-то в этой песне появился грозный призыв: „аристократов на фонарь“.

К донесению № 58.

1) Федералисты—это жирондисты, которых якобинцы обвиняли в стремлении расчленить Францию на 83 самостоятельные республики (по числу департаментов) с весьма слабой их взаимной связью, как

это было тогда в Северо-Американских Соединенных Штатах, и что якобинцы считали гибелью для Французской Революции.

2) Эти документы относятся, по словам Олара, к письмам Верньо от 4 и 5 мая Обществу Друзей Свободы и Равенства в Бордо (т. е. местному якобинскому клубу). В первом из этих писем Верньо жаловался на молчание бордоских якобинцев в тот момент, когда депутатам Жиронды угрожала смерть. Во втором он призывал своих избирателей к себе на помощь в таких выражениях: „если меня к этому вынуждают, то призываю вас с трибуны прийти и защитить нас, пока не поздно, чтобы отомстить за свободу, чтобы искоренить таким способом тиранов (под которыми разумеются монтаньяры). Восстаньте, люди Жиронды! Конвент оказался слаб лишь потому, что он был покинут на произвол судьбы: поддержите его против угрожающих ему исступленных людей; вселите ужас в этих наших мариет, и я заранее предсказываю вам, что ничто не сможет сравниться с их трусостью, разве что их злодейство“.

Это письмо было прочитано в заседании бордоского клуба якобинцев 8 мая 1793 года одновременно с письмом члена Конвента Буайе-Фонфреда гражданину Дивьяку, которое проникнуто теми же идеями, что и письма Верньо, с тем добавлением, что секции Парижа начали перестрелку, и он, Фонфред, ожидал смерти на президентском кресле, которое он имел честь занимать. На другой день, 9 мая, бордоский муниципалитет экстренно созвал секции (т. е. районные собрания местных избирателей в Конвент); они приняли адрес Национальному Конвенту, который, как говорили, был редактирован Ласурсом и прислан в готовом виде из Парижа. В этом адресе жители Бордо выражали свое негодование по поводу угрозы смертью, раздававшихся в Париже по адресу их представителей, и заявляли, что они пойдут на столицу, если только с ними заранее не расправятся.

3) См. прим. к донесению № 45.

4) См. прим. 4-е к донесению № 40.

5) Виднейший английский политический деятель, парламентский вождь и министр, проводивший чрезвычайно воинственную политику в отношении революционной Франции.

К донесению № 59.

1) Бич—город в Лотарингии, в востоку от Меца.

2) Т. е. Свободный Саар; это революционное имя прежнего Саарлуи.

К донесению № 60.

1) В этом письме от 25 мая 1793 г. лионские власти доносили народным представителям о „государственном перевороте“, который готовились произвести в этом городе контр-революционеры.

2) Здесь имеется в виду Комитет общественного спасения в городе Лионе.

3) См. прим. 2 к этому же донесению.

К донесению № 62.

1) Эта гражданская карточка или свидетельство о благонадежности выдавалась по декрету Конвента от 12 марта 1793 года местными комитетами политического надзора на право жительства и свободного передвижения чужестранцам для данной местности. Когда эти комитеты политического надзора превратились в Революционные Комитеты на местах, они стали требовать и от всех местных граждан, чтобы они являлись в Революционный Комитет записаться такими карточками; не получившие их или те, кому в них было отказано, попадали в разряд подозрительных для Революции людей и рисковали своей головой. Эта мера стала повсеместно проводиться Революционными Комитетами к концу 1793 г., т. е. в разгар террора.

2) Пограничные местности между Дофинэ и Савойей.

3) Имеется в виду Комитет общественного спасения в Лионе.

К донесению № 63.

1) Департамент первый подал сигнал к восстанию против единой и нераздельной Французской Республики с революционным Парижем во главе вскоре после изгнания жирондинцев из Конвента.

2) См. донесение № 60.

3) В Жалеской равнине долгое время, с 1790 по 1792 год, была стоянка контр-революционных скопищ.

К донесению № 64.

1) Речь идет о бурных днях 31 мая—2 июня, когда виднейшие депутаты-жирондинцы были изгнаны из Конвента.

К донесению № 66.

1) Имеются в виду сторонники Бриссо, одного из виднейших лидеров жирондинской партии.

К донесению № 68.

1) По соображениям Олара, это письмо должно быть помечено 9 июня 1793 года.

2) Речь идет о мотивах свержения королевской власти, происшедшего, как известно, 10 августа 1792 года.

К донесению № 69.

1) Это письмо было прочитано Конвенту в заседании 14 июня 1793 г. среди чрезвычайного возбуждения. Госсюэн сказал: „Я замечаю, что, судя по характеру письма, повидимому, вынудили у Ромма добавление этого пост-скриптума“. Кутон возразил: „Вы ошибаетесь; Ромм остался бы свободен перед пушками всей Европы“.

К донесению № 71.

1) Это неудачный бой лярошельской армии с мятежниками близ Ниора, под стенами Фонтене, в котором трусость нескольких жандармов, не выполнивших боевого приказа, изменила уже намечавшийся благоприятный исход боя в пользу мятежников, вызвав панику в войсках Конвента, которая окончилась их бегством.

К донесению № 73.

1) Т. е. 1 сентября 1792 года, в дни наступления австрийцев и пруссаков на Париж.

К донесению № 74.

1) 2) Обозначающие пропуск точки находятся в оригинале.

К донесению № 76.

1) Речь идет о так называемом якобинском проекте конституции, который и был действительно принят Конвентом 6 июня 1793 года после изгнания жирондинцев и стал законом, носящим в истории название конституции 1793 года.

2) Имеется в виду изгнание жирондинцев из Конвента.

К донесению № 80.

1) Эта очевидно неполная фраза здесь, повидимому, обрывается в тексте.

К донесению № 81.

1) Виднейшие жирондинцы, особенно первый.

2) Один из видных лидеров жирондинской партии.

3) Т. е. Лейгонье и Беррюэ.

К донесению № 83.

1) Буквальное содержание этого письма финансового комитета народным представителям в Мозельской армии Жанвилью и Менье

следующее: „Париж, 20 июля 1793 г., II год Республики. Мы узнаем от Национального Казначейства, что вы передали в распоряжение гражданина Жигио заведующего продовольствием, сумму в 300.000 ливров звонкой монетой; нашим первым движением было предложить Национальному Конвенту аннулировать это постановление, но прежде чем сделать это, мы хотели узнать ваши мотивы и предложить вам самим отменить его. Будьте же столь добры дать нам разъяснения относительно вышеуказанного и приостановить, если есть еще время, этот платеж звонкой монетой, исключительно драгоценной для Национальной Казны. К тому же введение оплаты общественных расходов в звонкой монете могло бы погубить государство, которое не может больше ее достать. Подписали: Мальме, президент Реаль. секретарь; Н. Османн“.

К донесению № 84.

1) См. прим. к донесению № 45.

2) Так назывались при старом порядке во Франции представители центральной власти, посылавшиеся по провинциям для заведывания там полицейскими, судебными и финансовыми делами, отесняя на второй план старинных губернаторов и другие устаревшие должности и учреждения.

3) Далее в тексте идет перечисление судов: один 34-пушечный фрегат под названием „Весталка“, два брига вооруженных и несколько мелких одно-мачтовых судов, так называемых тартан.

4) Провансальская хороводная пляска.

5) Пункт на средиземно-морском побережье к западу от Ниццы.

6) В следующем разделе донесения идет речь об утверждении путем формального декрета гражданина Фрерона помощником и заместителем комиссара Конвента Барра, о чем ходатайствует сам Барра, чтобы не оказаться в безвыходном положении, оставаясь совершенно один во время столь ужасного кризиса.

К донесению № 85.

1) Довольно видный политический деятель, сторонник Марата.

К донесению № 86.

1) На полях оригинала донесения рукою члена Комитета общественного спасения Карно написано: „уведомить о получении этого письма, ответить, что заняты выработкой энергичных мер против марсельских мятежников; что жалоба на генерала Брюне будет проверена; рекомендовать им величайшую суровость по отношению к изменникам“.

К донесению № 87.

1) Под этим письмом не сохранилось подписей комиссаров, но, по мнению Олара, это очевидно Андре Дюмон и Лёбон.

К донесению № 88.

1) Не сохранилось никаких документальных данных насчет того, была ли миссия Фора официальной; известно лишь, что в половине августа Фор, будучи больным и отправляясь в отпуск в Гавр, предложил Комитету общественного спасения свои услуги в качестве добровольного комиссара Конвента.

К донесению № 89.

1) В этом донесении отсутствуют как указание на место отправки, так и подписи; что касается подписей, то, по мнению Олара, является несомненным, что донесение это исходит от Дюбуа-Крайсе и его коллег.

К донесению № 90.

1) См. прим. к донесению № 15.

К донесению № 91.

1) Так называлась во времена Великой Революции буржуазная золотая молодежь, легко поддававшаяся воздействию и обработке со стороны контр-революционеров.

К донесению № 92.

1) Речь идет о законе 4 мая 1793 года, фиксирующем максимум цен на зерно и на другие предметы первой необходимости.

2) Буассо—это мера сыпучих тел, приблизительно равная 13 литрам (т. е. 4 гарнцам).

К донесению № 94.

1) Пистоль—золотая монета в 10 франков.

К донесению № 96.

1) См. прим. 5 к донесению № 40.

2) Намек на бежавших жирондьеров.

3) См. прим. 1 к донесению № 58.

4) Комитет общественного спасения прислал из Парижа следующий ответ на это донесение Каррье:

„Рисуемая вами в письме от 15 сего месяца ужасная картина состояния бывшей Бретани слишком наводит на размышления, чтобы Комитет общественного спасения не принял к весьма серьезному рассмотрению все те детали, в которые вы входите. Продолжайте зорко и неуклонно следить за злоумышленниками, в особенности за этими разукрашенными трупами, за этим кровавым отродьем—фанатичными попами; очистите без промедления все зараженные гангреной административные органы; пусть меч закона прогуляется по головам всех преступников, и пусть ничто из того, что может стать вредным, не ускользнет от сурового взгляда (вашего) активного наблюдения. Комитет все время полагается на ваше неустранимое, несмотря ни на какие препятствия, рвение и на вашу полную преданность отечеству“.

К донесению № 97.

1) Этой прокламацией, имеющей дату: Орлеан, 22 сентября 1793 г. Лапланш предоставлял в действительности делегатам первичных собраний самые обширные полномочия не только в отношении действий по мобилизации, но также и в отношении административных, финансовых в полицейских мер, которые могли бы облегчить набор.

2) Манюэль, бывший член Конвента, в данный момент заключенный в тюрьму, как федералист.

3) Виднейшие жирондинцы.

4) Т. е. тюрьмы в помещении бывшего подворья монахов-миноритов в Орлеане.

5) Дело идет об узниках, задержанных в Орлеане, но переправленных в Версаль американцем Фурье и перебитых там 9 сентября 1793 года.

К донесению № 98.

1) В своем обращении к гражданам Ионнского департамента Мор убеждает произвести массовый набор рекрутов. Второй документ—это письмо комиссии (т. е. коллегии комиссаров Конвента), адресованное делегатам первичных собраний Ионнского департамента о предоставлении им неограниченных полномочий в целях производства массового набора, согласно закону 23 августа 1793 года, и для ареста подозрительных лиц.

К донесению № 99.

1) Т. е. постановления о создании департаментской вооруженной силы, предназначавшейся для похода на Париж.

К донесению № 100.

1) Первый из законов о максимуме цен.

2) Закон о массовом наборе граждан на военную службу.

К донесению № 101.

1) Данное донесение комиссара Тайфера намекает здесь на его предыдущее донесение, не дошедшее до нас.

2) Дело идет здесь о коммуне Сен-Жермен дю Бель-Эр, главном городе Лотского кантона.

3) Один из видных контр-революционеров Юга.

К донесению № 104.

1) Это—беспартийная и беспринципная часть депутатов Конвента шедшая то за Горой, то за Жирондой.

2) См. прим. 5 к донесению № 58.

К донесению № 105.

1) Комитет общественного спасения писал народным представителям в Альпийской армии перед Лионом:

„Национальный Конвент, граждане коллеги, с удовольствием взирает на ваше вступление в Лион; но его радость не могла быть полной, когда он увидел, что вы уступили первому же порыву вашей чувствительности, которая является чересчур неполитичной. Видимо, вы доверились тому народу, который льстит своим победителям, и та манера, с которой вы говорите о столь большом числе изменников, об их побеге, которому, можно думать, оказано было покровительство военной рукой, о наказании слишком малого их числа и об уходе почти всех остальных, должна была встревожить патриотов, негодующих при виде того, что столько злодеев ускользает сквозь (незагороженную) щель, направляясь в Лозерский департамент и главным образом на Тулон. Мы отнюдь не поздравляем вас с вашими успехами, пока вы не выполните весь ваш долг перед отечеством. Республики ведь требовательны; национальная признательность удел лишь тех, кто ее заслуживает в полной мере.“

Мы посылаем вам декрет, изданный Конвентом сегодня утром по докладу Комитета. Конвент согласовал решительность своих мероприятий с вашими первыми сообщениями (о взятии Лиона). Он всегда оправдывает в полной мере то, чего ожидают от него Республика и свобода.

Эро, Робеспьер.

P.S. В особенности не доверяйте вероломной политике мюскаден и лицемерных федералистов, водружающих знамя Республики, когда она готова их наказать, и продолжающих строить козни против нее, когда опасность миновала. Такова была тактика бордоских, марсельских и всех вообще южных контр-революционеров. Вот наиболее опасный

камень преткновения для нашей свободы. Первая обязанность представителей народа раскрыть ее и избежать. Нужно разоблачать изменников и разить их беспощадно: Эти усвоенные Национальным Конвентом принципы одни только и могут спасти отечество. Они также и ваши; следуйте им; повинуйтесь лишь вашей собственной энергии и заставляйте выполнять с неумолимой строгостью направляемые нами к вам спасительные декреты“.

Это письмо Комитета общественного спасения написано 12 октября 1793 года.

Приводим текст упомянутого выше знаменитого декрета Конвента, относящегося к миссии в Альпийской армии перед Лионом:

„Национальный Конвент, выслушав доклад Комитета общественного спасения (сделанного Барером), постановляет.

Ст. 1: будет назначена Национальным Конвентом, по представлению Комитета Общественного Спасения, чрезвычайная Коммиссия, составленная из 5 членов для незамедлительной кары по законам военного времени лионских контр-революционеров.

Ст. 2: все жители Лиона будут разоружены. Их оружие будет распределено сейчас же между защитниками Республики. Часть будет передана лионским патриотам, находившимся под гнетом богачей и контр-революционеров.

Ст. 3: город Лион будет разрушен. Все то, что служило жилищем для богачей, будет снесено. Останутся лишь дома бедных, жилища перебитых или приговоренных к смерти патриотов, здания, специально обслуживавшие промышленность, и сооружения, посвященные делу человеколюбия и народного образования.

Ст. 4: имя Лиона будет вычеркнуто из перечня городов Республики. Совокупность оставленных в целости домов будет впредь носить имя Вилль-Аффранши (т. е. Освобожденный Город).

Ст. 5: на развалинах Лиона будет воздвигнута колонна, которая будет свидетельствовать перед потомством о преступлениях и наказании роялистов этого города, с такой надписью: „Лион объявил войну Свободе, и Лиона более нет. В 18 день I мес. II года единой и нераздельной французской Республики (т. е. 9 октября, в день вступления революционной армии в Лион).

Ст. 6: представители народа назначат сейчас же комиссаров для составления перечня всех имуществ, принадлежавших богачам и контр-революционерам Лиона, чтобы Конвент мог немедленно установить способы выполнения декрета 12 сего июля, предназначившего эти имущества для вознаграждения патриотов“.

К донесению № 107.

1) Департамент несколько к западу от Лиона.

2) Здесь Кутон подшучивает над самим собой; известно, что у него параличом были отняты ноги.

К донесению № 109.

1) Здесь имеется в виду письмо Комитета общественного спасения Изабо представителю в армии Западных Пиренеев, и Талльену, народному представителю, командированному для производства мобилизации в департаменте Жиронды, следующего содержания:

„Мы адресуем вам, граждане коллеги. декрет, вызванный сдачей Лиона (т. е. тот именно декрет, который приведен полностью выше в прим. 1 к донесению № 105). Это пример для всех мятежных и федералистских городов, который должен послужить в ваших руках весьма могучим оружием, чтобы заставить Бордо подчиниться Республике. В особенности следите за тем, чтобы ошибка, совершенная представителями народа, которые слишком медленно вели осаду Лиона, не стала также и вашей. Мы откровенно признаемся вам, что вы проявляете слишком большую медлительность в ваших мероприятиях против Бордо. Наступил момент действовать, а не раздумывать вечно, когда вы имеете военные силы в вашем распоряжении и достойного нашего доверия генерала. Быстрое вступление во главе внушительной армии в более чем ненадежный город есть единственное средство закрепить его за Республикой и предупредить вечный страх, как бы не подвергнуться опасностям осады, раз вы не будете находиться в стенах Бордо. Пусть вашей первой операцией будет общее разоружение и чистка всего состава местной администрации. велите распубликовать декрет, относящийся к Лиону: сделайте одним словом все то, что должны внушить таким республиканцам, как вы, энергия, рвение и любовь к свободе.

С братским приветом

Колло д'Эрбуа, Бильо-Варенн.

P.S. Заставьте строго и быстро наказать изменников и роялистов, в особенности организаторов жирондических и контр-революционных интриг и их главных агентов; не доверяйтесь тем признакам патриотизма, которыми они прикрываются по примеру изменников Конвента, их руководителей, служащих им образцом. Вы сможете собрать Республику, лишь вычистив это пристанище контр-революции и лицемерия, которые ей все время угрожают на Юге“.

(Этот пост-скриптум написан рукою Робеспьера, а самое письмо рукою Бильо-Варенна).

2) Один из видных бордоских контр-революционеров.

К донесению № 114.

1) Откуда отправлено это донесение, не обозначено.

2) Парижская тюрьма. Дебуа член Законодательного Собрания. конституционный епископ Соммы.

3) Т. е. коллегия комиссаров Конвента.

4) Здесь дело идет об изъятии из ликвидируемых церковью статуй святых и прочей церковной утвари.

⁵⁾ На ряду с этими эффектными успехами дехристианизации Франции, т. е. уничтожения всякого публичного отправления католического и вообще христианского культа, были и единичные случаи сопротивления декретам о дехристианизации. У Олара в его собрании актов Комитета общественного спасения приводится письмо комиссара Конвента Годфруа Комитету общественного спасения, в котором этот народный представитель на Курталевской фабрике бумаги для денежных знаков (помечено 14 ноября 1793 года) как раз и говорит об одном из таких случаев буквально следующее:

„В Курталеве только что имел место вооруженное собрание значительных размеров; эти люди требуют открытия и восстановления церкви; я обещал им препроводить к вам их просьбу. Наконец они успокоились, но хотят, чтобы их требование было удовлетворено. Они жалуются, что им во всякий момент угрожают произвольные аресты. все это, возможно, проделки интриганов, чтобы досадить народу. Так глядите же, какие вам следует принять меры против этого. В окрестностях Куломье восстание в полном разгаре. Пошлите в эти края осторожных и твердых комиссаров, чтобы я мог вернуться к своим обязанностям на Курталевской бумажной фабрике, работа которой нередко испытывает перебои, хотя она и крайне необходима для питания Национального Казначейства.

Думаю, что трудно будет восстановить спокойствие без открытия церквей, которые, видимо, были закрыты с излишней поспешностью и без всякого согласия народа.

Казалось бы необходимым декретировать, что церковные ценности будут сложены в Национальном Казначействе, но что церкви будут открыты, и что благонадежные священники, которых вынудили покинуть их службу, вновь могут вернуться к ней.

Как кажется, во всех этих актах применялось большое насилие.

Наконец я предоставляю вашей мудрости судить о тех мерах, которые надлежит принять по представляемым мною вам соображениям. Комиссары и военная сила для восстановления доброго порядка, вот что необходимо; мар Куломье писал по этому поводу парижскому мэру.

Новый календарь также вызвал много волнений и недовольства; он заставляет говорить об уничтожении праздников. Я дал народу разъяснение насчет всего этого.

К донесению № 115.

¹⁾ Видимо, дело идет об одном из известных массовых потоплений контр-революционеров в реке Луаре, применявшихся комиссарами Конвента, в частности Каррье.

К донесению № 116.

¹⁾ Бич—см. прим. 1 к № 59.

²⁾ Это—эмигрант Брюне де Телен.